

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83

3

Москва
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83 № 3

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 Г.

МОСКВА
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгачев* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 83 Issue 3

July–August–September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2023

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910018739-5

АСПЕКТЫ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ БЕССМЕРТИЯ В ПОЗДНЕЕГИПЕТСКОЙ РЕЛИГИИ

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

Данная часть исследования египетской эсхатологической фразеологии содержит лексикографический и контекстуальный комментарий к эпитету Хора Бехдетского *n mrh=f* «бессмертный» (Dendara IX, 152.15) и имеет цель выявить истоки теологической категории бессмертия в позднеегипетской религии. Эпитет *n mrh=f* «бессмертный» произведен от отрицательного обстоятельственного предложения с инфинитивом *n mrh* «непрерывно» / «не истлевающая», которое рассматривается в двух аспектах: 1) *n mrh* «непрерывный» как характеристика а) непрерывного процесса или б) повторения события в циклическом режиме; 2) *n mrh* «нетленный» как отрицание физического уничтожения тела или души покойного. Эпитет *n mrh=f* «бессмертный» эквивалентен форме *jwtyw mrh* «беспрерывный», и в нем бессмертие божества характеризуется через отрицание хронологического аспекта бытия бога. Теологическое доказательство постоянства бога апофатическим методом инвертировало мифологические описания, противопоставив субстанцию бога как остановившееся время гибельному процессу вечности.

Ключевые слова: позднеегипетская религия, древнеегипетская эсхатология, мифология бога Хора, Дендара

ASPECTS OF THE THEOLOGICAL CATEGORY OF IMMORTALITY IN EGYPTIAN RELIGION OF THE PTOLEMAIC AND ROMAN PERIODS

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН.

Статья начата в начале сентября 2020 г., отправлена в редакцию ВДИ 21.02.2022. Автор выражает глубокую признательность Д. О. Сычеву и А. А. Ильину-Томичу, оказавшим ему неоценимую помощь в ходе работы над статьей.

This part of the study on Egyptian eschatological phraseology contains a lexicographic and contextual commentary on the epithet of Horus of Behdet *n mrh=f* 'immortal' (Dendara IX, 152.15) and aims to reveal the origins of the theological category of immortality in Late Egyptian religion. The epithet *n mrh=f* 'immortal' is derived from a negative circumstantial sentence with the infinitive *n mrh* 'uninterrupted' / 'without decay', which is considered in two aspects: 1. *n mrh* 'uninterrupted' as a characteristic of a) a continuous process or b) a repetition of an event in cyclic mode; 2. *n mrh* 'imperishable' as a denial of the physical destruction of the corpse or soul of the deceased. The epithet *n mrh=f* 'immortal' is equivalent to the form *jwtj mrh* 'uninterrupted', and the immortality of the deity is characterized in it through the denial of the chronological aspect of the god's existence. The theological proof of the permanence of the god through the apophatic method inverted the mythological descriptions, opposing the divine substance as a stopped time to the disastrous process of eternity.

Keywords: Late Egyptian religion, Ancient Egyptian eschatology, mythology of Horus, Dendara

Мое исследование позднеегипетской эсхатологии началось с обзора источников об эпитете *h3t ntrw hpr hr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии»¹. В этой антитезе ярко выражена идея совпадения момента конца времени с моментом появления богов, и она воплощена в образе Хора как бога-абсолюта.

Одним из ключевых источников по данной проблеме является текст Dendara IX, 152.14–15², который содержит четыре эпитета Хора Бехдетского, разделяющихся на две антитезы:

sw m h3t ntrw hpr hr-s3 km nhh n mrh=f «он — начало богов, возникающий впоследствии, конец вечности, бессмертный».

Вторая антитеза *km nhh n mrh=f* «конец вечности, бессмертный» стала предметом отдельного исследования как уникальное сочетание теологических категорий, характеризующих отношение бога ко времени и смерти. Его первая часть содержит лексикографический и контекстуальный обзор источников об эпитете *km nhh* «конец вечности»³. Представленное здесь продолжение этой работы содержит лексикографический анализ свидетельств об отрицательном сочетании *n mrh* прежде всего в заупокойных сочинениях, а также в риторических и теологических текстах I тыс. до н.э. — первых веков н.э.

1. ПОЛИСЕМИЯ ГЛАГОЛА *mrh* И ДВА АСПЕКТА СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕССМЕРТИЕ»

Глагол *mrh* как таковой употреблялся в двух значениях⁴: а) «портиться, разлагаться, истлевать» (о мумии) и б) «прерываться». Во многих текстах отрицательное обстоятельственное предложение⁵ *n mrh* «непрерывно, не прерываясь, не истле-

¹ Bogdanov 2022, 5–31.

² Датируется временем правления Клеопатры VII Филопатора. Схематический набросок сцены: Dendara IX, pl. 879.

³ Bogdanov 2023, 257–273.

⁴ Wb. II, 111.17–18 и 19–20.

⁵ Jansen-Winkel 1996, 364–365, § 591b: *n mrh* является отрицательным обстоятельственным предложением с инфинитивом; далее я иногда называю подобные

вая» встречается в сочетаниях с близкими по значению или вовсе синонимичными фразами *n skj* «не исчезаая, не погибая, не прекращаясь», *n fdk* «безраздельно», *n mrh* «непрерывно», *n dr* «безупречно», *n ws* «без пробела», *n wšr* «не иссякая, не высыхая», *n 3b* «без задержки», *n htm* «не погибая», и др. В определении лексического ядра перечисленных сочетаний много тонкостей, и они требуют серьезного анализа. Действительно, лексикографический метод должен выявить и разницу в их значениях, и точки соприкосновения смыслов, чтобы понять, насколько важен был выбор того или иного отрицания в процессе формирования апофатической терминологии, характеризующей бессмертие бога. Предварительно можно отметить, что большинство из них отрицают непостоянство и неравномерность действия или же ущербность объекта. Действует простая закономерность: как правило, глагол с отрицанием *n mrh* «не прерываться / не истлевать», его дериваты и парные синонимические комбинации с ними употребляются: а) в физическом аспекте, когда отрицается разрушение, уничтожение, разложение и гибель тела или любого иного объекта; когда же речь идет о процедуре или событии, включается б) хронологический аспект, отражающий непрерывность или бесконечность процесса, любого действия. Это деление условно, поскольку в человеческом сознании оттенки значения отрицательного сочетания *n mrh* «не прерываться / не истлевать» были почти неощутимы, особенно в сравнениях бесконечного процесса с нетленным телом, и наоборот. Тем не менее именно благодаря им можно выделить некоторые закономерности, конкретизирующие два аспекта египетского концепта «бессмертия» на примере отрицания *n mrh*: а) «нетленность» или абсолютная физическая сохранность объекта, когда он не подвластен внутренним изменениям, и б) «непрерывность», или состояние, в котором объект не зависит от времени, т.е. не подвержен внешним воздействиям. Еще сильнее эти принципы выражены в двух оттенках отрицания *n skj*: а) «не погибать», что соответствует физическому бессмертию объекта, и б) «не прекращаться», характеризующее его вечность. Оба отрицания чаще всего выступают в связке *n skj n mrh* «не прекращаясь и не прерываясь / не исчезаая и не истлевая» для характеристики состояния объекта или события как в хронологическом, так и в физическом аспектах.

Подробный анализ источников позволяет представить картину многослойной полисемии сочетания *n mrh* как одной из главных теологических формул, отрицающих жизненные пределы, смерть и тлен.

2. НЕПРЕРЫВНОЕ ВРЕМЯ И ПЕРИОДИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Выделяется два контрарных значения сочетания *n mrh* «быть непрерывным» применительно к состоянию события в процессе: а) постоянное действие; б) его повторение в установленном режиме.

В разделе *P. Berlin* P. 3049 времен XXII династии содержатся пожелание вечной жизни фараону и комментарий к нему, в котором как непрерывный процесс характеризуется само время⁶:

сочетания конвербами (например, в ряде контекстов *n mrh* «не прерываясь, непрерывно» расценивается как деепричастие).

⁶ *P. Berlin* P. 3049, VI.5–7: Gülden 2001, 37.

... *wnn=f pw n nhh n skj 3w(t)-jb=f hntj k3=f n dt z3 r^c pr-^{c3} hntj pw wnn=f nn mrh* «... это значит, что его существование будет вечным, не пропадут никогда его радость и его надежда — сына Ра, фараона; это означает срок, который будет непрерывным»⁷.

В данном случае псевдопричастие *nn mrh* передает непрерывность времени правления (*hntj*) царя, гарантируемую вечностью его существования во вселенной, а не наоборот.

Для характеристики вечности и постоянства определенного процесса применялась универсальная формула *n skj n mrh (dt)* «не прекращаясь и не прерываясь (никогда)», известная из поздних текстов. Она встречается, в частности, в правовых надписях о наследовании имущества⁸, в распоряжениях о порядке поступления жертв, проведения праздников, ритуалов и т.п.⁹, в молитвах и восхвалениях богов¹⁰. Общие принципы употребления сложной формулы постоянства *n skj n mrh (dt)* «не прекращаясь и не прерываясь (никогда)» таковы: отрицание *n mrh* в хронологическом аспекте выражает именно непрерывность процесса, движение без остановок и пробелов, а *n skj* — его бесконечность, невозможность отмены действия.

⁷ Примерно так же понимает фразу Гаэль Шантрэн: «Le fils de Rê, Pharaon, son existence est une (longue) période, sans altération» (Chantrain 2020, 265). Ср. перевод С. Гюльден (Gülden 2001, 38): «Die lange Zeit ist es, während der er existiert, ohne zu vergehen» (качество «непрерывности» времени перенесено на само тело фараона, которое оказывается «нетленным»; такая трактовка возможна примерно в той же степени, что и первая, хотя в этом случае *wnn=f nn mrh* оказывается относительной формой и требует, пожалуй, дополнения *jm=f* «когда»).

⁸ Об этом свидетельствуют частные надписи, например: 1) Статуя Baltimore, Walters Art Gallery 22.175 = Cachette de Karnak (СК 389): *z3=f hr-s3=f m w^c z3 w^c n skj n mrh dt* «за ним его сын, (а дальше) от сына к сыну, никогда не прекращаясь и не прерываясь» (*JWIS* IV.2, 1048 (539); см. также Leroux 2018, 94. Датировка: XXVI династия). 2) Стела Louvre IM 4198: *n skj n mrh m z3 hr st jt=f* «не прекращаясь и не прерываясь, как сын на месте своего отца» (Vercoutter 1958, 333, fig. 1, Taf. 31; URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010075052>; дата обращения: 11.07.2023. Серапеум. Датировка: XXVII династия). 3) Статуя Эрмитаж 2963, B5: *msw msw=sn w^c ... n skj n mrh r [dt]* «дети его детей (и дальше), ... никогда не прекращаясь и не прерываясь» (Panov 2011, 88, pl. 1. Атрибис. Датировка: XXX династия).

⁹ *Wb.* II, 111.19–20; Wilson 1997, 443; Dendara IV, 171.5; XV, 187.12–13; XIII, 78.11–12 (*n skj n fdk n mrh r nhh zp-sn dt zp-sn* «беспрестанно, безраздельно, непрерывно, навеки! навсегда!»); XIV, 213.2–4; Edfou VI, 69.7, 73.2 (о дозоре в охране Святилища Хора-сокола); 103.6, 173.10 (о службе богам: *n skj n k3t=sn n dt n mrh n wnw=sn* «никогда не прекратится работа (на) них и урочная служба им не прервется»); 300.8, 325.4–5, 347.5; Philae III, 70.17 (Kockelmann, Winter 2016, I, 168; II, Taf. 76; Leroux 2018, 112, 244, 246, n. ab), 350; Kühnemund 2021, II, 626). Наиболее ранний источник о совмещенной формуле *n skj n mrh* «не прекращаясь и не прерываясь», вероятно, — Стела удочерения Нитокрис, стк. 30 (Cairo JdE 36327: *JWIS* IV.1, 19 (28). Датировка: *psmtk* I). Множество вариантов отрицательных сочетаний с другими глаголами в сходных контекстах: *n fdk*, *n 3b*, *n ws* и др. — здесь не рассматриваются.

¹⁰ Dendara VI, 7.8–8.1; 152.4.

Со времен XXI–XXII династий одиночное отрицательное сочетание *n(n) mrḥ* в значении «не прерываясь» встречается в разнообразных надписях, посвященных исполнению культовых обязанностей, например¹¹:

В надписи *ns-hmnjw*¹²:

... *mj jrj=sn n jt=sn nn mrḥ dt nhḥ* «...подобно тому, как вы делаете для своих отцов, непрерывно, во веки веков».

На стеле *jḥ-ms*¹³:

jw z3 n z3 mn m pr=k n mrḥ dt=f «да пребудет сын сына в твоём доме, да не прервется его вечность»¹⁴.

В надписи жреца *nḥt=f-mwt* (A) / *dd-dḥwtj-jw=f-ḥnh* (B)¹⁵:

wḥb n=f n mrḥ ḥnk n=f m3ḥ rḥ nb «тот, кто бесперебойно служит для него (т.е. Амуна) жрецом, тот, кто ежедневно жертвует ему Маат».

В этом тексте обстоятельство *n mrḥ* «бесперебойно», похоже, имеет дополнительный, качественный оттенок — «безупречно».

В рапорте жреца *dd-b3stt-jw=f-ḥnh* о своей службе богу Амуну¹⁶:

ḥpr.n wḏ.n=k jm=j dr hn=k n=j m ḥ3t jrjw n mrḥ.n ddt=k «то, что ты приказал, воплощалось во мне (или: случалось со мной) с тех пор, как ты дал мне указания (букв. кивнул) в самом начале; то, что ты изрек, не прерывается».

Бесспорно, речь идет о программе ритуала, изложенной Амуну, которую жрец неукоснительно исполнял в течение всего периода; вместе с тем, качественная оценка действия проскальзывает и в этом отчете¹⁷, т.е. непрерывный процесс рассматривается как безукоризненно исполняемая функция.

Есть ряд контекстов, в которых отрицательными формулами подтверждается только повторение действия в установленном режиме: само событие не длится вечно, а происходит циклически в точно установленное время. Отрицание *n mrḥ* «бесперебойно» используется для характеристики периодически свершающегося события только в Dendara IV, 151.11–13¹⁸:

¹¹ В тех же контекстах употреблялись и другие отрицания в значениях «непрерывно, без задержки, не прекращаясь»: Derchain-Urtel 1989, 154–155.

¹² Кубоид Cairo JdE 37128, фронт, стк. 12–14: Jansen-Winkel 2001, I, 115; II, 381, Taf. 45. Датировка: ранние Птолемеи.

¹³ Cairo CG 22070, стк. 8: Kamal 1904–1905, I, 65, II, pl. 22. Датировка: ранние Птолемеи.

¹⁴ Понятие *dt=f* «его вечность» означает заупокойный культ предков и его имущество, если дополнение «его» к обычному «навсегда» в конце не ошибка.

¹⁵ Статуя Cairo CG 42206, контрфронт постамента, стк. 7: *JWIS* II, 146. Датировка: Осоркон II.

¹⁶ Кубоид Cairo JdE 37527, фронт, стк. 1(4): *JWIS* II, 65. Датировка: Осоркон I.

¹⁷ О безупречности речей и замыслов бога ср. эпитет Амуна в декрете Т. Cairo JdE 46891, стк. 4: *drj ḥr.tw wr wḏd n mrḥ.n shr jrj.n=f* «его предсказания надежны, его распоряжения величественны, выполняемые им задачи безупречны» (*JWIS* I, 122). Датировка: первосвященник Амуна *p3j-ndm* II (правление фараона Сиамуна). К значению *ḥr.tw* «оракул» см. *Wb.* III, 318.5–8.

¹⁸ Обычно *n mrḥ* в этом тексте переводят как «не переставая»; ср. Rickert 2019, I, 357: «ohne Unterlass»; иначе: Tattko 2019, 271: «unaufhörlich» («непрерывно»). Французский перевод нейтрален: «sans cesse» (ср. Cauville 2020, 84).

sb3 n skdt r st hb tpj jn nbwt nbt jwnt hn^c psdt=s r hnm jtn n(j) jt=s m nnt tp-rnpt zp-sn n mrh «врата шествия Золотой богини, владычицы Дендары, и ее Эннеады к месту первого праздника¹⁹, для того, чтобы соединиться с солнечной сферой ее отца в небе, на новый год, каждый год, непрерывно».

В этом описании вечного путешествия Хатор для торжественного слияния с Атоном конверб *n mrh* «беспрерывно» характеризует не текучесть события, а его бесконечное повторение в одно и то же время, на каждый праздник Нового года.

В подобных описаниях ежегодных событий, повторяющихся в определенный сезон, вместо *n mrh* употребляется *n 3b* «без задержки», например²⁰:

rdj=j jj n=k h^cpj r tr=f tp-rnpt rnpt n 3b «я сделаю так, чтобы нильское половодье происходило для тебя в его срок, на новый год, (каждый) год, без задержки».

Хронологическая формулировка *r tr(=f) tp-rnpt (zp-sn) n 3b* «в (свой) срок, на новый год, (каждый год) без задержки», где сочетание *zp-sn* «повторно» заменяет слово *rnpt* «(каждый) год», является пространным вариантом формулы сообщений о половодье как сезонном явлении²¹, с отрицанием *n 3b* «без задержки». Обычно *n 3b / n jrt 3b* и *n mrh* переводят одинаково: «ohne Unterlaß / unaufhörlich», «sans cesse», хотя действительность, оказывается, немного сложнее. В переводах сообщений о половодье для *n 3b* и *n mrh* обычно не делают разницы между значениями «без задержки» и «без перерыва». Например, в компендиуме переводов текстов Эдфу для формулировки *h^cpj m wr r tr=f tp-rnpt n 3b* «половодье будет большим в его срок, на новый год, без задержки» (Edfou VI, 3.14) дается перевод «eine Nilflut ..., die groß zu ihrer Zeit ist, am Anfang des Jahres, unaufhörlich»²², а для фразы *<h^cpj> wr.tj r nw=f n 3b.n nmmt=f tp-rnpt* «<половодье> увеличится в его срок, а его движение будет неудержимым на новый год» (Edfou VI, 3.3) — более точный: «<Nilflut> ..., die groß ist zu ihrer Zeit, ohne daß sie zum Jahresanfang in ihrem Lauf aufgehalten wird»²³, хотя в обоих случаях речь идет именно о разливе точно в срок, «без задержки», а не о циклическом постоянстве этого природного явления. Фраза в Edfou VI, 3.3 содержит пояснение *n 3b.n nmmt=f* «его движение неудержимо», где отрицание *n 3b.n* «не задерживаться» (в форме *n sdm.n=f*) соответствует *n h^c.n* «не останавливаться» в Edfou VI, 254.10: *rdj=j n=k h^cpj wr tp-rnpt n h^c.n nmmt=f r sw=f* «я сделаю для тебя так, что половодье будет большим на новый год, а его движение будет безостановочным согласно его режиму». Интертекстуальные совпадения с данной фразой присутствуют также в Edfou V, 388.12; VIII, 24.16 (опять

¹⁹ *hb tpj* «первый праздник» — сельскохозяйственный (подвижный) Новый год, его дата колебалась между 30. Месоре и 4. Тот, в идеале он приходился на день 1. Тот (Rickert 2019, I, 52–53).

²⁰ Edfou VII, 59.9; 115.8–9; ср. переводы Cauville 1983, 158: «Je fais que vienne à toi le Nil en son temps, chaque année, sans cesse»; Kurth 2004, 100, 205: «Ich lasse die Nilflut in ihrer Zeit zu dir kommen am Anfang eines jeden Jahres, ohne Unterlaß».

²¹ Стандартное выражение *tp-rnpt n 3b* «на новый год, без задержки»: Dendara I, 68.14; II, 145.2, 202.4–5; IV, 31.12; 127.4–5, 133.3, 206.5; VII, 36.8, 147.9, 185.4; VIII, 85.2; X, 219.8; XIV, 22.7–8, 94.5; Dendara, Temple d'Isis, 145.17, 202.10, 348.3; Deir Chelouit III, 151.7; Medinet Habu, South Interior, 4c (Klotz 2012, 348–349); и др.

²² Kurth 2014, 4.

²³ Kurth 2014, 3.

с глаголом *ʕr*) и в Edfou VIII, 32.10 с уникальным глаголом *jnn*: *n jnn.n nmtt=f r sw=f* «его движение будет необратимым согласно его режиму»²⁴.

Эта трактовка *n 3b* «без задержки» подтверждается его сочетаниями с сущ. *nw* «время». В эпитетах *jj r nw=f n 3b* «появляющийся в свое время без задержки»²⁵ и *rnp(j) r nw=f n 3b* «омолаживающийся в свое время без задержки»²⁶ конверб *n 3b* отрицает не сбой в цикле и не перерывы в процессе, а его замедление. То же касается и эпитета *jj m rnpj r tr=f n 3b* «омолаживающийся в свое время без задержки»²⁷. В этих примерах аспект «постоянства» или «непрерывности» описываемого события, вероятно, уступает место такому аспекту времени, как «точность»²⁸, и это исключение касается лишь сочетаний с отрицанием *n 3b* «непрерывно/без задержки» ввиду специфического значения глагола *3b*²⁹. Кроме того, эти примеры лишний раз свидетельствуют, что интертекстуальность формулировок не является залогом идентичности в деталях сходных отрицательных определений. В пассаже Dendara IV, 151.11–13, вероятно, просто заимствована форма такого рода описаний природных явлений, свершающихся в четком режиме, без пауз, однако вместо отрицания опоздания *n 3b* в процессе здесь употреблено отрицание перерыва *n mrh*, типичное для описаний нециклического постоянства этого процесса.

3. О НЕТЛЕННОСТИ ПЛОТИ

Отрицание *n mrh* используется в формулировках, гарантирующих нетленность трупa, особенно часто в произведениях поздней заупокойной литературы.

²⁴ Иначе: Kurth 1998, 63; ср. глагол *jnn* «повернуть вспять», известный преимущественно из Текстов пирамид: *Wb.* I, 97.7–9; а также каузатив *snj* «ждать»: *Wb.* IV, 38.4–8.

²⁵ Эпитеты разных богов: *LGG* I, 121. См. также Hibis 31.28–29: *hr jj r nw=f nn 3b m ʕ=f* «появляясь в свое время, без задержки в своем движении» (Klotz 2006, 60, 195, 305, pl. 17). К ним есть параллели с сущ. *nw* «время» и отрицанием *nn hphr/hpp* «без задержки»: а) о появлении Осириса в определенный момент, символизирующем обновление Луны: *k=k mj jtm r nw=f nn hphr* «тыходишь, словно Атум, в свое время, без задержки» (*P. Bremner-Rhind*, 11.1: Faulkner 1933, 20), *jj r nw=f nn hphr/hpp* «незамедлительно появляющийся в свое время» (*P. Berlin* P. 3057, 7.30: Backes 2016, I, 277–278; II, 1120–1121, Taf. 18–18a; *P. BM EA* 10252, 32.23: Gill 2019, I, 378; II, 1024); б) о Ниле: *jj r nw=f n hpp nmtt m tpht* «появляющийся в свое время, не сдерживая своего движения из пещеры» (Dendara V, 100.1–2). В похожем эпитете Хнума-Ра — *jj m nw n skj* «появляющийся вовремя без конца» (Esna III, 394.27–28), напротив, отражено постоянство исполнения события — приход бога как Нуна, омолаживающего природу. Однако грамматика этой фразы не бесспорна (ср. Leitz 2001, 269).

²⁶ Edfou I, 525.10; Athribis VI, 329.4 (I, 329; II, Taf. 253). Ср. эпитет Осириса-Бухиса, где отрицанием *n ws* «беспрерывно» подчеркивается бесконечное повторение одной жизненной фазы — воскрешения бога, под которой опять же разумеется новолуние: *hk3 n(j) jgrt r3-hrj n(j) h3wt špswt rnpj r tr=f n ws* «правитель преисподней, верховный начальник вельможных трупов, беспрерывно обновляющийся в свое время» (Deir Cheulout III, 138.12. Датировка: Адриан).

²⁷ Esna II, 191.17. Датировка: Домициан.

²⁸ См. также Dendara XIV, 96.8 (о нильском половодье): *jj r nw=f n mtj* «приходящий точно в свое время».

²⁹ *Wb.* I, 6.2–8; Wilson 1997, 4.

Например, в Книге о допуске в некрополь и экскурсии (*wnšnš*) по залу двух истин (*P. Cairo CG 58009, IV.13 = P. Cairo CG 58012, 8–9*) утверждается³⁰:

n ptp t wtw=k n mrḥ. n dt=k (r) dt «не будут растоптаны твои пелены, не истлеет твоё тело никогда».

В Книге прохождения вечности (по *P. Leiden T 32, VIII.9–10*, с учетом вариантов *P. Vatican Inv. 38570, 4.13, P. Berlin P. 3155, 2.2–3, P. Parma 183, rto, 1.19–20*³¹) нетленность трупа гарантируется надежностью погребения³²: *zm3(t)-t3=k nfr.tj dd=s hr/m ksw=k w3h=s hr/tp jwf=k nn mrḥ* «твое погребение да будет совершенным, оно будет вечно хранить твои кости и укрывать твою плоть, (чтобы она оставалась) нетленной».

Здесь отрицание *nn mrḥ* встроено в повествовательный контекст и представлено псевдопричастием³³. Схожий прием использован в надписи Médamoud 213³⁴: [...] *jdt nt nwt hr ḥnhw=s r sḥnh jr w=k nn mrḥ* «[...] роса богини Нут на ее зерне, чтобы оживить твой образ, (чтобы он оставался) нетленным». Небесная роса выпадала на растущих злаках зимой – так богиня Нут способствовала росту колосьев, символизировавшему воскресение из мертвых и явление из-под земли Осириса³⁵.

3.1. *n(n) mrḥ* «не разлагаясь» > «не прерываясь»

В некоторых текстах I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. отрицание *n mrḥ* и синонимичные ему констатируют бесконечное существование объекта во времени, подчас смешивая нетленность физического тела с вечностью процесса: «не разлагаясь» >

³⁰ Golénischeff 1927, 51, 60, pl. 10, 12. Это сочинение является одной из вариаций I и II Книги дыхания. Датировка: II в. н.э. О традиции этой серии фразеологизмов: Herbin 2008, 124; см. также Smith 2009, 532.

³¹ Botti 1964, 58, Tav. 14 (107); см. также Smith 2009, 539.

³² Herbin 1994, 70, 255, 485. Датировка: I–II в. н.э. См. также Smith 2009, 429: «It will endure above your flesh without decay»; ср. параллели во II Книге дыхания: Herbin 2008, 153 (*P. Louvre E3865, 6.7–8*, не издан) и заимствование из этой книги в демотическом *P. Paris BN149, 1.10* (с реконструкцией: Stadler 2003, 28, 47–48, 182; ср. Smith 2009, 445). Датировка: 63 г. н.э. (Нерон).

³³ Сочетание *tm/nn* с псевдопричастием *mrḥ* для характеристики состояния или объекта подчас имеет значение «безупречный», например: 1) [*jn jw mrj=tj n j3w w3h tm mrḥ m-lm n njwt=f*] «[разве вы не хотите] долгой и безмятежной старости в его городе?» (Edfou V, 344.5–6; Leroux 2018, 110, 112, 341–342, 385–386 (вариант *ḥw k3j tm sk* «долгая и безмятежная жизнь» используется в параллельном тексте Edfou V, 392.13–14; Leroux 2018, 90, 92, 341, 285); см. также: Kurth 2019, 658; Kühnemund 2021, II, 620). Датировка: Птолемей XII Неос Дионис. 2) *z3tw=k dd nn mrḥ hm skj mj st3jt hr jmjw=s* «твое основание надежно, безупречно и не подвержено разрушению, словно (основание) ковчега с его содержимым» (Книга прохождения вечности, *P. Leiden T 32, VII.23*; Herbin 1994, 68–69, 245, 475; см. также: Smith 2009, 427). Датировка: I в. н.э. См. также Dendara XIII, 85.8–9 (о нерушимости и безупречности единства двух номов); Edfou VI, 174.5. В этом отрицании глагол *mrḥ* значит «превращаться в прах»; он употреблялся, как правило, в отношении построек и предметов со времен Нового царства (*Wb. II, 111.14–16*. Самые ранние свидетельства: стела Berlin 1634 и эстампажи стел Genève MАН A 2010–9–02 и A 2010–9–03 (Urk. IV, 832.16; Collombert 2008–2010, 6–9, fig. 1–3; Dietze 2020, 37–40, Abb. 28–30). Гелиополь. Все стелы с декретами в честь Ра-Хорахти и Атума поставлены одновременно, в 47-й год царствования фараона *dhwtj-msj* III).

³⁴ Drioton 1926, 98 (213). Датировка: Траян.

³⁵ Leitz 2017, I, 466.

«не прерываясь». Переход «нетленности» в «непрерывность» в значениях отрицания *nn mrh* как прием используется довольно часто в ритуальных повествованиях о мумиях. Это явление лучше всего пронаблюдать по примерам со сложным сочетанием *n skj n mrh* «не исчезая и не разлагаясь / бессмертный и нетленный».

Смешанное значение сочетания *nn skj nn mrh* отмечено в двух формулировках из разных произведений поздней заупокойной литературы, имеющих черты интертекстуального сходства:

1) Отрицание *n mrh* «не разлагаться» в форме *n sdm=f* употребляется в пространном варианте главы BD89, повествующей в возвращении души (*b3*) в мумию³⁶:

m33=f h3t=f htp=f hr s'h=f n skj=f n mrh=f n htm=f r dt dt «чтобы она видела свой труп, чтобы она упокоилась в своей мумии, которая не погибнет, не истлеет, чья плоть не разложится никогда».

Мотив нетленности мумии *s'h* звучит и в обращении Прекрасной богини Запада на саркофаге *p3-nhm-st: n'h r nhh n mrh.n s'h=k hntj ntrw dt* «живи вечно, чтобы твоя мумия среди богов не истлела никогда!»³⁷.

2) В сходном контексте Книги прохождения вечности пребывание души в нетленной мумии заменено на вечное пребывание покойного среди вельмож Осириса, который назван *nb n'h* «владыкой жизни» (по версии *P. Leiden* T 32, VIII.1)³⁸:

iw=k m-hntj s'hw=f dt nn skj nn mrh «ты будешь среди его вельмож вечно, бесконечно и непрерывно».

Титул *s'h* «вельможа» и сакральный термин *s'h* «мумия» не только омонимичны, но и взаимосвязаны по содержанию, поэтому нетленность «мумии» и вечное пребывание покойного «среди вельмож» Осириса описываются в приведенных текстах одинаковыми выражениями.

В некоторых эпитафиях место «мумии» *s'h* занимает сама «душа» *b3* — эта сущность человека живет в статуе, поставленной в божьем храме и посему реально пребывает в свите бога, словно его вельможа. В частности, в обращении князя *nfr-jb-r-nfr (hr-jr-3)* к богу специально подчеркивается, что его душе лучше жить в свите при его святилище, чем вообще исчезать с земли, так как переселение души в преисподнюю считалось равнозначным смерти³⁹:

dj=k b3=j m ht=k n n'h r nhh n mrhw m t3 dt «сделай так, чтобы моя душа в твоей свите жила вечно, никогда не истлевая на земле».

В эпитафии на стеле *p(3)-sndm-jb-n'3* отрицание смерти души следует, вероятно, также рассматривать в физическом аспекте⁴⁰:

³⁶ Крышка саркофага *t3j-hr-p3-t3* (Cairo CG 29306: Maspero 1914, 221–222); ср. Manassa 2007, I, 376. Датировка: XXX династия. В стандартных поздних версиях главы BD 89, в том числе на саркофагах, вставка *n mrh=f* «которая не разложится» отсутствует (Mosher 2018, 277, 287–288).

³⁷ Wien AS4, 20.10: Leitz 2011, 341–343. Датировка: II в. до н.э.

³⁸ Herbin 1994, 259, 487 (3 сходных версии); Smith 2009, 430: «without perishing, without decay». Датировка: I–II в. н.э.

³⁹ Наофорная статуя Cairo CG 807 (JdE 2011): *JWIS* IV.1, 338; см. также Perdu 1997, 166–167, 172, n. j). Датировка: *psmtk* II.

⁴⁰ Cairo CG 22151, стк. 18 (Abdelhalim Ali 2014, 6, 8, 16–17, fig. 1–2). Датировка: 2-я пол. II в. до н.э.

h3t=j dd.tj m jzt=f b3=j hr pr(t) h3(t) hr=s n mrh dt «да пребудет мой труп вечно в своей гробнице, а моя душа выходит и заходит в него (т.е. в труп), и никогда не истлеет».

Напротив, в назидании потомкам на более раннем кубоиде *dd-hnzw-jw=f-nh* А место души занимает ее непосредственный хранитель — статуя, от лица которой ведется повествование, а отрицание *n mrh* ставится в гарантию бесконечной перспективы пребывания образа покойного в храме, как в обители бога⁴¹:

nrpj dt=j n hb=sn jw=j dj n m-ht n mrh rh.kwj jrr ntr n m3t-jb «пусть мое тело будет молодым для их отпрысков, ибо я здесь — навсегда, непрерывно, и мне ведомо, что бог действует по справедливости».

Итак, существование статуи как образа вельможи в свите бога фиксируется отрицанием влияния времени — *n mrh* «беспрерывно», душа же, обитающая в статуе и от случая к случаю посещающая труп, не должна быть, словно мумия, подвержена тлену (*mrhw*), физическому признаку ее окончательной гибели.

Гибель души в связи с полным разложением трупа выражается также чередованием отрицаний *nn skj nn mrh*. На саркофаге *hr-m-hb* встречается заверение: *n skj.n b3=k n mrh.n h3t=k nn mwt=k m hrt-ntr nh r nhh nn drw hsw=k hntj ntrw dt* «твоя душа не погибнет, твой труп не разложится, ты не умрешь на кладбище, ты будешь жить вечно, твоя жизнь среди богов никогда не прекратится»⁴². В обратном порядке фраза *n mrh.n b3=j n wsm.n h3t=j* «моя душа не истлеет, мой труп не разрушится» отмечена в *P. Louvre N 3284*, Эпилог 3⁴³, а ее вариант *n mrh.n b3=j n skj.n h3t=j* «моя душа не истлеет, мой труп не пропадет» — на статуе *jch-ms*⁴⁴. Чередование словно синонимов *n skj / n mrh* «не исчезнет / не истлеет» применительно то к трупу (*h3t*), то к внетелесной сущности человека (*b3*) показывает нераздельность хронологического и физического аспектов значения глагола *mrh* «разлагаться / прерываться». Повсюду неподверженность тлену подразумевает и непрерывное существование мумии самого покойного «среди богов», т.е. возможность его души жить на земле и воздействовать на дела живущих.

В поздних заупокойных книгах встречаются и такие гибридные смысловые комбинации, в которых нетленность тела (объекта) сравнивается с солнечным циклом (действием времени). Здесь сочетание *n skj n mrh*, сохраняя привычный смысл согласно описаниям нетленности тела: «не погибая и не истлевающая», имеет и второе значение: «не исчезая и не прерываясь»; т.е. труп не разлагается подобно

⁴¹ Cairo CG 559, стк. 13 (*JWIS II*, 97). Датировка: вероятно, Такелот I. Фразу *n m3t-jb* часто исправляют на *n m3t-jb* «для праведника»; судя по параллелям, возможно двоякое толкование.

⁴² Leitz 2011, 394, 396 (стк. 11–12). Начало пассажа с речью от первого лица отмечено на саркофаге *p3-nhm-st*: Leitz 2011, 225, 236 (стк. 7). Датировка: II в. до н.э.

⁴³ Herbin 1994, 77, 513. Датировка: конец II в. до н.э. См. также Smith 2009, 477; к чтению глагола *w3sj-m > wsm* «разрушаться» (он возник путем объединения двух чтений идеограммы *w3s / dcm* и в форме *wsm* утвердился в демотическом) см. Quack 1994, 99, Anm. 52; Osing 1998, I, 75, Anm. a).

⁴⁴ Cairo JdE 37075, кол. B.5 (Fairman 1934, 2, pl. 1. I). Датировка: конец IV в. до н.э. или правление Птолемея III Эвергета I (240–230-е годы до н.э.), к дискуссии см. Collombert 1998, 48, n. 6; Mekis 2016, 388–391.

тому, как вечен ход Ра по небу. Полисемия *n mrh* «нетленный / непрерывный» в характеристиках мумии отчетливо отражена в пассаже из Книги дыхания, составленной Исидой для своего брата Осириса, XIII⁴⁵:

b3=k ʕnh h3t=k rwd m wdt.n rʕ ds=f n skj n mrh mj rʕ dt nhh «твоя душа жива, твой труп сохраняется в целостности согласно тому, как установлено самим Ра, не исчезая и не прерываясь, словно Ра, навеки и навсегда».

Выражение *wdt.n rʕ ds=f* «то, что установлено самим Ра» означает космический режим движения Солнца, утвержденный Ра для себя самого; частью этого вечного распорядка является и целостность плоти мумии.

В Книге превращений (*P. Berlin* 3162, 5.4) характеристика трупа как нетленного тела перенесена на душу человека⁴⁶:

b3=k hr h3t=k n hrj=f r=k dt nhh n skj n mrh mj rʕ m pt «Твоя душа — в твоём трупе, она не покинет его во веки веков, не исчезая и не прерываясь, словно Солнце в небе⁴⁷».

Вечное состояние души здесь сопоставляется с точностью солнечных часов, что подчеркивает невозможность ее гибели.

Эти примеры⁴⁸ лишний раз свидетельствуют о соответствии физической целостности тела и души в апофатических выражениях постоянству времени и вечности в представлениях о загробной жизни и активности человека в мире после смерти. Принципы употребления отрицания *n mrh* в поздних заупокойных книгах, отражающих осирических представления, выдвигали на первый план физический аспект его значения. Однако в мире богов вне осирической мифологии, с ее четкими границами перехода индивида в состояние вечного покоя, отрицание *n skj n mrh* имело противоположные коннотации: бессмертие бога не соперничало с постоянством

⁴⁵ Подборка свидетельств с вариантами, в том числе из II Книги дыхания: Herbin 2008, 12, 31 (IV, 12), 46, 49, 127, 172, pl. 7–8, 28, 103; см. также Herbin 1999, 173, 205, 221; Smith 2009, 474.

⁴⁶ Frank-Kamenetzky 1914, 151–152. См. также Smith 2009, 621.

⁴⁷ О «нерушимости» самого неба см. формулировку из эпитетов «величайших богов» (*ntrw wrw ʕw*): *mn.tj r nhh dd.tj r dt nn mrh mj pt* «навечно утвердившиеся, навсегда себя увековечившие, нерушимые как небо» (Edfou IV, 240.10; Block 2014, 225).

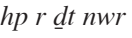
⁴⁸ В тексте на позднептолемеевском кубоиде *ns-mjnw* с вечным движением солнца сравнивается постоянное пребывание статуи как хранителя души в земном храме: *snn pn n jt-ntr hm-ntr jmn m jpt-swt hm-ntr sbk hrj-jb jšrw ns-mjnw m3ʕ-hrw z3 n(j) jt-ntr k3p=f h3-hnzw mn(.w) m jpt hnwt njwwt w3h(.w) n sk dt mn(.w) mj pt w3h(.w) mj t3 n sk mj rʕ hr wbn-htp dt* «Да будет эта статуя отца бога, жреца Амуна в Карнаке, жреца Себека в *jšrw ns-mjnw*, оправданного, сына отца бога *k3p=f-h3-hnzw*, оставаться в Луксоре, владычице городов. Да пребудет она, никогда не исчезая, да пребудет она, как небо, да пребудет, как земля, никогда не исчезая, словно Солнце в сиянии и во сне, вечно» (Linköping 102, кол. 1–2; Klotz 2015, 118, 135, pl. 8; отрывочная надпись на статуе *jmn-htp* (сына *hʕpw*) с обещанием ... *n sk dt* ... *n mrh mj rʕ dt* «никогда не исчезая ... никогда не пропадая, словно Ра», вероятно, была посвящена тому же сюжету: Эрмитаж ДВ-18054; Wildung 1977, 265. Птолеми, ср. *JWIS* IV.2, 1078 (600). Обычное значение сочетания *wbn-htp* — «восход и закат», однако встречаются и примеры, где *htp(w)* «мир, покой» передает состояние Солнца уже ночью, под землей, в преисподней, а закат передается каузативом *shtp* «умиротворение». Из полисемии *shtp/htp* египтяне выявляли множество риторических и лирических коннотаций, полезных для гимнов и молитв; в частности, вечернее прославление воспринималось как плата (*shtp*) божеству за хороший день.

времени, а исключало его из перечня своих качеств; равным образом, солнечный цикл как основная единица времени не воздействовал на божественное бытие, которое в принципе рассматривалось либо как лишенное движения, либо как процесс, разрушающий все текущие процессы, в том числе время как таковое.

Словом, концепт нетленности тела не мог распространяться на теологию бесконечного бытия бога, которая воспринимала понятие бессмертия лишь в хронологическом аспекте.

3.2. *jwtj mrh* «непрерывный» > «бессмертный»

Пример инверсии значений «непрерывный» > «бессмертный» содержится в широко известной надписи на Пропилоне Хонсу в Карнаке⁴⁹ (а также в ее дубликате на пилоне малого храма в Мединет Абу⁵⁰), в которой вечное движение природы превращено посредством апофтики в свойство бессмертного божества:

hnmt-ḥnḥ n b3-ḥ3 n(j) kmt m33 sḏm jwtj mrh *ḥnḥ r nhḥ nhp r dt nwr mnmn m hrw* «Средоточие жизни⁵¹ великого Ба (души) Египта, который видит и слышит, бессмертен и живет вечно, который вечно движется волнами⁵², дрожа и трясясь на глазах (у всех)»⁵³.

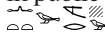
В этом тексте характеристика бесконечного процесса перенесена на бога *km-3t=f*, устраивающего землетрясение, который награжден эпитетом *jwtj mrh* букв. «не имеющий перерыва». Грамматическая роль эпитета с отрицательным относительным прилагательным *jwtj* такова: в атрибутивном предложении *jwtj* «тот, кто не является» + имя синтаксическим субъектом выступает второй элемент, в ином случае *jwtj* как замена имплицитного субъекта меняет значение на пассивное: «тот, кто не имеет», например, а) предикат *jwtj* + имя с местоимением-суффиксом: *jwtj mswt=f* букв. «тот, чьего рождения нет» > «не рождающийся», но б) *jwtj* + *nomem actionis*: *jwtj sk* букв. «тот, кто лишен гибели» > «неисчезающий, бессмертный»,

⁴⁹ Clère 1961, pl. 49; Zivie-Coche 2009, 190, 218, fig. 1. Датировка: Птолемей III Эвергет I.

⁵⁰ Zivie-Coche 2015, 375. Датировка: Птолемей IX Сотер II.

⁵¹ Так назван «Курган Джеме» (*j3t-d3mw*), обитель божества *km-3t=f*, где обосновалась Огдоада.

⁵² В *LGG* IV, 262 этот эпитет понят буквально: «Die bis in Ewigkeit aufspringen», так как глаг. *nhp* означает «прыгать, пульсировать, дергаться». Как и в *LGG* III, 205, 543, здесь эпитеты перенесены на Огдоаду, хотя отрицательная нисба *jwtjw* pl. в птолемеевском не засвидетельствована (Kurth 2008, 682–683, § 127). Речь идет о стихии божества *km-3t=f* (его имя значит «тот, чье время завершено», ср. Klotz 2012, 133–142), которое сотрясает землю. За именем *b3-ḥ3 n kmt* «великая душа Египта» (*LGG* II, 667–668) скрывается бог *km-3t=f*. Об орфографии *kmt* > *km-3t=f* см. также Derchain-Urtel 1999, 89.

⁵³ Ср. переводы надписи в Карнаке: «... grand ba de Kemat(ef), celui qui voit et entend sans dommage, qui vit jusqu'à l'éternité, atteignant la pérennité, qui mugit et tressaille devant les humains» (Zivie-Coche 2009, 190, 212); «...the Great Ba of Egypt (Kematef), he who continues to see and hear, without perishing, who lives for ever, who lasts eternally, who rumbles and quakes in public» (Klotz 2012, 139). Вариант Мединет Абу: *[hnmt]-ḥnḥ n b3-ḥ3 n(j) kmt m33 sḏm jwtj mrh* *ḥnḥ r nhḥ nhp r dt nwr mnmn m hrw* «[Средоточие] жизни великого Ба (души) Египта, который видит и слышит, бессмертен и живет вечно, который вечно движется волнами, дрожа и трясясь на глазах (у всех)». Ср. Zivie-Coche 2015, 375: «[Khenemet]-ankh du/pour le (?) grand ba de Kemet qui voit et entend sans périr, vivant éternellement, qui dure jusqu'à la pérennité, qui mugit et tressaille en face des hommes».

или с) *jwtj* + *nomen actionis* + дативный компонент *n=f*: *jwtj mwt n=f* букв. «тот, которому нет смерти», и т.д. Эпитет *jwtj mrh* в нашем тексте соответствует относительной форме с отрицанием *n mrh=f* «беспрерывный», при помощи субстантивации оба эпитета превращаются в уникальные титулы божества. В трактате Плутарха «Об Исиде и Осирисе»⁵⁴ бог Кνῆφ (егип. *km-3t=f*) назван эпитетом ἄθνατος, который соответствует египетскому *jwtj mrh* с общим значением «бессмертный».

Эпитеты с отрицательной нисбой *jwtj* «не имеющий» и глаголом «смерти» *mwt* в апофатическом понятийном лексиконе встречаются редко⁵⁵. Форма *n mwt=f* «он не умирает / не умрет» также характерна для повествовательных контекстов, часто после вспомогательных глаголов; все эти сочетания трудно назвать номинациями⁵⁶.

⁵⁴ Plut. *De Iside et Osiride* 21 (Griffiths 1970, 150–151).

⁵⁵ Существование эпитета в форме *jwtj mwt(=f)* в иероглифике сомнительно. Понятие *jwtj mwt* «бессмертие» встречается на саркофаге Wien ÄS4, 12.27 в тяжелой для понимания фразе: *wnn-nfr m3c-hrw jwtj mwt m wrš(?) nfrw=f* «Онуфрий (букв. «ставший молодым», т.е. воскресший) триумфатор, бессмертие сторожит (?) его молодость» (Leitz 2011, 229, 232, 239). В ранних эпитетах, в основном из Текстов саркофагов, грамматический субъект выносится в дативное дополнение: 1) *jwtj mnj n=f* «бессмертный», букв. «тот, у кого нет причала» (Стела царя *jnj-jt=f* II: MMA 13.182.3, стк. 4: URL: http://images.metmuseum.org/CRDImages/eg/original/LC-13_182_3_EGDP026346.jpg; дата обращения: 11.07.2023); CT IV, 66f; V, 285a; VI, 352f; VII, 448a, 507b; CT VI, 351k (Spell 723) = Dorman 1991, 105, pl. 62–63, S23); 2) разные конструкции *jwtj* с глаголами смерти: CT I, 30c; VI, 134h; VII, 171u, как правило, с *nomen actionis*, в форме *jwtj htm/mwt/sk n=f* букв. «тот, которому нет уничтожения/смерти/гибели» (ср. Uljas 2015, 285). Относительная форма с субъектом *jwtj* отмечена в CT I, 170i: *jwtj mwt=j n=sn n mwt sjn* «я тот, кто не умрет из-за них скорой смертью».

⁵⁶ 1) О богине Мут: *n mwt=s* «она бессмертна» на стеле императора Тиберия (Amsterdam, Allard Pierson Museum 7763, стк. 14: van Haarlem 1986, 61–62; Klotz 2012, 270); 2) о покойном — как правило, глагольные формы: а) во фразе в форме *n(n) mwt=f, jm=f mwt* «он не умрет»: PT 219; Pyr. 604f, 875c, 781b, 792c, 1464c, 1468c–d, 1810c, и др.; множество примеров из CT: I, 190a–b; VI, 399g; VII, 34c, 216e, и др.; BD 163.69 (собственно, речь идет о казни: *nn mwt=f n s3d n(j) nswt* букв. «он не умрет из-за царской казни», Wüthrich 2015, II, 74; ср. Wüthrich 2015, I, 121–122); BD 181, и др.; б) много случаев в литургиях, восходящих к Текстам пирамид, см. von Falck 2001, Bd. I, 111, 121, 195, 202, 211, 273; Bd. II, 93, 215, 241–242, 457–458, 461–462, 650; в) во фразе *hwj=k n mwt=f/s dt* «позаботься (букв. предотврати, защити), чтобы он(а) не умер(ла) никогда» (Ритуал открытия уст, Szene 27g, сходно — Szene 27m: Otto 1960, I, 68, 70; II, 84); 3) о душе-*b3* (помимо многочисленных примеров с отрицаниями повторной смерти души): а) *dj=k b3=j 3nh r nhh n mwt=f h3t=j mn.tj nn h3h rn=s* «сделай так, чтобы моя душа была вечно жива, чтобы она не умерла, а мой труп остался и его (трупа) имя не стерлось»: стела BM EA 1222, стк. 10–11 (Edwards 1939, 52, pl. 44. Датировка: *jj*); б) Piankoff 1977, 85, pl. 34: *wnn b3=k 3nh r nhh n mwt=f dt* «пусть твоя душа будет вечно живой и не умрет никогда»; и др.; 4) о «живом соколе» (*3hm 3nh*), объекте охоты богини Сохмет: *n mwt=f n=t dt* «он не умрет из-за тебя никогда» (Edfou VI, 266.6; ср. Edfou VI, 302.16; в LGG III, 488 фраза учтена как эпитет); речь идет о гибели во время эпидемии (*j3dt rnpt*), которую персонифицировала Сохмет (Edfou VI, 303.3; см. также Germond 1981, 295; параллель: P. Edwin Smith, vso, 1.16 (18.16): *n mwt n=f n j3dt rnpt* «он не умрет от годичной эпидемии» (Germond 1981, 294; Allen 2005, 106–107; Theis 2014, 328); и др.

Понятие бессмертия само по себе является апофатическим (как отрицание смерти), но для его выражения избегали конструкций с лексемой *mwt* «смерть», ибо она не входит в круг ассоциаций с понятием времени, а значит, является абстрактным, лишенным ассоциаций и бесполезным термином. В теологических текстах эпитеты богов с вводной нисбой *jwtj* «не имеющий» являются субстантивированными вариантами отрицательных глагольных сочетаний с глаголами уничтожения и непостоянства, выраженных в основном конвербами. Прежде всего это глагол *skj*, в хронологическом аспекте означающий «прекращаться», а в физическом — «исчезать, пропадать, погибать», например: *jwtj sk* «неисчезающий, бессмертный»⁵⁷, *jwtj sk=f* «тот, кто не исчезает»⁵⁸, *jwtj sk hm=f dt* «тот, чье величество никогда не исчезает»⁵⁹. Отрицательные комбинации с глаголом *skj* и синонимичными ему употреблялись в заупокойных текстах в смешанных значениях «не прекращаться / не погибать», однако в поздних повествованиях для характеристики божества стал преобладать

⁵⁷ Основные свидетельства: *LGG* I, 164, с переводом «Der nicht zu Grunde geht»; добавить: *jwtj sk n mrh* «бессмертный и нетленный» (Philä Photo Berlin 1307; WB-Zettel 3413: TLA DZA 24.246.110). Самый ранний источник относится к Ливийскому периоду, это *P. Berlin* 3049, IX.3, содержащий эпитет Амуна-Ра *jwtj sk nm skjw* «бессмертный среди смертных» (Gülden 2001, 52, 54). Другое апофатическое образование — *jhmw skj* букв. «не ведающие исчезновения, заката» (*LGG* VI, 736–738) — со времен Текстов пирамид служило наименованием циркумполярных звезд в значении «неугасимые, негаснущие».

⁵⁸ *LGG* I, 164; von Recklinghausen 2019, 325–326. Эпитет *jwtj sk=f* «неисчезающий» ранее отмечен в главах Книги мертвых: BD 85 (Lüscher 2006, 332–333; Mosher 2018, 204, 208–213, 218, 220, и др.); BD 154 (Lapp 1997, pl. 51; Verhoeven 1993, II, 132*; III, Beilage 31, Kol. 139.3), ее изводах на саркофагах, и др. В архаической форме с *poen actionis sk* фраза *jwtj sk n=f* «тот, которого не настигнет смерть» отмечена еще в PT *799 (*Pyr.* N10), PT *806 (*Pyr.* Nt 4 = Nt 696/7), CT VII, 171u и в редакции CT VI, 351k (*Spell* 723) в гробнице *sn-mwt* времен царицы *h3t-špswt* (Dorman 1991, 105, pl. 62–63, S23). Иногда она рассматривается как отрицательная относительная форма *jwtj skj.n=f* «тот, кто не умирает» (Edel 1955–1964, 552, § 1066). Также распространена повествовательная форма *nm skj=f r nhh* «он никогда не погибнет»: *LGG* 3, 503; поздние версии главы BD 31 (Mosher 2016a, 26–28, 34–35, 38, 42–43) и глава BD 70 (Lapp 2011, 319; Mosher 2016b, 324–326); *Edfou* VI, 267.4; и многие другие. Известен и похожий эпитет *jwtj htm (n)=f* «неуничтожимый», букв. «тот, кому не будет уничтожения» (ср. *LGG* I, 162: «Für den es keine Vernichtung gibt»; CT I, 30c, 31b; VII, 171u), где *htm* «уничтожать» также является *poen actionis* (по другой классификации — инфинитивом).

⁵⁹ О Хоре Бехдетском: *Dendara* III, 176.4. Параллель: *n skj hm=f dt* «его величество никогда не погибнет»: *Dendara* XIV, 136.11. Оба раза эпитет отмечен вкуче с «хронологическим» титулом *nb h'w hk3 rnpwt* «владыка времени жизни, правитель лет». См. также переводы Cauville 2000, 298–299: «sans que soit détruite Sa Majesté éternellement»; Cauville 2011, 184–185: «Sa Majesté ne périra jamais». Фраза сконструирована таким образом, чтобы титул *hm=f* мог восприниматься в исконном значении отглагольного существительного *hm* — «его основа», в теологическом значении — «его субстанция», в физическом — «скелет, остов», ср. *P. Cairo* JdE 97249, Papyrus 15, x+4.9: *st-jrt nj-sw-b3-nb-dd(t) ksw=k m hq nn skj=f r nhh dt* «Осирис *nj-sw-b3-nb-dd(t)*, твой скелет из серебра, он не погибнет во веки веков» (Burkard 1986, 64, Taf. 46. Датировка: XXX династия — ранние Птолемеи; см. также Burkard 1995, 251; Mathieu 2012, 502).

не физический (связанный с нетленностью трупа), а хронологический аспект бессмертия — как бесконечной жизни⁶⁰.

Понятие вечности не соответствовало понятию бесконечности, иначе говоря, вечное движение не могло быть идентичным постоянству бытия как таковому. Жизнь субъекта (бога-абсолюта) — это остановившееся пространство. Вечность всегда рассматривалась как движение, но всякое движение имеет предел, зато его лишено остановившееся бытие, не подверженное изменениям. Катафатическая характеристика «бог есть вечность» не годилась⁶¹, ибо само время представлялось

⁶⁰ Еще в языке Текстов пирамид бессмертие царя выражалось в хронологических категориях, из которых наиболее показательным является именной эпитет *n drw=f* «безграничный, бесконечный» (PT 569: *Pyr.* 1434b, 1435a, 1442b), однако там же и позднее в Текстах саркофагов используются уже сочетания отрицательной нисбы *jwty* с *nomen actionis* от глаголов уничтожения *mwt* / *sk* / *htm* *n=f*: «тот, кого не настигнет смерть». Повествовательные обещания бессмертия употребляются в форме *n sdm=f*, например в *Pyr.* 256c: *n skj=k n tm=k* «ты не погибнешь, ты не исчезнешь», вар. *Pyr.* 1299c: *n tm=k n skj=k* «ты не исчезнешь, ты не погибнешь». В антропонимике Древнего царства — I Переходного периода сочетания с глаголами смерти представлены разнообразными моделями, например: *n-mwt=f* «он не умрет», *n-phj=f* «он не скончается» (Scheele-Schweitzer 2014, 411 [1490], [1492]), но: *n-ṯṯ-n=s* «неразлучная», букв. «та, (с) которой не суждено разлучиться» (стела New York, MMA 65.107: Goedicke 1960, 288, fig. 1–3; URL: http://images.metmuseum.org/CRDImages/eg/original/65.107_EGDP022529.jpg; дата обращения: 11.07.2023; ср. Scheele-Schweitzer 2014, 413 [1506]; кстати, ее сына звали просто *hṯp* (Scheele-Schweitzer 2014, 560 [2551]), а *jmj(-r3) mšc* «военачальник» был его титулом, ср. перевод Morenz 2010, 360: «Der Soldatenvorsteher ist zufrieden», т.е. он понял все сочетание как антропоним; встречается и компаунд с «нулевым субъектом»: *n-tm* masc./fem. «(тот/та), что не умрет» (Scheele-Schweitzer 2014, 412–413 [1505]), где глагол *tm* «завершать» имеет коннотацию с сущ. «все» в значении «конец, завершение», как в именах богов (*j)tm* и *nfr-tm*, ср. аналогичную модель в двух формах: *n-smḥ* / *n-smḥ=f* masc. «незабвенный» (Scheele-Schweitzer 2014, 412 [1498]–[1499]).

⁶¹ Основная масса эпитетов называет бога правителем (*hk3*), царем (*nswt*) или владыкой (*nb*) вечности (с разными вариантами, см. Zandee 1992, II, 697–698; *LGG* III, 667–670, 791–792; *LGG* IV, 330–331, 344–345; *LGG* V, 513, 531–533). Впрочем, известны сравнения бытия бога с бытием вечности, например: *nḥḥ dt pw wnn=f* «его бытие — это (бытие) двух вечностей» (Edfou VII, 175.7; V, 72.13; ср. Edfou VI, 50.14; стела Louvre IM 4110, стк. 12 (восст.): *dt pw wnn=[f]* «[его] бытие(?) — это (бытие) вечности» (*JWIS* IV.1, 551; URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010074112>; дата обращения: 11.07.2023); *wnn=k wnn nḥḥ wnn nḥḥ wnn=k* «пока есть вечность — есть и он, пока есть он — есть и вечность» (*P. Anastasi* III, 7.9: Gardiner 1937, 29.3); варианты: Esna IV, 441.2–3; Edfou VI, 49.3; см. также Opet I, 112.1; *P. Strasbourg* 2, IV.28–29 (Bucher 1928, 160); Budde 2000, 97, 311). Многие схожие свидетельства в греко-римских храмовых надписях следует понимать иначе, например, фраза *wnn nḥḥ wnn=f* (NN) «(пока) будет вечность, он будет (NN)» требует именного дополнения (NN), как в Dendara XV, 343.5: *wnn nḥḥ wnn=f j3w jrj nḥn r^c nb* «он будет стариком, который становится ребенком каждый день, пока существует вечность» (Датировка: Нерон. См. также Cauville 2012, 442–443: «Tant que durera l'éternité, il sera un vieillard qui (re)devient un enfant chaque jour»; иначе: Budde 2011, 218: «solange die Neheh-Ewigkeit existiert, solange wird er existieren, der Alte, der die Kindwerdung täglich vollzieht»; и др.); идентичные конструкции: Edfou IV, 105.8–9 (ср. Kurth 2021, 194); Dendara II, 20.7; XV, 342.13; Philä

ограниченным процессом, а момент конца вечности и гибели богов не мог соответствовать завершению управления вселенной богом-универсумом. В теологической аналитике позитивная номинация «вечность», в отличие от негативной номинации «смерть», не является абсолютной, следовательно, констатация абсолютного существования бога требует отрицания негативной номинации: бог не вечен, бог — бессмертен.

Именно глагольные отрицания *n mrh* «непрерывающийся» и *n skj* «непрекращающийся» сформировали в Греко-римскую эпоху апофатическую теологическую фразеологию бессмертия, в которой границы бытия бога — рождение, смерть и воскресение — не констатируются, а отрицаются. В онтологии бессмертия божества-абсолюта противопоставили вечности как циклу жизни богов, уклонившись от ассоциаций с представлениями о нетленности человеческой души и плоти, относящимися к осирической мифологии. Доказательство через отрицание является исходным средством формирования теологических категорий, а значит, и критерием перехода множества мифологических представлений о постоянстве бога в стадию догматизации, т.е. аксиологического анализа ряда катафатических толкований как методологически неверных и отказа от них.

В коптских христианских переводах с греческого встречается целый ряд апофатических эпитетов, морфологически идентичных египетским, но не имеющих точных параллелей, а именно с префиксом **ат=**, потомком отрицательной нисбы *jwtj* «не имеющий», и с корнями, этимологически восходящими к иероглифическому языку. Между тем, главные эпитеты бессмертия с *jwtj*, производные от *n mrh* «непрерывающийся / нетленный» и *n skj* «непрекращающийся / не исчезающий» не перешли в коптский и не имеют в нем прямых аналогов. Для выражения нетленности как фактора бессмертия божества в коптских христианских сочинениях применялся эпитет **афартос** «нетленный», являвшийся калькой с греческого ἄφθαρτος⁶². Его точным коренным коптским эквивалентом был термин **аттако**⁶³, морфологически соответствующий египетскому отрицательному эпитету **jwtj djt 3k* «нерушимый» (**ат=тако**), но элемент *djt 3k* «разрушение» (букв. «дать пропасть») отражен в источниках лишь демотической конструкцией *ti 3k* «разрушать»⁶⁴. В иероглифическом языке такой громоздкой комбинации, как **jwtj djt 3k*, просто не могло быть, поэтому и коптский эпитет **аттако** «нетленный» не имеет точных

Photo Berlin 290 (Kertmann 2019, 67–68). Отдельную проблему составляют свидетельства на тему «жизнь бога есть вечность», например, *Pyr.* 412a (W): *h^c pj n(j) wnjs nhh drw=f pj dt* «вечность *nhh* — это жизнь царя *wnjs*, вечность *dt* — это *ee* предел». Вариант *Pyr.* 412a (T) упрощен: *h^c pw n(j) ttj nhh drw pw n(j) ttj dt* «вечность *nhh* — это жизнь царя *ttj*, вечность *dt* — это конец (т.е. смерть) царя *ttj*». Чаше всего для понимания этой фразы склоняются к варианту T (Chantrain 2020, 233, 239; и многие другие), хотя к тексту W есть параллель Esna III, 309.28: *h^c=k pw drw dt* «конец вечности — это (конец) твоей жизни» (именная аппозиция с *pw* с эллипсом нуклеуса (*drw* «предел, конец») именного предиката в первой части предложения). В целом этот вопрос еще ждет своего решения (см. также Servajean 2007, 16).

⁶² Khosroyev 2015, 20, прим. 28; 22, прим. 41; 29, прим. 93; 33.

⁶³ Crum 1962, 405b: в разных формах, в том числе как понятие **мѣтаттако** «нетленность».

⁶⁴ Ray 1976, 61–62, Text 16.3; CDD 3 (23 AUGUST 2002): Page 88 (с литературой).

соответствий среди египетских теологических терминов. Из прочих образцов коптской апофатики можно отметить, например, **ат2ае** «бесконечный» = греч. ἀτελεύτητος, со структурой **ат=2ае** < **jwtj h3ʕj*, с корнем из егип. *h3ʕj* «оставлять, покидать» > демотич. *hʕ, hʕ3* «конец»⁶⁵; **атмоу** «бессмертный»⁶⁶ = греч. ἀθάνατος, с морфологией **ат=моу** < **jwtj mwt* и другие примеры, семантически столь же далекие от стандартных египетских аналогов вроде *jwtj sk / jwtj mrh* «бессмертный».

Множеству иероглифических апофатических эпитетов, отдаленно характеризующих бессмертие, переводчики христианских текстов предпочитали оригинальную платоновскую терминологию. Гностики избегали переводов привычной египетской лексики, использовавшейся параллельно в языческой теологической традиции, но не по причине отказа от ассоциаций со старой религией, а с целью сохранения общеупотребительного греческого философского аппарата. Кроме того, в живом коптском многие иероглифические фразеологизмы не оставили следов, а греческие кальки были со всех точек зрения удобнее для адаптации, так что отсутствие лексических параллелей между гностическими трактатами и современной им позднеегипетской теологией объясняется естественными причинами. С другой стороны, языческая теология конца I тыс. до н.э. — начала н.э. сама испытывала влияние платонизма, однако свободно использовала традиционные негативные формулы, подчас восходящие к эпохе Текстов пирамид. Как бы то ни было, влияние языческой апофатической терминологии на формирование христианской философии в Египте в области когнитивного восприятия понятия бессмертия оказалось несущественным.

4. СИНТЕЗ *km nhh n mrh=f* «КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ – БЕССМЕРТНЫЙ»

Антитеза *km nhh n mrh=f*, несомненно, образована от хронологических формул *r km nhh/dt* «пока не кончится вечность» и *n mrh* «беспрерывно», употреблявшихся в поздних текстах преимущественно как конвербы, которые в поэтическом контексте превратились в именные эпитеты Хора Бехдетского.

В связке антитез «начало богов — появляющийся после» (*h3t ntrw hpr hr-s3*) и «конец вечности — не прерывающийся» (*km nhh n mrh=f*) эпитеты *km nhh* «конец вечности» и *h3t ntrw* «начало богов» формально соответствуют друг другу, так как их ядром является не причастие, а именное понятие. Эпитет *km nhh* вообще не имеет точных грамматических аналогов с именным ядром *km*, фактически являясь абстрактным титулом. Эпитет *n mrh* из обстоятельства «непрерывно» превратился в субстантивированную относительную форму *n mrh=f* «тот, который не прерывается». В этой форме он в других текстах не встречается вообще.

В греко-римской храмовой эпиграфике сочетания подобных формул во множестве встречаются с разным синтаксисом и обратным порядком фраз, где компонент (*r*) *km dt* «до конца вечности» сплошь является формой (*r*) *sdm=f*, а отрицательная часть открывается синонимами отрицания *n mrh* в инфинитиве или форме *sdm=f*⁶⁷.

⁶⁵ Crum 1962, 636a; CDD H4 (29 JUNE2001): Page 21 (с литературой).

⁶⁶ Crum 1962, 160a: «deathless».

⁶⁷ Сочетания (*r*) *km nhh/dt* «(пока не) кончится вечность» именно с *n mrh* отсутствуют; показательные примеры с подобными глаголами: Dendara IV, 51.3: *n 3b r km dt*

Прямой порядок фраз *r km nhh n ws* «пока не завершится вечность, беспрерывно» сохранен на так называемой Мендесской стеле⁶⁸:

jsw nn jrj.n hm=f sk3j rnpwt=f m nswt r nhh hr w3h n dt nswjt mn.tw hr rn=f z3=f hr nst=f r km nhh n ws r dr dt hr-ntj nhj.n=f [n nb ntrw] «воздаяние за то, что сделал его величество, — в том, что его годы будут продлены⁶⁹ как у царя на века, (как у) Хора, переживающего века, и монархия будет основана на его славе, а его сын (будет оставаться) на его троне, пока не завершится вечность, беспрерывно⁷⁰, пока не прекратится вечность, согласно тому, о чем он молил [владыку богов]⁷¹».

Сходный пример можно обнаружить среди эпитетов Харпократа, сына Исиды, владыки Филэ в Philä II, 311.11–13⁷²:

nb nst 3(t) m snmwt 3w nswjt=f r km dt n wn jdrw h^c=f «владыка великого трона острова Бига, чье правление длится, пока не завершится вечность, чья жизнь не имеет пределов».

Во всех примерах наречных сочетаний типа *n 3b r km dt* «беспрерывно, пока не кончится вечность» всегда отрицается процесс, а не предмет. Равным образом формулы, начинающиеся с *r km nhh/dt* «пока не завершится вечность», констатируют хронологическую бесконечность царствования как периода времени. Однако в Dendara IX, 152.14–15 определения *km nhh* «конец вечности» и *n mrh=f* «непрерывный» относятся вовсе не к действию, а к самому субъекту. Помимо этого, он является частью двух хронологических антитез, иллюстрирующих идею «божество как Альфа и Омега». Таким образом, осирический концепт бессмертия через отрицание физического исчезновения тела в теологии не выражен и уступает хронологическому аспекту.

«беспрерывно, пока не кончится вечность»; Dendara X, 68.10; 251.6–7: *n 3b km dt* «беспрерывно, (пока не) кончится вечность»; Dendara X, 255.10–11; 396.14–15: *n 3b r=f km dt* «не расставаясь с ним, (пока не) кончится вечность»; Dendara VIII, 52.1–2; X, 355.4: *n 3b r=k km dt* «не расставаясь с тобой, (пока не) кончится вечность»; Dendara XV, 6.9: *n nwd r=f km dt* «не оставит его, (пока не) кончится вечность»; Dendara, Temple d'Isis, 350.9: *n nwd r=t km dt* «не оставит тебя, (пока не) кончится вечность»; Dendara I, 149.12: *n hrj r=f km dt* «не покинет его, (пока не) кончится вечность»; см. также Dendara III, 7.1–2: *n hrj=f r=t km dt* «он не покинет тебя, (пока не) кончится вечность»; Dendara VII, 46.7; XV, 279.10: *n hrj=s r=t km dt* «она не покинет тебя, (пока не) кончится вечность»; Dendara X, 151.11–12: *n hrj=sn r=f km dt* «они не покинут его, (пока не) кончится вечность»; и др.

⁶⁸ Cairo CG 22181, стк. 28: Kamal 1904–1905, I, 165, II, pl. 55; Urk. II, 51.14–52.2. Датировка: после 22-го года правления Птолемея II Филадельфа (263 г. до н.э.). См. также Schäfer 2011, 184, 253, 323, Taf. 9.

⁶⁹ О выражении *sk3j rnpwt* «продлить годы» в греко-римских текстах: Urk. II, 32.9; Traunecker 1992, 214 (41.8), pl. 11, b; Klotz 2009, 287–288, 297 (n. ab), fig. 5, a.

⁷⁰ К словоупотреблению *n ws* «без пробела, без перерыва, не прекращаясь» см. *Wb.* I, 358.8–9; Wilson 1997, 256.

⁷¹ Реконструкция согласно Urk. II, 32.8.

⁷² Photo Berlin 986: Junker, Winter 1965, 310–311; см. также Sandri 2006, 169. Датировка: Тиберий. Аналог — эпитет Харендота, сына Исиды, владыки Абатона — также встречается в Филэ: *3w nswjt r km dt n wnn jdrw h^c=f* «тот, чье правление длится, пока не завершится вечность, чья жизнь не имеет пределов» (Philä. Photo Berlin 639: Elgawady 2016, 409–410, 542, Taf. 67 (Dok. 325). Датировка: Траян).

В сочетании титулов *km nhh* «конец вечности» и *n mrh=f* «непрерывный» соответствие «бог есть вечность» отрицается с разных позиций: 1) бог не есть время, он его конец; 2) бог не начинает и не заканчивает движение, он непрерывен; 3) жизнь бога противопоставляется течению вечности. Бессмертие как форма апофатической характеристики бога-абсолюта не только противопоставляется вечности, но и отрицает постоянство как ее атрибутирующий критерий. Отрицание перерывов, задержек во времени есть отрицание и отрезков, элементов времени, а значит, и самого времени как конечного, незамкнутого и не-единого пространства. Сама же субстанция бога является средоточием пространства так называемого циклического времени; в ней завершается вечность и рождаются боги. Поскольку время заключено в субстанции, то она лишена воздействия цикла времени как скопления случайностей; напротив, бессмертная субстанция сама регулирует динамику его элементов. Онтологическое понятие бессмертия в позднеегипетской теологии можно синтезировать из двух посылок, противопоставляющих вечность как течение времени категориям бессмертия и субстанции бога: 1) «вечность» $\neq$ «бессмертие»; 2) «время» $\neq$ «остановка»; 3) синтез: бессмертие воплощено в остановившемся времени, сконцентрированном в божественной «субстанции» (*ʿh*).

* * *

Дальнейшее исследование будет сконцентрировано на контекстах эсхатологических эпитетов *h3t ntrw hpr hr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии» в Dendara, Temple d'Isis, 142.4–5 и Dendara XV, 227.2–4, а также инверсивного эпитета *h3t ntrw (s3) hpr m/hr-h3t* «начало богов, возникших прежде» в позднейших текстах Эсны.

Литература / References

- Abdelhalim Ali, A. 2014: A Lunette Stela of Pasenedjemibnash in Cairo Museum CG 22151. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 114, 1–18.
- Allen, J.P. 2005: *The Art of Medicine in Ancient Egypt*. New York–New Haven–London.
- Backes, B. 2016: *Der „Papyrus Schmitt“ (Berlin P. 3057): ein funeräres Ritualbuch der ägyptischen Spätzeit*. Bd. I–II. (Ägyptische und Orientalische Papyri und Handschriften des Ägyptischen Museums und Papyrussammlung Berlin, 4). Berlin–Boston.
- Block, A. 2014: *Der verborgene Königsmythos von Edfu. Wiederentdeckung eines Konzepts dreidimensionaler Literatur*. (Aegyptiaca Hamburgensia, 4). Gladbeck.
- Bogdanov, I.V. 2022: [Theological Antithesis “Beginning of the Gods, the One Who Comes into Being Afterwards” in the Late Egyptian Texts. Texts 1–8]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 82/1, 5–31.
- Богданов, И.В. Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах (тексты 1–8). *ВДИ* 82/1, 5–31.
- Bogdanov, I.V. 2023: [‘The End of Eternity’ as a Theological Category in the Egyptian Eschatology]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 83/2, 257–273.
- Богданов, И.В. «Конец вечности» как теологическая категория в египетской эсхатологии. *ВДИ* 83/2, 257–273.
- Botti, G. 1964: *I cimeli egizi del Museo di Antichità di Parma*. (Accademia Toscana di Scienze e Lettere «La Colombaria». Serie studi, 9). Firenze.
- Bucher, P. 1928: Les hymnes à Sobk-Ra, seigneur de Smenou, des papyrus n°s 2 et 7 de la Bibliothèque Nationale de Strasbourg. *Kêmi* 1, 41–52, 147–166.

- Budde, D. 2000: *Die Göttin Seschat*. (Kanobos, 2). Leipzig.
- Budde, D. 2011: *Das Götterkind im Tempel, in der Stadt und im Weltgebäude. Eine Studie zu drei Kultobjekten der Hathor von Dendera und zur Theologie der Kindgötter im griechisch-römischen Ägypten*. (Münchener Ägyptologische Studien, 55). Darmstadt–Mainz.
- Burkard, G. 1986: *Grabung im Asasif 1963–1970*. Bd. III. *Die Papyrusfunde*. (Archäologische Veröffentlichungen, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 22). Mainz.
- Burkard, G. 1995: *Spätzeitliche Osiris-Liturgien im Corpus der Asasif-Papyri: Übersetzung, Kommentar, formale und inhaltliche Analyse*. (ÄAT, 31). Wiesbaden.
- Cauville, S. 1983: *La théologie d'Osiris à Edfou*. (BdÉ, 91). Le Caire.
- Cauville, S. 2000: *Dendara III. Traduction*. (OLA, 95). Leuven.
- Cauville, S. 2011: *Dendara XIV. Traduction. Le pronaos du temple d'Hathor: parois intérieures*. (OLA, 201). Leuven.
- Cauville, S. 2012: *Dendara XV. Traduction. Le pronaos du temple d'Hathor: plafond et parois extérieures*. (OLA, 213). Leuven.
- Cauville, S. 2020: *Dendara: Hymnes à Hathor et à Isis*. (OLA, 295). Leuven–Paris–Bristol (CT).
- Chantraine, G. 2020: *Éléments de la terminologie du temps en égyptien ancien: une étude de sémantique lexicale en diachronie*. (Lingua Aegyptia, Studia Monographica, 21). Berlin–Hamburg–Wien.
- Clère, P. 1961: *La Porte d'Évergète à Karnak*. 2e partie. *Planches*. (MIFAO, 84). Le Caire.
- Collombert, Ph. 1998: La succession éternelle des générations: à propos d'une formule des autobiographies tardives. *Revue d'égyptologie* 49, 47–58.
- Collombert, Ph. 2008–2010: Les stèles d'enceinte de Thoutmosis III à Héliopolis. *Bulletin de la Société d'Égyptologie de Genève* 28, 5–13.
- Crum, W.E. 1962: *A Coptic Dictionary: Compiled with the Help of Many Scholars*. Reprint. Oxford.
- Derchain-Urtel, M.Th. 1989: *Priester im Tempel. Die Rezeption der Tempel von Edfu und Dendera in den Privatdokumenten aus ptolemäischer Zeit*. (Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten, 19). Wiesbaden.
- Derchain-Urtel, M.Th. 1999: *Epigraphische Untersuchungen zur griechisch-römischen Zeit in Ägypten*. (ÄAT, 43). Wiesbaden.
- Dietze, K. 2020: Das Korpus der Mauerstelen Thutmosis' III. und die innere Umfassungsmauer im Tempel von Heliopolis. In: A. Ashmawy, K. Dietze, D. Raue (Hrsg.), *Heliopolis – Kultzentrum unter Kairo*. (Kleine Schriften des Ägyptischen Museums der Universität Leipzig, 13). Heidelberg, 37–56.
- Dorman, P.F. 1991: *The Tombs of Senenmut. The Architecture and Decoration of Tombs 71 and 353*. (Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition, 24). New York.
- Drioton, É. 1926: *Rapport sur les fouilles de Médamoud (1925). Les inscriptions*. (FIFAO, 3.2). Le Caire.
- Edel, E. 1955–1964: *Altägyptische Grammatik*. Bd. I–II. (Analecta Orientalia, 34, 39). Roma.
- Edwards, I.E.S. 1939: *Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc*. Pt. 8. London.
- Elgawady, Kh. 2016: *Die Schranken in den ägyptischen Tempeln. Eine Studie zur Funktion und religiösen Bedeutung*. (Quellen und Interpretationen Altägypten, 1). Hützel.
- Fairman, H.W. 1934: A Statue from the Karnak Cache. *Journal of Egyptian Archaeology* 20/1–2, 1–4.
- Falck, M. von 2001: *Textgeschichtliche Untersuchungen zu Götterreden und verwandten Texten auf ägyptischen Särgen und Sarkophagen von der 3. Zwischenzeit bis zur Ptolemäerzeit*. Teil 1. *Nut-Texte, ausgewählte Götterreden und Pyramidentextspruchauszüge*. Bd. 1–2. Diss. Münster.
- Faulkner, R.O. 1933: *The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum no. 10188)*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 3). Brussels.
- Frank-Kamenetzky, J. 1914: Der Papyrus Nr. 3162 des Berliner Museums (Schluss). *Orientalistische Literaturzeitung* 17/3, 97–102.
- Gardiner, A.H. 1937: *Late-Egyptian Miscellanies*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 7). Brussels.
- Germond, Ph. 1981: *Sekhmet et la protection du monde*. (Aegyptiaca Helvetica, 9). Genève.
- Gill, A.-K. 2019: *The Hieratic Ritual Books of Pawerem (P. BM EA 10252 and P. BM EA 10081) from the Late 4th Century BC*. Vol. I–II. (Studien zur spätägyptischen Religion, 25). Wiesbaden.
- Goedicke, H. 1960: The Inscription of *Dmi*. *Journal of Near Eastern Studies* 19/4, 288–291.
- Golénischeff, W.S. 1927: *Papyrus hiératiques*. Fasc. 1. (CG, nos. 58001–58036). Le Caire.
- Griffiths, J.G. 1970: *Plutarch's De Iside et Osiride. Edited with an Introduction, Translation, and Commentary*. Cardiff.
- Gülden, S.A. 2001: *Die hieratischen Texte des P. Berlin 3049*. (KÄT, 13). Wiesbaden.
- Herbin, Fr.-R. 1994: *Le livre de parcourir l'éternité*. (OLA, 58). Leuven.

- Herbin, Fr.-R. 1999: Trois manuscrits originaux du Louvre porteurs du Livre des Respirations fait par Isis (P. Louvre N3121, N3083 et N3166). *Revue d'égyptologie* 50, 149–239.
- Herbin, Fr.-R. 2008: *Books of Breathing and Related Texts*. (Catalogue of the Books of the Dead and other Religious Texts in the British Museum, 4). London.
- Jansen-Winkel, K. 1996: *Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit*. (ÄAT, 34). Wiesbaden.
- Jansen-Winkel, K. 2001: *Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo*. Teil I. Übersetzungen und Kommentare. Teil II. Texte und Tafeln. (ÄAT, 45). Wiesbaden.
- Junke, H., Winter, E. 1965: *Das Geburtshaus des Tempels der Isis in Philä*. Wien.
- Kamal, A. 1904–1905: *Stèles ptolémaïques et romaines*. T. I–II. (CG, nos 22001–22208). Le Caire.
- Kertmann, J. 2019: *Im Fahrwasser des Sonnengottes. Eine Studie zum Darreichen der Morgen- und Abendbarke in den ägyptischen Tempeln griechisch-römischer Zeit*. (Studien zur spätägyptischen Religion, 28). Wiesbaden.
- Khosroyev, A.L. 2015: [Some More Reflections on the Apophatic Theology of Gnostics]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]* 1 (22), 12–36.
- Хосроев, А.Л. Еще раз об апофатическом богословии гностиков (материалы и комментарии). *Письменные памятники Востока* 1 (22), 12–36.
- Klotz, D. 2006: *Adoration of the Ram. Five Hymns to Amun-Re from Hibis Temple*. (Yale Egyptological Studies, 6). New Haven.
- Klotz, D. 2009: The Statue of the Dioikêtês Harchebi/Archibios. Nelson-Atkins Museum of Art 47–12. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 109, 281–310.
- Klotz, D. 2012: *Caesar in the City of Amun. Egyptian Temple Construction and Theology in Roman Thebes*. (Monographies Reine Élisabeth, 15). Turnhout.
- Klotz, D. 2015: The Sorrows of Young Nesmin: The Early Demise of a Theban Priest. In: Chr. Thiers (ed.), *Documents de théologies thébaines tardives (D3T 3)*. (CENiM, 13). Montpellier, 91–139.
- Kockelmann, H., Winter, E. 2016: *Philae III. Die Zweite Ostkolonnade des Tempels der Isis in Philae (CO II und CO II K)*. Bd. I. Text. Bd. II. Tafeln. (Denkschriften der Gesamtkademie, 78). Wien.
- Kühnemund, M. 2021: *Die rituelle Reinheit in den Tempeln der griechisch-römischen Zeit*. Bd. I. Text. Bd. II. Anhang. (Studien zur spätägyptischen Religion, 34). Wiesbaden.
- Kurth, D. 1998: *Edfou VIII. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. Übersetzungen. Bd. I. Wiesbaden.
- Kurth, D. 2004: *Edfou VII. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I Übersetzungen. Bd. II. Wiesbaden.
- Kurth, D. 2008: *Einführung ins Ptolemäische: eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken*. Teil 2. Hützel.
- Kurth, D. 2014: *Edfou VI. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. Übersetzungen. Bd. III. Gladbeck.
- Kurth, D. 2019: *Edfou V. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. Übersetzungen. Bd. IV/1. Hützel.
- Kurth, D. 2021: *Edfou IV: Seite 1–201. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I Übersetzungen. Bd. V/1. Hützel.
- Lapp, G. 1997: *The Papyrus of Nu (BM EA 10477)*. (Catalogue of the Books of the Dead in the British Museum, 1). London.
- Lapp, G. 2011: *Die prt-m-hrw-Sprüche (Tb 2, 64–72)*. (Totenbuchtexte, 7). Basel.
- Leitz, Chr. 2001: Die beiden kryptographischen Inschriften aus Esna mit den Widdern und Krokodilen. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 29, 251–276.
- Leitz, Chr. 2011: *Der Sarg des Panehemis in Wien*. (SSR, 3). Wiesbaden.
- Leitz, Chr. 2017: *Die regionale Mythologie Ägyptens nach Ausweis der geographischen Prozessionen in den späten Tempeln. Soubassementstudien IV*. Bd. I–II. (SSR, 10). Wiesbaden.
- Leroux, N. 2018: *Les recommandations aux prêtres dans les temples ptolémaïques et romains. Esquisse d'un héritage culturel et religieux*. (SSR, 21). Wiesbaden.
- Lüscher, B. 2006: *Die Verwandlungssprüche (Tb 76–88)*. (Totenbuchtexte, 2). Basel.
- Manassa, C. 2007: *The Late Egyptian Underworld: Sarcophagi and Related Texts from the Nectanebid Period*. Pt. I. Sarcophagi and Texts. Pt. II. Plates. (ÄAT, 72). Wiesbaden.
- Maspero, G. 1914: *Sarcophages des époques persane et ptolémaïque*. T. I–II. (CG, nos 29301–29323). Le Caire.
- Mathieu, B. 2012: *Et tout cela exactement selon sa volonté. La conception du corps humain à Esna (Esna n° 250, 6–12)*. In: A. Gasse, Fr. Servajean, Chr. Thiers (éd.), *Et in Aegypto et ad Aegyptum: recueil d'études dédiées à Jean-Claude Grenier*. Vol. 3. (CENiM, 5). Montpellier, 499–516.

- Mekis, T. 2016: Quelques données nouvelles sur les stèles Budapest MBA inv. n° 51.1928 et Prague MN P 1636, et sur la famille de Iâhmès fils de Smendès, propriétaire de la statue Caire JE37075. In: L. Coulon (éd.), *La Cachette de Karnak: nouvelles perspectives sur les découvertes de Georges Legrain*. (BdÉ, 161). Le Caire, 383–395.
- Morenz, L. 2010: *Die Zeit der Regionen im Spiegel der Gebelein-Region. Kulturgeschichtliche Rekonstruktionen*. (Probleme der Ägyptologie, 27). Leiden.
- Mosher Jr., M. 2016a: *The Book of the Dead: Saite Through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes*. Vol. III. *BD Spells 31–49*. (SPBDStudies, 3). North Charleston.
- Mosher Jr., M. 2016b: *The Book of the Dead: Saite Through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes*. Vol. IV. *BD Spells 50–63, 65–77*. (SPBDStudies, 4). North Charleston.
- Mosher Jr., M. 2018: *The Book of the Dead: Saite Through Ptolemaic Periods. A Study of Traditions Evident in Versions of Texts and Vignettes*. Vol. V. *BD Spells 78–92*. (SPBDStudies, 5). North Charleston.
- Osing, J. 1998: *The Carlsberg Papyri 2. Hieratische Papyri aus Tebtunis I*. Bd. I. Text. Bd. II. Tafeln. (CNI Publications, 17). Copenhagen.
- Otto, E. 1960: *Das ägyptische Mundöffnungsritual*. Bd. I–II. (ÄgAbh, 3). Wiesbaden.
- Panov, M. 2011: Three Records of the Late Period. *Lingua Aegyptia* 19, 87–113.
- Perdu, O. 1997: Une « autobiographie » d'Horirâa revisitée. *Revue d'égyptologie* 48, 165–184.
- Piankoff, A. 1977: *The Shrines of Tut-Ankh-Amon*. 2nd ed. (Bollingen Series, 40/2). New York.
- Quack, J.F. 1994: *Die Lehren des Ani: ein neuägyptischer Weisheitstext in seinem kulturellen Umfeld*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 141). Freiburg (Schweiz)–Göttingen.
- Ray, J.D. 1976: *The Archive of Hor*. (Texts from Excavations, 2; Excavations at North Saqqâra: Documentary Series, 1). London.
- Recklinghausen, D. von 2019: Die Soubassements des Amun-Tempels in Naukratis: ein Zeugnis für die Tempeldekoration in der frühen Ptolemäerzeit. In: A. Ashmawy, D. Raue, D. von Recklinghausen (Hrsg.), *Von Elephantine bis zu den Küsten des Meeres: die Kulttopographie Ägyptens nach den Gauprozessionen der Spätzeit und der frühptolemäischen Epoche. Soubassementstudien VII*. (SSR, 24). Wiesbaden, 267–378.
- Rickert, A. 2019: *Das Horn des Steinbocks. Die Treppen und der Dachkiosk in Dendara als Quellen zum Neujahrsfest*. Teil I–II. (SSR, 23). Wiesbaden.
- Sandri, S. 2006: *Har-pa-chered (Harpokrates). Die Genese eines ägyptischen Götterkindes*. (OLA, 151). Leuven.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. (Studia Hellenistica, 50). Leuven.
- Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. Wiesbaden.
- Servajean, F. 2007: *Djet et Neheh. Une histoire du temps égyptien*. (Orientalia Monspeliensia, 18). Montpellier.
- Smith, M. 2009: *Traversing Eternity: Texts for the Afterlife from Ptolemaic and Roman Egypt*. Oxford.
- Stadler, M.A. 2003: *Der Totenpapyrus des Pa-Month (P. Bibl. nat. 149)*. (Studien zum Altägyptischen Totenbuch, 6). Wiesbaden.
- Tattko, J. 2019: *Türinschriften im Naos des Hathortempels von Dendara. Eine Studie zu Stilistik und Theologie in ägyptischen Tempeltexten der griechisch-römischen Zeit*. Teil I. Text. (SSR, 27/1). Wiesbaden.
- Theis, Chr. 2014: *Magie und Raum. Der magische Schutz ausgewählter Räume im alten Ägypten nebst einem Vergleich zu angrenzenden Kulturbereichen*. (Orientalische Religionen in der Antike, 13). Tübingen.
- Traunecker, Cl. 1992: *Coptos, hommes et dieux sur le parvis de Geb*. (OLA, 43). Leuven.
- Uljas, S. 2015: What Is and What Is Not. A Very Brief Note on Relative Adjectives and Negations in Earlier Egyptian. *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies* 23, 283–288.
- Van Haarlem, W.M. 1986: *Corpus antiquitatum Aegyptiacarum. Allard Pierson Museum, Amsterdam*. Fasc. 1. *Selection from the Collection*. Vol. I. Mainz am Rhein.
- Vercoutter, J. 1958: Une epitaphe royale inédite du Sérapéum (contribution à l'histoire des Apis et du Sérapéum de Memphis). In: *Festschrift zum 80. Geburtstag von Professor Dr. Hermann Junker*. II.

- Teil. (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo, 16). Wiesbaden, 333–345.
- Verhoeven, U. 1993: *Das saïtische Totenbuch der Iahtesnacht: P. Colon. Aeg. 10207*. Teil I–III. Bonn.
- Wildung D. 1977: *Imhotep und Amenhotep. Gottwerdung im alten Ägypten*. (Münchner Ägyptologische Studien, 36). München–Berlin.
- Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. (OLA, 78). Leuven.
- Wüthrich, A. 2015: *Édition synoptique et traduction des chapitres supplémentaires du Livre des Morts 162 à 167*. Vol. I–II. (Studien zu altägyptischen Totentexten, 19). Wiesbaden.
- Zandee, J. 1992: *Der Amunhymnus des Papyrus Leiden I 344, verso*. Bd. I–III. (Collections of the National Museum of Antiquities at Leiden, 7). Leiden.
- Zivie-Coche, Chr. 2009: L'Ogdoade thébaine à l'époque ptolémaïque et ses antécédents. In: Chr. Thiers (éd.), *Documents de Théologies Thébaines Tardives (D3T 1)*. (CENiM, 3). Montpellier, 167–209.
- Zivie-Coche, Chr. 2015: L'Ogdoade à Thèbes à l'époque ptolémaïque (III). Le pylône du petit temple de Médinet Habou. In: Chr. Thiers (éd.), *Documents de Théologies Thébaines Tardives (D3T 3)*. (CENiM, 13). Montpellier, 327–397.

Список сокращений / Abbreviations

Athribis VI	—	Leitz, Chr., Mendel, D. <i>Athribis VI: Die westlichen Zugangsräume, die Säulen und die Architrave des Umgangs und der südliche Teil des Soubassements der westlichen Außenmauer des Tempels Ptolemaios XII</i> . Bd. I–II. Le Caire, 2021
CDD	—	Johnson, J.H. (ed.), <i>The Demotic Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago</i> . Chicago, 2001
CG	—	<i>Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire</i> . Le Caire
CT	—	Buck, A. de. <i>The Egyptian Coffin Texts I–VII</i> . (OIP, 34, 49, 64, 67, 73, 81, 87). Chicago, 1935–1961
Deir Chelouit III	—	Zivie, Chr.M. <i>Le Temple de Deir Chelouit III: 90–157. Inscriptions du naos</i> . (PIFAO). Le Caire, 1986
Dendara I	—	Chassinat, É. <i>Le temple de Dendara</i> . T. I. Le Caire, 1934
Dendara II	—	Chassinat, É. <i>Le temple de Dendara</i> . T. II. Le Caire, 1934
Dendara III	—	Chassinat, É. <i>Le temple de Dendara</i> . T. III. Le Caire, 1935
Dendara IV	—	Chassinat, É. <i>Le temple de Dendara</i> . T. IV. Le Caire, 1935
Dendara V	—	Chassinat, É. <i>Le temple de Dendara</i> . T. V. Fasc. 1. <i>Texte</i> . Le Caire, 1952
Dendara VI	—	Chassinat, É., Daumas, Fr. <i>Le temple de Dendara</i> . T. VI. Fasc. 1–2. Le Caire, 1965
Dendara VII	—	Chassinat, É. Daumas, Fr. <i>Le temple de Dendara</i> . T. VII. Fasc. 1. <i>Texte</i> . Fasc. 2. <i>Planches</i> . Le Caire, 1972
Dendara VIII	—	Chassinat, É., Daumas, Fr. <i>Le Temple de Dendara</i> . T. VIII. Fasc. 1–2. Le Caire, 1978
Dendara IX	—	Daumas, Fr. <i>Le Temple de Dendara</i> . T. IX. Fasc. I. <i>Texte</i> . Fasc. II. <i>Planches</i> . Le Caire, 1987
Dendara X	—	Cauville, S. <i>Le temple de Dendara</i> . T. X. <i>Les chapelles osiriennes</i> . T. 1–2. Le Caire, 1997
Dendara XIII	—	Cauville, S. <i>Le temple de Dendara</i> . T. XIII. 2 ^e éd. <i>Texte revu et corrigé</i> . Fasc. I–II. Le Caire, 2020
Dendara XIV	—	Cauville, S. <i>Le temple de Dendara</i> . T. XIV. 2 ^e éd. <i>Texte revu et corrigé</i> . Vol. 1–2. Le Caire, 2020
Dendara XV	—	Cauville, S. <i>Le temple de Dendara XV</i> . 2 ^e éd. <i>Texte revu et corrigé</i> . Vol. 1–2. Le Caire, 2020

-
-
- Dendara, Temple d'Isis — Cauville, S. *Dendara. Le temple d'Isis*. Vol. I. *Texte*. Le Caire, 2007
Cauville, S., Lecler, A. *Dendara. Le temple d'Isis*. Vol. II. *Planches*. Le Caire, 2007
- Edfou I — Rochemonteix, M. de, Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. I. Fasc. 1–4. 2e éd. (MMAF, 10). Le Caire, 1984–1987
- Edfou IV — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. IV. Réédition. (MMAF, 21). Le Caire, 2009
- Edfou V — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. V. Réédition. (MMAF, 22). Le Caire, 2009
- Edfou VI — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VI. Réédition. (MMAF, 23). Le Caire, 2009
- Edfou VII — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VII. Réédition. (MMAF, 24). Le Caire, 2009
- Edfou VIII — Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VIII. Réédition. (MMAF, 25). Le Caire, 2009
- Esna II — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. II. *Textes (nos. 1–193)*. Réédition. Le Caire, 2012
- Esna III — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. III. *Textes (nos. 194–398)*. Le Caire, 1968
- Esna IV — Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. IV. Fasc. 1. *Nos 399–472*. Réédition. Le Caire, 2012
Ménassa, L. *Le temple d'Esna*. T. IV. Fasc. 2. *Dessin des architraves*. Le Caire, 1975
- JWIS — Jansen-Winkel, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil I. *Die 21. Dynastie*. Wiesbaden, 2007; Teil II. *Die 22.–24. Dynastie*. Wiesbaden, 2007; Teil IV. *Die 26. Dynastie*. Bd. 1–2. Wiesbaden, 2014
- LGG — Leitz, Chr. (Hrsg.), *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VII. Leuven–Paris–Dudley, 2002
- Opet I — Wit, C. de. *Les inscriptions du temple d'Opet, à Karnak*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 11). Bruxelles, 1958
- Pyr. (PT) — Sethe, K. *Die altägyptischen Pyramidentexte*. Bd. I–IV. Leipzig, 1908–1922;
Allen, J.P. *A New Concordance of the Pyramid Texts*. Vol. I–VI. Providence, 2013
- Urk. II — Sethe, K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. (Urkunden des Ägyptischen Altertums, II.1–3). Leipzig, 1904–1916
- Urk. IV — Helck, W. (Hrsg.), *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17–22*. (Urkunden des ägyptischen Altertums, IV). Berlin, 1955–1958
- Wb. — Eрман, А., Граров, Н. (Hrsg.), *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

DOI: 10.31857/S032103910023616-0

ШЛЕМ ДИОДОТА ТРИФОНА: ОПЫТ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Дедюлькин¹, С. В. Смирнов²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: donrumata@inbox.ru ² E-mail: smirnovSv3@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-0100-8007 ² ORCID: 0000-0002-9205-9493

В статье проводится археологический и нумизматический анализ изображения парадного царского шлема, помещенного на монетах селевкидского узурпатора середины II в. до н.э. Диодота Трифона. Наличие археологических аналогий отдельным элементам конструкции «шлема Трифона» позволяет сделать вывод о существовании реального царского шлема, послужившего прототипом для монетного изображения данной серии. Иконографически «шлем Трифона» представляет собой композит, включающий македонские и дионисийские мотивы. Принимая во внимание политический контекст эпохи, стоит признать, что рассматриваемый «шлем Трифона» являлся не только ярким примером эллинистического парадного вооружения, но и важнейшим инструментом легитимации власти узурпатора, которая покоилась на лояльности военных элит Апамеи на Оронте.

Ключевые слова: Селевкиды, Диодот Трифон, нумизматика, эллинизм, иконография, шлем, вооружение

THE HELMET OF DIODOTUS TRYPHON: A NUMISMATIC AND ARCHAEOLOGICAL STUDY

Anton V. Dedyulkin¹, Svyatoslav V. Smirnov²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: donrumata@inbox.ru ² E-mail: smirnovSv3@yandex.ru

Данные об авторах. Антон Владимирович Дедюлькин — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира ИИМО Южного федерального университета; Святослав Викторович Смирнов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

The paper presents an archaeological and numismatic analysis of the image of the ceremonial royal helmet on the coins of Diodotus Tryphon, the Seleucid usurper of the mid-second century BC. The archaeological analogies to the individual elements of the 'Tryphon's helmet' design allow us to suggest the existence of a real royal helmet, which served as a prototype for this coinage. In terms of iconography, the 'Tryphon's helmet' is a composite image where both Macedonian and Dionysian motifs can be found. Taking into account the political context, it is worth recognizing that the royal Tryphon's helmet was not only an example of the Hellenistic ceremonial equipment, but also an important tool for legitimizing the usurper's power, which relied on the loyalty of the military elites of Apamea on the Orontes.

Keywords: Seleucids, Diodotus Tryphon, numismatics, Hellenism, iconography, helmet, armour

Одной из ключевых проблем в исследованиях, посвященных изучению царского парадного вооружения эпохи эллинизма, является недостаток археологического материала, представленного единичными находками преимущественно из погребальных комплексов. Место обнаружения подразумевает вероятность использования такого вооружения сугубо в погребальных целях, а не при жизни самого полководца или монарха¹. Даже если допустить, что такой материал демонстрирует прижизненное вооружение, а не погребальный инвентарь, малое число подобных артефактов и, зачастую, отсутствие строгой хронологической атрибуции затрудняют исследование. По сути, о вооружении эллинистических полководцев и монархов возможно судить лишь обращаясь к отрывочным сведениям эпиграфических источников и данных литературной традиции. Между тем недостаток археологических находок отчасти может быть компенсирован изобразительными источниками (прежде всего памятниками нумизматики и глиптики), что, впрочем, также не всегда позволяет дать точную атрибуцию и датировку исследуемого объекта². Изображение на монетах селевкидского узурпатора рубежа 40–30-х годов II в. до н.э. Диодота Трифона является исключением — это уникальный случай хорошо датированного подробного изображения одного из элементов царского парадного вооружения — шлема (рис. 1, I).

¹ Примером такого «погребального» вооружения можно считать шлем с пунсоновой надписью «царя Монуния» (Wiegand 1911). Это шлем без какого-либо декора. Надпись «Севта» на лобной (!) части шлема из гробницы Севта III (Martinez et al. 2015, 126–127) ясно указывает, что это подпись погребального инвентаря (хотя сам шлем вполне мог относиться и к прижизненному вооружению). Напротив, паноплия из гробницы II Большого кургана в Вергине (Andronicos 1989, 134–146) — пример роскошного царского вооружения, искусной работы лучших чеканщиков, резчиков и ювелиров.

² Ярким примером такого детализированного изображения является царский шлем на камее Гонзага, атрибуция которого, впрочем, также остается предметом дискуссий (Maksimova 1924, 13–21; Neverov 1977, 16–21; Plantzos 1996, 124–125). Более того, нет уверенности, что камее демонстрирует прижизненное изображение и, следовательно, представленный на ней доспех иллюстрирует реальный прототип.

Иконография монет Диодота Трифона неоднократно становилась предметом специального внимания исследователей, главным образом ввиду неординарности и уникальности ключевого монетного типа — так называемого «шлема Трифона», представляющего интересный образец эллинистического вооружения — парадный шлем. Несмотря на более чем десяток трактовок данного монетного типа, все выводы сводились к замечаниям общего характера, прежде всего о военном символизме этого мотива, столь значимом для идеологии узурпатора-полководца³. Между тем идея о существовании реального прототипа для «шлема Трифона» практически никогда не выдвигалась исследователями, что исключало комплексный нумизматический и археологический анализ материала. В данном случае, пожалуй, наиболее ценной работой является исследование А. Сейрига⁴, который предположил, что «шлем Трифона» является не просто абстрактным символом воинской власти, но визуальной репрезентацией оригинального артефакта, царского шлема, персонального символа его владельца — Трифона. К сожалению, выводы А. Сейрига не были подкреплены археологическими аналогиями. Между тем, имеющийся в распоряжении археологический материал позволяет провести комплексный анализ «шлема Трифона» как образца царского парадного шлема эпохи эллинизма, а дополнительный анализ иконографии монетного изображения позволяет представить новую трактовку этого типа как важного идеологического инструмента в системе царской пропаганды узурпатора Диодота Трифона.

Монетный тип «шлем Трифона», с изображением головы Трифона вправо на лицевой стороне и шлема с рогом на оборотной, многократно тиражировался на монетах всех номиналов, отчеканенных от имени данного правителя, что представляет собой беспрецедентный опыт для монетного дела Селевкидов. Так, данный тип помещался на тетрадрахмах (SC 2029–2031), драмах (рис. 1, 2; SC 2032–2033), а также бронзовых номиналах (рис. 1, 3; SC 2034–2035). Стоит отметить, что количественно доля монет данного типа превышает 80% от общего числа монетных выпусков, что весьма нехарактерно для Селевкидов. Кроме монет изображение «шлема Трифона» помещено и на единственной известной

³ Насколько мы можем судить, интерес к монетам типа «шлем Трифона» появился еще на ранних этапах изучения истории государства Селевкидов. Первым о «шлеме Трифона» писал еще Ж. Фуа-Вайян (Foy-Vaillan 1681, 283). Не обошел вниманием этот монетный тип и «отец нумизматики» И.-И. Эккель (Eckel 1792, III. 234), который видел в иконографии «шлема Трифона», в частности рога, восточные корни. Монеты Трифона попадали также в поле зрения авторов крупнейших каталогов селевкидских монет: П. Гарднера (Gardner 1878, XXXIII, 68–69), Э. Бабелона (Babelon 1980, CXXXIX), Э. Ньюэлла (Newell 1917, 73), А. Хутона и К. Лорбер (Houghton, Lorber 2002–2008, 337–338). Из всех известных нам исследований, посвященных анализу иконографии монет данного типа, стоит прежде всего выделить работы К. Элинга (Ehling 1997, 21–27) и Р. Фляйшера (Fleischer 1991, 68–70), а также наблюдения Б. Чрабасика (Chrubasik 2016, 154–161), в которых представлен относительно полный анализ иконографии монетного типа «шлем Трифона». В остальных работах (Baldus 1970; Fischer 1972; Houghton 1992) данный монетный тип имеет лишь общее описание.

⁴ Seyrig 1950, 8.

Рис. 1. 1 – тетрадрахма Диодота Трифона. Антиохия на Оронте (SC 2929); 2 – драхма Диодота Трифона. Антиохия на Оронте (SC 2032); 3 – бронзовый номинал Диодота Трифона (SC 2034); 4 – Весовая гири с именем Диодота Трифона (по: Pondera Online, ID 3600); 5 – драхма Антиоха VI со «шлемом Трифона». Антиохия на Оронте (SC 2003); 6 – тетрадрахма Антиоха VI. Апа-мея (SC 2009)

царской весовой гире Трифона (рис. 1, 4)⁵. Важно заметить, что монетный тип «шлем Трифона» впервые появляется еще на монетах ставленника Трифона, малолетнего царя Антиоха VI (рис. 1, 5; *SC* 2003), за несколько лет до узурпации власти самим Трифоном. Отдельно стоит обратить внимание на небольшую серию бронзовых монет с изображением рога горного козла, идентичного тому, что украшает шлем (*SC* 2041). Такая акцентированность, очевидно, подчеркивает не просто значимость рога как художественного элемента, но выделяет конкретный тип рога как особый элемент-символ. Таким образом, «шлем Трифона» на протяжении всех лет правления узурпатора был не просто самым популярным, но, можно сказать, и единственным монетным типом. Монеты данного типа чеканились на главном монетном дворе в Антиохии на Оронте. Данные монетные выпуски отличаются высокой детализацией изображения, вплоть до мельчайших элементов декора шлема⁶.

Подробное и детализированное изображение «шлема Трифона» позволяет представить основные особенности формы, конструкции и декора шлема (рис. 2, 1). Сфероконическая тулья, украшенная рельефным фронтоном с волютами, переходит в профилированные поля, дополненные широкими вертикальными складками, как на шлемах беотийского типа. Ограниченный боковыми складками передний сегмент полей выполняет функции козырька, внутри него хорошо различим неширокий вкладыш. Шлем снабжен подвижными нащечниками сегментовидной формы, с небольшим треугольным выступом на середине стороны, обращенной к лицу. Тулья украшена сложным профилированным фигурным навершием, с декоративным обрамлением из объемных листьев. На лбу шлема размещаются крупные рога горного козла⁷. Их гипертрофированный размер, вероятно, является художественной условностью. Вся поверхность шлема пышно украшена. На нащечниках изображен крылатый керавн. Назатыльник и фронтон украшены растительным орнаментом. О декоре козырька судить сложно, поскольку его перекрывает венки, надетый поверх шлема. На затылочной части различим декор в виде плющевого венка. Шлем также дополняет царская диадема. На тулье размещаются крупные круглые медальоны. В медальоне, расположенном на передней части тульи, можно достаточно уверенно различить силуэт орла. На втором медальоне схематичность изображения, обусловленная размерами, не позволяет дать однозначную интерпретацию образа. Это может быть и силуэт всадника, и некое фантастическое существо (Пегас, грифон, и т.д.)⁸.

⁵ Pondera Online, ID 3600 (URL: <https://pondera.uclouvain.be/artifact/3600/>; дата обращения: 15.08.2023) = Roma Numismatics, auction 14, 2017, lot 317. О царских весовых гирях Селевкидов см. Smirnov 2022, 142–151.

⁶ Fleischer 1991, 68–69.

⁷ Отметим, что на изображении виден только один рог, но примеры подобного изображения козлиных рогов в профильном ракурсе, известные в искусстве древнего Ирана, позволяют предположить, что шлем был украшен двумя рогами (Lukonin 1977, 51, 76).

⁸ А. Сейриг (Seyrig 1950, 8), а вслед за ним и А. Хутон и К. Лорбер (*SC* 2030), полагают, что во втором медальоне располагалась фигура пантеры.

Рис. 2. 1 – тетрадрахма Диодота Трифона (SC 2029, фрагмент); 2 – перитрахелион из Вергины (по: Andronicos 1989, 188); 3 – серебряные рога из Моргантины (по: Guzzo 2003, pl. 2); 4 – каменный шаблон шлема из Мемфиса (по: Gagsteiger 1993, Taf. 1); 5 – железный шлем из Кылново (по: Atanasov 1992, табл. XI); 6 – терракотовый шлем из Тарента (по: Besques 1984, fig. 1); 7 – полихромная амфора из Ольвии (по: Trever 1901, табл. II); 8 – бронзовый кратер из Дервени (по: Barr-Sharrar 2008, pl. 1); 9 – фрагменты слепка со шлема из Мемфиса (по: Pfrommer 1996, fig. 6)

Подобные шлемы со сфероконической тульей, широко распространенные во II в. до н.э., отождествляются с известным из эпиграфических источников названием *κῶνος*⁹. Наиболее ранние сведения о коносах связаны с Македонией и правлением последних царей династии Антигонидов. Они упоминаются в амфипольской надписи (*ISE II 114*, датируется правлением Филиппа V)¹⁰ и среди даров, посвященных македонскими царевичами Персеем и Деметрием храму Аполлона на Делосе (*I. Délos 442B*). Особого внимания заслуживает вкладыш, который придавал козырьку дополнительную жесткость. Этот конструктивный элемент изначально появился на составных шлемах аттического типа с козырьком¹¹. Подобными вкладышами снабжен шлем-конос со сфероконической тульей и полями со схематичными боковыми складками, обнаруженный в мавзолее в Неаполе Скифском¹². Этот технический нюанс, незначительный для монетной иконографии, является косвенным аргументом того, что изображение шлема выполнялось с натуры, с воспроизведением всех конструктивных особенностей.

В структуре царской иконографии Селевкидов монетный тип «шлем Трифона» занимает особое место. Из всего многообразия монетных изображений и символов, помещавшихся на монетах Селевкидов, только «шлем Трифона» имеет однозначную ассоциацию с конкретным правителем, в то время как остальные цари династии использовали более универсальную иконографию. Иными словами, изображение шлема данного типа встречается только на монетах Трифона, что позволяет рассматривать данный артефакт в качестве его персонального символа¹³. Стоит отметить, что иконография монет Трифона заметно отличается от иконографии других селевкидских узурпаторов доминированием одного изображения. В отличие от Трифона другой селевкидский узурпатор, Тимарх, за свое непродолжительное правление отчеканил более восьми разнообразных монетных типов для монет различных номиналов, среди которых сложно выделить доминирующий. Монетные типы Тимарха строго сгруппированы по номиналам, в то время как «шлем Трифона» чеканился на монетах всех номиналов. Об иконографии другого узурпатора, Молона, сделать какие-то обобщающие выводы сложно ввиду малочисленности известных экземпляров его монет, но и те, что имеются в нашем распоряжении, как кажется, не объединены общим монетным типом.

Другой особенностью монетного дела Трифона является разрыв с иконографическими традициями Селевкидов. В отличие от остальных узурпаторов

⁹ Dintsis 1986, 57–58.

¹⁰ Hatzopoulos 2001, 161–164.

¹¹ Dedyulkin 2016, 182.

¹² Dedyulkin, Zaytsev 2016, 53–54.

¹³ Отождествление монетного типа «шлем Трифона» с его эмитентом довольно рано и прочно укоренилось в историографии, что стало полем для различных спекуляций. Так, еще Ж. Фуа-Вайян (Fouy-Vaillan 1681, 283) высказал предположение, ставшее впоследствии *locus communis* для всех работ вплоть до середины XX в., что второе имя Диодота — Трифон — происходит от гомеровского *τρυφάλεια* (см. Babelon 1890, CXXXIX; Seyrig 1950, 9). В современной трактовке имя Трифон принято соотносить с представлениями о царском *τρυφή* — роскоши и добродетели, которую часто приписывали себя селевкидские правители (Chrubasik 2016, 156).

и нелегитимных правителей Трифон не использовал ни монетные типы самих Селевкидов, ни отдельные мотивы и изображения, характерные для династической царской иконографии. Для незаконных царей Александра Балы, Антиоха VI и Александра Забины использование устоявшихся монетных типов Селевкидов было частью их легитимации. При этом выбор монетной иконографии во многом зависел от династических притязаний, декларируемых правителем. Так, и Александр Бала, и Александр Забина чеканили преимущественно монеты типа «Зевс Никефор», возродившего царем Антиохом IV в 170/169 г. до н.э., которого оба позиционировали как своего предка в противовес потомкам Деметрия I, которые намеренно не использовали этот монетный тип. Узурпаторы же старались не делать прямых заимствований, адаптируя лишь общие иконографические сюжеты и мотивы. Так, единственная известная тетрадрахма Молона относится к типу «Ника, венчающая трофей» (SC 950), который чеканился еще Селевком I. Тимарх также использовал отдельные мотивы иконографии Селевкидов — изображение слона (SC 1607), Артемиды, стреляющей из лука (SC 1591), шагающей Ники (SC 1594). Кроме того, Тимарх заимствовал монетную иконографию ближайших соседей — правителей Греко-Бактрии. Так, золотой статер Тимарха с изображением колесницы (SC 1604) иконографически близок монетам Оксиарата/Вахшувара, а тетрадрахмы со всадниками Диоскурами (SC 1589) являются прямым заимствованием типа монет Евкратиды I. В отличие от всех предыдущих узурпаторов и незаконных претендентов на престол, Трифон чеканил монеты с совершенно оригинальной иконографией, никогда не использовавшейся в монетном деле Селевкидов ни до него, ни после. Это обстоятельство является еще одним ярким свидетельством персонального характера изображения «шлема Трифона» и его структурообразующее значение для идеологии узурпатора и репрезентации его власти.

Примечательно и портретное изображение Трифона, помещенное на лицевой стороне его монет. Оно имеет несколько индивидуальных физиономических особенностей, в частности: приоткрытый рот, длинные волосы, покрывающие затылок и часть шеи, завивающиеся локоны на лбу, что придает изображению динамичность, демонстрирует движение. По мнению Р. Фляйшера, портрет Трифона на монетах имеет очевидное сходство с портретом Александра (включая ювенальность и анастолу), а также отдельные элементы образа «молодого Диониса», встречающиеся позже на известных изображениях Митридата VI¹⁴. Кроме того, Р. Фляйшер отмечает еще два возможных прототипа портрета Трифона: изображение Александра на монетах Лисимаха и изображение Александра Балы (SC 1784), а также Антиоха IV на посмертной серии монет, выпущенных Александром Балой (SC 1885).

Стоит отметить, что изображение правителя в шлеме достаточно часто встречается в иконографии ранних Селевкидов. Так, первым оригинальным селевкидским монетным типом является тип «неизвестный в шлеме» с изображением героизированного персонажа в шлеме, обтянутом шкурой пантеры с рогами быка (SC 173). Также хорошо известна небольшая серия тетрадрахм Селевка I из Экбатан, на которых изображен всадник (Александр?) в рогатом шлеме (SC 203).

¹⁴ Fleischer 1991, 69.

Редкие изображения Антиоха I в шлеме встречаются на эмиссиях бронзовых монет (SC 412). Также царский портрет в шлеме чеканился на бронзовых монетах Александра Балы (SC 1790) и Деметрия II (SC 1991). Примечательно, что в шлеме изображался на монетах и узурпатор Тимарх; впрочем, такой вариант его портрета помещался только на тетрадрахмах, в то время как на монетах других номиналов Тимарх изображался просто в царской диадеме. Кроме того, известны редкие изображения просто шлемов, исключительно на бронзовых монетах. Нет сомнений, что в каждом из этих случаев шлем выступал в качестве символа воинской доблести и полководческих талантов правителя, однако отметим, что уровень художественного исполнения и степень детализации всех перечисленных изображений существенно ниже, чем «шлем Трифона», что позволяет видеть в них прежде всего символ, а не визуализацию реального артефакта.

Особо примечательно присутствие в монетной иконографии Трифона дионисийских мотивов. Так, божественная титулатура ставленника Трифона — малолетнего Антиоха VI — включала имя бога Диониса, что никогда прежде не встречалось у Селевкидов. Нередко на монетах (SC 2006) молодой царь изображался в плющевом венке, наглядно демонстрируя образ «молодого Диониса». Изображение слона (SC 2006) и пантеры (SC 2007) на выпусках бронзовых монет Антиоха VI также имеет очевидное дионисийское прочтение. Наиболее экзотическим элементом этой дионисийской иконографии является венок, окружающий изображение всадников Диоскуров на тетрадрахмах Антиоха VI (рис. 1, 6; SC 2000). Этот венок представляет собой сложную художественную композицию, включающую колосья, цветы граната, лилии и листья плюща, что заметно отличает его от других типов венков на монетах, распространенных в то время, состоящих из дубовых или оливковых листьев. В историографии этот венок интерпретируется как «дионисийский»¹⁵. Плющевой венок украшает и «шлем Трифона». Схожие дионисийские мотивы встречаются и на автономных выпусках бронзовой монеты Апамеи на Оронте, которая являлась родиной и опорной крепостью Диодота Трифона. Отметим, что ключевой особенностью таких автономных выпусков был их локальный характер. Выпуски санкционировались местными полисными властями для собственных экономических нужд, а иконография имела сугубо локальное значение. Так, на монетах Апамеи встречаются изображения слона (что кроме дионисийского прочтения могло быть памятью о царском слоновнике), Диониса в плющевом венке и тирса¹⁶.

Дионисийские мотивы и символика были достаточно популярны в декоре воинского снаряжения эллинистической эпохи¹⁷. Например, среди фрагментов статуй стратегов из Додоны есть рукоять парадной махайры с навершием в виде головы пантеры. Вероятно, именно к этой статуе относится фрагмент перевязи меча, украшенной изображением побегов плюща, а также вток всаднического

¹⁵ Houghton, Lorber 2002–2008, 322.

¹⁶ Hoover 2009, 1419, 1425.

¹⁷ Этот сюжет требует отдельной публикации, здесь мы лишь тезисно намечаем основные аспекты.

копья с инкрустацией в виде листьев винограда¹⁸. К дионисийской символике можно отнести и попоны из шкуры леопарда¹⁹, представленные на достаточно репрезентативной серии изображений (фреска из гробницы Кинча, рельефы т.н. «саркофага Александра» из царского некрополя Сидона, мозаика из Дома Фавна в Помпеях, надгробие из музея Амфиполя²⁰). Здесь же уместно вспомнить и шлемы так называемой группы Конверсано, изображающие сатиров и менад, персонажей дионисийского фиаса²¹. Эти доспехи призваны преобразить владельца шлема в вакхического персонажа. Если представить нескольких или многих людей, на которых надеты подобные шлемы, возникает образ некоего дионисийского воинства или триумфального фиаса. Хорошо известна воинственная сторона культа Диониса, о его триумфе (θρίαμβος) сообщают Диодор и Арриан (Diod. IV. 4. 4; IV. 3. 1. Arg. *Ind.* V. 9). По сообщению Плутарха, Деметрий Полиоркет старался походить на Диониса, «великого воителя» (Plut. *Demetr.* 2, 3; ср. Diod. XX. 92. 4). Особенно впечатляет описание шествия в честь Диониса и Александра, устроенное в Александрии Птолемеем II в 270-е годы до н.э., которое описывает Афиней, пересказывая Калликсена, где в процессии участвовали «сто двадцать Сатиров в полном вооружении, у одних — из золота, у других — из серебра или меди» (Athen. V. 25–31. Пер. Н.Т. Голинкевича под ред. М.Л. Гаспарова). В образе Диониса на торжественном параде в Дафне предстает и царь Антиох IV, разъезжавший на «плохой лошади» вдоль процессии воинов, а после, на пиру, танцевавший «непристойные» танцы (Polyb. XXXI. 4. 4–9)²².

Как уже было отмечено, шлем на монетах Диодота Трифона представляет значительный интерес как уникальный пример достоверно атрибутируемого царского доспеха II в. до н.э. Предположение А. Сейрига представляется совершенно справедливым — перед нами не некий абстрактный образ, помещенный на монете в качестве символа, а подробное, детализированное изображение конкретного предмета вооружения. Это имеет большое значение еще и потому, что археологические находки царского вооружения эллинистической эпохи крайне редки. Наиболее представительной является паноплия из гробницы II Большого кургана в Вергине²³.

¹⁸ Katsikoudes 2005, 15, 24, 26.

¹⁹ Версия О. Палагии (Palagia 2017, 182), что это именно ахеменидский *κῆσας*, упоминаемый Ксенофонтом (Сур. VIII. 3. 6), не может быть принята. Ксенофонт упоминает этот предмет односложно. На изображениях ахеменидские всадники используют тканевые вальтрапы с пышным декором (Hamdi Bey, Reinach 1892, pl. XXVIII, XXIX, XXX, XXXI), а не попоны из шкуры леопарда. Гораздо более престижной охотничьей добычей был лев, львиная охота правителей и знати — популярный сюжет в искусстве Ассирии, Ахеменидского Ирана, Македонии (Palagia 2000, 178–186). Но на обсуждаемых фресках и рельефах представлены именно леопардовые шкуры.

²⁰ Palagia 2017, 182.

²¹ Nalimova, Dedyulkin 2021.

²² Подробнее о царе Антиохе в образе Диониса на праздниках в Дафне см. Iossif 2011, 146–150.

²³ Принадлежность гробницы II была предметом дискуссии. Ю. Борза предпринимал попытки оспорить интерпретацию М. Андроникоса, которую разделяет большинство исследователей, и соотнести погребение не с Филиппом II, а с Филиппом III Арридеем, что повлекло бы изменение датировки с 336 на 317 г. до н.э. (Kuzmin 2013,

Шлем из гробницы в Голяма Косматке, усыпальнице одрисского царя Севта III, датируемой рубежом IV—III вв. до н.э., достаточно зауряден²⁴. Для III—II вв. до н.э., времени почти непрерывных войн между наиболее крупными эллинистическими монархиями, нет практически ни одной находки или подробного изображения парадного царского шлема. Железные шлемы-коносы, происходящие из царских варварских погребений на периферии эллинистической ойкумены — в гробнице в Эс-Сумаа в Нумидии и в мавзолее в Неаполе Скифском, интерпретируемом как усыпальница царя Скилура²⁵, представляют собой доспехи без сложного и нарядного декора, они значительно скромнее шлема Трифона.

Итак, рассмотрим отдельные элементы «шлема Трифона». Особого внимания заслуживает рог, который позволяет соотнести конос на монете с представительной серией рогатых царских шлемов эллинистической эпохи²⁶. Несомненно, пышно украшенные шлемы эллинистических правителей и полководцев позволяли легко идентифицировать их и выделять из окружения воинов. Учитывая апамейское происхождение Трифона, вполне закономерно обращение к символам, близким и понятным македонским катойкам. Вполне вероятно, что шлем на реверсе монет Антиоха VI уверенно отождествлялся с Трифоном даже теми подданными, кто не знал его в лицо. Известно, что Пирра легко узнавали по «знаменитому шлему с султаном и козлиными рогами» (Plut. *Pyrrh.* 11. 5). Показателен также и эпизод со слухами о гибели Филиппа V, для распространения которых было достаточно находки отбитого рога с царского шлема (Liv. XXVII. 33. 2—3). Примечательно, что и шлем Пирра, и шлем Филиппа V, судя по изображениям на монетах и гермах, были украшены козьими рогами²⁷. Очевидно, что на определенном этапе рога на шлеме стали восприниматься как атрибут военачальника. Полиэн называет Пана стратегом Диониса и дает остроумное «рациональное» объяснение традиции изображать его рогатым (κέρασφόρος), поскольку он изобрел военный строй, правое и левое крылья (φάλαγγα ὀνόμασε, κέρασ ἔταξε δεξιὸν καὶ λαίον)²⁸. В датируемом 165—157/156 гг. до н.э. инвентарном списке из святилища Аполлона на острове Делос в составе роскошной всаднической паноплии упоминается позолоченный шлем с рогами и нащечниками (I. *Delos* 1403 Bb.1, 1.41), λε]ριγεφαλαίαν ἐπ[ι]χρ[υσον ἐντε]λῃ κ[ε]ράτα <ἐχουσαν?> ἐπ[ι]χρυσσά καὶ

554—557). Применительно к материальной культуре это почти неразличимый хронологический интервал, и паноплия из гробницы II вполне может привлекаться для сопоставлений с эллинистическим вооружением.

²⁴ Martinez et al. 2015, 126—127.

²⁵ Waurick 1979, 305—309; Dedyulkin, Zaytsev 2016.

²⁶ С точки зрения анализа иконографии рог «шлема Трифона» получил различные трактовки. В некоторых случаях в нем было принято видеть подражание Александру и его индийской кампании (Baldus 1970, 219; Fleischer 1991, 68), в других — критское влияние (Ehling, 1997, 47). В современной нумизматической литературе во многом из-за отождествления рога с македонской традицией «шлем Трифона» принято характеризовать как «македонский». См. Houghton, Lorber 2002—2008, 337; Neumann 2021, 62.

²⁷ Уместно вспомнить небольшую серию римских денариев Луция Марция Филиппа 113 или 112 г. до н.э. с изображением головы Филиппа V в шлеме с двумя козьими рогами (RRC 293.1).

²⁸ Polyæn. I. 2. Κέρασ обозначает как рог, так и правую или левую части боевого порядка.

παράναθας²⁹. Нам известны археологические примеры плакировки всей поверхности доспехов позолоченным серебряным листом, именно так украшен перитрахелион из гробницы II Большого кургана в Вергине³⁰ (рис. 2, 2). В составеклада серебряной посуды из Моргантины, тезаврированного в т.н. «доме Эвполема» перед взятием города римлянами в 211 г. до н.э.³¹, были обнаружены два серебряных рога (рис. 2, 3). П. Дж. Гуццо предположил, что они украшали парадный шлем³². Длина рогов 15,5 см, вес каждого — около 70 г. Вероятно, рога на шлеме Трифона тоже были достаточно легкими.

Из-за небольших размеров и схематичности изображения на монетах Трифона нельзя определить, в какой технике был выполнен декор на шлеме-прототипе³³. Это могла быть как гравировка, так и чеканка, по аналогии с сохранившимися образцами. Обилие деталей и плотное заполнение поверхности орнаментами и мотивами находит стилистические аналогии среди каменных шаблонов шлемов из Мемфиса³⁴ (рис. 2, 4). По изображению мы не можем судить о материале, из которого был изготовлен шлем Трифона, но логично предположить, что он имел железную основу³⁵. Во второй половине IV в. до н.э. в Македонии и Греции для царей и полководцев начинают изготавливать доспехи из железа. Упоминания этих доспехов в письменных источниках иногда сопровождаются указанием имени мастера, что само по себе указывает на их ценность и трудоемкость изготовления. Плутарх называет оружейников Теофила, изготовившего шлем Александра Македонского, и Зоила, выковавшего панцирь Деметрия Полиоркета (Plut. *Alex.* 32. 5; *Dem.* 21. 3). Железные доспехи были престижнее бронзовых, но в бронзе греческие оружейники создавали очень сложные объемные рельефы, которые не смогли бы воспроизвести на железе. Примером такой сложной моделировки являются затейливые гирлянды, прически и повязки сатиров дионисийского фиа на бронзовых шлемах группы Конверсано³⁶. Несмотря на определенные ограничения, которые диктовал новый материал, оружейники старались сохранить привычный чеканный декор. С большим мастерством выполнено изображение головы Афины на шлеме из гробницы II Большого кургана в Вергине. Значительный интерес представляют свидетельства Павсания (IV. 31. 10–11; X. 18. 6) и Плиния Старшего (*NH.* XL. 141) о нескольких железных статуях и скульптурных группах из Мессены, Дельф, Пергама и Родоса. Несомненно, железные статуи

²⁹ Ж. Ру предположил, что это посвящение какого-то эллинистического монарха (Roux 1989, 275).

³⁰ Andronicos 1989, 180.

³¹ Stone 2014, 458–461.

³² Guzzo 2003, 65.

³³ Краткий обзор богато украшенных доспехов классического и эллинистического периода представлен в монографии М. Ю. Трейстера о чеканке и торовитке (Treister 2001, 112–121, 208–210). Раздел, посвященный эллинистическим доспехам, очень лаконичен и посвящен исключительно самнитским панцирям и поясам (Treister 2001, 208–210).

³⁴ Gagsteiger 1993.

³⁵ Dedyulkin 2021, 25–28.

³⁶ Nalimova, Dedyulkin 2021.

собирались из довольно крупных кованых пластин сложной формы. Вероятно, эти статуи были созданы не позднее II—I вв. до н.э. Железный конос из Кылново (рис. 2, 5) украшен чеканными изображениями протомы Афины внутри фронтона и масками божеств в дисках волют³⁷. Но это небольшие изображения, которые уступают в качестве чеканным рельефам на бронзе и драгоценных металлах. Обилие тонкого и изящного рельефного декора, покрывающего почти всю поверхность шлема Трифона, позволяет предполагать, что он мог быть плакирован листом драгоценного металла (золота или позолоченного серебра), на котором выполнялась чеканка. Эта технологическая схема широко использовалась при изготовлении перитрахелионов из Македонии и Фракии (рис. 2, 2). Такой способ позволяет выполнять гораздо более сложные и детализированные изображения и открывает больше возможностей для чеканщика и ювелира. Именно так, накладными высокохудожественными серебряными рельефами, украшен шлем из гробницы возле Карантинного шоссе некрополя Пантикапея³⁸.

Керавны на нащечниках являются достаточно популярным мотивом и находят аналогии как среди реальных артефактов (шлем из Кылново, см. рис. 2, 5), так и на изображениях (голова статуи из Старой Нисы)³⁹. Размещение изображений крупных фигур на тулье не является уникальным. Четыре крупных рельефных фигуры украшают тулью глиняного шлема-пилоса из Тарента (рис. 2, 6), хранящегося в Лувре⁴⁰. Вероятно, он является наглядным образцом из мастерской чеканщика. Фигуры на шлеме Трифона вписаны в круглые тондо. Подобное композиционное решение мы видим на серебряных фаларах из Федулова, где львиные маски вписаны в тондо, в обрамлении сложного растительного декора⁴¹. Декор сложного навершия с объемными листьями находит аналогии в оформлении роскошной столовой амфоры из Ольвии (рис. 2, 7), копирующей металлические сосуды⁴². В качестве примера сплошного покрытия всей поверхности предмета тонкой и искусной чеканкой можно привести кратер из Дервени⁴³ (рис. 2, 8) или нарядную глиняную гидрию — подражание металлическому сосуду, из некрополя Шатби в Александрии⁴⁴. Примерами подобного сложного и изысканного декора являются каменные шаблоны и слепки шлемов из птолемеевского Египта (рис. 2, 4, 9). Судя по находкам слепков из Мемфиса, одни и те же чеканщики и ювелиры украшали как посуду, так и доспехи⁴⁵. Тит Ливий упоминает искусных ремесленников, которые трудились при царском дворе Антигонидов и изготавливали в том числе «вазы из золота и серебра, из меди» (Liv. XLV. 33. 5). Можно предположить, что накладные рельефы и сложное навершие для шлема Трифона были изготовлены в одной из антиохийских или апамейских мастерских, теми

³⁷ Atanasov 1992, 12.

³⁸ Aleksinskii 2008.

³⁹ Pilipko 1996, табл. V.

⁴⁰ Besques 1984.

⁴¹ Treister 2001, fig. 98.

⁴² Trever 1918.

⁴³ Barr-Sharrar 2008.

⁴⁴ Breccia 1912, 29—30, tav. XXXVII.

⁴⁵ Pfrommer 1996, 176.

τορευταί, которых упоминает Полибий, повествуя о неординарном характере Антиоха IV Эпифана (Polyb. XVI. 1. 2).

Рубеж 40–30-х годов II в. до н.э. без преувеличения можно считать одним из наиболее кризисных периодов во всей истории государства Селевкидов. Политическая ситуация этого времени характеризуется новым обострением династической борьбы, продолжением территориального распада, а также усилением влияния локальных элит⁴⁶. Признаком глубокого политического кризиса стало и появление большого числа незаконных претендентов на царскую власть. Так, еще в 150 г. до н.э. при поддержке Птолемея VI царем стал Александр Бала, объявивший себя сыном Антиоха IV. В 144 г. до н.э. царем был провозглашен сын Александра Балы Антиох VI, который также не имел законных прав на престол, а в 125 г. до н.э. престол занял Александр Забина, выдававший себя за сына Антиоха VII. Критической точкой этой смены нелегитимных царей стал приход к власти узурпатора Диодота Трифона, который в отличие от всех предыдущих не связывал свою власть с династией, а предпринял попытку построения собственной власти.

Очевидно, что социальной опорой власти узурпатора были военно-политические элиты государства Селевкидов. Об этом можно судить, последовательно проследив роль Апамеи на Оронте (точнее, верхушки этого полиса) в политике самого Трифона. Стоит отметить, что Апамея на Оронте занимала особое место в структуре сирийского Тетраполиса — столичной агломерации государства Селевкидов. Этот город являлся крупнейшей военной базой Селевкидов в регионе, некогда располагавшей не только внушительным воинским контингентом, но и знаменитым слоновником, который, впрочем, к середине II в. до н.э. уже был ликвидирован. Судя по недавно открытым мозаикам III в. н.э., Апамея была основана как македонская катойкия, вероятно, еще в период войн диадохов⁴⁷. Появление на одной из мозаик, посвященных основанию Апамеи, Антипатра является репрезентацией позднеантичного варианта городской легенды, которая могла быть отражением более ранней традиции о македонских корнях первых ее поселенцев. Согласно сообщению Страбона (XVI. 2. 10), Диодот Трифон был уроженцем Апамеи. Именно Апамея была ключевым форпостом его власти и местом его гибели. Это обстоятельство безусловно демонстрирует высокий статус полиса, который он приобретает в этот период. Нет сомнений, что именно поддержка апамейцев, которые представляли собой костяк военной элиты государства Селевкидов, стала ключевым обстоятельством прихода к власти Диодота Трифона.

Такая связь, а в чем-то и зависимость узурпатора Трифона от военно-политических элит Апамеи и нашла отражение в иконографии его монет. Изображение шлема — не просто знака полководческой доблести, но, скорее, реального

⁴⁶ Одной из наиболее влиятельных групп элит этого времени стоит считать иудейскую знать. Затянувшийся конфликт в Иудее стал одной из главных забот для каждого селевкидского правителя середины II в. до н.э., а раскол внутри иудейских элит время от времени превращал их в одну из сторон конфликта в борьбе между претендентами на селевкидский престол. Другой весьма значимой политической силой в это время становятся элиты Антиохии на Оронте — столицы государства Селевкидов. См. Ehling 2008, 154–178; Wilker 2011, 216–252.

⁴⁷ Olszewski, Saad 2018, 365–408.

парадного шлема, ассоциировавшегося с его владельцем, очевидно, было ярким и узнаваемым символом власти Трифона. Иконографически «шлем Трифона» представляет собой композит, сочетающий македонские и дионисийские мотивы. Важнейший элемент композиции — рог горного козла — был элементом македонской традиции, что подчеркивало македонское прошлое Апамеи на Оронте, а плющевой декор на шлеме являлся очевидным символом воинского культа Диониса, также распространенного в Апамее. Таким образом, «шлем Трифона» является ярким примером «эллинистического барокко» и выдающимся образцом мастерства сирийских оружейников и чеканщиков. Изображение «шлема Трифона» на монетах узурпатора имело важное идеологическое значение и служило инструментом легитимации его власти в глазах ближайших сторонников — полководцев и воинов Апамеи на Оронте.

Литература / References

- Aleksinskii, D.P. 2008: [Ancient Iron Helmet from the Burial of a Warrior near the Quarantine Highway near Kerch]. In: E.N. Khodza, A.M. Butyagin (eds.), *Antichnyy mir. Iskustvo i arkheologiya* [Antiquity: Art and Archaeology]. Saint Petersburg, 31–70.
- Алексинский, Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи. В сб.: Е.Н. Ходза, А.М. Бутягин (ред.), *Античный мир. Искусство и археология*. (Труды Государственного Эрмитажа, 41). СПб., 31–70.
- Andronicos, M. 1989: *Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City*. Athens.
- Atanasov, G. 1992: Materials from the 3rd–2nd Centuries BC from the Surroundings of the Village of Kalnovo, Shumensko. *Izvestiya na istoricheskiya muzey Shumen* [Proceedings of the Museum of History, Shoumen] 7, 5–44.
- Атанасов, Г. Сьоржения от 3–2 в. пр.н.е. от околностите на с. Кълново, Шуменско. *Известия на историческия музей Шумен* 7, 5–44.
- Babelon, E. 1890: *Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale: Les rois de Syrie d'Arménie et de Commagène*. Paris.
- Besques, S. 1984: Un casque en terre cuite de Tarente. In: H. Walter (éd.), *Hommages à Lucien Lerat*. (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 294). Paris, 91–102.
- Baldus, H. 1970: Der Helm des Tryphon und die Seleukidische Chronologie der Jahre 146–138 v. Chr. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 20, 217–239.
- Barr-Sharrar, B. 2008: *The Derveni Krater: Masterpiece of Classical Greek Metalwork*. (Ancient Art and Architecture in Context, 1). Princeton.
- Breccia, E. 1912: *La necropoli di Sciatbi. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée d'Alexandrie*. Vol. I: Testo. Vol. II: Tavole. Le Caire.
- Chrubasik, B. 2016: *Kings and Usurpers in the Seleukid Empire. The Men Who Would Be King*. Oxford.
- Dedyulkin, A.V. 2016: [Attic Type Helmets with Visor and the Votive Hoards of the 3rd–1st Centuries BC]. *Stratum plus* 3, 163–196.
- Дедюлькин, А.В. Шлемы аттического типа с козырьком и вотивные клады III–I вв. до н.э. *Stratum plus* 3, 163–196.
- Dedyulkin, A.V. 2021: [The Evolution of Iron Armour in the Hellenistic World]. In: V.R. Novoselov (ed.), *Istoricheskoe oruzhie v muzeynykh i chastnykh sobraniyakh* [Historical Weapons in Museum and Private Collections]. Issue 2. Moscow, 14–39.
- Дедюлькин, А.В. Эволюция железного доспеха в эллинистическом мире. В сб.: В.Р. Новоселов (ред.), *Историческое оружие в музейных и частных собраниях*. Вып. 2. М., 14–39.
- Dedyulkin, A.V., Zaytsev, Yu.P. 2016: [Hellenistic Iron Helmet from the Mausoleum of Scythian Naples]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] 4, 69–84.
- Дедюлькин, А.В., Зайцев, Ю.П. Эллинистический железный шлем из мавзолея Неаполя Скифского. *История и археология Крыма* 4, 69–84.
- Dintsis, P. 1986: *Hellenistische Helme*. (Archaeologica, 43). Roma.

- Eckel, I. 1792: *Doctrina numorum veterum*. Vol. III. Vindobona.
- Ehling, K. 1997: Überlegungen zur Herkunft und Bedeutung des Helms auf den Münzen Antiochos VI. und Tryphons. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 47, 21–27.
- Ehling, K. 2008: *Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.) vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syria unter Pompeius*. (Historia Einzelschriften, 196). Stuttgart.
- Fischer, T. 1972: Zu Tryphon. *Chiron* 2, 201–214.
- Fleischer, R. 1991: *Studien zur seleukidischen Kunst: Herrscherbildnisse*. Bd. 1. Mainz.
- Foy-Vaillant, J. 1681: *Seleucidarum imperium, sive historia regum Syriae ad fidem numismatum accommodata*. Paris.
- Gagsteiger, G. 1993: *Die ptolemäischen Waffenmodelle aus Memphis*. Hildesheim.
- Gardner, P. 1878: *A Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Seleucid Kings of Syria*. Vol. IV. London.
- Guzzo, P.J. 2003: A Group of Hellenistic Silver Objects in the Metropolitan Museum. *Metropolitan Museum Journal* 38, 45–94.
- Hamdi Bey, O., Reinach, T. 1892: *Une nécropole royale à Sidon: fouilles de Hamdy Bey*. Paris.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Paris.
- Hoover, O. 2009: *Handbook of Syrian Coins*. (Handbook of Greek Coinage Series, 9). Lancaster–London.
- Houghton, A. 1992: The Revolt of Tryphon and the Accession of Antiochus VI at Apamea. *Schweizerische numismatische Rundschau* 71, 119–141.
- Houghton, A., Lorber, C. 2002–2008: *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Vol. I–II. Lancaster–London.
- Iossif, P. 2011: Imago mundi: expression et représentation de l'idéologie royale séleucide. La procession de Daphné. *Electrum* 18, 125–157.
- Katsikudes, N. 2005: [Dodona: Statues of Censors]. Ioannina.
Κατσικούδης, Ν. Δωδώνη: Οι τιμητικοί ανδριάντες. Ιωάννινα.
- Kuzmin, Yu.N. 2013: «In the Shadow of Olympus»: Afterword]. In: Eug.N. Borza, *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [The History of Ancient Macedonia (Before Alexander the Great)]. Saint Petersburg, 551–561.
Кузьмин, Ю.Н. «В тени Олимпа»: послесловие. В кн.: Ю.Н. Борза, *История античной Македонии (до Александра Великого)*. СПб, 551–561.
- Lukonin, V.G. 1977: *Iskusstvo drevnego Irana* [The Art of Ancient Iran]. Moscow.
Луконин, В.Г. *Искусство Древнего Ирана*. М.
- Maksimova, M.I. 1924: *Kameya Gonzaga* [Gonzaga Cameo]. Leningrad.
Максимова, М.И. *Камя Гонзага*. Л.
- Martinez, J.-L., Baralis, A., Mathieux, N., Stoyanov, T., Tonkova, M. (eds.) 2015: *L'épopée des rois thraces. Des guerres médiques aux invasions celtes, 479–278 av. J.-C. Découvertes archéologiques en Bulgarie*. Paris.
- Nalimova, N.A., Dedyulkin, A.V. 2021: “Joying in War as in a Feast”. The Construction of Imagery in Greek Ceremonial Armor of the 4th Century B.C. In: A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E. Iu. Staniukovich-Denisova (eds.), *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*. Vol. 11. Saint Petersburg, 76–91.
- Neverov, O. Ya. 1977: *Kameya Gonzaga: iz istorii gliptiki* [Gonzaga Cameo: From the History of Glyptics]. Leningrad.
Неверов, О.Я. *Камя Гонзага: из истории глиптики*. Л.
- Neumann, K.M. 2021: *Antioch in Syria. A History from Coins (3000 BCE – 450 CE)*. Cambridge.
- Newell, E.T. 1917: Seleucid Mint of Antioch. *American Journal of Numismatics* 51, 1–151.
- Olszewski, M., Saad, H. 2018: Pella-Apamée sur l'Oronte et ses héros fondateurs à la lumière d'une source historique inconnue une mosaïque d'Apamée. In: M.P. Castiglioni, R. Carboni, M. Giuman, H. Bernier-Farella (ed.), *Héros fondateurs et indentités communautaires dans l'Antiquité entre mythe, rite et politique*. Perugia, 365–408.
- Palagia, O. 2000: Nephæstion's Pyre and the Royal Hunt of Alexander. In: A.B. Bosworth, E.J. Baynham (eds.), *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford, 167–206.
- Palagia, O. 2017: Alexander's Battles Against Persians in the Art of the Successors. In: T. Howe (ed.), *Ancient Historiography on War and Empire*. Oxford, 177–187.

- Pfrommer, M. 1996: Roots and Contacts: Aspects of Alexandrian Craftsmanship. In: M. Greenberg, K. Hamma, B. Gilman (eds.), *Alexandria and Alexandrianism*. Malibu, 171–189.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom* [Old Nisa. A Building with a Square Hall]. Moscow.
- Пилипко, В.Н. *Старая Ниса. Здание с квадратным залом*. М.
- Plantzos, D. 1996: Hellenistic Cameos: Problems of Classification and Chronology. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 41, 115–132.
- Roux, G. 1989: L'inventaire 1403 du Nêdrión délien. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 113/1, 261–275.
- Seyrig, H. 1950: *Notes on Syrian Coins*. (American Numismatic Society Numismatic Notes and Monographs, 119). New York.
- Smirnov, S.V. 2022: [Seleukid Royal Balance Weights: An Overview of the Problem]. *Problemy istorii filologii i kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 142–151.
- Смирнов, С.В. Царские весовые гири Селевкидов: обзор проблемы. *Проблемы истории, филологии и культуры* 2, 142–151.
- Stone, S.C. 2014: *The Hellenistic and Roman Fine Pottery*. (Morgantina Studies, 6). Princeton.
- Treister, M.Yu. 2001: *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics*. (Colloquia Pontica, 8). Leiden.
- Trever, K.V. 1918: *Ol'viyskaya polikhromnaya amfora 1901 goda* [Olbian Polychrome Amphora from 1901]. Petrograd.
- Тревер, К.В. *Ольвийская полихромная амфора 1901 года*. (Материалы археологии России, издаваемые Археологической Комиссией, 36). Петроград.
- Waurick, G. 1979: Die Schutzwaffen im numidischen Grab von Es Soumâa. In: H.G. Horn, C.B. Rüger (Hrsg.), *Die Numider. Reiter und Könige nördlich der Sahara. Ausstellungskatalog*. Köln–Bonn, 305–332.
- Wiegand, Th. 1911: Antiquarium. Ein Helm des Königs Monunios von Illyrien. *Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen* 33/1, 10–11.
- Wilker, J. 2011: Von Aufstandsführern zur lokalen Elite: Der Aufstieg der Makkabäer. In: B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsg.), *Lokale Eliten und hellenistische Könige. Zwischen Kooperation und Konfrontation*. Berlin, 219–256.

DOI: 10.31857/S032103910022634-0

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГАЯ АТЕЯ КАПИТОНА, ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНА 55 г. до н.э.

О. В. Любимова

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: lov800@yandex.ru

В статье рассматривается гипотеза о сотрудничестве плебейского трибуна 55 г. до н.э. Гая Атея Капитона с Цезарем, выдвинутая независимо друг от друга Е.В. Смыковым и П. Буонджорно. Рассмотрена политическая позиция Атея в год его трибуната и на следующих этапах его карьеры, в том числе проблематичные свидетельства, относящиеся к 54 и 52 г. до н.э., цензорское замечание, полученное Атеем в 50 г. до н.э., ходатайство Цицерона в защиту интересов Атея в 46 г. до н.э. и участие последнего в бутротской земельной комиссии в 44 г. до н.э. Сделан вывод об обоснованности традиционной точки зрения, согласно которой в 55 г. до н.э. Атей был сторонником Катона, а на сторону Цезаря перешел не ранее 50 г. до н.э. Показано, что Атей не оказывал Цезарю важных услуг, а его включение в земельную комиссию не следует расценивать как знак расположения к нему Цезаря.

Ключевые слова: Гай Атей Капитон, Цезарь, Красс, первый триумвират, оптиматы, Требониев закон, ауспиции, распределение земли, ветераны, Бутрот

POLITICAL ALLEGIANCE OF GAIUS ATEIUS CAPITO, PLEBEIAN TRIBUNE OF 55 BC

Olga V. Liubimova

Independent researcher, Moscow, Russia

E-mail: lov800@yandex.ru

The article responds to the hypothesis about the collaboration of Gaius Ateius Capito, the plebeian tribune of 55 BC, with Caesar, suggested independently by E.V. Smykov and P. Buongiorno. The political position of Ateius in 55 BC and at later stages of his career is

Данные об авторе. Ольга Владимировна Любимова — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Москва).

considered, including rather problematic evidence relating to the events of 54 and 52 BC, a censorial note imposed on Ateius in 50 BC, Cicero's petition in defense of Ateius in 46 BC and the latter's participation in the Buthrotum land commission in 44 BC. It is concluded that the traditional point of view, according to which Capito was a supporter of Cato in 55 BC and joined Caesar no earlier than 50 BC, is more justified. It is shown that Ateius did not perform any significant services to Caesar, and Ateius' participation in the land commission should not be regarded as a sign of Caesar's friendly attitude towards him.

Keywords: Gaius Ateius Capito, Caesar, Crassus, 'first triumvirate', optimates, lex Trebonia, auspices, distribution of land, veterans, Buthrotum

Гай Атей Капитон, плебейский трибун 55 г.¹, известен своим конфликтом с консулами этого года — Помпеем и Крассом: Капитон активно противодействовал принятию Требониева закона о провинциях консулов, а затем всячески препятствовал отъезду Красса в Сирию (Dio Cass. XXXIX. 32. 3; 34.1; 35–36; Plut. *Crass.* 16. 6–7; App. *BC.* II. 18. 66). Традиционно в историографии Атей рассматривается как противник «триумвиров» и союзник Катона и Фавония, которые тоже оказывали сопротивление консулам (Dio Cass. XXXIX. 34. 1; 35–36)². Однако в 2010 и 2011 гг. были опубликованы две статьи, авторы которых независимо друг от друга пришли к выводу, что в 55 г. Атей Капитон отстаивал интересы Цезаря, причем в качестве аргументов приводились некоторые обстоятельства последующей карьеры Атея³. Не приходится сомневаться, что после окончания гражданской войны Атей находился в лагере Цезаря: в 44 г. диктатор сделал его членом комиссии по распределению земли в Бутроте (Cic. *Att.* XVI. 16c, 16f). Но в какой момент он примкнул к Цезарю и чьи интересы защищал в свой трибунал? Попытаемся еще раз рассмотреть эту проблему.

Скудные сведения о семье Атея недавно проанализировал П. Буонджорно⁴: согласно его убедительной реконструкции, Атей Капитоны происходили из города Каструм Новум в южной Этрурии; отец Атея служил центурионом в армии Суллы в Первой Митридатовой войне (Plut. *Sull.* 14. 3; Tac. *Ann.* III. 75. 1), а брат Атея Луций, как и он сам, был сенатором, в 51 г. находился в ранге квестория (Cic. *Fam.* VIII. 8. 5; 6), а позднее достиг претуры (Tac. *Ann.* III. 75. 1). О жизни и карьере Атея до его трибуната в 55 г. нет никаких сведений, поэтому начинать рассмотрение приходится с этого года.

Дион Кассий сообщает, что Помпею и Крассу, консулам 55 г., удалось добиться сотрудничества всех плебейских трибунов этого года, кроме двух: Гая Атея Капитона и Публия Аквиллия Галла (Dio Cass. XXXIX. 32. 3). Когда плебейский трибун Требоний внес законопроект о предоставлении консулам в качестве провинций Сирии

¹ Здесь и далее все даты в статье — до нашей эры.

² Klebs 1896, 1903; Niccolini 1934, 310; Gruen 1974, 187, 342, n. 1, 484; Ward 1977, 276–277, 285; Fehrle 1983, 168–169, 172, 180; Schaublin 1986, 170–171; Vanderbroek 1987, 210–211; Millar 1998, 171; Morrell 2017, 179; Driediger-Murphy 2018, 185; Drogula 2019, 184.

³ Smykov 2010, 97–103; Buongiorno 2011, 207–213. Выводы Смыкова носят характер предположений, Буонджорно формулирует заключение более уверенно.

⁴ Buongiorno 2011, 195–207.

и двух Испаний, ему воспротивились Катон и Фавоний, воспользовавшись поддержкой этих двух трибунов, а также других политиков⁵ (34. 1). В день голосования сторонники консулов заперли Аквиллия в здании сената, а Атей вместе с Катонем и Фавонием не пустили на форум. Атей и Катон, взобравшись на плечи стоявших рядом людей, попытались объявить, что наблюдали знамения, требующие роспуска собрания, но служители плебейских трибунов вытеснили их, а некоторых из их спутников ранили, и даже убили (35). Когда закон был принят и толпа начала расходиться, Атей вывел к народу своего окровавленного коллегу Аквиллия, который к тому времени успел выбраться из курии и получить ранение в стычке, и негодующими высказываниями вызвал в народе возмущение, которое удалось успокоить только прибывшим на форум консулам. Те немедленно поставили на голосование закон о продлении полномочий Цезаря⁶; их противники — в том числе, видимо, и Атей⁷ — попытались выступить против, но снова ничего не добились (36. 1–2).

После принятия Требониева закона Атей не прекратил борьбу. Вместе со своим коллегой Аквиллием⁸ он привлек к суду консульских легатов, причем эти процессы рассматривались как нападение на самих консулов и их мероприятия (Dio Cass. XXXIX. 39. 2), а также препятствовал проводившемуся ими набору и попытался аннулировать Требониев закон (39. 3). Помпей воспользовался действиями трибунов как предлогом для того, чтобы остаться в Риме, но Красс твердо решил выехать в Сирию и использовал против трибунов силу, после чего они, видимо, отказались от борьбы (39. 4–5). Однако в день отъезда Красса в провинцию Атей предпринял последнюю попытку помешать ему: когда Красс совершал традиционные обряды на Капитолии, Атей снова заявил, что наблюдал дурные знамения (Cic. Div. I. 29–30; Dio Cass. XXXIX. 39. 6; Vell. II. 46. 3; Lucan. III. 126–127). Красс при поддержке своего коллеги Помпея пренебрег этим заявлением⁹; тогда

⁵ В их числе был Луций Нинний Квадрат, трибун 58 г. (Dio Cass. XXXIX. 35. 5).

⁶ Вероятно, он был внесен за некоторое время до того, ср. Dio Cass. XXXIII. 3–4; Millar 1998, 171.

⁷ У Диона Кассия сказано просто ἀντειπεῖν μὲν καὶ πρὸς ἐκείνῃ τῶν αὐτῶν περὶ αἰετόντων.

⁸ В пассаже Dio Cass. XXXIX. 39. 2–3 идет речь просто о трибунах, не названных по имени, но их идентификация очевидна из 32. 3.

⁹ О религиозной составляющей этого конфликта см. Driediger-Murphy 2018 со ссылками на предшествующую литературу. Как справедливо отмечает автор, источники не дают оснований для уверенности, что, совершая эту обнуляцию, Атей нарушал авгурское право; вместе с тем вывод автора о том, что Красс не имел религиозно-правовых оснований пренебречь обнуляцией Атея, представляется слишком поспешным. Оба участника конфликта имели политическую заинтересованность, а наши сведения о предписаниях авгурского права по этому вопросу не позволяют уверенно судить о том, кто из них был прав в этом споре; следовательно, к поведению Красса применима та же логика, что и к поведению Атея. Стоит отметить также, что больше не известно ни одной попытки трибуна помешать отъезду магистрата в провинцию при помощи обнуляции (см. Mommsen 1887, 107–108, Anm. 2; Schaublin 1986, 172). Учитывая напряженность политической борьбы в эпоху Поздней республики, это заставляет расценивать действия Атея если не как нарушение авгурского права, то во всяком случае как крупную инновацию.

Атей попытался его арестовать, но остальные трибуны этому воспрепятствовали. Наконец, у ворот Рима Атей повторил свое заявление о знамениях¹⁰ и, возможно, даже предал Красса проклятию¹¹, однако тот все же покинул Рим (Dio Cass. XXXIX. 39. 5–6; Plut. *Crass.* 16. 7–8; App. *BC.* II. 18. 66).

Итак, мы видим, что на протяжении всего своего трибуната Атей весьма последовательно противодействовал консулам, особенно Крассу, и сотрудничал с Катонем и Фавонием, заклятыми врагами триумvirата. На каком же основании его можно причислить к сторонникам Цезаря, который в то время являлся союзником обоих консулов?

П. Буонджорно ссылается на свидетельство Диона Кассия (XXXIX. 33. 3), согласно которому друзья Цезаря были недовольны законопроектом Требония о консульских провинциях, ибо опасались, что, достигнув своих целей, Помпей и Красс не позволят Цезарю оставаться наместником Галлии¹². По его мнению, Атей Капитон был одним из этих друзей и противодействовал принятию Требониева закона в интересах Цезаря.

Прежде всего следует отметить, что это свидетельство Диона Кассия не слишком надежно: согласно другим источникам, вопрос о продлении наместничества Цезаря (как и вопрос о консульстве и провинциях Помпея и Красса) был согласован триумвирами еще годом ранее, в Луке (Plut. *Crass.* 14. 6–7; *Pomp.* 51. 4–5; *Caes.* 21. 6; Suet. *Iul.* 24. 1; App. *BC.* II. 17), однако Дион Кассий ничего не знает об этих договоренностях. Поэтому в последующем рассказе он существенно искажает взаимоотношения между ними и, в частности, считает, что Помпей и Красс стали добиваться консулата из зависти к успехам Цезаря (XXXIX. 25–27)¹³. Едва ли можно безоговорочно принять картину, нарисованную у Диона Кассия, где законопроект о продлении полномочий Цезаря возникает на повестке дня лишь как попытка умиротворить возмущенных друзей Цезаря. Вместе с тем его рассказ может содержать некое зерно истины: например, друзья Цезаря могли быть не удовлетворены порядком внесения законопроектов, опасаясь, что, получив свои провинции, консулы передумают продлевать полномочия Цезаря в Галлии¹⁴. Так или иначе, но из этого самого пассажа Диона Кассия следует, что в действительности друзья Цезаря не препятствовали Требонию: они лишь выразили беспокойство и приготовились выступить против его законопроекта (παράσχευαζόμενων διὰ τοῦτο ἀντειλεῖν). Узнав об этом, консулы немедленно постарались рассеять их опасения и пообещали продлить полномочия Цезаря в Галлии¹⁵. Дион Кассий утверждает (XXXIX. 33. 4),

¹⁰ Вероятно, в этом участвовал и Аквиллий, ср. Dio Cass. XXXIX. 5.

¹¹ Некоторые исследователи считают сообщения о проклятии недостоверными: см. Simpson 1938 (которая также сомневается в том, что Атей пытался арестовать Красса); Weggen 2011, 21–45; Driediger-Murphy 2018, 195–195; против см. Bayet 1960, 43–44.

¹² Buongiorno 2011, 208.

¹³ Об этих искажениях у Диона Кассия см. Hardy 1924, 162; Lintott 1997, 2512–2513.

¹⁴ Так можно истолковать слова Диона Кассия ἐχόντων, ὅτι ἤμελλον ἐκεῖνοι, τυχόντες ὦν διφοῦντο, τὸν Καίσαρα μήκέτ' ἐπὶ πολὺ τὴν ἀρχὴν ἔχοντα καθεύρειν (XXXIX. 33. 3).

¹⁵ Согласно Диону Кассию, полномочия Цезаря были продлены на три года, согласно другим источникам, — на пять лет (Vell. II. 46. 2; Plut. *Crass.* 15. 7; *Pomp.* 52. 4; *Caes.* 21. 6; Suet. *Iul.* 24. 1; App. *BC.* II. 17–18); вероятно, закон запрещал сенату

что они внесли соответствующее предложение лишь после принятия законопроекта Требония, однако дальнейший рассказ показывает, что в день голосования по этому последнему законопроект Помпея—Лициния о продлении полномочий Цезаря в Галлии был уже обнародован (см. прим. 6). Во всяком случае, реакция консулов вполне удовлетворила друзей Цезаря, и они не стали выступать против Требониева законопроекта (Dio Cass. XXXIX. 33. 4: οἱ τε γὰρ τοῦ Καίσαρος ἐπιτήδευοι προαταληφθέντες οὕτως ἡσύχασαν). Таким образом, если Атей Капитон противодействовал его принятию, можно уверенно утверждать, что на тот момент он не входил в число друзей Цезаря. Это еще более очевидно из последующего рассказа Диона Кассия (XXXIX. 36. 2): прямо в день принятия Требониева закона консулы поставили на голосование собственный законопроект о продлении полномочий Цезаря — и вновь встретили сопротивление. Греческий историк называет их противников просто «они» (τῶν αὐτῶν), но из текста достаточно очевидно, что это люди, ранее боровшиеся против Требония. И если бы на этом этапе Атей как цезарианец вдруг перестал бы поддерживать своих недавних соратников — Аквилія Галла, Катона, Фавония, Нинния, — это выглядело бы по меньшей мере странно и, скорее всего, нашло бы отражение в источниках. Таким образом, в начале 55 г. Атей выступал не только против предоставления консулам Сирии и двух Испаний, но и против продления полномочий Цезаря в Галлии; следовательно, его нельзя назвать сторонником будущего диктатора.

Согласно версии Е. В. Смыкова, сотрудничество Атея с Цезарем могло начаться в том же 55 г., но несколько позднее: после того как Помпей объявил, что не намерен уезжать из Рима и будет управлять Испаниями через своих легатов. По мнению исследователя, такая перспектива должна была обеспокоить Цезаря, так как Помпей становился хозяином положения в Риме; поэтому проконсул Галлии был заинтересован в том, чтобы Красс тоже остался в Риме и играл роль противовеса Помпею. Таким образом, отчаянные попытки Атея помешать отъезду Красса играли на руку Цезарю¹⁶.

Против этой гипотезы также можно выдвинуть два возражения. Во-первых, мы не можем уверенно утверждать, что Цезарь воспринял это решение Помпея как прямую угрозу своим интересам: в 55 г. союз между ними, возобновленный в Луке, был еще крепок, а предвидеть смерть Юлии, служившей важным связующим звеном между Цезарем и Помпеем, было невозможно. Вероятно, Цезарь не исключал того, что, оставшись в Риме, Помпей снова начнет колебаться и дрейфовать в сторону оптиматов, как это происходило в 57 г., и, заключив союз с ними, укрепит свое влияние. Но если Цезарь считал Красса более надежным союзником, чем Помпея, то в решающий момент

принимать решение о назначении Цезарю преемника до 1 марта 50 г.; согласно нормам действовавшего тогда Семпрониева закона, это означало, что преемник Цезаря должен был сменить его в начале 48 г. (ср. Cic. *Fam.* VIII. 8. 4; 9), см. Cuff 1958, 463–464. Ошибка Диона Кассия, видимо, объясняется неверными подсчетами: он полагал, что 1 марта 50 г. заканчивались полномочия Цезаря (XL. 59. 3), поэтому считал, что общая продолжительность его галльского наместничества составляла восемь лет (с 58 по 51 г. включительно, ср. XLIV. 43), а поскольку первый срок был установлен в пять лет, то второй должен был составлять три, см. об этом Hardy 1924, 160–162.

¹⁶ Smykov 2010, 101–103.

окончания наместничества и возвращения во враждебный Рим ему был бы весьма полезен такой союзник во главе богатой провинции и победоносных легионов, прибывающий в Рим одновременно с ним самим. Источники подтверждают, что Цезарь рассуждал именно так: в 55 г. он писал Крассу из Галлии, поощряя его к войне против парфян (Plut. *Crass.* 16. 3), а позднее предоставил ему для этой войны галльскую конницу (Plut. *Crass.* 17. 7; Dio Cass. XL. 23. 2–3). С другой стороны, если допустить, что за попытками Атея удержать Красса в Риме стоял Цезарь, то малейшая утечка сведений о роли последнего в этих событиях превратила бы их союз с Крассом в смертельную вражду. Выходит, что, пытаясь ослабить ненадежного союзника (Помпея), Цезарь рисковал сделать более надежного союзника (Красса) злейшим врагом. Едва ли такой расчет можно назвать разумным. А учитывая, что совсем недавно Атей выступал против продления полномочий Цезаря в Галлии, едва ли последний мог бы доверить этому трибуну столь щекотливую и секретную миссию.

Во-вторых, в гипотезу Смыкова плохо вписывается сама деятельность Атея в 55 г. Как мы постарались показать выше, его политика была весьма последовательна: он противодействовал принятию закона о провинциях консулов, затем разными способами препятствовал их подготовке к военным действиям и, наконец, пытался помешать отъезду Красса из Рима. Дион Кассий прямо указывает, что Помпей лишь воспользовался сопротивлением Атея как предлогом для отказа выехать в провинцию; на самом же деле это отвечало его собственным планам и интересам (Dio Cass. XXXIX. 39. 4), и Плутарх тоже представляет это его решение как вполне добровольное (*Crass.* 16. 1; *Pomp.* 53. 1–2). Однако Красс видел свои интересы иначе, и если его не остановили попытки трибунов воспрепятствовать набору армии и привлечь к суду его легатов, то едва ли Атей (или якобы стоявший за ним Цезарь) мог рассчитывать на то, что Красс откажется от парфянской войны, испугавшись неблагоприятных ауспий или проклятий¹⁷ (учитывая обстоятельства принятия Требониева закона, предсказать реакцию Красса было несложно), а попытку Атея отправить Красса в тюрьму легко было нейтрализовать с помощью вето других трибунов, что и было проделано (Dio Cass. XXXIX. 39. 5–7). Таким образом, все демонстрации, которые Атей предпринял против Красса в день его отъезда в провинцию, на практике не могли воспрепятствовать его отбытию из Города, а имели чисто пропагандистский характер; они предназначались для воздействия не на консула, а на общество. Их цель была в том, чтобы внушить людям страх, нанести ущерб репутации Красса и представить его нечестивым человеком, пренебрегающим волей богов (ср. комментарий Цицерона: *Att.* IV. 13. 2)¹⁸. Даже если Цезарь действительно не желал отъезда Красса из Рима, ему не было никакого смысла поддерживать все эти акции, которые нисколько не приближали его цель, а лишь подрывали авторитет его союзника.

¹⁷ Поскольку дурные знамения, объявленные Атеем, представляли собой *dirae* (Cic. *Div.* I. 29–30), то, приняв их как подлинные, Красс вынужден был бы отказаться от отъезда в провинцию не только в этот конкретный день, но и вообще, см. Linderski 1986, 2203.

¹⁸ Bayet 1960, 31, 39–41, 44–45; Weggen 2011, 42; Morrell 2017, 179. Сходными демонстрациями, видимо, сопровождался отъезд в провинции консулов 58 г. Пизона и Габиния (Cic. *Sest.* 71).

Итак, анализ политики Атея Капитона в год его трибуната не позволяет назвать его союзником Цезаря. Однако исследователи, считающие его таковым, в качестве аргументов нередко ссылаются на последующую политику Капитона. К сожалению, некоторые свидетельства о деятельности Атея обрывочны, а некоторые рукописные фрагменты испорчены, так что не всегда мы даже можем с уверенностью утверждать, что речь идет именно о нем.

Первое после трибуната упоминание об Атее может содержаться в письме Цицерона, написанном рано утром 1 октября 54 г. (*Att. IV. 17*). В нем идет речь о кандидатах в консулы на следующий год: о том, как был разоблачен сговор Кальвина и Меммия с действующими консулами, о подкупе избирателей и безуспешной попытке учредить суд над всеми кандидатами, об оправдании Скавра, обвиненного в злоупотреблениях в провинции. Наконец, в параграфе 3 Цицерон пишет о том, что на предстоящем 1 октября заседании сената не выскажется свободно никто *praeter Antium et Favonium... nam Cato aegrotat*. Из текста Цицерона не вполне ясно, какие конкретно вопросы стояли в тот день на повестке дня. Однако известно, что ранее по предложению Катона сенат принял постановление об учреждении «молчаливого суда» (*tacitum iudicium*) над всеми кандидатами, но его реализация вызвала серьезные затруднения (*Plut. Cat. Min. 44. 3*; ср. *Cic. Att. IV. 17. 3*), поэтому вполне правдоподобно предположение К. Моррелл, что союзники Катона пытались вновь реанимировать этот проект¹⁹.

Шеклтон Бейли предложил исправить в тексте этого письма *Antium* на *Ateium* на том основании, что сенаторы Анции в этот период — «едва ли более чем тени» (*hardly more than shadows*), не проявившие себя в активной политике, тогда как Атей Капитон всего годом ранее противодействовал триумвирам совместно с Катоном и Фавонием²⁰. Нам известен Гай Анций, плебейский трибун 68 г. (*ILS 5800*); вероятно, он носил когномен Рестион и провел закон против роскоши, ограничивавший право магистратов и соискателей посещать пиры (*Gell. II. 24. 13*; *Macrob. Sat. III. 17. 13*); и, возможно, его следует идентифицировать с соискателем Анцием, против которого написал речь Сестий (*Catull. 44. 10*)²¹. Анций Рестион был проскрибирован в 43 г. (*Val. Max. VI. 8. 7*; *App. BC. IV. 43*; *Macrob. Sat. I. 11. 19–20*), и именно поэтому Инар считает вероятной его идентификацию с сенатором, в 54 г. входившим в окружение Катона²². Известен и второй проскрибированный Анций (*App. BC. IV. 40*). Таким образом, мы не можем уверенно утверждать, что в письме Цицерона, написанном в 54 г., упоминается Атей, а не Анций. Однако в пользу предположения Шеклтона Бейли говорит не только отсутствие других сведений об участии какого-либо Анция в политической борьбе 50-х годов, но и то, что Атей упоминается вместе с теми же самыми людьми — Катоном и Фавонием — как раз в предшествующем году. И если данное предположение верно — в чем опять-таки

¹⁹ Morrell 2014, 670–671, ср. Fehrle 1983, 189–191; Drogula 2019, 197–198.

²⁰ Shackleton Bailey 1960, 21; 1965, 217–218. Его предложению следуют: Syme 1963, 59, n. 42; Fehrle 1983, 191; Morrell 2014, 671. Скептицизм высказывает Hinard 1985, 424, n. 2.

²¹ Syme 1963, 59, n. 42.

²² Hinard 1985, 424–425. Проскрибированный, очевидно, был немолод, так как спасший его раб выдал за него какого-то убитого старика.

нет полной уверенности, — то свидетельство Цицерона должно подтверждать, что Атей Капитон в 55 г. был союзником Катона, а не Цезаря.

Однако Буонджорно, принимая исправление Шеклтона Бейли, интерпретирует этот пассаж иначе. Во-первых, он подчеркивает, что свидетельство Цицерона говорит об определенном свободомыслии Атея, что не позволяет считать его просто агентом оптиматов. Во-вторых, он указывает, что предвыборный скандал затрагивал действующих консулов — Аппия Клавдия и Луция Домиция Агенобарба, и если бы Атей был оптиматом, то он не стал бы выступать против Агенобарба. Отсюда исследователь делает вывод, что Атей Капитон был цезарианцем²³.

С первым соображением можно согласиться; однако если Атей не был слепым орудием какой-либо сенаторской группировки, это еще не означает, что он не мог осознанно и добровольно ее поддерживать: именно так поступал упомянутый рядом с ним Фавоний, что признает и сам Буонджорно. Второе соображение едва ли убедительно. У нас даже нет точных сведений о том, что именно обсуждалось на заседании сената 1 октября 54 г. Но если речь действительно шла о «молчаливом суде», предложенном Катон²⁴, то для Агенобарба, как и для его коллеги Аппия, этот законопроект не представлял никакой угрозы: перед судом должны были предстать лишь соискатели магистратур, и именно у них он вызвал «великий испуг» (Plut. *Cat. Min.* 44. 3; Cic. *Att.* IV. 17. 3). Далее, в переписке Цицерона 50-х годов понятия *libertas* и *liber*, как правило, указывают на отсутствие давления со стороны триумвиров (ср. *Att.* II. 18. 2; IV. 18. 1; *Fam.* I. 8. 3, I. 9. 2²⁵, 7, 20, 21; II. 5. 2; *QF.* III. 1. 15), и едва ли Цицерон охарактеризовал бы так выступление сторонника Цезаря; еще менее вероятно, что он поставил бы цезарианца в один ряд с Катон²⁶ и Фавонием. Таким образом, если в этом письме Цицерона речь идет об Атее Капитоне, то оно свидетельствует о том, что его сотрудничество с Катон²⁷, начавшееся в 55 г., продолжалось и в следующем году.

Еще одно свидетельство, в котором может идти речь об Атее Капитоне, содержится у Аскония. В комментарии к речи Цицерона «В защиту Милона» (38–39 С) сообщается, что после того как братья Аппии Клавдии предъявили Милону обвинение в насильственных действиях (т.е. в убийстве Клодия), он также был привлечен к суду за подкуп избирателей *ab iisdem Appiis, et praeterea a C. Ceteio et L. Cornificio*.

Номен *Ceteius* больше нигде не засвидетельствован; поэтому данное имя считается испорченным, и издатели предлагают исправить его либо на *C. Cethego*²⁶, либо на *C. Ateio*²⁷. Первый вариант вызывает у некоторых исследователей сомнения, потому что человек по имени Гай Цетег в источниках этого времени не упоминается, тогда как второй вариант исправления позволяет идентифицировать его с известным лицом — Гаем Атеем Капитон²⁸, трибуном 55 г.

²³ Buongiorno 2011, 208–209.

²⁴ Ср. выше, прим. 19.

²⁵ О толковании этого пассажа ср. Shackleton Bailey 1977, 308–309.

²⁶ Münzer 1900b, 1279; Stangl 1912, 35; Giarratano 1920, 43.

²⁷ Clark 1895, 103–104; 1907, 38; Marshall 1985, 185; Lewis 2006, 245. Кисслинг и Шолль исправляют *C. Ceteio* на *Q. Patulcio* на основании Ascon. 54 (Kiessling, Schoell 1875, 34), аргументы против см. Clark 1895, 103–104.

²⁸ Marshall 1985, 185; Smykov 2010, 101, прим. 34.

ис, принимая это исправление, отмечает, что Атей, таким образом, оказывается в неожиданной роли, так как его прежние союзники Катон и Фавоний и его друг Цицерон поддерживали в этом конфликте Милона, а не Клодия²⁹. Смыков и Буонджорно, напротив, используют этот пассаж как аргумент в пользу того, что Атей Капитон и ранее, в 55 г., был не союзником Катона, а цезарианцем³⁰.

Следует отметить, что неожиданная перемена политической позиции Атея Капитона между 55 и 52 г., хоть и не является чем-то невозможным, все-таки служит скорее аргументом против эмэндации Кларка. С другой стороны, отсутствие сведений о Гае Цетеге в 50-х годах не является непреодолимым препятствием. В рассказе о судах, последовавших за убийством Клодия, у Аскония упоминаются и другие лица, о которых более ничего или почти ничего не известно, причем подавляющее большинство из них тоже защищали дело Клодия: Публий Валерий Непот и Публий Валерий Леон³¹, Квинт Патульций³², Луций Фульциний³³, Гай Валерий³⁴, Гней Апоний³⁵, Гай Фидий³⁶, Гай Цезенний Филон³⁷, Тит Флакконий³⁸. У нас нет оснований ожидать, что отвергнутый на дивинации обвинитель Милона непременно должен быть нам известен из других источников.

С другой стороны, хотя в 50-е годы и позднее в источниках действительно не упоминаются Цетеги, в предшествующие десятилетия в римской политике участвовали сенаторы из рода Корнелиев Цетегов: Публий был весьма влиятелен в 70-х годах³⁹, Гай был казнен в 63 г. как сторонник Катилины⁴⁰. Ампелий (19. 12) сообщает, что у последнего был брат-сенатор, о котором больше ничего не известно, но не исключено, что он подразумевает двоюродного брата, Луция Пизона Цезонина, консула 58 г. (Cic. *Red. Sen.* 10; *Dom.* 62)⁴¹. Степень родства между двумя Цетегами неизвестна, но мы не можем исключать, что один из них имел сына. И по меньшей мере сыну Гая Цетега вполне уместно было бы поддерживать Клодия, враждовавшего с Цицероном, который казнил его отца.

Следует также отметить, что в числе сторонников Катона, которых Цезарь помиловал в Утике, упоминается человек, имя которого в разных рукописях передано как С. Aeteio, Caeteio и Ceteio (*Bell. Afr.* 89. 5). Оно также было сочтено испорченным, и его предлагали исправить на С. Ateio, но в этом случае речь не может

²⁹ Lewis 2006, 245. О позиции Катона и Фавония см. Ascon. 34, 53–54; о дружбе Атея с Цицероном см. ниже.

³⁰ Smykov 2010, 101; Buongiorno 2011, 209.

³¹ Ascon. 34, 41, 54 C; см. Volkmann 1955a, 52; 1955b, 172.

³² Ascon. 54 C; ср. Münzer 1949, 2307. Помимо Аскония, только у Цицерона в 44 г. упоминается некое Patulcianum nomen (*Att.* XIV. 18. 2).

³³ Ascon. 55 C; ср. Münzer 1910, 212.

³⁴ Ascon. 55 C; ср. Volkmann 1948, 2302.

³⁵ Ascon. 55 C; ср. Klebs 1895, 172.

³⁶ Ascon. 55 C; ср. Münzer 1909a, 2287.

³⁷ Ascon. 55 C: противник Клодия, обвинитель Секста Клелия; ср. Münzer 1897, 1309.

³⁸ Ascon. 55 C, ср. Münzer 1909b, 2433.

³⁹ Münzer 1900c, 1281. В 66 г. его, вероятно, уже не было в живых (Cic. *Cluent.* 84–85).

⁴⁰ Münzer 1900a, 1278–1279.

⁴¹ В императорское время известно несколько Корнелиев Цетегов, но они могли происходить от Корнелиев Лентулов, ср. *CIL* VI 6072.

идти о Гае Атее Капитоне, трибуне 55 г., поскольку он к тому времени не был врагом Цезаря и, по-видимому, находился в Италии, не участвуя в гражданской войне (Cic. *Fam.* XIII. 29)⁴². Таким образом, следует либо признать существование в это время других Гаев Атеев, либо принять гипотезу Кристофори, о том, что в тексте «Африканской войны» (а следовательно, и у Аскония) за именем Ceteius может скрываться С. Aeteius или Cateius — имена редкие, но засвидетельствованные в других источниках⁴³. Не исключено также, что чтение Ceteius следует сохранить, ибо, как мы видим, оно встречается у двух разных авторов и могло быть просто очень редким, подобно имени Флакконий (см. выше, прим. 38), которое, насколько мне известно, упоминается только у Аскония. Последняя гипотеза, впрочем, встречается с тем же затруднением, что и эмендация Кларка: приходится предположить, что человек, в 52 г. отстаивавший дело Клодия, в 46 г. находился в окружении Катона.

Допустим, однако, что обвинитель Милона, упомянутый у Аскония, действительно Гай Атей Капитон, трибун 55 г. Можно ли на этом основании сделать вывод, что в 52 г. (и тем более в 55 г.) он являлся цезарианцем? Смыков проводит аналогию с историком Саллюстием, который в 52 г. был плебейским трибуном и добивался наказания убийц Клодия (Ascon. 37, 45, 49, 51), в 50 г. был исключен из сената (Dio Cass. XL. 63. 4), а в гражданской войне поддержал Цезаря (*Bell. Afr.* 97. 1; App. *BC.* II. 92; 100; Dio Cass. XLII. 52. 2; XLIII. 9. 2; Oros. VI. 15. 8)⁴⁴. Буонджорно предлагает другую параллель — Луция Корнифиция, вместе с которым Атей (?) обвинил Милона (Ascon. 38, ср. 54 C): он принимает гипотезу Сайма о том, что этот Корнифиций идентичен цезарианцу и будущему консулу 35 г.⁴⁵ Следует, впрочем отметить, что связи Саллюстия с Цезарем до 52 г. не засвидетельствованы, а после исключения из сената присоединение к Цезарю было для него единственным способом восстановить прежнее достоинство⁴⁶. Что же касается Луция Корнифиция, то в лагере цезарианцев он впервые упоминается уже после смерти Цезаря, в 43 г. (Plut. *Brut.* 27. 3–5).

Если у Аскония речь идет о трибуне 55 г., то его выступление против Милона действительно свидетельствует об определенном отдалении от окружения Катона. Но можно ли утверждать, что оно непременно указывает на связи с Цезарем? Выше было перечислено довольно много противников Милона, для которых никакие контакты с Цезарем не засвидетельствованы. К ним следует добавить двух братьев Аппиев, которым на дивинации было отдано предпочтение перед Гаем Атеем (?) и Корнифицием (Ascon. 38–39 C). Они были сыновьями Гая Клавдия Пульхра, претора 54 г. (Ascon. 34), и приходились племянниками не только убитому Клодию, но и Аппию Клавдию⁴⁷ — тому самому цензору, который два

⁴² Подробнее об этой проблеме со ссылками на предшествующую библиографию см. Cristofori 1992, 142–144.

⁴³ Cristofori 1992, 144.

⁴⁴ Smykov 2010, 101–102.

⁴⁵ Buongiorno 2011, 209; Syme 1955, 60–61.

⁴⁶ Syme 1964, 35.

⁴⁷ Один из этих братьев был, видимо, усыновлен его дядей Аппием Клавдием: Münzer 1899b, 2854.

года спустя исключит из сената Саллюстия и, как мы ниже увидим, сделает замечание Атею Капитону. После начала гражданской войны они, по-видимому, последовали в Эпир за Помпеем вместе со своим дядей (Suet. *Gram.* 10; *CIL* III 547). Судебные процессы после убийства Клодия были очень громкими, обещали славу и известность, и участие в них обвинителей могло быть обусловлено не политической лояльностью, а стремлением к славе и популярности. Наконец, Асконий прямо свидетельствует (38–39 С) о том, что Атей (?) и Корнифиций предъявили Милону обвинение в подкупе избирателей, надеясь на то, что он будет осужден по основному обвинению и не явится на следующий суд. Поэтому вся их затея была предпринята в расчете на легкую победу и не имела практического значения в том смысле, что уже не влияла на судьбу Милона. Таким образом, если обвинение Милону действительно предъявил Гай Атей Капитон, трибун 55 г., то это позволяет предположить, что его связи с Катоном за прошедшие два года существенно ослабели, но не позволяет причислить его к цезарианцам.

В следующий раз мы встречаемся с Атеем в 50 г., когда он получил замечание от цензора Аппия Клавдия Пульхра⁴⁸: последний заявил, что в 55 г., при отъезде Красса в провинцию, Атей солгал о неблагоприятных ауспичиях и тем самым навлек на римский народ несчастье (т.е. поражение Красса). Цицерон, изложивший эти события в трактате «О дивинации» (I. 29–30), устами своего брата Квинта объявляет решение Аппия необоснованным с религиозной точки зрения. Смыков, как указывалось выше, сопоставляет замечание, полученное Атеем от Аппия, с изгнанием из сената Гая Саллюстия Криспа и расценивает этот эпизод как еще одно свидетельство в пользу того, что Атей в 50-х годах был сторонником Цезаря⁴⁹. Буонджорно высказывает аналогичную мысль: Аппий был связан с оптиматами, и если бы Атей тоже был с ними связан, то не пострадал бы⁵⁰.

Вопрос о религиозно-правовой обоснованности позиции Аппия Клавдия вызывал в историографии большие споры⁵¹. В рамках настоящей статьи нет возможности подробно рассмотреть эту проблему, и для ее целей важнее ответить на другой вопрос: использовал ли Аппий Клавдий события пятилетней давности просто как предлог для нападения на политического противника или же он действительно усматривал (пусть даже добросовестно заблуждаясь) в действиях Атея нарушение религиозного права. Пассаж Цицерона, в котором описана позиция Аппия, не содержит ни намека на то, что замечание Аппия в адрес Атея (необоснованное, по мнению автора) было обусловлено политической враждой или личной неприязнью: по мнению Цицерона, Аппий поступил всего лишь недостаточно обдуманно (*non satis scienter*). Однако «Квинт Цицерон» не оспаривает цензорское решение Аппия само по себе и признает, что если Аппий считал ауспичии подложными, то даже обязан был вынести Атею замечание. «Квинт Цицерон» не согласен с позицией Аппия как

⁴⁸ Многие исследователи утверждают, что Атей даже был исключен из сената: Bayet 1960, 31; Gruen 1974, 484; Schaublin 1986, 170; Konrad 2004, 181; Buongiorno 2011, 209. Однако Цицерон пишет лишь о том, что Аппий порицал (*notavit*) Атея.

⁴⁹ Smykov 2010, 101–102.

⁵⁰ Buongiorno 2011, 209–210.

⁵¹ Обзор существующих точек зрения со ссылками на литературу см. Driediger-Murphy 2018, 199–201.

авгура и доказывает, что подложные ауспиции не способны были навлечь бедствие на римский народ, ибо ауспиции вообще не являются причиной последующих событий, но лишь предупреждают о них⁵².

О самом Аппии Клавдии Цицерон в другом месте сообщает, что он был необычайно глубоко знаком с авгурским правом и римской стариной вообще и написал сочинение об авгурском праве (Cic. *Brut.* 267; *Fam.* III. 4. 1; 9. 3; 11. 4; ср. *Fest.* 214, 382 L). Более того, Аппий действительно верил в силу авгурий и ауспиций, чем даже вызывал насмешки своих коллег-авгуров (Cic. *Div.* I. 105); он возражал против точки зрения, что права авгуров сохраняются и удерживаются лишь в интересах государства, но был убежден, что эти жрецы способны предсказывать будущее (Cic. *Div.* II. 75; *Leg.* II. 32). Вера Аппия Клавдия в гадания не ограничивалась авгурской наукой: он обращался за предсказаниями к прорицателям, гадавшим по жребию и за деньги и вызывавшим души умерших (Cic. *Div.* I. 132, ср. *Tusc.* I. 37). В свое консульство он дал обет возвести пропилеи храма Деметры и Персефоны в Элевсине и в свое проконсульство начал их строить; эти работы согласно его завещанию были завершены его племянниками (CIL III 547). Во время гражданской войны Цезаря и Помпея он не только применил проконсульский империй, чтобы заставить жрицу давно не открывавшегося Дельфийского оракула дать ему предсказание об исходе войны, но и последовал совету Аполлона и отправился в указанную им область (Val. Max. I. 8. 10; Lucan. V. 68–70; 120–236; Oros. VI. 15. 11). Из этих свидетельств можно сделать вывод, что Аппий Клавдий был необычайно религиозным для своего времени и даже суеверным человеком и чрезвычайно серьезно относился к гаданиям⁵³. Крайне маловероятно, что он мог бы использовать религиозные аргументы как простой предлог для сведения счетов с политическим противником. Напротив, в свете этих сведений Аппий Клавдий выглядит человеком, способным сделать цензорское замечание даже своему союзнику, если тот допустил действительно серьезное преступление против религии, навлекшее на государство гнев богов⁵⁴.

Однако такое замечание, несомненно, должно было сделать Атея Капитона врагом Аппия Клавдия⁵⁵, а поскольку последний являлся важной фигурой в группировке оптиматов, то вполне закономерно отчуждение Атея от всей этой группировки в целом. И если за свою деятельность в должности трибуна, отвечавшую интересам оптиматов, Капитон спустя пять лет получил замечание от

⁵² Мысль Аппия, вероятно, состояла не в том, что подложные ауспиции, объявленные публично, обретали тем самым силу и накладывали обязательства даже на богов, а в том, что фальсификация ауспиций сама по себе являлась нечестивым деянием и навлекала гнев богов как на фальсификатора, так и на все государство. См. об этом Schäublin 1986, 169–179; Driediger-Murphy 2018, 200–201; против: Linderski 1986, 2207, 2214; Konrad 2004, 181–185; Wardle 2006, 185.

⁵³ Münzer 1899a, 2853; Bayet 1960, 39, n. 3; Beard et al. 1998, 152–153; Wardle 2006, 181; Driediger-Murphy 2018, 199–200. Конрад предполагает, что многие *boni* не понимали авгурскую теорию, которой руководствовался Аппий (Konrad 2004, 182, n. 36).

⁵⁴ Ср. выше, прим. 52.

⁵⁵ Особенно если верна гипотеза о том, что Атей Капитон в 52 г. пытался предъявить обвинение Милону, убийце брата Аппия.

одного из лидеров этой группировки, то у него должно было пропасть всякое желание продолжать сотрудничество с этими людьми. А в условиях политического противостояния 50–49 гг. человеку, не желавшему иметь дело с оптиматами, наиболее логично было присоединиться к Цезарю⁵⁶. Правда, в 55 г. Атей противодействовал не только Крассу, но и самому Цезарю — когда пытался помешать продлению его полномочий в Галлии (Dio Cass. XXXIX. 36. 1–2, ср. выше), — но Цезарь охотно мирился со своими бывшими врагами (ср. Sall. *Cat.* 54. 3; Suet. *Iul.* 73), а в начале гражданской войны даже заявил, что готов считать друзьями всех, кто не присоединился к Помпею (Suet. *Iul.* 75).

О жизни Атея Капитона в годы гражданской войны между Цезарем и Помпеем нет почти никаких сведений. Первое упоминание о нем после 50 г. содержится в письме Цицерона, написанном в начале 46 г. (*Fam.* XIII. 29).

Цицерон пишет Луцию Мунацию Планку, который в это время служил легатом Цезаря в Африке, где шла война с помпеянами (ср. *Bell. Afr.* 4. 1), и просит его повлиять на Цезаря, чтобы тот позволил Капитону вступить в наследство Тита Антистия несмотря на то, что последний поддержал Помпея в гражданской войне. Среди прочего Цицерон пишет, что Атей «высоко ценит и всегда ценил Цезаря» (3: *quanti is Caesarem faceret semperque fecisset*)⁵⁷; всегда уважал и любил Цезаря, чему Цезарь сам может быть свидетелем (6); и с самого начала гражданской войны рекомендовал Цицерону поступать умереннее и воздержаннее, чем прочие помпеянцы (7). Это письмо служит важным аргументом для исследователей, считающих, что Атей был союзником Цезаря в 55 г., так как из него складывается впечатление об Атее как о преданном цезарианце⁵⁸.

Но насколько это впечатление достоверно? Прежде всего возникает вопрос: если Атей имел столь большие заслуги перед Цезарем и если Цезарь так хорошо о них помнил, то почему Атей вместо того, чтобы обратиться к нему напрямую с личной просьбой, вынужден был добиваться его милости через посредство двух человек, Цицерона и Планка, первый из которых имел весьма непростую историю взаимоотношений с Цезарем, а второй не состоял в дружбе с самим Атеем?⁵⁹ Согласно предположению Буонджорно, которое основано на датировке рассматриваемого письма концом 46 г., Планк имел возможность повлиять на решение вопроса о наследстве Антистия как префект города⁶⁰. Однако даже если эта датировка верна, из письма очевидно, что Цицерон обращается к Планку не как к должностному лицу, а как к человеку, способному оказать влияние на Цезаря, каковой и будет принимать окончательное решение по делу Атея⁶¹.

⁵⁶ Shackleton Bailey 1965, 218; Gruen 1974, 484.

⁵⁷ Е. В. Смыков использует ошибочный русский перевод В. О. Горенштейна: «как высоко его ценит и всегда ценил Цезарь» (Smykov 2010, 98).

⁵⁸ Smykov 2010, 98; Buongiorno 2011, 210–211.

⁵⁹ Ср. Cic. *Fam.* XIII. 29. 8, где Цицерон пишет, что если Планк выполнит его просьбу, то приобретет дружбу Атея.

⁶⁰ Buongiorno 2011, 210–211. Планк был префектом города в 45 г.: *RRC* 475/1–2; ср. Cic. *Phil.* II. 78.

⁶¹ Cic. *Fam.* XIII. 29. 4: *sed de hoc Caesar viderit*; 5: *mea commendatione, tuo studio, Caesaris beneficio*... 6: *tantum tibi sumito pro Capitone apud Caesarem*.

Далее, бросается в глаза расплывчатость уверений Цицерона: по сути, он говорит лишь о любви и уважении Атея к Цезарю (3, 6) и о тех советах, которые Атей давал ему самому (7), но не упоминает ни о каких конкретных услугах, оказанных Атеем Цезарю. Цицерон утверждает, что Цезарь прекрасно осведомлен о расположении к нему Атея, но когда он рекомендует Планку использовать в интересах Капитона лишь то, о чем, по его предположениям, помнит сам Цезарь (*tantum tibi sumito pro Capitone apud Caesarem quantum ipsum meminisse senties*), эти слова выглядят как предостережение, чтобы Планк не увлекался и не приписывал Атею излишних заслуг. Если бы в свой трибунат Атей действительно защищал интересы Цезаря, то, учитывая его активность, в письме Цицерона можно было бы ожидать если не прямого упоминания, то хотя бы намека на эти обстоятельства. Однако из текста складывается впечатление, что Атей был не слишком ревностным сторонником Цезаря⁶².

Цицерон, говоря о заслугах Атея перед ним, высказывается гораздо более определенно: «При всех моих и почестях, и бедствиях к моим услугам были и готовность, и содействие, и авторитет, и влияние, а также имущество Гая Капитона, и он сообразовывался с обстоятельствами и переменами в моей судьбе» (*Fam.* XIII. 29. 2). Однако примечательно, что в своей предшествующей переписке и речах Цицерон ни разу не вспоминает о столь близкой дружбе. Помимо уже рассмотренного пассажа *Att.* IV. 17. 4, где речь, возможно, идет о выступлении Атея в сенате в 54 г., имеется лишь одно еще более сомнительное упоминание. В письме *Att.* X. 8. 3: в мае 49 г. Цицерон сетует на то, что в сенате присутствуют «твой клиент Клелий, [клиент] Катела Плагулей» (*clientem tuum Cloelium, †Cateli† Plaguleium*), и имя Cateli Босий предлагает исправить на C. Atei⁶³. Цицерон также утверждает, что во время гражданской войны получал от Атея советы проявлять умеренность и воздержанность (*Fam.* XIII. 29. 7). Но в активной переписке Цицерона в конце 50 — начале 49 г. ни словом не упоминаются советы, якобы полученные им от Атея, хотя он очень часто упоминает о своих консультациях с другими лицами⁶⁴. Создается впечатление, что до гражданской войны Цицерон и Атей были едва знакомы. Во всяком случае, едва ли можно сомневаться в том,

⁶² Tyrell, Purser 1894, 284, n. 2.

⁶³ Shackleton Bailey 1968, 244. Плагулей, как и Клелий, был сторонником Клодия (Cic. *Dom.* 89), но даже если принять исправление Босия, данный пассаж все же не дает оснований считать Атея цезарианцем — не более чем Аттика, названного в том же контексте.

⁶⁴ Например, *Att.* VI. 8. 2 (Батоний), VII. 4. 2; 8. 4–5 (Помпей); VII. 12. 2 (Лентул Крус, Л. Скрибоний Лион), VII. 12. 4; VIII. 15. 2 (Маний Лепид, Луций Торкват), VII. 13; IX. 7; 13. 6; X. 1. 1 (Секст Педуцей); VII. 13a (Луций Цезарь-младший); VIII. 9. 3; 14. 3; IX. 1. 2 (Маний Лепид), VIII. 9. 4 (Бальбы); VIII. 11. 5; 15a; IX. 5. 3; 6. 1; 7b; 14. 1–2 (Бальб Старший); IX. 1. 3; 11. 3 (Луций Лукцей, Теофан); IX. 2a. 3; 3. 2; 5. 1; 6. 2 (Курций Постум); IX. 5. 1 (Фуфий Кален); IX. 7. 2; 7a (Бальб и Оппий); IX. 6. 6; 6a (Фурний); IX. 10 (Аттик); IX. 11. 2; 13. 4; 17. 1 (Матий); *Att.* IX. 11. 3 (Крассипед); IX. 13. 7 (Цесий); IX. 14. 2 (Бебий); IX. 17. 1; X. 11. 4; 12. 1 (Требакий); IX. 18 (Цезарь); X. 4. 7–11; 5. 2; 7. 3 (Курион); X. 8. 10; 8a; 10. 1–2 (Антоний); X. 12. 3; 15. 2 (Гай Марцелл); X. 17. 1, 3; 18. 1 (Гортензий-младший); *Fam.* II. 16; VIII. 15; 16 (Целий Руф); II. 16. 4 (Тит Амний Бальб); *Fam.* IV. 1–2; X. 14. 1; 15. 1–2 (Сервий Сульпиций Руф); *Fam.* V. 19 (Месциний Руф).

что в рекомендательном письме Цицерон сильно преувеличил близость своей дружбы с Атеем и значимость оказанных тем услуг, чтобы убедить Планка защищать его интересы. Поэтому вполне можно предположить, что и любовь Атея к Цезарю тоже была не столь велика, как уверяет оратор.

На основании письма Цицерона *Fam.* XIII. 29 можно уверенно утверждать, что после начала гражданской войны Атей остался в Риме, поддерживал Цезаря и рекомендовал этот же образ действий Цицерону, а также, вероятно, прочим своим знакомым. Цезарь, заинтересованный в как можно более широкой поддержке среди сенаторов, не мог не приветствовать поведение Атея, и оно, вероятно, способствовало установлению хороших отношений между ними. Однако эти отношения все же не позволяли Атею напрямую обратиться к Цезарю с просьбой присудить ему наследство Антистия, и тем более не позволяли рассчитывать, что Цезарь сделает это без просьбы⁶⁵. О том, как Цезарь в итоге решил вопрос с наследством Антистия, у нас нет никаких данных. Едва ли сведения, содержащиеся в письме Цицерона, подкрепляют гипотезу о том, что Атей был союзником Цезаря с 55 г. и в свой трибунат защищал его интересы.

Следующее упоминание об Атее в переписке Цицерона относится к 9 июля 45 г. (*Att.* XIII. 33. 4). Цицерон сообщает Аттику о случайной встрече с Атеем Капитоном и Титом Каррином, в ходе которой Капитон сообщил ему о планах Цезаря изменить русло Тибра и застроить Марсово поле и заверил его, что этот закон непременно будет принят, так как этого желает Цезарь.

Буонджорно отмечает, что Тит Карринат, в обществе которого находится Атей, может быть одним лицом с цезарианцем Гаем Каррином (впоследствии консулом-суффектом 43 г.), если допустить ошибку в рукописи⁶⁶. Однако рукописи единогласно дают преномен Т, поэтому спутник Атея, вероятно, был родственником консула-суффекта 43 г. В целом Буонджорно расценивает информированность Атея о планах Цезаря как свидетельство его близости к окружению последнего или даже к самому диктатору⁶⁷. Но с таким толкованием плохо согласуется комментарий Цицерона, который объясняет осведомленность Атея совсем иначе — его умением разнюхивать новости (*diligentiam Capitonis in rebus novis perquirendis*). В случае если бы Атей входил в близкое окружение Цезаря, то ему не требовалось бы никаких особых способностей, чтобы быть в курсе его планов — это само собой разумеется бы⁶⁸.

Наконец, последние сведения, проливающие свет на взаимоотношения Атея с Цезарем, содержатся в посланиях Цицерона, написанных уже после убийства диктатора. Из писем к Аттику (XVI. 16c, 16f) мы узнаем, что Гай Атей Капитон наряду с Луцием Плоцием Планком и Гаем Купиением еще при жизни Цезаря вошел в комиссию, которая должна была разделить земли Бутрота между ветеранами. По мнению Буонджорно, это назначение также свидетельствует о близости Атея к Цезарю, причем исследователь указывает, что если трое уполномоченных

⁶⁵ Watkins 2019, 33.

⁶⁶ Boungiorno 2011, 210; ср. Shackleton Bailey 1966, 375.

⁶⁷ Boungiorno 2011, 210.

⁶⁸ Ср. Cic. *Fam.* IX. 17. 1, о Бальбе.

являлись равными по рангу, то Атей должен был быть преторием, а следовательно, ранее он получил от Цезаря еще и должность претора⁶⁹.

Начнем с последнего соображения. Прежде всего следует отметить, что исследователь ошибочно идентифицирует Планка, коллегу Атея в земельной комиссии, с Луцием Мунацием Планком, адресатом письма Цицерона *Fam.* XIII. 29, претором около 47 г. и консулом 42 г. В земельную комиссию входил не он сам, а его брат, усыновленный в род Плоциев, — Луций Плоций Планк⁷⁰. И этот последний в 44 г. был не преторием, а избранным на следующий год претором (*Cic. Att.* XVI. 16a praef.; 16b praef.; *Fam.* X. 17. 2). Далее, из переписки Цицерона очевидно, что члены комиссии не были равноправны: ее главой был Плоций Планк⁷¹, именно Планку консулы адресовали письмо о бутротском деле (*Att.* XVI. 16c. 11), а Атея и Купиенния Цицерон просит лишь повлиять на Планка, с тем чтобы он подтвердил решение консулов в пользу бутротцев (*Att.* XVI. 16c. 12–13; 16d. 14; 16f. 18)⁷². Следовательно, Атей был младше рангом, чем Плоций Планк. С другой стороны, судя по карьере, Плоций Планк (претор 43 г.) был младшим братом Мунация Планка (претор в 47 или 45 г., консул 42 г.), родившегося не позднее 86 г.; Г.В. Самнер предположительно датирует рождение Плоция 83 г.⁷³ Атей же был избран плебейским трибуном во второй половине 56 г., и к этому моменту ему должно было исполниться 32 года; следовательно, он родился не позднее середины 88 г. и имел право занять претуру уже в 48 г.⁷⁴ Однако мы видим, что Цезарь так и не предоставил ему этой должности: в бутротской земельной комиссии Атей Капитон оказался в подчинении у Плоция Планка, избранного претора примерно на пять лет младше себя. Едва ли это может свидетельствовать об особом расположении Цезаря к Атею. Отметим также, что, насколько известно, третий член комиссии, также подчиненный Планку, Гай Купиенний, тоже не мог похвастаться ни особой близостью к Цезарю, ни особыми заслугами перед ним⁷⁵.

Наконец, стоит отметить, что перед этой земельной комиссией стояла задача, которую трудно назвать приятной или почетной. В письме к Плоцию Планку (*Att.* XVI. 16a) Цицерон излагает подробности бутротского дела следующим образом⁷⁶. В наказание за неуплату налога Цезарь предназначил землю эпирского города Бутрота для распределения между своими ветеранами. Атик ходатайствовал перед Цезарем в пользу бутротцев и заплатил за них наличными оставшуюся

⁶⁹ Boungiorno 2011, 211–212, n. 52.

⁷⁰ Münzer 1933, 541–544. Луций Мунаций Планк в 44 г. был проконсулом Трансальпийской Галлии, см. Broughton 1952, 328.

⁷¹ *Att.* XVI. 16a. 5, о Планке: *Caesarem... ei negotio te praeficere*; 16f. 18: *omnia posita putamus in Planci tui liberalitate*.

⁷² Более того, нельзя исключать, что Атей и Купиенний вообще не занимали никаких официальных должностей, а просто сопровождали Планка как частные лица: см. Grant 1946, 9; Deniaux 1975, 294; Laignoux 2015, 410, n. 121. В этом случае Атей Капитон был обязан своим участием в разделе бутротской земли не Цезарю, а самому Плоцию Планку.

⁷³ Sumner 1971, 359–360 (о Мунации Планке), 366, n. 55 (о Плоции Планке).

⁷⁴ Sumner 1973, 6–7.

⁷⁵ Münzer 1901, 1759–1760.

⁷⁶ Подробный анализ см. Deniaux 1975.

сумму. Цезарь издал декрет об освобождении бутротских земель от распределения, засвидетельствованный высокопоставленными римлянами, однако не обнародовал его. Планы по распределению бутротской земли продолжали обсуждаться публично, и Цезарь даже поручил это дело Плоцию Планку и возглавляемой им комиссии. В ответ на вопросы Цицерона Цезарь пояснил, что не хочет обижать ветеранов, «но что, когда они пересекут море, он позаботится, чтобы их разместили на другой земле» (*Att.* XVI. 16a. 5, пер. В.О. Горенштейна). Но после убийства Цезаря эти устные договоренности потеряли силу, и заступникам Бутрота пришлось снова ходатайствовать за них перед консулами Долабеллой и Антонием, а также перед Плоцием Планком, Атеем Капитоном и Гаем Купиеннием.

В первом письме к Плоцию Планку (*Att.* XVI. 16a) Цицерон ссылается на свои частые разговоры с ним о бутротском деле (2) и еще раз излагает его весьма подробно, со ссылками на свидетелей и участников событий (2–4), но ни разу не упоминает о том, что Планк знал о тайном решении Цезаря при жизни диктатора или от него самого. Отсюда складывается впечатление, что Планк не был осведомлен о намерениях Цезаря и искренне считал, что ему предстоит расселять ветеранов на землях Бутрота⁷⁷. Если бы события развивались так, как запланировал Цезарь, земельную комиссию, членом которой был Атей Капитон, ожидала весьма неприятная задача. Им предстояло, переправившись через Адриатическое море, узнать о новом плане Цезаря, изложить его ветеранам и принять на себя первый натиск их гнева, которого опасался сам Цезарь. По сути, Цезарь перекладывал на них ответственность за непопулярное решение⁷⁸. Неудивительно, что после гибели диктатора, несмотря даже на то что консулы Антоний и Долабелла решили вопрос в пользу бутротцев и направили Планку соответствующие указания (*Att.* XVI. 16a. 4; 16c.2), Цицерон все-таки счел необходимым лично обратиться ко всем трем членам земельной комиссии с заступничеством за эпирский город. Очевидно, у него оставались сомнения в том, что Планк решится обмануть ожидания ветеранов. Финал этой истории не вполне ясен: Плоций Планк все-таки попытался исполнить первоначальный план и поселить ветеранов в Бутроте; согласно некоторым слухам, это привело к вооруженному конфликту с горожанами, в результате которого ветераны были перерезаны, а Планк бежал (*Att.* XV. 29. 3; XVI. 1. 2; XVI. 4. 3), другие же сведения, полученные Цицероном, были еще менее благоприятны для бутротцев (*Att.* XVI. 2. 1)⁷⁹. По-видимому, Планк решил действовать вопреки указаниям не только Цезаря, но и действующих консулов именно под давлением ветеранов⁸⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что Цезарь поставил Плоция Планка вместе с его подчиненными Атеем и Купиеннием в двусмысленное и незавидное

⁷⁷ Это подтверждается пассажем из письма Цицерона к Атею Капитону (*Att.* XVI. 16c. 2) о том, что Цезарь намеревался отправить новые указания письмом.

⁷⁸ Deniaux 1975, 288.

⁷⁹ Судя по тому, что в Бутроте чеканились монеты с легендой C(olonia) I(ulia) BVT(rotum), там действительно была основана колония Цезаря; видимо, Август основал ее повторно, и город стал обозначаться на монетах как C(olonia) A(ugusta) BVT(rotum). См. Grant 1946, 269–270; Deniaux 1975, 295–296; Burnett et al. 2006, 274–275.

⁸⁰ Deniaux 1975, 295–296.

положение и поручил им не просто сложное и неблагодарное, но даже опасное дело. Едва ли это назначение может свидетельствовать об особом расположении или симпатии Цезаря к этим людям.

Подведем итоги. Деятельность Гая Атея Капитона в его трибунат в 55 г. не позволяет не только причислить его к открытым сторонникам Цезаря, но и предположить существование тайного сговора между ними. Капитон на протяжении всего года выступал как последовательный союзник Катона и противник консулов, и ни одно из его мероприятий не отвечало интересам Цезаря. Отождествление Атея с сенатором Анцием, занимавшим в 54 г. общую позицию с Катонам и Фавонием, не может считаться бесспорным, но если оно верно, то лишь опровергает, а не подкрепляет гипотезу о его союзе с Цезарем. Идентификация Атея с обвинявшим Милона в 52 г. С. Ceteio, тоже ненадежна; если же она верна, то может свидетельствовать о его отдалении от Катона и оптиматов, но не о его сближении с Цезарем. Свидетельства Цицерона ясно показывают, что замечание, полученное Атеем от цензора Аппия Клавдия в 50 г., было обусловлено не политической позицией кого-либо из них, а лишь чрезмерной религиозностью Аппия; однако оно неизбежно должно было подтолкнуть Атея в лагерь Цезаря. О деятельности Атея в годы гражданской войны у нас нет никаких свидетельств; но судя по тому, что ему пришлось обращаться к Цезарю с личной просьбой через цепочку из двух посредников, он не входил в его ближайшее окружение; а судя по расплывчатым выражениям одного из этих посредников, Цицерона, заслуги Атея перед Цезарем были не слишком велики и ценны. Осведомленность Атея о строительных планах Цезаря вполне может объясняться не его близостью к Цезарю, а именно тем, чем и объясняет ее Цицерон: умением Атея разнюхивать новости. Нет никаких сведений в пользу того, что в годы гражданской войны и диктатуры Цезаря Атей продолжал восхождение по карьерной лестнице: очевидно, претурь он так и не достиг. Наконец, включение Атея в комиссию по распределению земли в Бутроте едва ли свидетельствует об особом расположении к нему Цезаря. Ввиду некоторых особенностей задачи, стоявшей перед членами именно этой комиссии, у них было куда больше шансов навлечь на себя гнев ветеранов, чем снискать их благодарность.

Таким образом, у нас нет оснований считать Гая Атея Капитона верным и последовательным цезарианцем, начиная с его трибуната в 55 г.; он, видимо, примкнул к Цезарю лишь после окончательного разрыва с оптиматами в 50 г., но даже после этого не был особенно близок к диктатору, не оказал ему никаких значимых услуг и удостоился от него лишь очень сомнительной милости.

Литература / References

- Bayet, J. 1960: Les malédictions du tribun C. Ateius Capito. In: *Hommages à Georges Dumézil*. (Collection Latomus, 45). Bruxelles, 31–45.
- Beard, M., North, J., Price, S. 1998: *Religions of Rome*. Vol. I. *A History*. Cambridge.
- Broughton, T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. 99 BC – 31 BC. New York.
- Buongiorno, P. 2011: Ateii Capitones. *IVRA. Rivista internazionale di diritto romano e antico* 59, 195–216.

- Burnett, A.M., Amandry, M., Ripollès, P.P. 2006: *Roman Provincial Coinage*. Vol. I. *From the Death of Caesar to the Death of Vitellius*. Pt. 1. *Introduction and Catalogue*. London.
- Clark, A.C. (ed.) 1895: *M. Tullii Ciceronis pro T. Annio Milone*. Oxonii.
- Clark, A.C. (ed.) 1907: *Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio*. Oxonii.
- Cristofori, A. 1992: Note prosopografiche su personaggi di età tardo-repubblicana. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 90, 137–146.
- Cuff, P. J. 1958: The Terminal Date of Caesar's Gallic Command. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 7/4, 445–471.
- Deniaux, E. 1975: Un exemple d'intervention politique: Cicéron et le dossier de Buthrote en 44 avant J.-C. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 2, 283–296.
- Driediger-Murphy, L.G. 2018: Falsifying the Auspices in Republican Politics. In: H. van der Blom, Chr. Gray, C. Steel (eds.), *Institutions and Ideology in Republican Rome. Speech, Audience and Decision*. Cambridge, 183–202.
- Drogula, F.K. 2019: *Cato the Younger. Life and Death at the End of the Roman Republic*. Oxford—New York.
- Fehrle, R. 1983: *Cato Uticensis*. Darmstadt.
- Giarratano, C. (ed.) 1920: *Q. Asconii Pediani commentarii*. Romae.
- Grant, M. 1946: *From 'imperium' to 'auctoritas'. A Historical Study of Aes Coinage in the Roman Empire, 49 BC – AD 14*. Cambridge.
- Gruen, E.S. 1974: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley—Los Angeles—London.
- Hardy, E.G. 1924: *Some Problems in Roman History. Ten Essays Bearing on the Administrative and Legislative Work of Julius Caesar*. Oxford.
- Hinard, Fr. 1985: *Les proscriptions de la Rome républicaine*. Rome.
- Kießling, A., Schoell, R. (eds.) 1875: *Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio*. Berolini.
- Klebs, El. 1895: Aponius (4). In: *RE*. Hlbd. 3, 172.
- Klebs, El. 1896: Ateius (7). In: *RE*. Hlbd. 4, 1903–1904.
- Konrad, Chr.F. 2004: Vellere signa. In: Chr.F. Konrad (ed.), *Augusto augurio: rerum humanarum et divinarum commentationes in honorem Jerzy Linderski*. Stuttgart, 169–203.
- Laignoux, R. 2015: Politique de la terre et guerre de l'ager à la fin de la République. Ou comment César et les triumvirs ont « inventé » des terres pour leurs vétérans. *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité* 127/2, 397–415.
- Lewis, R.G. (ed.) 2006: *Asconius. Commentaries on Speeches of Cicero*. Oxford.
- Linderski, J. 1986: The Augural Law. In: H. Temporini, W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. II. *Principat*. Bd. 16. 3. Teilband. *Religion*. Berlin—New York, 2146–2312.
- Lintott, A.W. 1997: Cassius Dio and the History of the Late Roman Republic. In: H. Temporini, W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. II. *Principat*. Bd. 34. *Sprache und Literatur*. 3. Teilband. *Einzelne Autoren seit der Hadrianischen Zeit und Allgemeines zur Literatur des 2. und 3. Jahrhunderts*. Berlin—New York, 2497–2523.
- Marshall, B.A. 1985: *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia.
- Millar, F. 1998: *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor.
- Mommsen, T. 1887: *Römisches Staatsrecht*. 3 Aufl. Bd. 1. Leipzig.
- Morrell, K. 2014: Cato and the Courts in 54 B.C. *Classical Quarterly* 64/2, 669–681.
- Morrell, K. 2017: *Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire*. Oxford.
- Münzer, F. 1897: Caesennius (11). In: *RE*. Hlbd. 5, 1309.
- Münzer, F. 1899a: Claudius (297). In: *RE*. Hlbd. 6, 2849–2853.
- Münzer, F. 1899b: Claudius (299). In: *RE*. Hlbd. 6, 2854–2855.
- Münzer, F. 1900a: Cornelius (89). In: *RE*. Hlbd. 7, 1278–1279.
- Münzer, F. 1900b: Cornelius (90). In: *RE*. Hlbd. 7, 1279.
- Münzer, F. 1900c: Cornelius (97). In: *RE*. Hlbd. 7, 1281.
- Münzer, F. 1901: Cupiennius (2). In: *RE*. Hlbd. 8, 1759–1760.
- Münzer, F. 1909a: Fidius. In: *RE*. Hlbd. 12, 2287.
- Münzer, F. 1909b: Flacconius. In: *RE*. Hlbd. 12, 2433.
- Münzer, F. 1910: Fulcinus (3). In: *RE*. Hlbd. 13, 212.
- Münzer, F. 1933: Munatius (26). In: *RE*. Hlbd. 31, 541–544.
- Münzer, F. 1949: Patulcius (2). In: *RE*. Hlbd. 38, 2307–2308.

- Niccolini, G. 1934: *I fasti dei tribuni della plebe*. Milano.
- Schäublin, Ch. 1986: Ementita Auspicia. *Wiener Studien* 99, 165–181.
- Shackleton Bailey, D.R. 1960: *Towards a Text of Cicero, Ad Atticum*. New York.
- Shackleton Bailey, D.R. (ed.) 1965: *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. II. *Books III–IV*. Cambridge.
- Shackleton Bailey, D.R. (ed.) 1966: *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. V. *Books XI–XIII*. Cambridge.
- Shackleton Bailey, D.R. (ed.) 1968: *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. IV. *Books VII.10–X*. Cambridge.
- Shackleton Bailey, D.R. (ed.) 1977: *Cicero: Epistulae ad familiares*. Vol. I. Cambridge.
- Simpson, A.D. 1938: The Departure of Crassus for Parthia. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 69, 532–541.
- Smukov, E.V. 2010: [Triumvirs and Tribunes: The Internal Political Context of Crassus' Struggle for the Eastern Command]. In: *Studia historica*. Issue X. Moscow, 83–103.
- Смыков, Е.В. Триумвиры и трибуны: внутривполитический контекст борьбы Красса за точное командование. В сб.: *Studia historica*. Вып. X. М., 89–103.
- Stangl, Th. (ed.) 1912: *Orationum Ciceronis scholiastae*. Vol. II. Vindobonae.
- Sumner, G.V. 1971: The lex annalis under Caesar (Continued). *Phoenix* 25/4, 357–371.
- Sumner, G.V. 1973: *Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology*. Toronto.
- Syme, R. 1955: Missing Senators. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 4/1, 52–71.
- Syme, R. 1963: Ten Tribunes. *Journal of Roman Studies* 53, 55–60.
- Syme, R. 1964: *Sallust*. Berkeley—Los Angeles.
- Tyrrell, R.Y., Purser, L.C. (eds.) 1894: *The Correspondence of M. Tullius Cicero. Arranged According to Its Chronological Order*. Vol. IV. Dublin—London.
- Vanderbroek, P.J.J. 1987: *Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.)*. Amsterdam.
- Volkman, H. 1948: Valerius (52). In: *RE. Zweite Reihe*. Hlbd. 14, 2302.
- Volkman, H. 1955a: Valerius (218) In: *RE. Zweite Reihe*. Hlbd. 15, 52.
- Volkman, H. 1955b: Valerius (278) In: *RE. Zweite Reihe*. Hlbd. 15, 172.
- Ward, A. 1977: *Marcus Crassus and the Late Roman Republic*. Columbia—London.
- Wardle, D. (ed.) 2006: *Cicero: On Divination. Book I*. Oxford.
- Watkins, T.H. 2019: *L. Munatius Plancus. Serving and Surviving in the Roman Revolution*. 2nd ed. London—New York.
- Weggen, K. 2011: *Der lange Schatten von Carrhae: Studien zu M. Licinius Crassus*. Hamburg.

DOI: 10.31857/S032103910021272-2

ЦЕЗАРЬ, КАППАДОКИЯ И МАЛАЯ АРМЕНИЯ

Г. Л. Криволапов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1814-8746

После завершения Александрийской кампании Цезарь, проходя летом 47 г. до н.э. через Каппадокию, передал брату царя Ариобарзана Ариарату какую-то территорию, о чем свидетельствуют «Записки об Александрийской войне». Тем не менее смысл этого распоряжения неясен, поскольку часть текста источника утрачена, и в историографии проблема остается нерешенной. В статье на основании анализа текста самого источника и его сопоставления со сведениями других исторических источников предпринята попытка прояснить данный вопрос. Как было установлено, в утраченном фрагменте текста содержалась, вероятно, информация о передаче Цезарем Ариарату части Малой Армении. Полученные результаты позволяют реконструировать политику Цезаря в отношении Каппадокии, Малой Армении и одного из тетрархов галатов Дейотара в 47 г. до н.э., а также проясняют логику самого текста «Александрийской войны».

Ключевые слова: восточная политика Римской республики, «Записки об Александрийской войне», Цезарь, Малая Азия, Каппадокия, Малая Армения, Ариобарзан III Каппадокийский, Ариарат X Каппадокийский, Дейотар I Филоромей

Данные об авторе. Глеб Леонидович Криволапов — аспирант кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, аналитик Центра научного проектирования РГГУ.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 22-28-01213 «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. — I в. н.э.). Политика, экономика, культура».

Автор выражает огромную благодарность Евгению Владимировичу Смыкову, который вдохновил автора на написание этой статьи и на чьи рассуждения автор зачасную опирался.

CAESAR, CAPPADOCIA AND LESSER ARMENIA

Gleb L. Krivolapov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 22-28-01213

Following the Alexandrian campaign Caesar waged war on Pharnaces in the summer of 47 BC. Passing through Cappadocia, the Roman politician bestowed a certain territory to Ariarathes, brother of king Ariobarzanes, as evidenced in *De Bello Alexandrino*. However, the meaning of this order is unclear, since part of the text has been lost. Various restorations of the missing section have been made by scholars, but no consensus has been reached yet. The article attempts to fill this gap relying on the analysis of the text of 'The Alexandrian War' itself, as well as on its comparison with information contained in other historical sources. The conclusion is that the lost fragment probably contained information about the transfer of a part of Lesser Armenia to Ariarathes by Caesar. This seems to shed some light on Caesar's policy towards Cappadocia, Lesser Armenia and the Galatian tetrarch Deiotarus in 47 BC, and also to clarify the logic of our literary source.

Keywords: Eastern Policy of the Roman Republic, *De Bello Alexandrino*, Caesar, Asia Minor, Cappadocia, Lesser Armenia, Ariobarzanes III of Cappadocia, Ariarathes X of Cappadocia, Deiotarus I Philoromaos

Труд 'Bellum Alexandrinum' («Записки об Александрийской войне») повествует о кампании Цезаря против египетского фараона Птолемея XIII¹. Но в нем идет речь также и о событиях, происходивших в 48–47 гг.² в Малой Азии, и политике Цезаря в этом регионе.

«Записки об Александрийской войне» сообщают, что после завершения Цезарем Александрийской кампании дела в Риме требовали его немедленного возвращения. «Однако [Цезарь] предпочел [предварительно] так устроить те провинции и местности, которые он уже посетил, чтобы они освободились от внутренних раздоров, подчинились бы [римскому] законодательству и перестали бы бояться внешних врагов» (*BAlex.* 65. 1)³.

Цезарь ускоренным маршем прошел через Сирию и Киликию до Каппадокии, по пути спешно разрешая споры между правителями-клиентами, раздавая награды и вынося приговоры (*BAlex.* 65–66). Во время двухдневного пребывания в столице Каппадокийского царства Мазаке (66. 3) он, должно быть, признал

¹ Подробнее о проблеме авторства этого сочинения, анализе его стиля и технике повествования см. Gaertner, Hausburg 2013, 31–154. Латинский текст в статье приводится по следующему изданию: Damon, 2022.

² Здесь и далее все даты в статье — до нашей эры.

³ Здесь и далее — перевод автора.

Ариобарзана III законным царем Каппадокии и окончательно с ним примирился⁴. Кроме того, в этом месте «Александрийской войны» сказано, что Цезарь передал брату Ариобарзана Ариарату какую-то территорию (или назначил на какую-то должность), однако какую именно, остается неизвестным, поскольку часть текста была утрачена (66. 5)⁵. Размер утраченного фрагмента определить, к сожалению, не представляется возможным.

Соответствующий общепринятый фрагмент текста «Александрийской войны», т.н. вульгата, вместе с разночтениями (*cod.*) имеет следующий вид⁶:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi¹, cum bene meritis uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen² sollicitaret aut heres³ regni terreret⁴ [...] Ariobarzani attribuit⁵, qui sub eius imperio ac dicione esset.

¹ amarathi *SLN*, Ariarathi *cet.*

² amarathen *LN*, Ariarathen *cet.*

³ hereditas *LN*, heres *cet.*

⁴ post terreret *lac. stat. cod. (MUSTV)*

⁵ adtribuit *UT*, attribuit *cet.*

Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или будучи наследником царства он не устрасал бы [...] подчинил Ариобарзану, который находился под его властью и господством.

⁴ Magie 1950, 410; Hoben 1969, 171; Freber 1993, 85. Ариобарзан и его брат Ариарат сражались во главе каппадокийского контингента на стороне Помпея при Диррахии, а затем и Фарсале (App. *BCiv.* II. 49. 202, 71. 295; Flor. II. 13. 5; Caes. *BCiv.* III. 4. 3; Luc. III. 243–244).

⁵ «Записки об Александрийской войне» сохранились в составе восьми рукописных кодексов, которые происходят от единого архетипа (*X*). От него посредством двух промежуточных копий (*x* и *x'*), последняя из которых была создана примерно на рубеже VIII и IX вв., образовались две ветви манускриптов, т.н. рукописи первого и второго порядка (σ и β), два класса, условно выделяемые на основании сходства происхождения представленных ими рукописей. К первому классу (σ) принадлежат три манускрипта: *S* – Ashburnhamensis (X–XI вв.), *L* – Lovaniensis (XI в.) и *N* – Neapolitanus (XII–XIII вв.). Две последние рукописи (*L* и *N*), по всей видимости, восходят к одной промежуточной копии (σ'), так как имеют значительно больше сходств по сравнению с первой (*S*). Все кодексы второго класса также восходят к общему апографу (β), с которого были сделаны две копии (μ и π). От первой (μ) произошли три рукописи: *M* – Mediceus (X–XI вв.), *U* – Ursinianus (XI–XII вв.); *R/F* – Riccardianus (XI–XII вв.). Причем два последних манускрипта (*U* и *R*) происходят, вероятно, от некоего другого манускрипта (ρ), параллельного первому (*M*). Наконец, от второй группы (π) класса β произошли оставшиеся две рукописи: *T* – Thuaneus (XI в.) и *V* – Vindobonensis (XII в.). К этим восьми наиболее древним кодексам следует добавить те, которые обычно определяются как значительно более поздние: Leidensis (апограф *T*), Dresdensis и Mediceus Laurentianus (апограф *M*). См. Andrieu 1954, LX–LXXXIV; Giomini 1956, 37–39; Du Pontet 1978, 3–6; Icart, Dolç 1987, 40–44; Damon 2022, X–XXVII.

⁶ Ср. латинский текст и критический аппарат к этому фрагменту, а также комментарии к нему в различных изданиях 'Bellum Alexandrinum'. Наиболее авторитетные из них следующие: Nipperdey 1847, 200–201, 659; Kübler 1896, XX, 43; Klotz 1927, 51; Andrieu 1954, 65; Way 1955, 118; Giomini 1956, 205–206; Du Pontet 1978, 193; Icart, Dolç 1987, 104; Damon 2022, 78. Среди прочих можно выделить такие, как Dübner 1867, 261; Schneider 1888, 55; Landgraf 1891, 20; Hoffmann 1898, 217; Loreto 2001, 148.

Данный фрагмент сочинения имеет принципиальное значение для понимания всей восточной политики Цезаря в Малой Азии после победы над Помпеем при Фарсале в 48 г. (см. ниже). По этой причине попытки восстановить утраченный фрагмент предпринимались издателями «Записок об Александрийской войне» еще в середине XVIII в. Так, Я. Юриний (см. труд под ред. Т. Бентли), основываясь на сообщениях Цицерона (Cic. *Phil.* II. 94; *Div.* I. 27), предложил заполнить лакуну так⁷:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritus uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret *Ariobarzanem, Armeniam minorem* (addidit, *Ariobarzani* omisit) attribuit, *quae* (coniecit pro *qui*) sub eius imperio ac dicione esset⁸.

До середины XIX в. предложение Я. Юиния считалось *meretur audiri*⁹. Однако К.Л. Ниппердей, взяв за основу сообщения уже Диона Кассия (Dio Cass. XLI. 63. 3, XLII. 48. 3), предложил в 1847 г. следующее прочтение¹⁰:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritus uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret *Ariobarzanem, partem Armeniae minoris concessit, eumque* (addidit) *Ariobarzani* attribuit, qui sub eius imperio ac dicione esset¹¹.

С тех пор точка зрения, высказанная К.Л. Ниппердеем, если не полностью принимается издателями¹², то по крайней мере в большинстве публикаций «Александрийской войны» указывается как один из наиболее вероятных вариантов прочтения данного фрагмента.

Тем не менее в самом конце XIX в. Э. Хофман, опираясь на предположения предшественников, предпочел восстановить утраченную часть текста так¹³:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritus uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret *Ariobarzanem* (addidit, *Ariobarzani* omisit)¹⁴, adtribuit, qui sub eius imperio ac dicione *essent* (coniecit pro *esset*)¹⁵.

⁷ Bentley 1742, 463–464. Я. Юриний также пишет, обосновывая возможность такого восстановления, что *poterant enim uerba Armeniam minorem contracte scripta, ut fit, pro repetitione uocis Ariobarzanem a librario haberi* (ibid. 464).

⁸ «Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или будучи наследником царства он не устрасал бы Ариобарзана, он [Цезарь. — Г. К.] передал Малую Армению, которая находилась бы под его [Ариобарзана. — Г. К.] властью и господством».

⁹ Например, Oberlin 1818, 61–62; Achaintre, Lemaire 1820, 413–414.

¹⁰ Nipperdey 1847, 200–201.

¹¹ «Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало Ариарата или будучи наследником царства он не устрасал бы Ариобарзана, [Цезарь] уступил часть Малой Армении и подчинил его (Ариарата. — Г. К.) Ариобарзану, который (Ариарат. — Г. К.) находился бы под его (Ариобарзана. — Г. К.) властью и господством».

¹² Например, Kübler 1896, 43; Klotz 1927, 51; Way 1955, 118.

¹³ Hoffmann 1898, 217. Данный вариант предлагался и ранее, см. Oberlin 1818, 61–62; Achaintre, Lemaire 1820, 413–414.

¹⁴ Возможно, Э. Хофман просто решил изменить *Ariobarzani* на *Ariobarzanem*, какие-либо комментарии к этому месту в его издании отсутствуют.

¹⁵ «Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало Ариарата или будучи наследником царства он не вызывал бы страх у Ариобарзана, [Цезарь] передал тех, кто находился бы под его (Ариарата. — Г. К.) властью и господством».

Во второй половине XX в. Р.П. Харпер предложил другой вариант восстановления утраченного фрагмента текста¹⁶:

Fratri (autem *om.*) Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritis uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret *Ariobarzanen, Comana, ... Bellonae templum* (addidit), ... Ariarathi ... attribuit, *quae* (coniecit pro *qui*) sub eius imperio ac ditione esset¹⁷.

Анализируя предложенные варианты, Р.Д. Салливан приходит к заключению, что, в сущности, не представляется возможным определить, на какую должность в 47 г. был назначен Цезарем Ариарат: жреца Коман Каппадокийских или же правителя части Малой Армении¹⁸. Другие исследователи, как правило, также лишь сухо констатируют, что воспроизвести утраченный фрагмент сочинения не представляется возможным, а текст «Александрийской войны» в этом месте не может использоваться в полной мере для реконструкции восточной политики Цезаря¹⁹.

Наконец, следует указать еще на два варианта прочтения этого фрагмента, один из которых был предложен буквально недавно. Во-первых, Р. Сайм, в целом соглашаясь с уже упомянутым восстановлением текста К.Л. Ниппердея, указал в опубликованной в 1995 г. «Анатолике», что более элегантным решением этой проблемы могла бы стать банальная замена *qui* на *quod*²⁰. Во-вторых, А. Джошкун в 2021 г. предложил собственный оригинальный вариант заполнения лакуны²¹:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritis uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret, *Armeniae minoris partem, Cappadociam* (addidit) Ariobarzani attribuit, *quae* (coniecit pro *qui*) sub eius imperio ac ditione esset²².

¹⁶ Harper 1968, 100.

¹⁷ «Брату Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или будучи наследником царства он не устрасал бы Ариобарзана, [Цезарь] Команы [Каппадокийские], ... храм Белоны, подчинил ... Ариарату ... которые (Команы. — Г. К.) находились под его (Ариарата. — Г. К.) властью и господством».

¹⁸ Sallivan 1980, 1147, n. 112; 1150, n. 130; 1990, 179, 396, n. 120.

¹⁹ См. среди прочих Niese 1883, 595, Anm. 1; Magie 1950, 410–411, 1264, n. 20; Syme 1995, 142. Основные вехи в истории исследования этой проблемы см. у Н. Биффи (Biffi 2012, 414, n. 17). Также можно упомянуть об экзотической гипотезе Т. Рейнака, который видел в утраченном фрагменте упоминание каппадокийской Киликии с городами Кастабала и Кибистра (Reinach 1888, 65, n. 1). Данная гипотеза не нашла, однако, поддержки у других исследователей.

²⁰ Syme 1995, 142, n. 56. Р. Сайм не приводит латинский текст этого фрагмента, соответствующий его предложению, поэтому о том, как он мог выглядеть, остается только догадываться. Более того, вполне очевидно, что исследователь не до конца разобрался, в каком виде сохранилась рукописная традиция. Вероятно, речь идет о следующем прочтении: *Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritis uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret Ariobarzanen* (addidit, omisit *Ariobarzani*), attribuit, *quod* (coniecit pro *quid*) sub eius imperio ac ditione esset. В таком случае перевод предложенного Р. Саймом варианта текста будет звучать так: «Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или будучи наследником царства он не устрасал бы Ариобарзана, [Цезарь] передал то, что находилось бы под его (Ариарата. — Г. К.) властью и господством».

²¹ Coşkun 2021a, 82.

²² «Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или будучи

Проблема реконструкции утраченного фрагмента текста «Александрийской войны» и, соответственно, восточной политики Цезаря с этим связанной может быть решена, как представляется, путем сочетания нескольких методов: анализа (в том числе лингвистического) текста самого источника, его сопоставления со сведениями других исторических источников, касающихся этих событий, а также помещения описанного в «Александрийской войне» инцидента в более общий исторический контекст. Кроме того, настоящее исследование призвано поставить точку в дискуссии вокруг ситуации с Малой Арменией после победы Цезаря при Зеле, а также статуса Дейотара, Ариобарзана и Ариарата после 47 г.

Прежде всего в историографии много споров вызвал вопрос, связанный с судьбой Малой Армении после победы Цезаря над Фарнаком при Зеле в 47 г.²³ До вторжения Фарнака источники однозначно сообщают о том, что вся Малая Армения принадлежала Дейотару (*BAlex.* 34. 1; Dio Cass. XLII. 45. 3), который, без сомнения, являлся ее царем, провозглашенным сенатом (*BAlex.* 67. 1: *sine dubio autem rex Armeniae minoris ab senatu appellatus*). Дион Кассий пишет по этому поводу следующее:

Некоторую часть Армении, находившуюся под властью Дейотара, [Цезарь] отдал Ариобарзану, царю Каппадокии, однако этим он не нанес ущерб Дейотару, а наоборот, оказал ему дополнительное благодеяние²⁴.

Затем [Цезарь] вернул себе всю территорию, принадлежавшую римлянам и связанным с ними договором, которую захватил Фарнак, и передал ее тем людям, что были лишены своих владений, за исключением части Армении, которую он пожаловал Ариобарзану²⁵.

Однако Цицерон в трактате «О дивинации» (II. 79) пишет, что Цезарь «отнял у Дейотара Армению, данную ему сенатом»: *detraxisset [sc. Deiotaro] Armeniam a senatu datam*²⁶, т.е. складывается впечатление, будто бы Цезарь лишил Дейотара всей Малой Армении.

В тексте «Александрийской войны» (66. 5), как уже говорилось, сообщается, что Цезарь передал Ариарату (или Ариобарзану) какую-то территорию, однако какую именно, остается неизвестным, поскольку часть текста была утрачена. Тем

наследником царства он не устрасал бы Ариобарзана, [Цезарь] уступил часть Малой Армении, Ариобарзану подчинил Каппадокию, которая (т.е. Каппадокия) находилась бы под его (Ариобарзана. — Г. К.) властью и господством».

²³ Ср. Drumann 1837, 559, Anm. 11; Judeich 1885, 154–155; Niese 1883, 595, Anm. 1; 1901, 2402; Stähelin 1907, 93, Anm. 1; Adcock 1932, 679; 1937, 17; Magie 1950, 410, 413, 1264, n. 20, 1267, n. 31; Buchheim 1960, 55, 57, 110, Anm. 121; Giomini 1956, 206; Hoben 1969, 171, Anm. 138–140; 92, Anm. 182–184; Ritter 1970; Pani 1972, 103; Sullivan 1980, 1144–1145; Freber 1993, 85, Anm. 407; Mitchell 1993, 36; Syme 1995, 142; Loreto 2001, 391; Smykov 2013, 313–314; Coşkun 2021a, 78–81.

²⁴ Dio Cass. XLI. 63. 3: μέρος μὲν γάρ τι τῆς Ἀρμενίας τῆς τοῦ Δηιοτάρου γενομένης Ἀριοβαρζάνει τῷ τῆς Καππαδοκίας βασιλεῖ ἔδωκεν, οὐ μὲντοι καὶ τὸν Δηιοτάρων ἐν τούτῳ τι ἔβλαψεν, ἀλλὰ καὶ προσευηργέτησεν.

²⁵ Dio Cass. XLII. 48. 3: καὶ μετὰ τοῦτο τὴν χώραν ὅσην τῶν τε Ῥωμαίων καὶ τῶν ἐνόρκων σφίσιν ἀποτετμημένος ὁ Φαρνάκης ἦν ἐκομίσατο, καὶ αὐτὴν πᾶσαν ὡς ἐκάστοις τοῖς ἀπολέσασιν ἔδωκε, πλὴν μέρους τινὸς τῆς Ἀρμενίας, ὃ τῷ Ἀριοβαρζάνει ἐχαρίσατο.

²⁶ См. также Cic. *Div.* I. 27: ...a Caesare tetrarchia et regno pecuniaque multatus est; *Phil.* II. 94: ...Armeniam abstulerat a senatu datam.

не менее тот факт, что на месте лакуны речь шла о Малой Армении, очевиден не только в свете указов, которые, согласно Диону Кассию, Цезарь издал уже в Каппадокии, но и вследствие последующего повествования «Александрийской войны»²⁷.

Когда Цезарь после посещения Мазаки и Тарса направился непосредственно в Понт, на границе с Галатией его встретил Дейотар (*BAlex.* 67. 1). Далее автор ‘*Bellum Alexandrinum*’ сообщает основные сведения об этом историческом деятеле: «Дейотар, в то время тетрарх почти всей Галлогреции, однако, как утверждали остальные тетрархи, не имевший на это права ни по законам, ни по традициям, но, без сомнения, являвшийся утвержденным сенатом царем Малой Армении»²⁸.

По мнению А. Джошкуна, с помощью отступления, представляющего читателям Дейотара, автор «Александрийской войны» косвенно объясняет, по какой причине Цезарь все же оставил галатскому тетрарху часть Малой Армении. Добавление информации о Малой Армении в раздел, посвященный в основном спорам среди представителей галатской знати, имело бы мало смысла, если бы указ Цезаря, касающийся Малой Армении, не упоминался незадолго до этого, что должно было подразумевать хотя бы частичное сохранение за Дейотаром этого царства. Цезарь, таким образом, изображается здесь как рассудительный политик и миротворец, ориентирующийся на постановления сената и в то же время проявляющий уважение к местным династическим традициям²⁹.

В пользу данной точки зрения можно привести еще один аргумент. Действительно, сначала Цезарь посетил резиденцию каппадокийских царей в Мазаке, где и было принято решение о передаче определенной территории Ариарату (*BAlex.* 66. 5). Затем на границе Каппадокии и Галатии состоялся импровизированный суд Цезаря над Дейотаром, по результатам которого римский политик сообщил, что споры между галатскими тетрархами он разберет позднее, после чего вернул Дейотару его царские одежды (68. 1: *de controuersiis tetrarcharum postea se cognitum esse dixit. Regium uestitum ei restituit*). При этом статус Дейотара в этот момент в самой Галатии был спорным, но он совершенно точно оставался утвержденным сенатом царем Малой Армении (67). Решение по спору между тетрархами Цезарь вынес уже после победы над Фарнаком перед отъездом в Италию. Одна из тетрархий (трокмов), захваченная Дейотаром несколько лет назад, была передана *iure gentis et cognationis* Митридату Пергамскому (78. 3)³⁰.

Таким образом, Цезарь не мог лишить Дейотара всей Малой Армении в Мазаке, поскольку тот после этого сохранил царский титул. О каком-либо подобном решении (как и вообще о судьбе Малой Армении после битвы при Зеле) в тексте «Александрийской войны» впоследствии также не упоминается. При этом маловероятно, что автор источника, наиболее подробно рассказывающего об этих

²⁷ Coşkun 2021a, 80.

²⁸ *BAlex.* 67. 1: *Deiотarus tetrarches Gallograeciae tum quidem paene totius — quod ei neque legibus neque moribus concessum esse ceteri tetrarchae contendebant, sine dubio autem rex Armeniae minoris ab senatu appellatus.*

²⁹ Coşkun 2021a, 80.

³⁰ О Дейотаре, Галатии, галатах и их внутривосточной борьбе см. многочисленные работы А. Джошкуна (их перечень см. в Coşkun 2021b, 156–158). О Митридате Пергамском см., например, Heinen 1994; Ballesteros Pastor 1996; Saprykin 2019.

событиях (т.е. «Записок об Александрийской войне»), мог не знать о судьбе Малой Армении после победы Цезаря над Фарнаком или же посчитать ненужным об этом упомянуть. Иными словами, в утраченном фрагменте «Александрийской войны», согласно логике самого сочинения, должны были содержаться сведения о том, что Цезарь лишил Дейотара части Малой Армении.

Разногласия в источниках следует, по всей видимости, разрешить не в пользу Цицерона, который, как известно, являлся лицом заинтересованным и представлял интересы Дейотара (бывшего соратника Помпея) на суде. Галатский тетрарх в 45 г. был обвинен своим внуком Кастором в том, что злоумышлял против Цезаря, намереваясь умертвить римского полководца в то время, когда тот находился во владениях Дейотара в его царской резиденции Блукии. Во время этого судебного разбирательства Цицерону пришлось произнести целую речь в защиту царя Дейотара ('Pro rege Deiotaro'), вероятно, благодаря которой решение по этому делу так и не было принято и Дейотар не понес какого-либо наказания (Cic. *Deiot.*)³¹. В этой связи сообщения Диона Кассия (и, по всей видимости, также автора «Александрийской войны») о передаче Ариобарзану только части Малой Армении заслуживают большего доверия³².

К такому же мнению приходит и А. Джошкун, который тщательнейшим образом проследил историю возникновения самого топонима «Малая Армения». Причину разногласий в источниках относительно трактовки данного распоряжения Цезаря и различного обозначения территории, переданной под власть Каппадокии, он объясняет наличием нескольких традиций, которых придерживались античные авторы. Так, первоначально Малой Арменией называлась вся территория бывшего царства Митридата, переданная в 64 г. Помпеем Дейотару. Однако в результате земельных перераспределений Цезаря 47 г. она сузилась до участка земли между верховьями Евфрата и долиной реки Лик, который и достался Ариарату³³.

Таким образом, Ариобарзан в 47 г. должен был уплатить Цезарю солидную контрибуцию (*BAlex.* 34. 1: *resuniamque promissam Caesari*), однако сохранил свое царство, а также фактически получил часть Малой Армении (*Dio Cass.* XLI. 63. 3, XLII. 48. 3; *BAlex.* 66. 5). Решение Цезаря в отношении Ариобарзана кажется достаточно мягким. Связано это было, по-видимому, с тем, что царь Каппадокии принадлежал к проримски настроенной части каппадокийской знати³⁴. Учитывая стратегически важное положение Каппадокии как фронта Римской республики, производить какие-либо важные перестановки внутри этого клиентского

³¹ Подробнее об этом судебном процессе см. Coşkun 2005; 2015; Smykov 2019.

³² Точка зрения, принимаемая рядом исследователей; см. среди прочих Magie 1950, 413, 1267, n. 31; Buchheim 1960, 57; Giomini 1956, 206; Sullivan 1980, 1144; Mitchell 1993, 36; Syme 1995, 142; Smykov 2013, 313–314; Coşkun 2021a.

³³ Coşkun 2021a, 81–82. См. карту этой территории: URL: <https://www.altaycoskun.com/map-galatia-11>; дата обращения: 20.05.2023.

³⁴ В соответствии с традиционной проримской политикой своей династии Ариобарзан III стремился к союзу с Римской республикой с самого начала своего правления, см. подробнее Noben 1969, 161–169. Как и его дед Ариобарзан I, он называл себя Филоромеем (ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΣ): *OGIS* I, 356; *BMC Cappadocia* 42; Head 1911, 751; Simonetta 1961, 46; 1977, 44.

царства было рисковано³⁵. Более того, Цезарь, по всей видимости, даже попытался укрепить позиции Ариобарзана внутри Каппадокии, ведь он фактически выступил посредником в споре между братьями (*BAlex.* 66. 5)³⁶. Фраза «Александрийской войны» о мотивах Цезаря при вынесении решения в этом споре (66. 5: *ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret*) свидетельствует о том, что отношения между братьями со времен заговора против Ариобарзана III продолжали оставаться достаточно напряженными³⁷.

Осталось, наконец, рассмотреть принципиально иную трактовку, предложенную Р.П. Харпером, который предполагает, что Цезарь «подчинил Команы [Каппадокийские], храм Белоны, Ариарату» (*BAlex.* 66. 5)³⁸. Мнение исследователя основывается на том обстоятельстве, что данный фрагмент «Александрийской войны» содержит нестыковки. Цезарь, находясь в Мазаке или же в Команах Каппадокийских (66. 3: *magnisque itineribus per Cappadociam confectis, biduum Mazacae commoratus Comana <uenit>*³⁹), назначил жрецом Коман Ликомеда (66. 4). Однако этот Ликомед, по сообщениям Аппиана и Страбона, которые заслуживают большего доверия, был назначен жрецом именно в Команах Понтийских (*Strab.* XII. 3. 35; *App. Mith.* 121). Косвенно эту версию подтверждает и Дион Кассий (*LI.* 2. 2: *Λυκομήδην ἐν μέρει τοῦ Καππαδοκικοῦ Πόντου βασιλεύοντα*). В таком случае возникает вопрос, почему Цезарь принял решение о должности жреца Коман Понтийских, находясь в Каппадокии⁴⁰. Следовательно, как считает Р.П. Харпер, решение Цезаря было связано со жрецом Коман Каппадокийских. На эту *secundus* а *rege* должность он, соответственно, и назначил Ариарата⁴¹.

Исчерпывающее объяснение этому противоречию дает Р. Сайм. Автор «Александрийской войны» либо попросту перепутал Команы Каппадокийские с Понтийскими (ошибка не столь курьезная), либо же по какой-то причине вставил

³⁵ В случае вторжения парфян именно Каппадокия оказывалась главным римским аванпостом в Малой Азии. Поэтому на каппадокийских царей и была возложена задача по обеспечению безопасности стратегически важной границы с Парфией, проходившей по Евфрату. На этой границе располагались Зевгма и Самосата — традиционно главные цели для парфянских набегов во время их вторжений в Малую Азию и Сирию (*Cic. Fam.* XV. 2. 1; 3. 1), см. подробнее Hoben 1969, 182, Anm. 178.

³⁶ Предположение, что Цезарь выступил третейским судьей между Ариаратом и Ариобарзаном, поскольку между братьями существовали разногласия, выдвинутое Г. Буххаймом (*Buchheim* 1960, 55) и поддержанное В. Хобеном (*Hoben* 1969, 171–172), представляется вполне обоснованным.

³⁷ Речь идет о раскрытии благодаря усилиям Цицерона заговора против Ариобарзана III в самом начале его правления, организованного его матерью Афинаидой II и пропарфянской частью каппадокийской знати, см. подробнее Hoben 1969, 160–165; Sherwin-White 1984, 292–293; Sullivan 1980, 1140–1143; 1990, 177–178; Facella 2019.

³⁸ Harper 1968, 100.

³⁹ О трактовке этого фрагмента и интерпретации фразы *Comana uenit* см. Magie 1950, 1264, n. 21; Syme 1995, 167, n. 14.

⁴⁰ Ср. попытки интерпретации этого фрагмента ‘*Bellum Alexandrinum*’: Magie 1950, 410–411, 1264, n. 21; Harper 1968, 100; Sullivan 1980, 1147, n. 112; Syme 1995, 167–168; Loreto 2001, 390–391; Biffi 2012, 417; Ballesteros Pastor 2000, 147–149; 2016, 156, n. 38.

⁴¹ Harper 1968, 100–101.

этот отрывок не в ту часть своего повествования, введенный в заблуждение названием этого святилища (и, возможно, фразой «*regio Cappadocum genere*»)⁴².

Впрочем, из этого вывода отнюдь не следует, что Ариарат мог стать жрецом Коман Каппадокийских. Фраза *sub eius imperio ac dicione esset* вряд ли может быть отнесена к Команам и Ариарату, поскольку, в отличие от независимого храмового комплекса Коман Понтийских, жрец Коман Каппадокийских подчинялся царю⁴³.

Все попытки покушения на власть Ариобарзана III, о которых рассказывает Цицерон (заговор части каппадокийской аристократии с целью посадить на трон Ариарата, изгнание царицей-матерью двух проримски настроенных каппадокийских аристократов, восстание жреца Коман Каппадокийских против Ариобарзана III), были так или иначе тесно связаны друг с другом (Cic. *Fam.* XV. 2. 5–7; 4. 6). Неудивительно, что Цезарь, разглядев угрозу власти Ариобарзана, исходящую от его брата, решил позаботиться о том, чтобы найти для Ариарата какую-то должность, ослабив тем самым его давление на царя Каппадокии и восстановив единоличную власть Ариобарзана⁴⁴.

Однако при выборе этой должности римский политик, по всей видимости, должен был руководствоваться стремлением сделать так, чтобы события периода консульства Цицерона не повторились. В этой связи назначить Ариарата жрецом Коман Каппадокийских было бы странным решением, учитывая, что один из предыдущих жрецов уже возглавлял заговор против царя. Ариарата следовало, наоборот, удалить от каппадокийского двора, где он не ощущал «тлетворного» влияния части каппадокийской аристократии, настроенной враждебно к римлянам, а также не мог принимать участия во внутривластных интригах. Всем этим критериям отлично соответствовало наместничество в Малой Армении⁴⁵.

Но вернемся к событиям в Малой Азии после прибытия в Каппадокию Цезаря. Посетив Мазаку, он направился непосредственно в Понт навстречу Фарнаку (*BAlex.* 67–69). По пути он зачислил в свое войско легион, сформированный Дейотаром, и всю конницу галатского тетрарха (68. 2). Поскольку каппадокийцы не упоминаются среди находящихся под предводительством Цезаря войск,

⁴² Syme 1995, 142, 168.

⁴³ Команы Понтийские после реформ Помпея превратились в независимое малое эллинистическое государство (Strab. XII. 3. 34–36; App. *Mith.* 114, 121), власть над которым была равной власти царя (App. *Mith.* 114: ὁλερ ἐστὶ δυναστεία βασιλική). Жрец храмового комплекса в Команах Каппадокийских остался под властью царя, занимая второе положение в государстве после него (Strab. XII. 2. 3: καὶ ἔστιν οὗτος δεῦτερος κατὰ τιμὴν ἐν τῇ Καππαδοκίᾳ μετὰ τὸν βασιλέα; *BAlex.* 66. 3: Comana ... quod tanta religione colitur ut sacerdos eius deae maiestate imperio potentia secundus a rege consensu gentis illius habeatur). См. также Hoben 1969, 178–179, Anm. 167; Sullivan 1980, 1149–1151; 1990, 179, 397, n. 133. Непосредственно о Команах Понтийских см. Boffo 2007, 116–117; Burcu Erciyas 2009; Ballesteros Pastor 2000; 2016.

⁴⁴ Sullivan 1980, 1145, 1151.

⁴⁵ Мнение, что Цезарь назначил Ариарата именно правителем Малой Армении, разделяют и другие исследователи. См. среди прочих Buchheim 1960, 55, 110, Anm. 121; Hoben 1969, 170–172; Freber 1993, 85; Coşkun 2021a. Л. Лорето также критикует гипотезу, выдвинутую Р.П. Харпером, однако делает это абсолютно необоснованно, вообще приписывая ее Р.Д. Салливану (Loreto 2001, 391).

с которыми он выступил против Боспорского царя (69. 1), можно сделать вывод, что Цезарь не стал взваливать на Ариобарзана тяготы (за исключением финансовых) еще и этой войны⁴⁶.

Прибыв в Понт, Цезарь расположил свои войска у города Зелы, где и состоялось решающее сражение. Фарнак был разгромлен и лишь чудом спасся. После этого Цезарь двинулся через Галатию и Вифинию в Азию, римскую провинцию в западной части Малой Азии. Во всех этих провинциях он решил все спорные дела и определил права тетрархов, царей и городов (*BAlex.* 78. 1). В Никее состоялся суд Цезаря над Дейотаром и другими правителями-клиентами⁴⁷. По всей видимости, именно в Никее и было решено большинство вопросов (в том числе и касательно Малой Армении), связанных с реорганизацией Цезарем Малой Азии после победы над Фарнаком⁴⁸. Хотя, очевидно, вопрос о статусе Малой Армении поднимался уже в Мазаке (66. 5), и разговоры об этом ходили еще до суда в Никее⁴⁹. Таким образом, Цезарь, по всей видимости, еще перед кампанией против Фарнака дал обещание Ариобарзану о передаче ему части Малой Армении, что впоследствии было подтверждено в Никее (78. 1).

Дальнейший ход событий позволяет восстановить Дион Кассий. Он пишет, что Цезарь «не нанес ущерба Дейотару, а, наоборот, оказал ему благодеяние: ведь он не отнял (ἀπτετέμετο) у него землю, но полностью занял (καταλαβὼν) Армению, захваченную (καταληφθεῖσαν) Фарнаком, и часть ее отдал (ἐχαρίσατο) Ариобарзану, а другую — Дейотару» (XLI. 63. 3). Иными словами, Цезарь «вернул себе (ἐχοίσατο) всю территорию, принадлежавшую римлянам и связанным с ними договором, которую захватил Фарнак (ἀποτέκτημένος ... ἦν), и передал (ἔδωκε) ее тем людям, что были лишены своих владений, за исключением части Армении, которую он пожаловал (ἐχαρίσατο) Ариобарзану» (XLII. 48. 3).

Таким образом, вопрос, связанный с разделом Малой Армении, был окончательно решен лишь во время суда Цезаря над правителями-клиентами в Никее, по результатам которого одна ее часть отошла к Ариобарзану (под управлением Ариарата), а другая была возвращена Дейотару. Подобными действиями Цезарь, во-первых, оказывал услугу правителям-клиентам Рима (возвращая им их территории), делая их вследствие этого обязанными себе лично, а во-вторых, устанавливал между ними баланс сил (в соответствии с римским принципом *divide et*

⁴⁶ Hoben 1969, 172, Anm. 145.

⁴⁷ О пути Цезаря от Зелы к Никее см. Judeich 1885, 146; Magie 1950, 413, 1266, n. 29. О пребывании Цезаря в 47 г. в Вифинии — *BAlex.* 78. 1; Cic. *Fam.* XIII. 29. 4; Dio Cass. XLII. 49. 1, непосредственно в Никее — Cic. *Att.* XIV. 1. 2. В. Юдейх датирует прибытие Цезаря в Никею серединой августа, а отъезд — концом этого месяца (Judeich 1885, 147, 149).

⁴⁸ По мнению В. Юдейха, все распоряжения Цезаря относительно реорганизации Малой Азии были отданы сразу после сражения при Зеле (Judeich 1885, 146–147, 156–157). Тем не менее Д. Мэйджи, основываясь на мнении Б. Ниезе, справедливо возразил, что если Цезарь выступил из-под Зелы на следующий день после сражения, то у него просто не было бы времени для принятия всех этих решений (Niese 1883, 592–593; 1901, 2402; Magie 1950, 1267, n. 30).

⁴⁹ Judeich 1885, 147.

impera), не допуская тем самым чрезмерного усиления ни одного из них⁵⁰. Затем Цезарь, обеспокоенный происходящими в Италии событиями, покинул Восток осенью 47 г. и в скором времени прибыл в Рим (*BAlex.* 78. 5).

Первое время предписания Цезаря, составленные по результатам разрешения спора между Ариобарзаном и Ариаратом (*BAlex.* 66. 5), по всей видимости, соблюдались, однако каких-либо данных об этом мы не имеем. Тем не менее уже в марте 45 г. Цицерон написал Аттику следующее: «Ариарат, сын Ариобарзана, прибыл в Рим. Он, думается мне, хочет купить у Цезаря какое-нибудь царство; ведь при нынешнем положении ему некуда поставить ногу в своем» (*Cic. Att.* XIII. 2a. 2). Затем оратор даже распорядился доставить Ариарату письмо, в котором пригласил брата царя заехать к нему (2a. 2). Неизвестно, состоялась ли данная встреча, однако из письма Цицерона можно с большой долей вероятности заключить, что Ариарат к этому времени полностью утратил власть в Малой Армении. Впрочем, брат Ариобарзана мог жаловаться и на положение в самой Каппадокии. Если предположить все же первый вариант, то Ариобарзан, очевидно, должен был значительно ограничить свободу действий Ариарата в Малой Армении или вовсе отстранить его от управления этой территорией⁵¹. Другой возможной

⁵⁰ См. Hoben 1969, 173; Ritter 1970, 127; Smykov 2013, 314; Coşkun 2021a, 82–84. О механизме возврата римскими политиками захваченного у союзников Рима имущества и территорий и значении этой процедуры см. Suet. *Aug.* 48: *Regnorum quibus belli iure potitus est, praeter pauca, aut iisdem quibus ademerat reddidit aut alienigenis contribuit*; *Aug. RG.* 24; *Liv.* XXX. 14. 8–11; XXXIV. 57. 7. Е. В. Смыков обратил в этой связи мое внимание на примечательную параллель, связанную с распоряжениями Помпея относительно Сирии в ходе Третьей Митридатовой войны (*App. Syr.* 49, *Mith.* 106; *Iust.* XL. 2. 4). Подробнее об этих событиях см. Ritter 1965, 147–148. Действительно, то, что досталось римлянам в результате их завоеваний, являлось по праву победы собственностью римского народа. Захваченные территории он мог по собственному усмотрению как оставить себе, так и вернуть (передать) побежденным или же своим союзникам (*ibid.* 148). *App. Mith.* 106; *Syr.* 49; *Plut. Pomp.* 39; *Iust.* XL. 2. 3–4. Впрочем, как справедливо указал А. Джошкун, решения Цезаря в значительно большей степени просто следовали логике имперской политики, чем традиционному праву народов или же выведенным из него римскими юристами максима́м (Coşkun 2021a, 83–84).

⁵¹ Часть исследователей предполагает, что это действительно было делом рук Ариобарзана (например, Hoben 1969, 175–176; Stein-Kramer 1988, 155–157; Freber 1993, 104; Coşkun 2021a, 81). Дейотар же начал возвращать себе потерянные при Цезаре территории только после его смерти (Niese 1883, 596; Magie 1950, 1275, n. 58; Freber 1993, 105; Mitchell 1993, 37, n. 120; Smykov 2013, 322; Coşkun 2021a, 81, Anm. 48). Цицерон говорит, что он «с помощью Марса, благосклонного к нему (*suo Marte*), вернул себе свое» (*Cic. Phil.* II. 95). Таким образом, Дейотар точно не мог отобрать у Ариобарзана часть Малой Армении до 44 г. Неизвестно, сумел ли Дейотар вообще вернуть себе часть Малой Армении, потерянную в результате распоряжения Цезаря, вплоть до своей смерти в 41/40 г. (*Dio Cass.* XLVIII. 33. 5). В филиппике Цицерона речь могла идти о тетрархии трокмов, которая после суда в Никее была передана Митридату Пергамскому (Niese 1901, 2403; Stähelin 1907, 95–96; Magie 1950, 1275, n. 58). Это согласуется с сообщением Страбона, который пишет, что Дейотар в конце концов завладел всей Галатией (*Strab.* XII. 5. 1: καὶ ἡμᾶς [*sc. ἐν τῇ Γαλατίᾳ*] δὲ εἰς τρεῖς, εἴτ' εἰς δύο ἡγεμόνας, εἴτα εἰς ἓνα ἦγεν ἡ δυναστεία, εἰς Δηϊόταρον).

причиной такого положения вещей могли быть действия парфян. В 46–44 гг. они открыто поддерживали уцелевших сторонников помпеянской партии в Сирии, а потому имели возможность вторгнуться и в Малую Армению⁵².

Чем закончилось это посольство Ариарата в Рим, остается только догадываться. Даже если между ним и Цезарем и были достигнуты какие-то соглашения, они, вероятно, потеряли силу после убийства последнего в марте следующего года. Как бы то ни было, но приезд Ариарата в Рим и его попытки заручиться поддержкой Цезаря, по-видимому, свидетельствуют о том, что в самой Каппадокии брат Ариобарзана более не мог рассчитывать на существенную поддержку со стороны лояльной ему части каппадокийской знати. Отсюда, вероятно, следует, что Ариобарзану к 45 г. удалось консолидировать власть в Каппадокии в своих руках и минимизировать влияние противостоящей ему партии⁵³. Тем не менее становится очевидным, что после 47 г. Ариарат стал открыто брать на себя часть династических обязанностей⁵⁴.

Можно предположить, что после убийства Ариобарзана Кассием в конце лета — начале осени 43 г.⁵⁵ Малая Армения (или ее часть) в составе Каппадокийского царства досталась Ариарату. В конце 37 или же весной 36 г. Антоний казнил уже самого Ариарата⁵⁶, однако Малая Армения была пожалована Полемону только в 33 г. (Dio Cass. XLIX. 33. 2; 44. 3), после смерти которого ею завладел новый царь Каппадокии Архелай (Strab. XII. 3. 29). Таким образом, кто управлял Малой Арменией между 45 и 33 г., установить доподлинно не представляется возможным.

Остается, наконец, попытаться восстановить утраченный фрагмент текста «Александрийской войны» (BAlex. 66. 5). Как мы предположили выше, в нем автор сочинения, вероятно, сообщал о передаче Цезарем Ариарату части Малой Армении. Соответственно, Малая Армения и была подчинена Ариобарзану⁵⁷. Выражение же *sub imperium et dicionem* / *sub imperio et dicione*, по всей видимости, представляет собой определенную юридическую или политическую формулу, фиксирующую вполне конкретный тип отношений между субъектами, в роли которых могли выступать как лица (группы лиц), так и политические единицы.

⁵² Такой вариант развития событий допускают, например, Р.Д. Салливан и А. Джошкун (Sullivan 1980, 1145–1146 и п. 105; Coşkun 2021a, 81, Anm. 49). Подробнее о ситуации в Сирии и политике Парфии в этот период времени см. Debevoise 1938, 104–107; Sullivan 1978, 207–208.

⁵³ Hoben 1969, 175–176, Anm. 157. См. также Magie 1950, 1264, n. 20; Buchheim 1960, 55, 110, Anm. 121; Sullivan 1990, 180, 396, n. 121.

⁵⁴ Sullivan 1980, 1145.

⁵⁵ Cp. App. BCiv. IV. 63. 272: Ἀριοβαρζάνην τε ἄφνω κατέκτανον; Dio Cass. XLVII. 33. 4 = Zonar. X. 18: τὸν Ἀριοβαρζάνην συλλαβὼν ἀπέκτεινε. Terminus post quem для этого события будет являться конец июля 43 г., когда Кассий окончательно победил в Сирии Долабеллу, см. Magie 1950, 1273–1274, n. 50; Van Wijlick 2021, 69, n. 15.

⁵⁶ Cp. Dio Cass. XLIX. 32. 3; Tac. Ann. II. 42. 2; Strab. XII. 2. 11; Val. Max. IX. 15, ext. 2: Ari<ar>athes esset, quem a M. Antonio interemptum luce clarius erat.

⁵⁷ См. похожий контекст употребления глагола *attribuere*: ex insulis, quae erant a Sulla Rhodiis attributae (Cic. Q.fr. I. 1. 33). См. также примечательные рассуждения о вариантах интерпретации глагола *attribuere* в этом месте «Александрийской войны» в Oudendorp 1737, 837.

Немногочисленные сохранившиеся в источниках примеры ее употребления подчеркивают зависимое положение одного из участников такого рода отношений, причем достигнутое с помощью военной победы⁵⁸.

В этой связи фразу *qui sub eius imperio ac ditione esset* следует понимать как то, что Ариобарзан находился бы теперь под властью и господством Цезаря. Достигнуто это было в результате победы Цезаря над Помпеем при Фарсале, на стороне которого в этой битве принимали участие и Ариобарзан с Ариаратом. Таким образом, латинский текст всего этого предложения, мог иметь, по нашему мнению, следующий вид⁵⁹:

Fratri autem Ariobarzanis Ariarathi, cum bene meritis uterque eorum de re publica esset, ne aut regni hereditas Ariarathen sollicitaret aut heres regni terreret Ariobarzanen, Caesar Armeniae minoris partem donauit, eamque Ariobarzani attribuit, qui sub eius imperio ac ditione esset.

Брату же Ариобарзана Ариарату, так как оба из них оказали большие услуги Республике, чтобы наследование царства не волновало бы Ариарата или, будучи наследником царства, он не вызывал бы страха у Ариобарзана, Цезарь пожаловал часть Малой Армении и подчинил ее Ариобарзану, который бы находился под его (Цезаря. — Г. К.) властью и господством.

Подводя итог, следует признать, что назначение Ариарата правителем части Малой Армении гораздо лучше вписывается в контекст восточной политики Цезаря, а также хорошо согласуется с сообщениями Диона Кассия (XLI. 63. 3; XLII. 48. 3) и логикой самого текста ‘*Bellum Alexandrinum*’ (65–68 и 78), что, кажется, должно поставить точку в этой дискуссии. Как следует из предлагаемого нами восстановления фрагмента текста «Александрийской войны», Цезарь, должно быть, действительно передал часть Малой Армении Ариарату в управление, однако оставил его в подчиненном по отношению к его брату положении. Иными словами, часть Малой Армении по решению Цезаря вошла в состав Каппадокийского царства, а Ариобарзан III распространил тем самым свою власть на Восток. Его же брат Ариарат, по-видимому, был назначен обыкновенным наместником, что объясняет возможную потерю им этого статуса спустя два года, когда он в поисках новой должности прибыл в Рим. Дейотар же, судя по всему, получил обратно оставшуюся часть Малой Армении, а потому сохранил свой царский титул и после суда в Никее.

Официальная причина назначения Ариарата правителем части Малой Армении, упоминаемая в «Александрийской войне» (*BAlex.* 66. 5: *cum bene meritis uterque eorum de re publica esset*), достаточно туманна, поскольку остается неясным, какие именно заслуги подразумевает автор сочинения⁶⁰. Как справедливо

⁵⁸ Cic. *Ver.* II. 1. 55: *quid de L. Mummio, qui... Corinthum... sustulit, urbisque Achaiae Boeotiaeque multas sub imperium populi Romani dicionemque subiunxit?* Cic. *Font.* 12: *Prouinciae Galliae... quae constat ex eis generibus hominum et ciuitatum, qui... sub populi Romani imperium dicionemque ceciderunt.* Caes. *BGall.* I. 31. 7: *Quibus proeliis calamitatibusque fractos... [Haeduos] coactos esse Sequanis obsides dare nobilissimos ciuitatis et iure iurando ciuitatem obstringere sese neque obsides repetituros neque auxilium a populo Romano imploratorios neque recusatorios quo minus perpetuo sub illorum ditione atque imperio essent.*

⁵⁹ Чтобы употребление местоимения *eius* (Caesaris) в этом предложении было грамматически верным, в утраченном фрагменте должен был фигурировать сам Цезарь.

⁶⁰ Возможно, речь идет о заслугах Ариобарзана, которые отмечал еще Цицерон во время своего проконсульства в Киликии (Cic. *Fam.* XV. 2. 4), см. Giomini 1956, 206.

отмечает В. Хобен, Цезарь, возможно, полагал, что его решение направит амбиции и стремление Ариарата к власти в контролируемое русло и сделает его обязанным римскому политику. Не исключено, что Цезарь также надеялся посредством дружественных связей между стоящей за Ариаратом каппадокийской фракцией и парфянами обезопасить восточные границы и укрепить позиции Рима в регионе. Возможно, в планы Цезаря входила также подготовка к парфянскому походу: это мероприятие было достаточно трудно осуществить, не имея за спиной абсолютную поддержку со стороны каппадокийских властей⁶¹. В любом случае, мирное сосуществование сыновей Ариобарзана II под главенством старшего из братьев, наиболее лояльного Римской республике и в большей степени от нее зависящего, определенно точно соответствовало интересам Цезаря⁶².

Если обратиться к речи «В защиту царя Дейотара», то в ней можно встретить одно примечательное высказывание Цицерона, с помощью которого оратор стремился оправдать действия галатского тетрарха. По словам Цицерона, Дейотар «был побуждаем не ненавистью к тебе (Цезарю), но действовал под влиянием всеобщей ошибки» (Cic. *Deiot.* 10: Neque enim ille odio tui progressus, sed errore communi lapsus est). На основании этого сообщения В. Хобен даже предположил, что Цезарь подразделял союзников Помпея на убежденных противников (odio progressi) и следующее за ними большинство (communi errore lapsi). Соответственно Ариобарзана и Ариарата в отличие, например, от Дейотара, Цезарь, судя по его отношению к сыновьям Ариобарзана II, относил именно ко второй группе⁶³. Трудно сказать, пользовался ли Цезарь в действительности подобной логикой, однако, как уже было отмечено ранее, его лояльное отношение к правителям Каппадокии может быть объяснено рядом вполне прагматичных причин.

Литература / References

- Achaintre, N.L., Lemaire N.E. (eds.) 1820: *Caius Julius Caesar ad codices Parisinos recensitus cum varietate lectionum Julii Celsi commentariis*. Vol. II. Paris.
- Adcock, F.E. 1932: The Civil War. In: S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. IX: *The Roman Republic, 133–44 B.C.* 1st ed. Cambridge, 638–690.
- Adcock, F.E. 1937: Lesser Armenia and Galatia after Pompey's Settlement of the East. *Journal of Roman Studies* 27/1, 12–17.
- Andrieu, J. (ed.) 1954: *Guerre d'Alexandrie*. Paris.
- Ballesteros Pastor, L. 1996: *Mithridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada.
- Ballesteros Pastor, L. 2000: El santuario de Comana Póntica (apuntes para su historia). *Arys: Antigüedad: religiones y sociedades* 3, 143–150.
- Ballesteros Pastor, L. 2016: Comana Pontica in Hellenistic Times: A Cultural Crossroads. In: M.-P. de Hoz, J.P. Sánchez Hernández, C. Molina Valero (eds.), *Between Tarhuntas and Zeus Polieus: Cultural Crossroads in the Temples and Cults of Graeco-Roman Anatolia*. (Colloquia Antiqua, 17). Leuven–Paris–Bristol, 47–73.

⁶¹ Примечательно, что Цезарь намеревался пойти войной на Парфию per Armeniam minorem, что говорит о значимости этой территории для его дальнейших планов (Suet. *Caes.* 44. 3; Plut. *Caes.* 58. 3).

⁶² Giomini 1956, 206; Hoben 1969, 172; Freber 1993, 85.

⁶³ Hoben 1969, 174.

- Bentley, T. (ed.) 1742: *Caii Julii Caesaris de bello Gallico et ciuili nec non A. Hirtii aliorumque de bellis Alexandrino, Africano, et Hispaniensi commentarii. Notas et animaduersiones addidit Tho. Bentleius. Accessere conjecturae et emendationes Jacobi Jurini*. London.
- Biffi, N. 2012: Il regno della Cappadocia nella sintesi straboniana. *Classica et Christiana* 7/2, 411–430.
- Boffo, L. 2007: I centri religiosi d'Asia Minore all'epoca della conquista romana. In: G. Urso (ed.), *Tra Oriente e Occidente. Indigeni, Greci e Romani in Asia Minore. Atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 28–30 settembre 2006*. Pisa, 105–128.
- Buchheim, H. 1960: *Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius*. Heidelberg.
- Burcu Erciyas, D. 2009: Komana Pontike: A City or a Sanctuary? In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. (Black Sea Studies, 9). Aarhus, 289–312.
- Coşkun, A. 2005: 'Amicitiae' und politische Ambitionen im Kontext der *causa Deiotariana*. In: A. Coşkun (ed.), *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen, 127–154.
- Coşkun, A. 2015: Vier Gesandte des Königs Deiotaros in Rom (45 v.Chr.). *Philia* 1, 1–13.
- Coşkun, A. 2019: The Course of Pharnakes II's Pontic and Bosporean Campaigns in 48/47 BC. *Phoenix* 73/1–2, 86–113.
- Coşkun, A. 2021a: Die Teilung ‚Armeniens‘ durch Caesar und die Entstehung ‚Kleinarmeniens‘. *Orbis Terrarum* 19, 65–88.
- Coşkun, A. 2021b: I Galati in Asia Minore nel III secolo a.C. In: C. Bearzot, F. Landucci, G. Zecchini (eds.), *I Celti e il Mediterraneo. Impatto e trasformazioni*. Milan, 137–166.
- Damon, C. (ed.) 2022: *Bellum Alexandrinum*. Norman.
- Debevoise, N.C. 1938: *A Political History of Parthia*. Chicago.
- Drumann, W. 1837: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republicanischen zur monarchischen Verfassung*. Bd. III. *Domitii–Julii*. Königsberg.
- Dübner, F. (ed.) 1867: *C. Iulii Caesaris commentarii de bellis Gallico et civili, aliorum de bellis Alexandrino, Africano et Hispaniensi*. Vol. II. Paris.
- Du Pontet, R. (ed.) 1978: *C. Iulii Caesaris commentariorum pars posterior qua continentur Libri III De bello civili cum libris incertorum auctorum De bello Alexandrino, Africo, Hispaniensi*. London.
- Facella, M. 2019: Cicerone e il senatus consultum su Ariobarzane III di Cappadocia. In: P. Buongiorno, S. Lohsse, F. Verrico (eds.), *Miscellanea Senatoria*. Stuttgart, 191–213.
- Freber, P.-S.G. 1993: *Der hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar*. Stuttgart.
- Gaertner, J.F., Hausburg, B.C. 2013: *Caesar and the Bellum Alexandrinum: An Analysis of Style, Narrative Technique, and the Reception of Greek Historiography*. Göttingen.
- Giomini, R. (ed.) 1956: *Bellum Alexandrinum*. Roma.
- Harper, R.P. 1968: Tituli Comanorum Cappadociae. *Anatolian Studies* 18, 93–147.
- Head, B.V. 1911: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.
- Heinen, H. 1994: Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. In: R. Günther, St. Rebenich (eds.), *E fontibus haurire. Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Heinrich Chantraine zum 65. Geburtstag*. Paderborn, 63–79.
- Hoben, W. 1969: *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik*. Mainz.
- Hoffmann, E. (ed.) 1898: *C. Iulii Caesaris Commentarii cum supplementis A. Hirtii et aliorum*. Vienna.
- Icart, J., Dolç, M. (eds.) 1987: *G. Juli Cèsar. Guerra d'Alexandria*. Barcelona.
- Judeich, W. 1885: *Caesar in Orient: Kritische Übersicht der Ereignisse vom 9. August 48 bis October 47*. Leipzig.
- Klotz, A. (ed.) 1927: *C. Iulii Caesaris commentarii*. Vol. III: *Commentarii Belli Alexandrini, Belli Africi, Belli Hispaniensis. Accedunt C. Iulii Caesaris et A. Hirtii fragmenta*. Leipzig.
- Kübler, B. (ed.) 1896: *C. Iulii Caesaris Commentarii cum A. Hirtii aliorumque supplementis*. Vol. III. Pt. 1: *Commentarius de bello Alexandrino rec. B. Kübler. Commentarius de bello Africo rec. Ed. Wölfflin*. Leipzig.
- Landgraf, G. 1891: Das Bellum Alexandrinum und der Codex Ashburnhamensis. In: *Programm des Kgl. Wilhelmsgymnasiums in München für das Studienjahr 1890/91*. München, 1–23.
- Loreto, L. (ed.) 2001: *Pseudo-Cesare. La lunga guerra civile: Alessandria–Africa–Spagna*. Milano.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ*. Vol. I–II. Princeton.

- Mitchell, S. 1993: *Anatolia Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Vol. I: *The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule*. Oxford.
- Niese, B. 1883: Straboniana. *Rheinisches Museum* 38, 567–602.
- Niese, B. 1901: Deiotarus (2). In: *RE*. Hlbd. 8, 2401–2403.
- Nipperdey, C. (ed.) 1847: *C. Iulii Caesaris commentarii cum supplementis A. Hirtii et aliorum. Caesaris Hirtii fragmenta*. Leipzig.
- Oberlin, J.J. (ed.) 1818: *C. Iulii Caesaris Commentarii de Bello Gallico et civili: accedunt libri De bello Alexandrino, Africano et Hispaniensi*. Vol. II. Turin.
- Oudendorp, F. (ed.) 1737: *C. Iulii Caesaris De bellis Gallico et civili Pompejano*. Leiden–Rotterdam.
- Pani, M. 1972: *Roma e i re d'Oriente da Augusto a Tiberio (Cappadocia, Armenia, Media Atropatene)*. Bari.
- Reinach, Th. 1888: *Numismatique Ancienne: Trois Royaumes de l'Asie Mineure, Cappadoce–Bithynie–Pont*. Paris.
- Ritter, H.-W. 1965: *Diadem und Königsherrschaft. Untersuchungen zu Zeremonien und Rechtsgrundlagen des Herrschaftsantritts bei den Persern, bei Alexander dem Grossen und im Hellenismus*. München–Berlin.
- Ritter, H.-W. 1970: Caesars Verfügung über Kleinarmenien im Jahre 47. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 19/1, 124–128.
- Saprykin, S. Yu. 2019: [Mithridates of Pergamum – a Known and Unknown Ruler]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 79/2, 280–306.
- Сапрыкин С.Ю. Митридат Пергамский – известный и неизвестный правитель. *ВДИ* 79/2, 280–306.
- Schneider, R. (ed.) 1888: *Bellum Alexandrinum*. Berlin.
- Sherwin-White, A.N. 1984: *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. London.
- Simonetta, B. 1961: Notes on the Coinage of the Cappadocian Kings. *Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society* 1, 9–50.
- Simonetta, B. 1977: *The Coins of the Cappadocian Kings*. Fribourg.
- Smykov, E.V. 2013: [Deiotarus, the Ruler of the Galatians]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Ellinisticheskiy mir: gosudarstva i praviteli [The Hellenistic World: States and Rulers]*. Moscow, 298–325.
- Смыков, Е.В. Дейотар, властитель галатов. В сб.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Эллинистический мир: государства и правители*. М., 298–325.
- Smykov, E.V. 2019: [M. Tullius Cicero. For King Deiotarus. Introduction, Translation from Latin and Commentary by E.V. Smykov]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 79/2, 481–501.
- Смыков, Е.В. М. Туллий Цицерон. Речь в защиту царя Дейотара. Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии Е.В. Смыкова. *ВДИ* 79/2, 481–501.
- Stähelin, F. 1907: *Geschichte der Kleinasiatischen Galater bis zur Errichtung der römischen Provinz Asia*. 2. Aufl. Leipzig.
- Stein-Kramer, M. 1988: *Die Klientelkönigreiche Kleinasiens in der Außenpolitik der späten Republik und des Augustus*. Berlin.
- Sullivan, R.D. 1978: The Dynasty of Emesa. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.8, 198–219.
- Sullivan, R.D. 1980: The Dynasty of Cappadocia. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.7/2, 1125–1168.
- Sullivan, R.D. 1990: *Near East Royalty and Rome, 100–30 BC*. Toronto–Buffalo–London.
- Syme, R. 1995: *Anatolica: Studies in Strabo*. Oxford.
- Van Wijlick, H.A.M. 2021: *Rome and Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44–31 BC: A Study of Political Relations during Civil War*. Leiden–Boston.
- Way, A.G. (ed.) 1955: *Caesar. Alexandrian War. African War. Spanish War*. Cambridge (MA).

DOI: 10.31857/S032103910023142-9

САМОПРОДАЖА AD ACTUM GERENDUM В КЛАССИЧЕСКОМ РИМСКОМ ПРАВЕ

М. В. Дурново

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3842-4194

Ульпиан (10 *ad Sab.*: D. 28. 3. 6. 5) упоминает самопродажу *ad actum gerendum* (т.е. с целью ведения дел другого лица в качестве управляющего) наряду с самопродажей *ad pretium participandum* (т.е. с целью получения части цены) как *causa servitutis*, приводящую к утрате римлянином гражданских прав. По мнению автора, самопродажа *ad actum gerendum*, как и *ad pretium participandum*, представляла собой особую мошенническую схему, предполагавшую обогащение самопродавшегося за счет обманутого покупателя, с момента покупки — его мнимого господина (присвоение мнимым рабом денег, которые он нажил втайне от хозяина, управляя его имуществом), и положительный для мошенника исход процесса о свободе (*causa liberalis*). Защита обманутого покупателя посредством исков в данном случае оказывалась неэффективной, и поэтому, чтобы воспрепятствовать реализации преступной схемы и покарать злоумышленника, мнимому господину как ответчику в *causa liberalis* стали предоставлять исковое возражение *emptiois atque actus administrati*, приводившее к *denegatio proclamationis* мнимого раба, лишавшей его возможности отстаивать свою свободу в ходе судебного разбирательства, и, таким образом, он становился «рабом де-факто», который приравнивался к подлинному рабу.

Ключевые слова: Римская империя, римское право, рабство, раб-управляющий, самопродажа, обращение в рабство

Данные об авторе. Максим Владимирович Дурново — кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00386 «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

SELF-SALE *AD ACTUM GERENDUM* IN CLASSICAL ROMAN LAW

Maxim V. Durnovo

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00386

Ulpian (*Ad Sab.* 10: *D.* 28. 3. 6. 5) mentions self-sale *ad actum gerendum* ('in order to become a manager') along with self-sale *ad pretium participandum* ('in order to share the price') as *causa servitutis* which led the Roman to the loss of citizenship. The author argues that the self-sale *ad actum gerendum* as well as *ad pretium participandum* was a special fraudulent scheme according to which a free man who allowed himself to be sold as a slave was enriched at the expense of a deceived buyer (his putative master after purchasing) – the pretended slave appropriated the money which he had made secretly taking advantage of his responsible manager position and then won in a legal case concerning freedom (*causa liberalis*). Bringing an action against the deceiver could not provide effective protection of the buyer in that case. In order to prevent the realization of the fraudulent scheme and to punish the wrongdoer the putative master as a defendant in the *causa liberalis* was given the opportunity to raise the special defence *emptiois atque actus administrati*, which led to *denegatio proclamationis* of the alleged slave, i.e. he was barred from claiming his liberty, and thus he became a 'slave *de facto*' who was equated to a true slave.

Keywords: Roman Empire, Roman law, slavery, slave as a manager, self-sale, self-enslavement

Единственный дошедший до нас текст римского юриста классического периода, в котором упоминается самопродажа *ad actum gerendum*, это фрагмент из 10-й книги «Комментариев к Сабину» Ульпиана:

Irritum fit testamentum, quotiens ipsi testatori aliquid contigit, puta si civitatem amittat per subitam servitutem, ab hostibus verbi gratia captus, vel si maior annis viginti venum se dari passus sit ad actum gerendum pretiumve participandum (Ulp. 10 ad Sab.: D. 28. 3. 6. 5).

Завещание становится недействительным всякий раз, когда что-то произошло с самим наследодателем, например, если он утратит гражданство, внезапно попав в рабство, скажем, плененный врагами, или если он, будучи старше 20 лет, даст себя продать с целью ведения дел или получения части цены.

Из ряда условий, при которых завещание, бывшее изначально действительным, становится недействительным, здесь изложены два. Первое из них связано с тем, что римлянин, попавший в плен, выбывает из *civitas* и считается «рабом на чужбине» – *servus hostium* (см. *Gai.* I. 129). Этот случай нас не будет сейчас интересовать. Второе условие предполагает совершенную с определенными целями самопродажу¹, по мысли юриста, также ведущую к рабству и утрате гражданских прав – *capitis deminutio maxima*.

¹ В классическом римском праве не существовало сделки, которая бы позволяла свободному продать себя в рабство, т.е. изменить свой статус на статус раба, поэтому, говоря о самопродаже, мы имеем в виду не сделку самопродажи в рабство,

Представление, согласно которому такого рода самопродажа приводила к порабощению, т.е. выступала как *causa servitutis*, пожалуй, наиболее наглядно проявилось в ставшем хрестоматийным фрагменте из «Институций» Марциана, хотя там мы можем увидеть упоминание только самопродажи *ad pretium participandum*:

Servi autem in dominium nostrum rediguntur aut iure civili aut gentium: iure civili, si quis se maior viginti annis ad pretium participandum venire passus est. Iure gentium servi nostri sunt, qui ab hostibus capiuntur aut qui ex ancillis nostris nascuntur (Marc. 1 inst.: D. 1. 5. 5. 1).

Рабы же попадают под наше господство или по гражданскому, или по всеобщему праву; по гражданскому праву — если кто-либо, будучи старше 20 лет, дал себя продать с целью получения части цены. По всеобщему праву нам принадлежат рабы, которые захватываются у врагов или рождаются у наших рабынь.

Каким же именно образом и на каком основании приводила к порабощению свободного самопродажа с намерением вести дела другого лица в качестве управляющего (*ad actum gerendum*) и ради получения части цены (*ad pretium participandum*)?

Интерпретация второй из этих ситуаций затруднений не вызывает: перед нами мошенническая схема, в основе которой — позволение со стороны свободного продать себя как раба, которое дается с намерением получить часть вырученных денег (цены), т.е. с целью обогащения за счет обманутого покупателя, с момента покупки — мнимого господина. Мошенник получал часть цены, а затем выигрывал процесс о свободе.

В классический период судебное разбирательство по делу о свободе (*causa liberalis*) могло проходить: 1) в форме ординарного процесса, когда претор или наместник провинции предоставлял сторонам формулу (стадия *in iure*), по которой затем перед судебской коллегией рекуператоров производилась *vindicatio in servitatem* или, как в нашем случае, *vindicatio in libertatem* (стадия *in iudicio*); 2) в экстраординарном порядке (*cognitio extra ordinem*), когда дело разбиралось магистратом (консулами, а с начала III в. особым *praetor de liberalibus causis*)². Мнимый раб не мог отстаивать в суде свой статус свободного самостоятельно. Это должно было делать за него другое лицо, из римских граждан, именовавшееся *adsertor libertatis* и игравшее роль «представителя» свободы того, кто называл себя свободным. Таким образом, в качестве сторон в римском классическом процессе о свободе выступали: тот, кто называл себя господином раба, и *adsertor libertatis*³.

В нашем случае в качестве *adsertor libertatis*, который как истец вел процесс в пользу самопродавшегося, выступал его сообщник, вооруженный, разумеется,

а ситуацию, когда свободный дает себя продать в качестве раба. Насколько значимым явлением самопродажа была в Римской империи в первые века нашей эры, — вопрос, ставший в последнее десятилетие предметом дискуссии. Ср., с одной стороны, Silver 2011, 75 («Рабы по контракту были достаточно многочисленны, так что римляне считали их чем-то само собой разумеющимся») и Silver 2016, 81 («Если исключить рабов-контрактников, тогда Римскую империю следует лишить статуса “рабовладельческого общества”»), с другой стороны, Reduzzi Merola 2021, 172 («Эта практика не была очень распространенной»).

² Подробнее см. Indra 2011, 48–121.

³ Подробнее см. Indra 2011, 122–163.

всем необходимым, чтобы без труда удостоверить в суде его истинный статус — статус свободного. После того как это происходило, мошенник был готов скрыться с деньгами, дабы избежать ответственности, ожидавшей его в результате судебного преследования со стороны обманутого покупателя. Чтобы обуздать таких злоумышленников, начинают применять новые санкции, для которых характерно стремление превратить в наказание собственные действия правонарушителя. Источником этих санкций было императорское и сенатское законодательство: в текстах юристов есть ссылки на конституцию Адриана (Saturn. 1 *de off. procons.*: D. 40. 14. 2 pr.) и на какие-то *senatus consulta* (Pomp. 11 *epist. et var. lect.*: D. 40. 13. 3), видимо, также периода Ранней империи.

Суть нововведений заключалась в том, что в начале процесса о свободе ответчик — мнимый господин, т.е. обманутый покупатель, мог выставить особое исковое возражение (в конституции Александра Севера неизвестной даты (C. 7. 16. 5. 1) оно обозначено термином *praescriptio*) о получении мнимым рабом части цены за свою продажу, которое вело к тому, что вследствие *denegatio proclamationis* (*denegatio libertatis*) со стороны магистрата (Ulp. 54 *ad ed.*: D. 40. 12. 7 pr.—1; Ulp. 2 *de off. procons.*: D. 40. 13. 1) мошенник лишался возможности продолжить и выиграть процесс (кроме тех случаев, когда он возвращал цену покупателю, см. Saturn. 1 *de off. procons.*: D. 40. 14. 2 pr.) и тем самым реализовать свою преступную схему. Исковое возражение обманутого покупателя рассматривалось целиком *in iure*, и если в результате проведенного разбирательства оно вступало в силу, то вследствие *denegatio* процесс прекращался (ординарный — не доходя до стадии *in iudicio*, так как предоставлять формулу считали излишним), ассертора с его доказательствами статуса свободного заслушивать уже не позволяли, судебное решение не выносили, и мошенник оставался в некоем странном подвешенном состоянии, на положении «квазираба» своего покупателя⁴.

Разумеется, такая процедура не могла привести к изменению статуса лица и сделать из самопродажи *causa servitutis*, однако это утверждение вступает в противоречие с рядом текстов позднеклассических юристов (наиболее яркие примеры — фрагменты Ульпиана и Марциана, рассмотренные нами выше, из которых явствует прямо противоположное)⁵. Дать убедительное объяснение этого противоречия пока не удастся. Впрочем, складывается впечатление, что римскую юриспруденцию оно не очень-то беспокоило: как видим, данных лиц юристы не церемонясь приравнивали к рабам.

Если о самопродаже *ad pretium participandum* мы можем найти в Юстиниановом своде десятков текстов, где она эксплицитно упоминается, то самопродажа *ad actum gerendum* во всем этом корпусе встречается только один раз — в приведенном выше фрагменте Ульпиана (D. 28. 3. 6. 5)⁶, но и в нем слова *actum gerendum* были сняты

⁴ Indra 2011, 190–191.

⁵ Ulp. 10 *ad Sab.*: D. 28. 3. 6. 5; Marc. 1 *inst.*: D. 1. 5. 5. 1. См. также: Ulp. 11 *ad ed.*: D. 4. 4. 9. 4 (*statum mutat*, со ссылкой на Папиниана); Paul. 50 *ad ed.*: D. 40. 12. 23 pr. (*servum effici*); Paul.*l.s. ad SC Claud.*: D. 40. 13. 5 (*servus efficitur*).

⁶ Мы разделяем мнение тех, кто полагает, что упоминание самопродажи *ad actum gerendum pretiumve participandum* в данном тексте не является юстиниановской интерполяцией и что не только вторая, но и первая из этих разновидностей самопродажи

при окончательном редактировании Codex Florentinus, в средневековых рукописях Дигест они отсутствуют (соответственно, отсутствует и *ve* после *pretium*)⁷. Тем, что эти слова в тексте юриста-классика вообще дошли до нас, мы, похоже, обязаны некоторой случайности. Второй и последний из находящихся в нашем распоряжении текстов, в которых идет речь об этой разновидности самопродажи, — конституция Константина 323 г., вошедшая целиком в Кодекс Феодосия (438 г.).

Объясняется такая ситуация, видимо, тем, что при Юстиниане (или несколько ранее) самопродажа *ad actum gerendum* по каким-то причинам перестала рассматриваться как особый вид самопродажи, и упоминания о ней в сочинениях юристов-классиков и императорских конституциях составители Юстинианова свода в него намеренно не включали, но в одном случае они потеряли бдительность, и эти слова остались вместе с *pretium participandum* (как было у классика) и попали во Флорентину, однако в какой-то момент недосмотр был замечен, и корректор рукописи ненужное удалил⁸. Все это позволяет предположить, что самопродажа *ad actum gerendum* в римской классической юридической литературе обсуждалась ничуть не меньше, чем *ad pretium participandum*, однако мы не можем об этом прочесть в дошедших до нас фрагментах, кроме одного.

Конституция Константина 323 г. сообщает нам о самопродаже *ad actum gerendum* следующее:

(1) Si quisquam minor venundatus actum maior administravit, quoniam minoris emptio scientiam non obligat, eum ad libertatem venientem emptionis actusque a maiore administrati praescriptio non tenebit: (2) nec vero ille, qui apud quempiam pro servo educatus ac maior effectus vendenti veluti domino adquevit actuque administrato iam paene extremam relegit libertatem, quoniam neque maior effectus originem suam noverat, neque eam, quam ignoraverat, venditionis patiens deseruisse iudicandus est, minori similis, eadem emptionis atque actus administrati praescriptione non alligabitur, sed utrique dabitur adsertio. (3) Paria etiam in libertinis erunt, qui quaestu quodam in eandem rursus servitutem relabuntur. Sed eorum hac exceptione causa distinguenda est, ut, qui inpuberes intra annum quartum decimum manumissi ac deinceps in servitio retenti ignorata

существовала в классический период (Buckland 1908, 433; Nicolau 1933, 265; Indra 2011, 181), и не находим веских причин для того, чтобы поддержать тех, кто, подозревая интерполяцию, выводит тип *ad actum gerendum* за пределы классики (Reggi 1958, 318; Morabito 1981, 72; Peppe 2010, 460–461). Позиция последних восходит в конечном счете к мнению, высказанному в 1922 г. У. Коли, который вместо *aliquid* предложил читать у Ульпиана *capitis deminutio*, а фразу от *civitatem* до *participandum* объявил целиком интерполированной на том основании, что она (и весь следующий за ней, тоже безнадежно фальшивый, § 6), как он считает, была призвана подменить собою *capitis deminutio* классика, а приведенный в ней пример (*amittere civitatem per subitam servitutem*) со вставленным туда другим примером (*puta — verbi gratia*), по его словам, не классический на вкус (*non è di sapore classico*) (Coli 1922, 16). Для того чтобы приписать текст всецело юстиниановским компиляторам, в наши дни, кажется, необходимо основание более прочное. Р. Реджи разделял точку зрения тех, кто отказывал в аутентичности тексту D. 28. 3. 6. 5, поскольку полагал, что самопродажа *ad actum gerendum* как особый вид самопродажи, приводящий к утрате свободы, впервые появляется именно в конституции Константина 323 г. (на наш взгляд, из ее текста это никак не следует, см. ниже). М. Морабито и Л. Пеппе ссылаются на Р. Реджи.

⁷ Mommsen 1870, 828.

⁸ О процессе создания и проблеме происхождения Codex Florentinus см. Kaiser 2001, 39–57.

libertate non utantur, maioresque venundati actum gerant, ab assertione non arceantur, cum illi aetati tributae libertatis ignoratio aut oblivio concessa est. Qui vero memoria firma venditioni post factae non nescius innectitur, huius legis beneficio carebit (*CTh.* 4. 8. 6. 1–3).

(1) Если кто-либо, проданный в возрасте до 20 лет, вел дела будучи старше 20 лет, то, так как при покупке лица моложе 20 лет осведомленность не вменяется в вину, на пути к свободе ему не будет препятствовать исковое возражение о купле и ведении дел лицом старше 20 лет; (2) равно и тот, кто, как раб у кого-то выросши и достигнув 20-летнего возраста, при продаже повиновался ему как господину и, после того как вел дела, уже почти вернул себе, наконец, свободу, — так как он и не был осведомлен о своем происхождении, достигнув 20-летнего возраста, и не должен быть признан виновным в том, что, давая себя продать, покинул место своего происхождения, которого он не знал, — подобно лицу моложе 20 лет, не будет связан тем же искомым возражением о купле и ведении дел, но и тому, и другому будет дана возможность доискиваться свободы. (3) То же самое будет иметь силу и по отношению к вольноотпущенникам, которые из-за какой-то выгоды попадают снова всё в то же рабство. Но их дело должно решаться с той оговоркой, что лица, которые, будучи отпущены на свободу до совершеннолетия, в возрасте до 14 лет, из-за того что после этого их продолжали держать в рабстве, не пользуются благами свободы, о коей не осведомлены, и, будучи проданы в возрасте старше 20 лет, ведут дела, не лишаются возможности доискиваться свободы, поскольку в том возрасте простиительно не знать или забыть о дарованной свободе. А тот, кто, будучи в твердой памяти, участвует в состоявшейся потом продаже сознательно, не получит льготы, которую дает этот закон.

Для наказания правонарушителя использовался тот же механизм, что и при самопродаже *ad pretium participandum*. Как видим, и здесь применялось специальное исковое возражение со стороны ответчика в *causa liberalis*, т.е. мнимого господина, которое обозначено в конституции как *praescriptio emptionis atque actus administrati*, т.е. о купле и ведении дел (*actum gerere* и *actum administrare*, как явствует из текста конституции, выражения синонимичные)⁹. При этом из текста никак не следует, что Константин здесь вводит это исковое возражение впервые. Напротив, оно предстает перед нами как нечто уже существующее, а законодатель только перечисляет условия, при которых применение уже известного процессуального инструмента не даст эффекта и окажется бесполезным. На наш взгляд, нет оснований сомневаться в том, что *praescriptio emptionis atque actus administrati*, подобно *praescriptio* о получении части цены (см. *C.* 7. 16. 5. 1), существовала уже в классический период.

⁹ Н. Ленски полагает, что *praescriptio emptionis atque actus administrati*, о которой идет речь в конституции Константина, относится не к ведению дел вообще, а лишь к той ситуации, когда мнимый раб в качестве управляющего сам оформил сделку о своей продаже. По мнению Н. Ленски, в основу конституции лег конкретный случай: свободнорожденный ребенок был продан (возможно, своими родителями) и впоследствии стал управляющим (*actor*) своего нового обладателя, потом этот актер был продан мнимым господином и сделку (*emptio*) оформил сам, а когда узнал о своем истинном статусе, инициировал процесс о свободе (Lenski 2012, 258). Однако если следовать данной трактовке, то, видимо, придется считать, что упомянутые в § 3 закона вольноотпущенники тоже должны быть проданы два раза, причем уже после достижения ими 20-летнего возраста (*maioresque venundati actum gerant*, действия не одновременны — *emptio venditio* раньше, чем *actum gerere*, а следовательно, мы вынуждены предполагать, что потом состоялась еще одна продажа, которую, в отличие от первой, мнимый раб, теперь уже ставший управляющим, мог оформить сам). Без большой натяжки эти ре-дубликации купли-продажи обнаружить в тексте конституции не удастся.

Если *in iure* выяснялось, что мнимый раб позволил (умышленно) себя продать и стал управляющим, то исковое возражение вступало в силу и лишало самопродавшегося возможности отстаивать свою свободу в ходе судебного разбирательства: *denegatio libertatis* со стороны магистрата препятствовала дальнейшему течению процесса и не позволяла сообщнику-ассертору выступить с доказательствами истинного статуса такого управляющего. Мошенник попадал в ловушку и оказывался в той ситуации, когда его приравнивали к рабам.

Здесь следует особо подчеркнуть: если до обращения к магистрату его считал рабом лишь определенный круг частных лиц вследствие того, что он ввел их в заблуждение, то после *denegatio libertatis* перед нами уже не свободный, лишь притворяющийся с какой-то целью рабом; теперь он официально, за правонарушение, становится «рабом де-факто» (так как на данный момент¹⁰ не допущен доискиваться свободы), который приравнивался к подлинному рабу.

Главный вопрос, возникающий в связи с самопродажей *ad actum gerendum* (на него мы и попытаемся дать ответ в этой статье), состоит в том, почему свободного, позволившего себя продать с целью служить управляющим, подвергали именно такому наказанию: по сути, лишали его свободы. Ведь умышленная самопродажа как таковая, подразумевавшая добровольное согласие свободного, осведомленного о своем статусе, быть проданным в качестве раба, хотя и являла собой мошенничество при заключении сделки (введение в заблуждение покупателя), не наказывалась подобным образом, на статус самопродавшегося не влияла и к утрате им свободы не приводила (*Ulp. 54 ad ed.: D. 40. 12. 7 pr.; Ulp. 2 de off. procons.: D. 40. 13. 1 pr.*). Самопродажа *ad pretium participandum*, как мы видели, — особая мошенническая схема, и *denegatio libertatis* была необходима, чтобы предотвратить ее реализацию и покарать злоумышленника. Если же речь идет о самопродаже *ad actum gerendum*, то ответ, как представляется, не лежит на поверхности.

К вопросу о соотношении этих двух видов самопродажи в свое время обращался Дж. Крук. Самопродажу с целью получить должность раба-управляющего (*servus actor*) он отличает от случая самопродажи *ad pretium participandum* в том смысле, что последнюю он называет «мошенничеством в чистом виде», в то время как первая, по его мнению, «не обязательно является мошенничеством»¹¹. К сожалению, Дж. Крук не раскрывает критерии этих определений, и его характеристика случая *ad actum gerendum* остается довольно-таки туманной.

В целом же в литературе, затрагивающей проблему самопродажи, наиболее влиятельной до сих пор остается концепция Ж. Рамена и П. Вейна, изложенная в их знаменитой статье о добровольном рабстве в древнем Риме, которая по-прежнему, так сказать, задает тон. Авторы исходят из того, что, «когда *actores* брались не из состава *familia*, они брались из свободных, у которых была к этому склонность и которые продавали себя собственнику, чтобы получить возможность стать *actor* и управлять его имуществом»¹². Подобную практику авторы считают весьма рас-

¹⁰ *Denegatio actionis* не могла помешать истцу впоследствии снова предъявить свое требование (Kaser 1996, 240).

¹¹ Crook 1967, 60–61.

¹² Ramin, Veyne 1981, 493.

пространенной, для многих свободных такая самопродажа была парадоксальным способом повысить свое положение в обществе¹³, сделать прекрасную карьеру: актер, несмотря на свой статус раба, был важной особой, он был богат, командовал множеством подчиненных, например рабами и колонами из имений своего господина, и его профессиональные навыки очень ценились¹⁴. Именно выполнение таким управляющим своих должностных функций, как полагают Ж. Рамен и П. Вейн, накладывало ограничения на его статус — тот, кто выбирал этот род занятий, должен был стать рабом: «...необходимо, чтобы хозяин и все те, у кого есть дела с ним или с его управляющим, могли положиться на этого раба и не рисковали увидеть, как он снова станет свободным по собственной прихоти, нарушая обязательства, которые он принял от имени своего хозяина»¹⁵; по праву господина «хозяин сам вершил правосудие, если его казначей был нечист на руку»¹⁶.

Итак, если мы идем вслед за Ж. Раменом и П. Вейном, то перед нами вырисовывается следующая картина: свободный, который хочет стать управляющим у кого-то, дает себя продать этому хозяину и попадает в рабство — он уже не может успешно отстаивать в суде свой статус свободного, а правовая система отказывает ему в этом именно для того, чтобы он мог исправно нести свою службу на единственно приемлемых с точки зрения господина условиях.

В наиболее значительных монографиях о римских управляющих, вышедших с тех пор (книги Ж.-Ж. Обера и Е. Карлсена), а также в исследованиях, затрагивающих проблему самопродажи, трактовки основного для нашей темы фрагмента Ульпиана (*D.* 28. 3. 6. 5), часто весьма лаконичные, остаются в русле именно такой интерпретации текста. У Ж.-Ж. Обера находим только следующее: «Ульпиан сообщает, что некоторые люди продавали себя в рабство, чтобы работать в качестве *actores*»¹⁷. У Е. Карлсена: «Согласно Ульпиану, свободные иногда продавали себя как рабов *ad actum gerendum pretiumve participandum*. Однако это выражение охватывает не *actores* в узком смысле слова, но скорее рабов-поверенных, принадлежавших к *familia urbana*, у которых было больше возможностей приобрести влияние и накопить значительное состояние, чем у рабов-поверенных в сельской местности»¹⁸.

И. Тебер пишет о свободнорожденных, которые продавали себя какому-нибудь богатому человеку, чтобы управлять его имуществом (*ad actum administrandum* или *gerendum*): «Социальное положение таких управляющих-финансистов было завидным, но оно подразумевало рабский статус, который давал гарантию хозяину. В этом случае переход в рабство становился средством продвижения по социальной лестнице»¹⁹. Х. Вилинг в своем комментарии к фрагменту Ульпиана признает вполне приемлемым предположение, что «не обладавший состоянием свободный жертвовал своей свободой ради завидной должности управляющего

¹³ Ramin, Veyne 1981, 496–497.

¹⁴ Ramin, Veyne 1981, 494.

¹⁵ Ramin, Veyne 1981, 488.

¹⁶ Ramin, Veyne 1981, 493.

¹⁷ Aubert 1994, 194.

¹⁸ Carlsen 1995, 142.

¹⁹ Thébert 1993, 157.

у богача»²⁰. А. Зёлльнер соглашается с ним и добавляет: «Однако остается открытым вопрос, почему именно стремление получить должность управляющего считалось столь дурным, что стоило свободнорожденному его свободы, в отличие от желания заниматься любым другим видом деятельности из тех, которыми в Риме также занимались рабы, например иметь профессию врача, учителя или актера»²¹.

Э. Херрманн-Отто характеризует службу актора как «единственный род занятий, где свободный становится рабом и безвозвратно утрачивает свою *ingenuitas*»²². «Если кто-нибудь поступал служить в качестве *actor*, — отмечает она, — его покупатель должен был быть уверен, что сможет в любой момент потребовать отчета у этого раба как у управляющего. Барыши, которые всегда можно было получить на таких должностях, и притом совершенно законным путем, выступали для многих обедневших свободнорожденных в качестве противовеса свободе, принадлежавшей им от рождения»²³. Во фрагменте Ульпиана, по ее мнению, речь идет не о проблемах, касающихся морали (возможное бесчестье из-за того, что свободный несет службу актора), а «об абсолютной защите покупателя и его финансовых дел от угрозы судебного процесса по поводу освобождения его управляющего, который родился свободным. Только будучи рабом он полностью подчинен *dominica potestas*»²⁴.

У. Харрис ссылается на текст Ульпиана в подтверждение того, что «самопродажа была обычным явлением», и повторяет тезис Ж. Рамена и П. Вейна: ее мотивом могла стать «привлекательность (в глазах многих людей) положения раба-актора — раба, который в каждом состоятельном римском домохозяйстве ведал финансовыми операциями»²⁵. Р. Дункан-Джонс пишет, что тот случай самопродажи, который упомянут у Ульпиана как *ad actum gerendum*, «несомненно, касался тех, кто служил на ответственных должностях, связанных с финансами»²⁶. М. Силвер, полагая, что «достопочтенные свободные люди продавали себя... в рабство, чтобы получить право занять иначе недоступные ответственные частные и публичные посты, такие как *actor* (эконом), *procurator* (заведующий финансами) или *vilicus/vilica* (управляющий в сельском имении)», в качестве «наиболее важного юридического текста» цитирует фрагмент Ульпиана, «где фраза *ad actum gerendum pretiumve participandum*... определенно указывает на самопродажу»²⁷.

Концепцию Ж. Рамена и П. Вейна мы не считаем приемлемой из-за того, что в их трактовке самопродажи *ad actum gerendum* трудно усмотреть наличие какого-либо правонарушения со стороны свободного, которое было бы реальной причиной обращения его в рабство. На наш взгляд, для лишения самопродавшего свободы не достаточно того резона, что так будет удобней для хозяина и его

²⁰ Wieling 1999, 53.

²¹ Söllner 2000, 28.

²² Herrmann-Otto 2002, 124, n. 29.

²³ Herrmann-Otto 2002, 123–124.

²⁴ Herrmann-Otto 2002, 124, n. 29. См. также: Herrmann-Otto 1999, 158–159, n. 46.

²⁵ Harris 2011, 104–105.

²⁶ Duncan-Jones 2016, 144–145.

²⁷ Silver 2016, 82–83.

контрагентов и что иначе, если управляющий заявит о своем статусе свободного, придется судиться с ним, а не просто наказать его.

В целом идеи, высказанные в статье Ж. Рамена и П. Вейна относительно характера и степени распространенности такого явления, как самопродажа, в древнем Риме первых столетий нашей эры, в исследованиях последних десятилетий подвергались критике²⁸, однако какой-либо попытки реинтерпретации фрагмента Ульпиана в контексте проблемы самопродажи *ad actum gerendum* в них предпринято не было.

В недавней монографии М. Индры, посвященной процессу о свободе (*causa liberalis*) в римском праве, есть довольно большой раздел о самопродаже²⁹. Однако трактовка нашего основного текста Ульпиана ограничивается только одной фразой: «Если свободный мужчина или свободная женщина продавали себя в рабство, чтобы вести дела другого лица, это приводило к утрате права гражданства»³⁰. Ограничившись этой предельно краткой формулировкой, автор оставляет читателя наедине с вопросом, по какой же причине свободного, давшего себя продать с целью стать управляющим, введя покупателя в заблуждение относительно своего статуса, ожидало именно такое наказание.

Ведь у обманутого покупателя была возможность, помимо исков имущественного характера, предъявить против самопродавшегося (а равно и против продавца) в течение года со дня заключения сделки особый преторский штрафной иск *in factum*, по которому свободный, позволивший себя продать умышленно (*dolo malo*), т.е. обманувший покупателя, и обманувший его продавец должны были возместить ему цену (а равно и иные затраты на покупку) в двойном размере (*in duplum*) каждый (*Ulp. 55 ad ed.*; *Paul. 51 ad ed.*; *Mod. 1 de poen.*: *D. 40. 12. 14–22*). В случае самопродажи *ad pretium participandum* покупателю едва ли удавалось получить что-либо по этому иску, поскольку в соответствии с реализуемой мошенником схемой, как мы уже говорили, предполагалось, судя по всему, что злоумышленник, подтвердивший свой статус свободного, скроется (как и его сообщник-продавец). Но что же могло помешать эффективному применению данного иска для удовлетворения интереса обманутого покупателя в случае самопродажи *ad actum gerendum*? Ответ на этот ключевой вопрос, видимо, следует дать такой: помимо годовичного срока иска, могло помешать то же самое.

В самопродаже *ad actum gerendum*, упомянутой у Ульпиана, можно также усмотреть особую мошенническую схему. В чем состояла ее суть, думается, нам дает подсказку следующий за приведенным нами выше отрывком дальнейший текст конституции Константина 323 г. (*CTh. 4. 8. 6. 5*). Заметим, что там речь не идет об умышленной самопродаже, а говорится о вещах из *пекулия* управляющего, на которые мог претендовать бывший мнимый господин в том случае, если в результате процесса о свободе выяснится, что человек, который некогда дал себя продать ему без всякого злого умысла (считая себя рабом или не достигнув необходимого возраста) и вел его дела, — свободный. И в составе этого имущества

²⁸ Glancy 2002, 80–85; Peppe 2010, 457–463; Reduzzi-Merola 2021, 161–172.

²⁹ Indra 2011, 179–198. Там же см. критику старой романистической литературы, в которой затрагивалась данная проблема (У. У. Бакленд, М. Николау, Р. Реджи и др.).

³⁰ Indra 2011, 180.

упомянуто «то, что за счет скрытых доходов было тайно получено и приобретено» (*quae de furtivis compendiis obscure capta ac parata sunt*)³¹. Еще раз подчеркнем, речь здесь идет не о каком-то особом рода мошеннике, а об обыкновенном рабе-управляющем, но данная фраза подсказывает нам, что могло стать мотивом той самопродажи *ad actum gerendum*, которая составляет предмет нашего интереса: свободный давал себя продать *ad actum gerendum*, скажем так, ради тайной наживы. Как и при самопродаже *ad pretium participandum*, выигрыш процесса о свободе входил в мошенническую схему. Аферист и здесь, после подтверждения на суде своего статуса свободного, стремясь избежать ответственности перед обманутым хозяином, за чей счет он обогатился, мог скрыться с деньгами, в данном случае — с теми, что он нажил втайне от мнимого господина, управляя его имуществом. Чтобы воспрепятствовать этому, и стали предоставлять мнимому господину, ответчику в *causa liberalis*, исковое возражение *emtionis atque actus administrati*, которое приводило к *denegatio proclamationis* мнимого раба, и, таким образом, последний становился «рабом де-факто», а у хозяина появлялась возможность вернуть себе то, что по праву должно было ему принадлежать.

На наш взгляд, следует согласиться с У.У. Баклендом в том, что штрафная преторская *actio in factum*, появившаяся, возможно, еще в период Республики, изначально покрывала все случаи умышленной самопродажи³². Однако из всех этих случаев выделялись две довольно распространенные мошеннические схемы — *ad actum gerendum* и *ad pretium participandum*, — которые были нацелены на обогащение за счет обманутого покупателя и предполагали положительный для злоумышленника исход процесса о свободе. С учетом данных обстоятельств вводятся новые, более эффективные санкции, и ради них пришлось сделать исключение из правила, гласившего, что позволение свободного продать себя как раба не влияет на статус проданного: мошеннику, пришедшему в суд за свободой, не позволяют удостоверить свой статус свободного, чтобы помешать ему реализовать преступную схему и чтобы обратить совершенные им противоправные действия в его кару³³.

³¹ Сходное по смыслу выражение встречаем у Помпония в комментарии к сенатскому постановлению, устанавливавшему, какое имущество мнимые вольноотпущенники, которым удалось в судебном порядке удостоверить свою *ingenuitas*, должны вернуть патронам: в числе прочего Помпоний называет «то, что они получили без ведома господ, а также то, что на эти средства приобретено» (*quae ignorantibus dominis abstulissent item quod ex his adquisitum*: Pomp. 5 SC: D. 40. 14. 3. 1). Согласно конституции Константина 323 г., мнимому рабу, оказавшемуся свободнорожденным, отдавали лишь полученное им со стороны по завещанию или в дар (*CTh.* 4. 8. 6. 6); ср. Pomp. 3 *ad Sab.*: D. 41. 1. 19.

³² Buckland 1908, 431, 433.

³³ Видимо, уже позднее это наказание было распространено на свободных, которые в качестве рабов позволили себя подарить, дать в приданое или в залог (см. Paul. 50 *ad ed.*: D. 40. 12. 23. 1). Далее, в конституции Каракаллы, как сообщает Ульпиан, было предписано не разрешать доискиваться свободы тому, кто прежде не сдал финансовую отчетность по делам, которые вел, находясь в рабстве (*Ulp.l.s. pandect.*: D. 40. 12. 34; имеется в виду не только свободный, оказавшийся в рабстве в результате самопродажи, а всякий мнимый раб): перед нами еще одна ситуация, когда мнимый господин получал возможность выставить исковое возражение, приводившее

Таким образом, правовые установления о свободных, давших себя продать *ad actum gerendum*, изначально имели в виду аферистов, пользовавшихся особой стратегемой для тайной наживы, а не тех свободных, красочно описанных в статье Ж. Рамена и П. Вейна, которые видели в самопродаже *ad actum gerendum* канал восходящей социальной мобильности. То были люди с совсем иной мотивацией и программой действий: подобно Петрониеву Гермероту (см. Petron. *Satyr.* 57), они, выдавая себя за рабов, служили своему хозяину много лет, тихо дожидаясь достойной манумиссии; они совсем не торопились в суд, чтобы затеять процесс о свободе, — это было не в их интересах. Но если так, то никакого официального отказа в возможности отстаивать свою свободу такие управляющие не получали, а потому и приравнивать к рабам официально их никто не мог. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев право, о котором идет речь у Ульпиана, действительно оказывалось не про них писано³⁴.

Литература / References

- Aubert, J.-J. 1994: *Business Managers in Ancient Rome: A Social and Economic Study of Institores, 200 BC – AD250*. Leiden—New York—Köln.
- Buckland, W.W. 1908: *The Roman Law of Slavery: The Condition of the Slave in Private Law from Augustus to Justinian*. Cambridge.
- Carlsen, J. 1995: *Vilici and Roman Estate Managers until AD 284*. Rome.
- Coli, U. 1922: *Saggi critici sulle fonti del diritto romano*. I. *Capitis deminutio*. Firenze.
- Crook, J. 1967: *Law and Life of Rome*. Ithaca (NY).
- Duncan-Jones, R. 2016: *Power and Privilege in Roman Society*. Cambridge.
- Glancy, J. 2002: *Slavery in Early Christianity*. Oxford.
- Harris, W.V. 2011: *Rome's Imperial Economy: Twelve Essays*. Oxford—New York.
- Herrmann-Otto, E. 1999: *Causae liberales*. *Index* 27, 141–159.
- Herrmann-Otto, E. 2002: *Modes d'acquisition des esclaves dans l'Empire romain. Aspects juridiques et socio-économiques*. In: M. Garrido-Hory (ed.), *Routes et marchés d'esclaves: 26e colloque du GIREA, Besançon, 27–29 septembre 2001*. Besançon, 113–126.
- Indra, M. 2011: *Status quaestio: Studien zum Freiheitsprozess im klassischen römischen Recht*. Berlin.
- Kaiser, W. 2001: *Zur Herkunft des Codex Florentinus: Zugleich zur Florentiner Digestenhandschrift als Erkenntnisquelle für die Redaktion der Digesten*. In: A. Schmidt-Recla, E. Schumann, F. Theisen (Hrsg.), *Sachsen im Spiegel des Rechts: ius commune propriumque*. Köln—Weimar—Wien, 39–57.
- Kaser, M. 1996: *Das römische Zivilprozessrecht*. 2. Aufl. München.
- Lenski, N. 2012: *Constantine and Slavery: Libertas and the Fusion of Roman and Christian Values*. *Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana* 18, 235–260.
- Mommsen, Th. (ed.) 1870: *Digesta Iustiniani Augusti*. Vol. 1. Berolini.
- Morabito, M. 1981: *Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste*. Paris.
- Nicolau, M. 1933: *Causa liberalis: Étude historique et comparative du procès de liberté dans les législations anciennes*. Paris.

к *denegatio proclamationis*, и этим возражением он в принципе мог воспользоваться для преследования мошенника, позволившего себя продать ему *ad actum gerendum* с целью тайного обогащения за его счет.

³⁴ Сказанное о такого рода «мошенниках» относится и к самопродаже *ad pretium participandum*: взять хотя бы случай, когда свободный, позволив себя продать, полученную им часть цены отдавал своему впадшему в нужду семейству, а сам честно нес рабскую службу у принимавшего его за раба покупателя (ср. Clem. *1 Cor.* 55).

-
- Peppe, L. 2010: Fra corpo e patrimonio: Obligatus, addictus, ductus, persona in causa Mancipi. In: A. Corbino, M. Humbert, G. Negri (a cura di), *Homo, caput, persona: La costruzione giuridica dell'identità nell'esperienza romana*. Pavia, 435–490.
- Ramin, J., Veyne, P. 1981: Droit romain et société: les hommes libres qui passent pour esclaves et l'esclavage volontaire. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* 30/4, 472–497.
- Reduzzi Merola, F. 2021: De quoi parle-t-on quand on parle d'esclavage volontaire à Rome? *Dialogues d'histoire ancienne* 47/1, 159–177.
- Reggi, R. 1958: *Liber homo bona fide serviens*. Milano.
- Silver, M. 2011: Contractual Slavery in the Roman Economy. *Ancient History Bulletin* 25, 73–132.
- Silver, M. 2016: At the Base of Rome's 'peculium' Economy. *Fundamina* 22/1, 67–93.
- Söllner, A. (ed.) 2000: *Corpus der römischen Rechtsquellen zur antiken Sklaverei*. IX. Irrtümlich als Sklaven gehaltene freie Menschen und Sklaven in unsicheren Eigentumsverhältnisse: *Homines liberi et servi alieni bona fide servientes*. Stuttgart.
- Thébert, Y. 1993: The Slave. In: A. Giardina (ed.), L. Cochrane (transl.), *The Romans*. Chicago, 138–174.
- Wieling, H. (ed.) 1999: *Corpus der römischen Rechtsquellen zur antiken Sklaverei*. I. *Die Begründung des Sklavenstatus nach ius gentium und ius civile*. Stuttgart.

DOI: 10.31857/S032103910021095-7

КЛАД ТЕТРАДРАХМ МИТРИДАТОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

М. Г. Абрамзон

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6111-048X

В статье публикуется клад из 119 тетрадрахм и драхм митридатовского времени, обнаруженный на ближней хоре Херсонеса Таврического в 2013 г. Основу клада составляют тетрадрахмы Митридата VI (79 экз.), к которым подмешаны тетрадрахмы царей Вифинии Никомеда II и Никомеда III (3 экз.), поздние тетрадрахмы лисимаховского типа чеканки Византия (17 экз.), афинские тетрадрахмы нового стиля (2 экз.). Кроме 101 тетрадрахмы клад включает 18 драхм царей Каппадокии: Ариарата VII, Ариарата VIII, Ариарата IX, Ариобарзана I. В кладе встречаются тетрадрахмы Митридата VI с неизвестными ранее датами. Самая поздняя из драхм Ариобарзана I (65/64 г. до н.э.) свидетельствует о том, что комплекс сложился после прибытия Митридата на Боспор и бегства Махара в Херсонес. Более четверти митридатовских тетрадрахм составляют новые монеты последнего года чеканки, без следов обращения, в «штемпельном блеске», большей частью отчеканенные одними и теми же штемпелями аверса или общими штемпельными парами. Этот факт определенно свидетельствует о централизованной выдаче серебра из царской казны. Клад был сокрыт скорее всего во время антимитридатовского восстания в Херсонесе в 63 г. до н.э.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Митридат VI Евпатор, Третья Митридатова война, монетный клад, тетрадрахмы

Данные об авторе. Михаил Григорьевич Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 23-18-00088.

A MITHRADATIC HOARD OF TETRADRACHMS
FROM TAURIC CHERSONESUS

Mikhail G. Abramzon

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia**E-mail: abramzon-m@mail.ru**Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-18-00088*

The paper is a publication of a Mithradatic hoard of 119 tetradrachms and drachms, found in the near *chora* of Tauric Chersonesus in 2013. The largest part of it consists of the Mithradatic tetradrachms (79 coins) mixed with tetradrachms of the Bithynian kings, Nicomedes II and III (3 coins), late posthumous tetradrachms of Lysimachus struck at the mint of Byzantium (17 coins), and Athenian New Style tetradrachms (2 coins). Apart from 101 tetradrachms, the hoard includes 18 royal Cappadocian drachms of Ariarathes VII, Ariarathes VIII, Ariarathes IX, and Ariobarzanes I. The treasure includes tetradrachms of Mithradates VI with unrecorded dates. The latest of the drachms of Arioborzan I, dating back from 65/64 BC, indicates that the hoard was formed after the arrival of Mithradates on the Bosphorus and the flight of Machares, his son, to Chersonesus. More than a quarter of the Mithradatic tetradrachms are new coins of the last year of his coinage, without traces of circulation, in a 'mint state', most struck from the same obverse dies or die-combinations in 67/66 BC. This fact certainly indicates the centralized issuance of silver money from the royal treasury. The hoard was most likely concealed during the anti-Mithradatic uprising in Chersonesus in 63 BC.

Keywords: Tauric Chersonesus, Mithradates VI Eupator, Third Mithradatic War, coin hoard, tetradrachms

В декабре 2013 г. на юго-западной окраине Севастополя между Камышовым и Балаклавским шоссе, Юхариной балкой и кладбищем Кальфа на частном участке случайно был обнаружен клад из 119 серебряных тетрадрахм и драхм митридатовского времени, которые хранились в лепном горшочке, сокрытом в тайнике в виде каменного ящика¹. Место находки локализуется в 10 км к югу от городища Херсонеса, на его ближней хоре². В кратком сообщении о кладе приведены фотографии семи тетрадрахм из него (шести — Митридата VI и одной лисимаховского типа («лисимахи») чеканки Византия)³; еще одна тетрадрахма Митридата VI издана в каталоге херсонесских монет, где упомянут данный клад⁴. К сожалению, клад был продан нашедшими (отдельные тетрадрахмы из него фигурируют на аукционах

¹ Stupko 2019, 126.

² Место находки ассоциируется с блоками 282–283 хоры, на которых выявлены следы античного размежевания, остатки башни, усадеб, керамический материал эллинистического времени. См. Nikolaenko et al. 2022, 190–191.

³ Stupko 2019, 129, рис. 1. Я выражаю глубокую признательность научному сотруднику ГИАМЗ «Херсонес Таврический» М.В. Ступко за предоставленные фотографии семи тетрадрахм из клада.

⁴ Turovskiy 2018, 15; 46, № 234; табл. 21, 234.

Roma Numismatics и Classical Numismatic Group). Между тем нам стал доступен для изучения весь комплекс целиком — 101 тетрадрахма и 18 драхм, которые распределяются следующим образом: 1) тетрадрахмы: Митридат VI — 79; Никомед II — 2; Никомед III — 1; поздние тетрадрахмы лисимаховского типа чеканки Византия — 17; афинские тетрадрахмы нового стиля — 2; 2) драхмы царей Каппадокии: Ариарат VII — 1; Ариарат VIII — 1; Ариарат IX — 1; Ариобарзан I — 15⁵.

Все представленные в кладе серебряные номиналы обращались в период Митридатовых войн и служили для финансирования обширных и длительных военных операций Митридата VI⁶. Основу комплекса составляют тетрадрахмы последнего (78% от общего числа тетрадрахм). Клад существенно дополняет составленный Ф. де Каллатаем корпус тетрадрахм Митридата VI⁷ новыми штампами аверса и реверса, увеличивает количество монет учтенных выпусков и содержит не зарегистрированные ранее выпуски (см. табл. 1). Так, впервые стали известны тетрадрахмы с датами НΣ—I — июль 89 г. до н.э. (№ 8), ΙΣ—Δ — январь 87 г. (№ 13), ΖΙΣ—Α — октябрь 81 г. (№ 16), ΘΙΣ—I — июль 78 г. (№ 23–24). Более четверти митридатовских тетрадрахм в кладе (21 экз.) составляют монеты последнего года чеканки ΑΛΣ — октябрь 67 / сентябрь 66 г. до н.э., все новые и без следов

Таблица 1

Хронологическое распределение тетрадрахм Митридата VI в кладе

Дата виф.-понт. или перг. э.	Григорианский календарь	Callataÿ 1997	Количество в кладе	Дата виф.-понт. или перг. э.	Григорианский календарь	Callataÿ 1997	Количество в кладе
В	До 96 г.	2	3	ΘΙΣ—ΒΙ	сентябрь 78	1	2
ΓΣ—Ε	До 96 г.	1	1	ΒΚΣ—Η	май 75	9	1
ΗΣ—Ε	февраль 91	2	1	ΒΚΣ—Ι	июль 75	12	1
ΗΣ—I	февраль 89	1	1	ΓΚΣ—Γ	декабрь 75	1	1
ΘΣ	июль 89	—	1	ΓΚΣ—Γ	март 74	2	1
ΙΣ—Δ	окт. 89/сент. 88	88	4	ΓΚΣ—ΙΒ	сентябрь 74	16	1
ΙΣ—I	январь 87	—	1	ΔΚΣ—Γ	декабрь 74	12	2
Δ	июль 87	1	1	ΔΚΣ—ΙΑ	август 73	1	1
ΔΙΣ—Θ	январь 85	17	1	ΔΚΣ	окт. 74/сент. 73	3	1
ΖΙΣ—Α	июнь 83	2	1	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	5	12
ΗΙΣ—Ε	октябрь 81	—	1	ΕΚΣ—Α	октябрь 73	3	1
ΘΙΣ—Θ	февраль 79	1	1	ΕΚΣ—Β	ноябрь 73	1	2
ΘΙΣ—I	июнь 78	6	5	ΕΚΣ—Γ	декабрь 73	1	1
ΘΙΣ—ΑΙ	июль 78	—	2	ΗΚΣ	окт. 70/сент. 69	3	4
	август 78	1	2	ΑΛΣ	окт. 67/сент. 66	2	21

⁵ Я искренне благодарю профессора Ф. де Каллатая, любезно приславшего мне фотографии монет клада и их список с датами и комментариями и предложившего опубликовать этот исключительно важный исторический источник.

⁶ Callataÿ 1997.

⁷ Callataÿ 1997; 2014.

обращения, большей частью отчеканенные одними и теми же штемпелями аверса или общими парами штемпелей⁸.

Старейшие монеты в кладе — тетрадрахмы царей Вифинии Никомеда II и Никомеда III (№ 80–82). Небольшое количество тетрадрахм Никомедов II–IV традиционно примешивается к тетрадрахмам Митридата VI в кладах эпохи его войн с Римом (см. табл. 2), отражая особенности денежного обращения в Понтийском царстве. Также обычным является присутствие в кладе пары афинских тетрадрахм нового стиля (№ 83–84) и заметной группы поздних тетрадрахм лисимаховского типа чеканки Византия (№ 85–101).

В качестве разменного серебра в кладе представлены драхмы четырех царей Каппадокии: Ариарата VII Филометора (№ 102), Ариарата VIII Эпифана (№ 103), Ариарата IX Филопатора (№ 104) и Ариобарзана I Филоромана (№ 105–119). Самой поздней монетой является драхма последнего царя с датой АА — год царствования 31 = 65/64 г. до н.э., которая дает *terminus post quem* для датировки клада (см. ниже).

КЛАДЫ ТЕТРАДРАХМ МИТРИДАТОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Херсонесский клад представляет исключительную находку для Северного Причерноморья, где не обращались ни тетрадрахмы Митридата VI, ни синхронное серебро царей Вифинии и Каппадокии, ни кистофоры, ни тетрадрахмы лисимаховского типа. По нашим сведениям, во всем регионе зарегистрированы единичные находки всего четырех тетрадрахм и трех золотых статов Митридата VI, а также восьми царских драхм Каппадокии. В то же время херсонесский клад присоединяется к ряду кладов аналогичного состава, сокрытых в эпоху Митридатовых войн в Греции, Македонии и Малой Азии.

Кроме приведенного списка известны более поздние или иного состава клады из Италии, Болгарии, Азербайджана, Армении, Турции, Месопотамии, в которых присутствуют серебряные монеты митридатовского времени⁹. В одном из них

Таблица 2

*Клады тетрадрахм митридатовского времени
(Италия, Эгеида, Балканы, Северная Анатолия, Северное Причерноморье)*

№	Клады	Дата	Состав	Количество монет
1.	Александрия Троадская (IGCH 1356)	Ок. 90 г.	Тетрадрахмы: Митридат VI — ок. 15; Никомены II–III — ок. 30; «лисимахи» — ок. 50; Ариарат IX — 5.	Ок. 100
2.	Фессалоника (IGCH 645)	Ок. 90–85 гг.	Тетрадрахмы: Митридат VI	?
3.	Крит (IGCH 332)	Ок. 90–80 гг.	Тетрадрахмы: Афины — 63; Митридат VI — 1; Никомед IV — 1; «лисимахи» (Византий) — 11; прочие — 21+.	97+
4.	Делос (IGCH 335)	Ок. 88 г.	Тетрадрахмы: Афины — 6; Митридат VI — 7	13
5.	Пирей (IGCH 337)	Ок. 87 г.	Тетрадрахмы: Афины — 13; Митридат VI — 2	15
6.	Афины (IGCH 339)	Ок. 86 г.	Тетрадрахмы: Афины — 32; Митридат VI — 4	58

⁸ В корпусе Ф. де Каллатая учтено всего 2 экз. См. Callataÿ 1997, 22, D77–D78.

⁹ Полный список см. Callataÿ 1997, 449–450.

Окончание таблицы 2

№	Клады	Дата	Состав	Количество монет
7.	Поджо Пиченце (IGCH 2056)	Ок. 80 г.	Тетрадрахмы: Афины — 93; Митридат VI — 7; Никомед III — 1; «лисимахи» (Византий) — 21; Ариарат IV — 4. Драхмы: Ариарат IX — 10. Гемидрахмы Ахейской Лиги — 250; римские денарии (Сул-ла) — ок. 200.	570+
8.	Керас (IGCH 1383)	Ок. 80 г.	Тетрадрахмы: Афины — 18; Митридат VI — 22; Никомеды II—III — 7; кистофоры — 3; Антиох VII — 2. Драхмы: Ариарат VI — 1, Ариарат IX — 1, Ариобарзан I — 1.	55
9.	Вифиния (1384)	Ок. 75 г.	Тетрадрахмы: Митридат VI — 15; Никомеды II—IV — 22; «лисимахи» (Византий) — 16, Гераклея Понтийская — 1.	54+
10.	Понт, Северо-Восточная Турция (CH VIII, 519)	Ок. 75 г.	Тетрадрахмы: Митридат VI — 40+	40+
11.	Греция, север? (IGCH 973)	Ок. 75–70 гг.	Тетрадрахмы: Афины — 1; Митридат VI — 7; Никомеды III—IV — 4; «лисимахи» — 1.	13
12.	Малая Азия? (IGCH 1463 = IGCH 973)	Ок. 70 г.	Тетрадрахмы: Афины — 1; Митридат VI — 7; Никомеды III—IV — 4; «лисимахи» — 1.	13+
13.	Эрифры (IGCH 1359)	Ок. 70–65 гг.	Тетрадрахмы: Афины — 16; Митридат VI — 1; Никомед II — 1; «лисимахи» — 1; кистофоры — 4. Драхмы: Хиос — 15.	38+
14.	Херсонес	63 г.	Тетрадрахмы: Митридат VI — 79; Никомеды II—III — 3; «лисимахи» (Византий) — 17; Афины — 2. Драхмы: Ариарат VII — 1; Ариарат VIII — 1; Ариарат IX — 1; Ариобарзан I — 15	119

(из Азербайджана) соседствуют тетрадрахмы Митридата VI, Никомедов II—III, тетрадрахмы лисимаховского типа чеканки Византия, афинские тетрадрахмы нового стиля¹⁰; в другом (из Армении) — тетрадрахмы Митридата VI, драхмы Ариарата IX и Ариобарзана I¹¹. Оба последних клада относятся уже к третьей четверти I в. до н.э.

В данном ряду (табл. 2) херсонесский клад — типичный комплекс эпохи Митридатовых войн — является позднейшим. Особенность его состава, как и кладов IGCH 1383, 1746, 2056, определяет присутствие драхм каппадокийских царей; кроме того, это единственный клад тетрадрахм митридатовского времени во всем Северном Причерноморье.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ДАТИРОВКА КЛАДА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Соккрытие клада связано с финальными событиями Третьей Митридатовой войны (74–63 гг. до н.э.), в которые оказались втянуты Херсонес и Боспор. В 65 г. до н.э. Митридат с невероятными трудностями прибыл из Колхиды на Боспор и захватил Пантикапей (App. *Mithr.* 101–102, 107), превратив его

¹⁰ IGCH 1745.

¹¹ IGCH 1746.

в последний оплот своей власти. Махар, ранее изменивший отцу и заключивший союз с римлянами, бежал в Херсонес, сжегши корабли, чтобы отец не мог преследовать его, а когда Митридат послал против него другие корабли, покончил с собой (App. *Mithr.* 102) или же был убит своими сообщниками, которым царь пообещал предоставить неприкосновенность и деньги (Dio Cass. 36. 50).

Тем временем по распоряжению Помпея римский флот блокировал Боспор, чтобы вызвать голод в армии Митридата (Plut. *Pomp.* 38). Аппиан сообщает, что из Пантикапея Митридат предпринял тщетную попытку договориться с Помпеем и начал отчаянно готовиться к новому этапу войны; его чиновники по сбору налогов были беспощадны (App. *Mithr.* 107), их чрезмерные поборы вызвали недовольство населения. Вспыхнувшее восстание в Фанагории в 63 г. до н.э. перекинулось на другие города Боспорского царства и Херсонес. По свидетельству Аппиана (*Mithr.* 108), под напором Фанагории от Митридата отложились Херсонес, Феодосия, Нимфей и все города по берегу Понта, очень удобные в военном отношении.

Дата самой поздней из драхм Ариобарзана I в кладе (65/64 г. до н.э.) свидетельствует о том, что эти деньги поступили на Боспор с армией Митридата в 65 г., а тот факт, что более четверти митридатовских тетрадрахм составляют новые монеты — без следов обращения, в «штемпельном блеске», в большинстве отчеканенные одними и теми же штемпелями аверса или общими парами штемпелей в 67/66 г. накануне отступления царя на Боспор, определенно свидетельствует о централизованной выдаче монетного серебра из царской казны.

Скорее всего, денежная сумма (частично выданная новыми одноштемпельными тетрадрахмами последнего года чеканки) прибыла в Херсонес из царской резиденции в Пантикапее по хорошо известному военному маршруту. Косвенное свидетельство этого дает локализация находок тетрадрахм Митридата VI и царских драхм Каппадокии в Южном Крыму, которые все происходят только из начального и конечного, а также двух транзитных пунктов маршрута от Пантикапея до Херсонеса. Так, если в исходном пункте — Пантикапее — зарегистрированы находки митридатовской тетрадрахмы¹² и золотого статера¹³, то в пограничной боспорской крепости и военном лагере Куру-Баш (рядом с Феодосией) найдено шесть драхм царей Каппадокии: Ариарата V — 2; Ариарата VII — 1, Ариарата IX — 1, Ариобарзана I — 2¹⁴. По предположению А.В. Гаврилова, в крепости Куру-Баш дислоцировался понтийский гарнизон, и каппадокийские драхмы были принесены сюда солдатами из подразделений, участвовавших в Первой Митридатовой войне, в ходе которой государственная казна Каппадокии, возможно, была захвачена Митридатом VI и использована для выплат его наемникам. По мнению А.В. Гаврилова, каппадокийские монеты появились в крепости Куру-Баш на рубеже 80–70-х годов до н.э. и были платой переселенным сюда солдатам. Это позволило А.В. Гаврилову сделать вывод, что среди обитателей крепости присутствовали понтийские солдаты, которые после первой войны с Римом были

¹² Дата: ЕКС — октябрь 73 / сентябрь 72 г. См. Reinach 1892, 129, no. 20. Pl. LXXXV, 20.

¹³ Дата: ΘКС — октябрь 69 / сентябрь 68 г. См. Abramzon, Kuznetsov 2011, 96, fig. 7, 2.

¹⁴ Gavrilo 2009, fig. 4, 32 (Ариарат VII, А = 116/115 г. до н.э.: *SNG Cop.* 742), 33 (Ариарат V, ГЛ = 131/130 г.: *SNG Cop.* 676), 34 (Ариарат V, Т–Δ/ГЛ = 131/130 г.: *SNG Cop.* 662–666), 35 (Ариобарзан I, ИГ = 83/82 г.: Simonetta 1977, no. 9; *SNG Cop.* 935–936); 5, 36 (Ариобарзан I, КВ = 74/73 г.: Simonetta 1977, no. 30; *SNG Cop.* 941). Еще одна драхма Ариарата IX с датой IB = 89/88 г. (*SNG Cop.* 899 — общая пара штемпелей) — см. Gavrilo 2010, рис. 6, 86. Определение монет — наше.

передислоцированы в округу Феодосии¹⁵. Однако это предположение о понтийских «переселенцах» не подкрепляется никакими источниками, а каппадокийские драхмы нигде более не были найдены, кроме как в Куру-Баше, святилище у перевала Гурзуфское Седло¹⁶ (следующем транзитном пункте этого военного маршрута) и, наконец, в самом Херсонесе (18 драхм в составе публикуемого клада и единичная находка драхмы на ближней хоре¹⁷). Время поступления каппадокийских драхм в крепость Куру-Баше определяет позднейшая драхма Ариобарзана I с годом КВ = 74/73 г. до н.э. — после начала Третьей Митридатовой войны. Кстати, такая же драхма присутствует и в херсонесском кладе вместе с другими выпусками времени третьей войны с Римом вплоть до 65/64 г. до н.э.

Я полагаю, что все каппадокийские драхмы — из публикуемого клада, херсонесской усадьбы клера № 9, святилища у перевала Гурзуфское Седло и крепости Куру-Баш — происходят из единого источника, т.е. из царской казны, привезенной Митридатом VI в Пантикапей в 65 г. до н.э.¹⁸ Эти драхмы (вместе с понтийской медью) могли появиться в лагере с отрядом понтийцев, отправленным Митридатом в Херсонес: наемникам же гарнизона крепости Куру-Баш традиционно платили жалование боспорскими бронзовыми монетами крупных номиналов и частично понтийской медью¹⁹.

Далее на пути от Феодосии в Херсонес располагалось святилище тавров у перевала Гурзуфское Седло, где были обнаружены еще одна царская драхма Каппадокии и две тетрадрахмы Митридата, одна из которых, с датой ЕКС, отчеканена общей парой штемпелей с № 43 из публикуемого клада, другая с датой АЛΣ, без следов обращения, — общей парой штемпелей с экземпляром № 69²⁰. Эти монеты скорее всего попали к таврам как дипломатические дары (что было обычной практикой Митридата)²¹ и затем были использованы адептами святилища в качестве вотивов. Наконец, в Херсонесе — финальном пункте маршрута — были найдены публикуемый клад, золотой статер Митридата VI с датой ГКС—IV (сентябрь 74 г. до н.э.)²², а также драхма Ариобарзана I с датой КН — 28 год = 68/67 г.н.э.²³

¹⁵ Gavriloв 2009, 337; 2010, 147–148.

¹⁶ Novichenkova 2015, 50.

¹⁷ Драхма Ариобарзана I с датой КН — 28 год = 68/67 г.н.э. происходит из раскопок усадьбы на клере № 9. См. Saprykin 1976.

¹⁸ Другая, бо́льшая, часть этой казны досталась Помпею, которому Стратоника, одна из наложниц или жен Митридата выдала местоположение тайных подземных хранилищ, где было сокрыто большое количество денег в медных, обтянутых железом сундуках (App. *Mithr.* 107).

¹⁹ В крепости и лагере Куру-Баш найдено около 300 анонимных боспорских оболов, сосредоточенных в двух местах, что свидетельствует о гарнизонной казне или жаловании, а также несколько десятков понтийских монет. См. Gavriloв 2009, 333.

²⁰ Novichenkova 2013, 269, Kat. IV. 10; 2015, 50, рис. 82.

²¹ Так, например, правители племен Меотиды пропустили Митридата, обменявшись с ним многими подарками (App. *Mithr.* 102).

²² Alekseenko, Zhiltsov 2022. Монета определена авторами неверно. Точные аналогии: Classical Numismatic Group, 93 (22 May 2013). Lot 339; Roma Numismatics, XV (5 April 2018). Lot 284 = Triton XXIII (14 Jan. 2020). Lot 294; Roma Numismatics, XIX (26 March 2020). Lot 408.

²³ Saprykin 1976. Отметим присутствие аналогичной драхмы в публикуемом кладе, что, возможно, свидетельствует о выдаче этих каппадокийских драхм из общего источника — царской казны в Пантикапее.

Поскольку тетрадрахмы Митридата и драхмы царей Каппадокии нигде больше не встречаются в Северном Причерноморье, кроме как на этом военном маршруте в Крыму²⁴, то они, по-видимому, маркируют путь, по которому крупная сумма серебра, выданная из царской казны, доставлялась в Херсонес понтийским отрядом, отправленным из Пантикапея. Учитывая предположение Ф. де Каллата о том, что максимальное жалование солдата во время Митридатовых войн составляло 320 аттических драхм в год, или драхму в день²⁵, херсонесский клад представляет собой довольно большую сумму денег, равную 422 драхам. Кому она могла принадлежать? Можно полагать, что либо представителю(ям) царской администрации в Херсонесе, оставленной после убийства Махара, либо небольшому гарнизону понтийцев, присланному сюда из Пантикапея. В любом случае, клад был сокрыт скорее всего во время антимитридатовского восстания в Херсонесе в 63 г. до н.э. Уникальный комплекс из Херсонеса — единственный известный клад митридатовских тетрадрахм в Северном Причерноморье — представляет исключительно важное свидетельство исторического контекста эпохи.

КАТАЛОГ²⁶

А. ТЕТРАДРАХМЫ

1. ПОНТ: МИТРИДАТ VI ЕВПАТОР (ок. 120–63 гг. до н.э.)

Даты по вифино-понтийской эре

Л.с. Портрет в диадеме вправо.

О.с. Пьющий Пегас влево;верху слева звезда и полумесяц; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ; вокруг плющевый венок.

№ п/п	Дата	Год до н.э.	Примечания
1.		До 96 г.	Новый штемпель <i>л.с.</i> <i>О.с.</i> Справа ☞.
2.		До 96 г.	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D5. <i>О.с.</i> Справа ☞.
3.		До 96 г.	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D15. <i>О.с.</i> Справа ☞.
4.		До 96 г.	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D17. <i>О.с.</i> Справа ☞. Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 1.
5.	В	До 96 г.	Cf. Callataÿ 1997, D8–R1a. <i>О.с.</i> Справа ☞.
6.	Σ–Е	февраль 91	Cf. Callataÿ 1997, D33. <i>О.с.</i> Справа ☞.
7.	НΣ–Е	февраль 89	Cf. Callataÿ 1997, D41–R1a. <i>О.с.</i> Справа ☞.
8.	НΣ–I	июль 89	Cf. Callataÿ 1997, D49. <i>О.с.</i> Справа ☞.
9.	ΘΣ	окт. 89/сент. 88 (осада Родоса весной 88 г.)	Var.: Callataÿ 1997, D53–58. <i>О.с.</i> Справа ☞.
10.	ΘΣ	окт. 89/сент. 88 (весна 88 г.)	Cf. Callataÿ 1997, D55. <i>О.с.</i> Справа ☞.
11.	ΘΣ	окт. 89/сент. 88 (весна 88 г.)	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 10. <i>О.с.</i> Справа ☞.
12.	ΘΣ	окт. 89/сент. 88 (весна 88 г.)	Cf. Callataÿ 1997, D53–R1b. <i>О.с.</i> Справа ☞.

²⁴ Единственная тетрадрахма Митридата найдена в царской резиденции в Фанагории, сгоревшей во время восстания 63 г. до н.э. См. Abramzon, Kuznetsov 2011, 96, fig. 7, 1.

²⁵ Callataÿ 1997, 405; 2011, 18; 2015, 259. Детальное рассмотрение вопроса о солдатском жаловании в эллинистическое время см. в Callataÿ 1997, 297–407.

²⁶ Номерам монет в каталоге соответствуют номера в таблицах.

13.	ΙΣ—Δ	январь 87	Не издана. <i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D62. <i>О.с.</i> Справа .
14.	ΙΣ—I	июль 87	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D62. <i>О.с.</i> R1. <i>О.с.</i> Справа .

Л.с. Портрет в диадеме вправо.

О.с. Пасущийся олень влево; вверху слева звезда и полумесяц; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ; вокруг плющевый венок.

15.	ΔΙΣ—Θ	июнь 83	Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 6. Cf. Callataÿ 1997, D12—R1 (вар.). <i>О.с.</i> Справа .
16.	ΖΙΣ—Α	октябрь 81	Не издана. <i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D14. <i>О.с.</i> Справа .
17.	ΗΙΣ—Ε	февраль 79	<i>Л.с.</i> общ. шт. с № 16. Вар.: Callataÿ 1997, D14—R1a. <i>О.с.</i> Справа .
18.	ΘΙΣ—Θ	июнь 78	Cf. Callataÿ 1997, D18—R4a. <i>О.с.</i> Слева , справа .
19.	ΘΙΣ—Θ	июнь 78	Не издана. <i>О.с.</i> Слева , справа .
20.	ΘΙΣ—Θ	июнь 78	<i>Л.с.</i> общ. шт. с № 19. Слева , справа .
21.	ΘΙΣ—Θ	июнь 78	Не издана. <i>О.с.</i> Слева , справа .
22.	ΘΙΣ—Θ	июнь 78	Общ. пара шт. с № 21.
23.	ΘΙΣ—I	июль 78	Не издана. <i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D19. <i>О.с.</i> Слева , справа .
24.	ΘΙΣ—I	июль 78	<i>Л.с.</i> общ. шт. с № 23. <i>О.с.</i> Слева , справа .
25.	ΘΙΣ—ΑΙ	август 78	<i>Л.с.</i> общ. шт. с № 23, 24. <i>О.с.</i> Слева , справа .
26.	ΘΙΣ—ΑΙ	август 78	Общ. пара шт. с № 25.
27.	ΘΙΣ—ΒΙ	сентябрь 78	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D20. <i>О.с.</i> Слева , справа .
28.	ΘΙΣ—ΒΙ	сентябрь 78	Cf. Callataÿ 1997, D20—R1a. <i>Л.с.</i> общ. шт. с № 27. <i>О.с.</i> Слева , справа .
29.	ΒΚΣ—Η	май 75	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D28. <i>О.с.</i> Слева , справа .
30.	ΒΚΣ—I	июль 75	Не издана. Вар.: Callataÿ 1997, D34—R8. Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 5. <i>О.с.</i> Слева , справа .
31.	ΓΚΣ—Γ	декабрь 75	Cf. Callataÿ 1997, D41—R1? <i>О.с.</i> Слева , справа .
32.	ΓΚΣ—□	март 74	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D46. <i>О.с.</i> Слева , справа .
33.	ΓΚΣ—ΙΒ	сентябрь 74	Не издана. <i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D54. <i>О.с.</i> Callataÿ 1997, R4a. <i>О.с.</i> Слева , справа .
34.	ΔΚΣ—Γ	декабрь 74	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D61. <i>О.с.</i> Слева , справа .
35.	ΔΚΣ—Γ	декабрь 74	Cf. Callataÿ 1997, D62—R5a. <i>О.с.</i> Слева , справа .
36.	ΔΚΣ—ΙΑ	август 73	Не издана. Вар.: Callataÿ 1997, D64—R1a. <i>О.с.</i> Слева .
37.	ΔΚΣ	окт. 74/сент. 73	Cf. Callataÿ 1997, D66—R1a. <i>О.с.</i> Слева .
38.	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	Cf. Callataÿ 1997, D67—R4a. <i>О.с.</i> Слева .
39.	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	Общ. пара шт. с № 38.
40.	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 38, 39. <i>О.с.</i> Слева .
41.	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	Общ. пара шт. с № 40.
42.	ΕΚΣ	окт. 73/сент. 75	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 38—41. <i>О.с.</i> Слева .

43.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Не издана. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
44.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Не издана. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
45.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Общ. пара шт. с № 44.
46.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D68. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
47.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Cf. Callataÿ 1997, D68—R5a. <i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 46. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
48.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Общ. пара шт. с № 47. Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 4. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
49.	ЕКΣ	окт. 73/сент. 75	Изд.: Turovskiy 2018, табл. 21, 234. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
50.	ЕКΣ—А	октябрь 73	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D70. Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 2. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
51.	ЕКΣ—В	ноябрь 73	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 50. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
52.	ЕКΣ—В	ноябрь 73	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D69. Изд.: Stupko 2019, 129, рис. 1, 3. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
53.	ЕКΣ—Г	декабрь 73	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 52. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
54.	НКΣ	окт. 70/сент. 69	Не издана. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
55.	НКΣ	окт. 70/сент. 69	Общ. пара шт. с № 54.
56.	НКΣ	окт. 70/сент. 69	Не издана. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
57.	НКΣ	окт. 70/сент. 69	Не издана. <i>О.с.</i> Слева $\overline{\text{X}}$.
58.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
59.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 58. <i>О.с.</i> Общ. шт. с № 69.
60.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
61.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 60. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
62.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 61.
63.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 61, 62.
64.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 61—63.
65.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 60—64. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
66.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 65.
67.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 60—66. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
68.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
69.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>О.с.</i> Общ. шт. с № 59.
70.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
71.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 70.
72.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
73.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
74.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Cf. Callataÿ 1997, D77—R1a. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
75.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	<i>Л.с.</i> Общ. шт. с № 74. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
76.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
77.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Не издана. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{A}}$.
78.	АΛΣ	окт. 67/сент. 66	Общ. пара шт. с № 77.

Даты пергамской эры

79.	Δ	январь 85	Cf. Callataÿ 1997, D17—R8b. <i>О.с.</i> Справа $\overline{\text{X}}$.
-----	---	-----------	--

2. ВИФИНИЯ: НИКОМЕД II (149–128 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Никомеда II, в диадеме, вправо.

О.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΟΜΗΔΟΥ. Зевс, стоящий прямо, голова повернута влево, венчает имя царя правой рукой и держит длинный скипетр в левой; слева орел на молнии влево; ниже монограмма и дата.

80.	ΒΞΡ	137/136	Cf. RG, 229; Classical Numismatic Group 58, Inc., Lancaster, PA, Mail Bid Sale (19.09.2001). Lot 535. <i>О.с.</i> Слева
81.	ΓΞΡ	132/131	Cf. RG, 229; BMC13, 2 (var.). <i>О.с.</i> Слева

НИКОМЕД III (128–94 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Никомеда III, в диадеме, вправо.

О.с. То же.

82.	ΑΟΡ	127/126	<i>Л.с.</i> Cf. Callataÿ 1997, D11? ²⁷ <i>О.с.</i> Слева
-----	-----	---------	---

3. АФИНЫ: ТЕТРАДРАХМЫ НОВОГО СТИЛЯ

Л.с. Афина Парфенос в аттическом шлеме с гребнем, украшенном изображением грифона.

О.с. Сова на амфоре, вправо; сверху Α—ΘΕ, ниже в поле имена магистратов и символ, на амфоре — номер месяца выпуска, внизу — аббревиатура; вокруг оливковый венок.

№ п/п	Год до н.э.	Монетные магистраты и символ	Магистрат	Месяц выпуска	Аббревиатура ²⁸	Примечания
83.	102/101	ΝΙΚΗΤΗΣ — ΔΙΟΝΥΣΙ- ΟΣ; голова Горгоны	ΚΛΕΙ	Ε	ΑΠ	Cf. Thompson, 941a.
84.	88/87	ΑΡΟΠΟΣ — ΜΝΑΣΑΓΟ; крылатый Агон	ΦΙΛΙ	Ζ	ΣΟ	Cf. Thompson, 1000f.

4. ВИЗАНТИЙ: ПОЗДНИЕ ПОСМЕРТНЫЕ ТЕТРАДРАХМЫ ЛИСИМАХА

Л.с. Голова Александра III с рогом Аммона, в диадеме, вправо.

О.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Афина на троне влево; в правой руке держит фигурку Ники; слева монограмма, на троне ΒΥ, внизу трезубец влево.

Группа 2А

№ п/п	Примечания
85.	<i>Л.с.</i> Callataÿ 1997, D28. <i>О.с.</i> Слева

²⁷ Монограмма встречается на выпусках ΟΡ — 128/127 г. до н.э. (Cf. Callataÿ 1997, D3–D4) и ΒΟΡ — 126/125 г. (Cf. Callataÿ 1997, D11).

²⁸ Возможно, указывает происхождение слитка, из которого был отчеканен выпуск.

Группа 2В

86. | *Л.с.* Callataÿ 1997, D5–D7 (вар.).²⁹ *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.

Группа 3

87. | Изд.: Stupko, 7. *Л.с.* Callataÿ 1997, D7. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 88. | *Л.с.* Cf. Callataÿ 1997, D5. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 89. | Cf. Callataÿ 1997, D15. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 90. | Cf. Callataÿ 1997, D19 (вар.).³⁰ *О.с.* Слева Δ^b .
 91. | Cf. Callataÿ 1997, D23–D31. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 92. | *Л.с.* Callataÿ 1997, D36. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 93. | *Л.с.* Callataÿ 1997, D40. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 94. | Cf. Callataÿ 1997, D40–D44 (вар.). *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 95. | *Л.с.* Callataÿ 1997, D44. *О.с.* Слева Δ .
 96. | Cf. Callataÿ 1997, D44–D53 (вар.). *О.с.* Слева Δ .

Группа 4

97. | Cf. Callataÿ 1997, D4–D9 (вар.). *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 98. | Cf. Callataÿ 1997, D26–D39 (вар.). *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 99. | Cf. Callataÿ 1997, D40–D59 (вар.). *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 100. | *Л.с.* Общ. шт.л.с. с № 99. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.
 101. | *Л.с.* Callataÿ 1997, D55. *О.с.* Слева $\mathbb{P}$.

Б. КАППАДОКИЯ: ЦАРСКИЕ ДРАХМЫ

АРИАРАТ VII ФИЛОМЕТОР (ок. 116–100 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Ариарата VII в диадеме вправо.

О.с. Афина Никефорос стоит влево, с копьем и щитом; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ / ΦΙΛΟΜΝΤΟΡΟΣ, слева в поле монограмма или буква, под обрезом год правления.

№ п/п	Год царствования	Год н.э.	Примечания
102.	[Α]	116/115	Cf. <i>SNG Cop.</i> 751. <i>Л.с.</i> Слева $\mathbb{P}$.

АРИАРАТ VIII (ок. 100–98 гг. до н.э.)

Л.с. Голова юного Ариарата VIII в диадеме вправо.

О.с. То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ / ΕΥΣΕΒΟΥΣ.

103.	В	99/98	Cf. Simonetta 1977, 27, no. 9 = Bertolami Fine Arts – ACR Auctions > E-Auction 119 (10 July 2022). Lot 6 (эта пара шт.). <i>Л.с.</i> Слева Т.
------	---	-------	---

²⁹ Стиль аверса не точно соответствует группе 2В (прим. Ф. де Каллатая).

³⁰ Стиль аверса не точно соответствует группе 3 (прим. Ф. де Каллатая).

АРИАРАТ IX ЕВСЕВИЙ ФИЛОПАТОР (ок. 100–85 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Ариарата IX в диадеме вправо.

О.с. То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ / ΕΥΣΕΒΟΥΣ.

104.	Δ	97/96	Cf. SNG vAulock 6305. Л.с. Слева
------	---	-------	----------------------------------

АРИОБАРЗАН I ФИЛОРОМАН (ок. 95–62 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Ариобарзана I в диадеме вправо.

О.с. То же; ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΡΙΟΒΑΡΖΑΝΟΥ / ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥ.

105.	ΙΓ	83/82	Cf. Simonetta 1977, no. 11. Л.с. Слева , справа М.
106.	[ΙΓ или ΙΔ]	83/82 или 82/81	Cf. Simonetta 1977, no. 11 или 15. Л.с. Слева , справа М.
107.	ΙΓ?	80/79?	Callataÿ 1997, pl. XLIV, J (вар.). О.с. Без монограммы.
108.	ΙΗ	78/77	Cf. Simonetta 1977, no. 27.
109.	ΚΒ	74/73	Cf. Simonetta 1977, no. 30. Л.с. Слева .
110.	ΚΓ	73/72	Cf. Simonetta 1977, no. 31. Л.с. Слева .
111.	ΚΔ	72/71	Cf. Simonetta 1977, nos. 32, 33, 35. Л.с. Слева .
112.	ΚΕ	70/69	Callataÿ 1997, 210, note 109. Л.с. Слева .
113.	ΚΗ	68/67	Cf. Simonetta 1977, no. 38d. Л.с. Слева .
114.	[ΚΘ или ΘΚ]	67/66	Cf. Simonetta 1977, nos. 39/40. Л.с. Слева .
115.	Λ	66/65	Cf. Simonetta 1977, no. 43. Л.с. Слева .
116.	[Λ?]	66/65?	Cf. Simonetta 1977, no. 42. Л.с. Слева , справа А.
117.	ΑΛ	65/64	Cf. Simonetta 1977, no. 45. Л.с. Слева .
118.	?	?	
119.	?	?	

Литература / References

- Alekseenko, N.A., Zhiltsov, G.S. 2022: [A Stater of Mithradates Eupator from the Southern Suburb of Chersonesus]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *«PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka». IX Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (Chernomorskoe, 4–8 sentyabrya 2022 g.) Materialy nauchnoy konferentsii [“Pontic Money-Changer: Money of the Local Market”. IXth International Numismatic Symposium (Chernomorskoye, September 4–8, 2022). Materials of Academic Conference]*. Simferopol, 27–32.
- Алексеевко, Н.А., Жильцов, Г.С. Статер Митридата Евпатора из Южного пригорода Херсонеса. В сб.: Н.А. Алексеевко (ред.), *«ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». IX Международнй нумизматический симпозиум (Черноморское, 4–8 сентября 2022 г.). Материалы научной конференции*. Симферополь, 27–32.
- Abramzon, M., Kuznetsov, V. 2011: The Rebellion in Phanagoria in 63 BC (New Numismatic Evidence). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 17, 75–110.
- Callataÿ, F. de. 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies*. (Numismatica Lovaniensia, 18). Louvain-la-Neuve.
- Callataÿ, F. de. 2011: Quantifying Monetary Production in Greco-Roman Times: A General Frame. In: F. de Callataÿ (ed.), *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari, 7–29.
- Callataÿ, F. de. 2014: Revisiting a Numismatic Corpus: the Case of Eupator, Last King of Pontus. In: K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyan (eds.), *Proceedings of the First International Congress*

- of the Anatolian Monetary History and Numismatics – Proceedings, 25–28 February 2013, Antalya.* Antalya, 117–137.
- Callataÿ, F. de. 2015: The Late Hellenistic Didrachms of Leukas: Another Case of Greek Coinage for the Roman Army. In: P. van Alfen, G. Bransbourg, M. Amandry (eds.), *FIDES. Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke*. New York, 239–270.
- Gavrilov, A.V. 2009: Coin Finds from the Kuru Baş Fortified Settlement and Some Questions Concerning the History of Theodosia in the Late 2nd and 1st Centuries BC. In: J.M. Hojte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. (Black Sea Studies, 9). Aarhus, 329–352.
- Gavrilov, A.V. 2010: [Numismatic Findings on Kuru Bash Settlement (Camp) and Some Issues of History of Theodosia (late 2nd–1st cc. BC)]. *Stratum plus* 6, 141–157.
- Гаврилов, А.В. Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II – I в. до н.э. *Stratum plus* 6, 141–157.
- Nikolaenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Voskresenskaya, E.N., Lebedinskiy, V.V., Pasumanskiy, A.E. 2022: *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo* [Atlas of the Near Chora of Tauric Chersonesus]. Vol. II. Saint Petersburg.
- Николаенко, Г.М., Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А., Воскресенская, Е.Н., Лебединский, В.В., Пасуманский, А.Е. *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического*. Т. II. (Археологические атласы Северного Причерноморья, 4). СПб.
- Novichenkova, N. 2013: Das Heiligtum am Pass Gurzufskoe Sedlo. In: S. Müller, V. Schmauder (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Grieschen – Skythen – Goten*. Bonn–Darmstadt.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym: II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [Mountain Crimea: Second Century BC – Second Century AD. Based on the Materials of the Sanctuary at the Gurzuf Sedlo Pass]. Simferopol.
- Новиченкова, Н.Г. *Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Reinach, S. 1892: *Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854): rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus*. Paris.
- Saprykin, S. Yu. 1976: [The First-Century BC Cappadocian Coin from a Chersonesian Homestead]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communication of the Institute of Archaeology] 145, 84–85.
- Сапрыкин, С.Ю. Каппадокийская монета I в. до н.э. из херсонесской усадьбы. *Краткие сообщения института археологии* 145, 84–85.
- Simonetta, B. 1977: *The Coins of the Cappadocian Kings (Typos, II)*. Fribourg.
- Stupko, M.V. 2019: [On the Issue of the Circulation of the Pontic Coins in the South-Western Crimea at the End of the 2nd – First Half of the 1st Century BC]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *“PriPONTiyskiy menyala: den’gi mestnogo rynka”*. IX Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (Sevastopol, Balaklava 16–20.09.2019 g.) *Materialy nauchnoy konferentsii* [“Pontic Money-Changer: Money of the Local Market”. VIth International Numismatic Symposium (Sevastopol, Balaklava 16–20.09.2019). *Proceedings of Academic Conference*]. Simferopol, 125–130.
- Ступко, М.В. К вопросу об обращении понтийской монеты в Юго-Западном Крыму в конце II – первой половине I вв. до н.э. В сб.: Н.А. Алексеев (ред.), *«ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка»*. VI Международнй нумизматический симпозиум (Севастополь, Балаклава 16–20.09.2019 г.). *Материалы научной конференции*. Симферополь, 125–130.
- Thompson, M. 1961: *The New Style Silver Coinage of Athens. Text and Plates*. Vol. I–II. (Numismatic Studies, 10). New York.
- Turovskiy, E. Ya. 2018: *Monety antichnogo Khersonesa: katalog-opredelitel’* [Coins of Ancient Chersonesus: A Catalogue]. Sevastopol.
- Туровский, Е.Я. *Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель*. Севастополь.

Табл. 1

Табл. 2.

Табл. 3.

Табл. 4.

Табл. 5.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

Табл. 6.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

Табл. 7.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

71

72

73

74

75

76

77

78

79

Табл. 8.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606—619)

80

81

82

83

84

85

86

87

Табл. 9.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

88

89

90

91

92

93

94

Табл. 10.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

95

96

97

98

99

100

101

Табл. 11.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

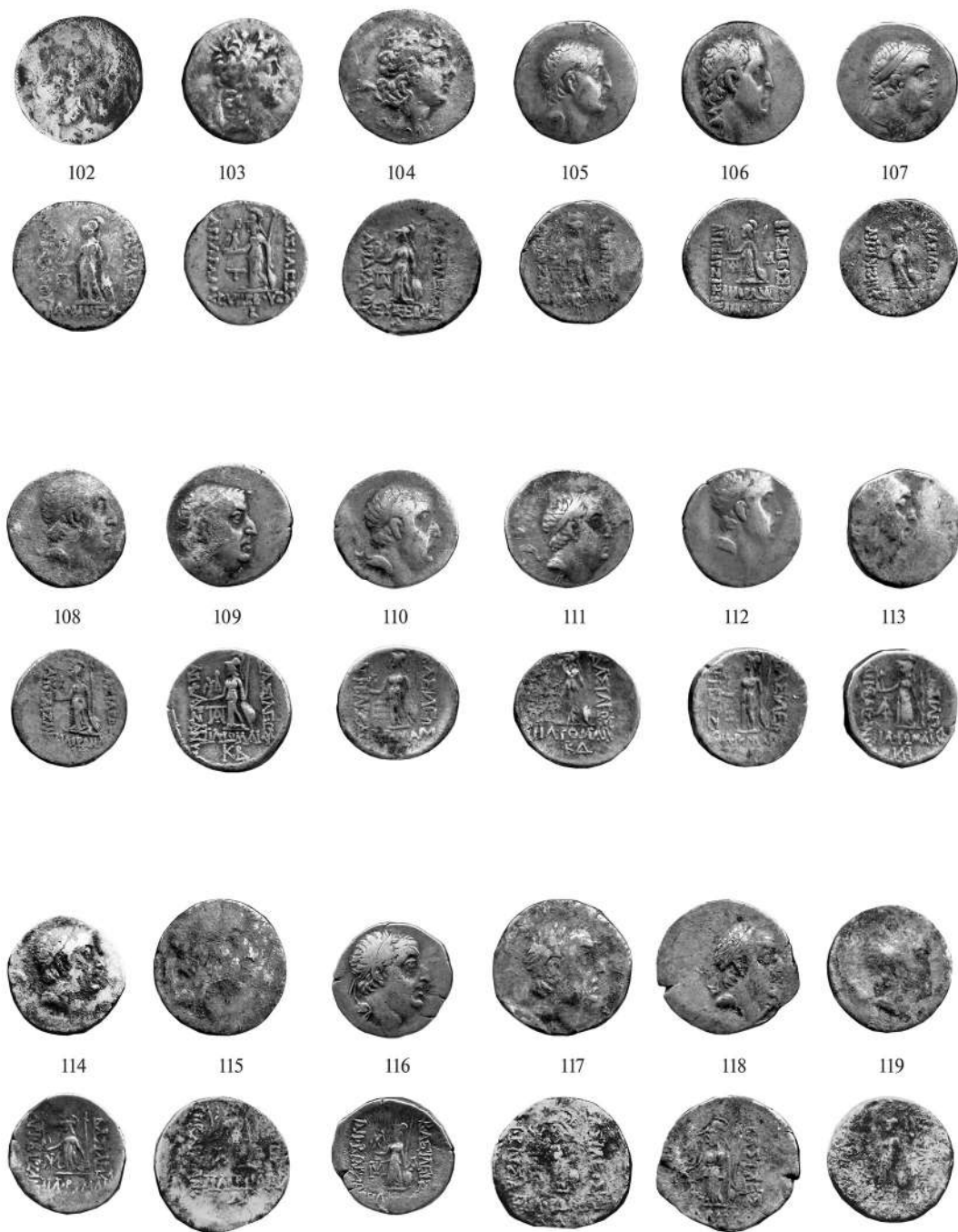

Табл. 12.

Вестник древней истории, том 83 № 3
(вклейка к статье М. Г. Абрамзона, стр. 606–619)

DOI: 10.31857/S032103910023731-7

НОВАЯ НАДПИСЬ С ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННАЯ БАТАРЕЙКА НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

А. И. Иванчик

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт исследования древности и средневековья «Авзоний», НЦНИ, Бордо, Франция*

E-mail: ivantchika@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0861-7761

В статье публикуется надгробная надпись, нанесенная на стелу, которая была обнаружена в 2015 г. на поселении Каменная батарея (Азиатский Боспор). Стела использована вторично — относящийся к первому использованию рельеф сбит. Надгробие поставлено для Аполлония, сына Омпсалака, его братом Патасием. В статье разбираются упомянутые в надписи имена Омпсалак (сарматское) и Патасий (египетское). Семья Омпсалака имела, видимо, сарматское происхождение, но ко II–III вв., когда была установлена надпись, она уже была сильно эллинизирована. Надпись дополняет имеющиеся данные о присутствии в составе греческого населения Боспора, в том числе его сельской территории, элемента сарматского происхождения.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, Каменная батарея, эпиграфика, сарматы

A NEW INSCRIPTION FROM THE SETTLEMENT OF KAMENNAYA BATAREÏKA (ASIATIC BOSPORUS)

Askold I. Ivantchik

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Institute “Ausonius”, CNRS, Bordeaux, France*

E-mail: ivantchika@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00237-П

Данные об авторе. Аскольд Игоревич Иванчик — член-корреспондент РАН и Института Франции (Академия надписей и изящной словесности), доктор исторических наук, руководитель Центра античной и восточной археологии ИКВИА НИУ ВШЭ.

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект 18-18-00237-П «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ»).

This article is a publication of a funeral inscription on a stele that was discovered in 2015 at the rural settlement of Kamennaya Batareïka (Asiatic Bosphorus). The stele has been reused — the relief from the first use has been destroyed and the inscription is on the reverse side. The tombstone was placed for Apollonios, son of Ompsalakos, by his brother Patasys. The article analyzes the names mentioned in the inscription, Ομψαλακος (Sarmatian name) and Πατάσους (Egyptian name). Ompsalakos' family must have been of Sarmatian origin, but in the second or third century, when the inscription was made, it was strongly Hellenized. The inscription supplements the available data on the presence of an element of Sarmatian origin in the Greek population of the Bosphorus, including its rural area.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosphorus, Kamennaya Batareïka, epigraphy, Sarmatians

Публикуемая здесь надпись была обнаружена в мае 2015 г. Н.И. Сударевым¹ на греческом поселении, известном как Каменная батарейка, в 300 м к юго-востоку от крепости в куче камней, лежащих на краю поля и, очевидно, перемещенных при его вспашке, и в ноябре того же года изучена мной *de visu*. Поселение Каменная батарейка находится на западном берегу Фонталовского полуострова, к югу от входа в Динской залив, поблизости от современного поселка Береговой (Темрюкский район, Краснодарский край, Россия). Каменная батарейка, как и ряд аналогичных памятников Азиатского Боспора, была крепостью, основанной в I в. до н.э. (точная дата определяется по-разному, от рубежа II—I вв. до н.э. до рубежа эр) и входившей в единую систему обороны Боспорского царства. В первой половине II в. н.э. все эти крепости были разрушены, однако неукрепленные поселения, окружавшие их, продолжали существовать. На Каменной батарееке довольно крупное неукрепленное поселение просуществовало до IV в. н.э., когда окончательно погибло². По-видимому, издаваемая стела происходит с некрополя, относящегося к этому второму периоду существования поселения, после гибели крепости.

Надгробные стелы на некрополе Каменной батарееки уже находили раньше. В *КБН* две надписи, найденные В.Г. Тизенгаузенем в 1872 г. у «каменной батарееи», отнесены к Патрею (*КБН* 1018, 1019) и датированы второй половиной I — первой половиной II в. н.э. Еще одна стела того же времени с надписью и рельефом, изображающим сидящую женщину с двумя маленькими фигурами перед ней, обнаружена в 1962 г. Н.И. Сокольским³. При раскопках Т.Г. Шавыриной в 1979 г. было обнаружено два фрагмента надгробий: от одного сохранилась верхняя часть с акротерием, от другого — акротерий, рельеф с изображением заgrabной трапезы и верхняя часть расположенного ниже рельефа, на котором видна голова одной из фигур; надписи, если они были, находились на несохранившихся частях надгробий⁴. Наконец, еще одна полностью сохранившаяся стела была

¹ Благодарю Н.И. Судареву за предоставление мне права на изучение и издание этой надписи, а также за ценное обсуждение текста этой статьи. Опубликованные здесь иллюстрации сделаны с трехмерных моделей стелы, подготовленных Ю.М. Свойским, А.П. Гирич и А.В. Зайцевым; обмеры проведены А.В. Зайцевым.

² Desyatchikov et al. 1984, 89; Bonin 2012; 2014.

³ Sokolsky 1962, 107, без фотографии; *SEG* 45, 989.

⁴ Shavyrina 1979, рис. 26, 27.

недавно обнаружена в ходе грабительских раскопок — на ней имеется рельеф, изображающий всадника, надпись отсутствует (возможно, она была нанесена краской)⁵. Кроме того, следует упомянуть краснолаковую тарелку с длинным граффито, найденную в одной из могил некрополя при грабительских раскопках⁶. В надписи упоминаются греческие имена Φάννας, Χαρίτων, Περιγένης, адаптированное в греческом малоазийское имя Αβας и впервые засвидетельствованное имя неизвестного происхождения Ταζωνς.

Публикуемая здесь стела изготовлена из светло-желтого плотного известняка, имеет прямоугольную форму; в нижней части находится выступ для установки стелы на основание. Ее высота 106.5, ширина 51.9, толщина 11.5–12.3 см; в нижней части она толще. Нижний выступ имеет высоту 15.5 (слева) — 16.8 (справа) см и ширину 33.1–34.7 см, в нижней части он сужается. Лицевой и оборотный фасы стелы заглажены, боковые и верхний довольно аккуратно обработаны троянкой, следы которой на них хорошо заметны; видны они и на оборотном фасе. Нижний фас опилен. Стела расколота на две части.

Стела была использована в качестве надгробия дважды. При первом использовании на лицевой стороне была сделана ниша, внутри которой был расположен рельеф (рис. 1). Ее верхняя рамка (ширина 19.7 см) оформлена в виде фронтона с двумя боковыми акротериями и розетками. Размеры ниши: 40.7 (справа) — 41.0 (слева) x 37.6 (наверху) — 38.5 (внизу) см. Глубина поля рельефа: 4.0–4.5 см. Ширина рамки справа 7.1–7.4, слева 6.0 см. Расстояние от нижнего края ниши до низа стелы (не считая выступа) составляет 30.2–30.7 см.

При вторичном использовании рельеф в нише и на фронте был сбит, но его очертания на камне можно разглядеть. Рельеф, расположенный в нише, изображал сидящую женскую фигуру с предстоящей слева небольшой фигурой, очевидно, изображавшей служанку с пиксидой или другим сосудом. Сидящая фигура в высоту занимает все поле рельефа (39.1 см), высота фигуры служанки 19.7 см. Такая иконографическая схема довольно часто встречается в женских изображениях на боспорских погребальных рельефах I–II вв. н.э.⁷ Очень близкая аналогия этому надгробию, включая расположение фигур на рельефе и оформление фронтона в верхней части, была обнаружена на некрополе Фанагории в 2003 г.⁸ На этом рельефе, как и на нашем, надпись не сохранилась. Возможно, она была сделана краской. Оба рельефа, из Фанагории и из Каменной батарейки, можно датировать I–II вв. н.э. Фанагорийская стела была использована вторично — она закрывала вход в склеп, датирующийся началом II в. н.э. (Н.И. Сударев, *per litteram*); следовательно, обе стелы можно предположительно датировать I в. н.э. Впрочем, сохранность рельефа с Каменной батарейки не позволяет судить о стиле рельефа.

После уничтожения рельефа на лицевой стороне стелы на ее оборотную сторону была нанесена новая надпись (рис. 2; 3). При этом она наносилась небрежно,

⁵ Благодарю Н.И. Сударева за фотографию этого памятника и информацию о его находке, а также за копии неопубликованных отчетов Сокольского и Шавыриной.

⁶ Zavoynina 2019, с чтением по неточной прорисовке; исправленное чтение и фотографии см. Belousov et al. 2021, 109–112.

⁷ Kreuz 2012, *passim*, особ. 209–230, 337–338.

⁸ Sudarev 2010, 452–453, рис. 29, с ошибочной датировкой IV–III вв. до н.э.

Рис. 1. Лицевая сторона стелы со сбитым рельефом

поверх уже частично оббитой и поврежденной поверхности стелы, и эта поверхность не была предварительно подготовлена к нанесению надписи. Это делает невероятным предположение о том, что надпись на лицевой стороне была сбита, а затем поверхность была заглажена так аккуратно, что на ней не осталось следов сбитой надписи: лицевая поверхность обработана значительно лучше оборотной, что в таком случае вряд ли было бы возможно.

Поле надписи на обороте стелы имеет размеры 44.6 x 46.5 см. Левое поле составляет 3.6, правое 1.8 см. Надпись находится в верхней части стелы, расстояние от последней строки до низа плиты 29.7 см. Буквы вырезаны глубоко, но небрежно, неровно и неуверенно, очевидно, не профессиональным резчиком. Перед нанесением букв резчик провел на камне горизонтальные линии, которые должны были ограничить строки, однако проведены они неровно, явно не по линейке, а от руки, и не параллельны друг другу, а значительно расходятся слева направо. Соответственно, например, в первой строке размер букв варьирует от

Рис. 2. Обратная сторона стелы с надписью. 1 — рендер с трехмерной модели с текстурой; 2 — рендер с трехмерной модели без текстуры

3.3 см слева до 4.3 см справа. При этом строчки не горизонтальны, а довольно сильно, но в разной степени, завалены вправо. Размер букв в надписи от 2.5 до 5.0 см. Расстояния между строками тоже неодинаковые — от 3.5 до 5.8 см. В надписи используются курсивные формы букв — альфы, сигмы, эпсилон, омеги. Перекладина альфы в большинстве случаев соединяет нижний конец левого штриха с серединой правого, однако иногда соединяется с левым штрихом выше. Пси имеет форму креста. Слова в строках 3 и 4 разделены пропусками, однако переносы слов широко практикуются. Шрифт позволяет датировать надпись второй половиной II — первой половиной III в. н.э.

Первая строка размечена небрежно проведенными горизонтальными линиями, однако в ней написана только буква тау. Буква написана на расстоянии 6.6 см от

Τ
 ΑΠΟΛΛΩΝΙ
 ΟΣ ΟΜΨΑΛΑ
 ΚΟΥ ΠΑΤΑΣΥ
 ΛΦΩ; ΑΝΕΣΤΗ
 ΣΑΔΔΕ ΑΝΕΣΤΗ
 ΣΑΜΝΗΜΗΣΧΑ
 ΡΙΝ

Рис. 3. Прорисовка надписи на оборотной стороне стелы

верхнего края стелы. Расстояние до второй строки — 6.2 см. Видимо, это фальстарт: резчик ошибочно написал первую букву, а затем предпочел не делать исправления, а начать текст с новой строки.

В пятой строке у резчика возникло несколько проблем с написанием текста. Сначала он по ошибке написал лишнюю альфу перед словом ἄδελφῷ, а затем пропустил в этом слове три последние буквы. Заметив ошибку, он написал их над строкой, благо расстояние между четвертой и пятой строками это позволяло.

Текст читается следующим образом:

- Τ *vac.*
 ΑΠΟΛΛΩΝΙ
 ΟΣ *vac.* ΟΜΨΑΛΑ
 ΚΟΥ *vac.* ΠΑΤΑΣΥ
 5 ΣΑΔΔΕ^{ΛΦΩ}ΑΝΕΣΤΗ
 ΣΑΜΝΗΜΗΣΧΑ
 ΡΙΝ *vac.*
 {Τ} *vac.*
 Ἀπολλώνι-
 ος *vac.* Ομψαλα-
 κου *vac.* Πατασυ-
 5 ς {Α} ἄδελφῷ ἀνέστη-
 σα μνήμης χά-
 ριν *vac.*

Аполлоний, сын Омпсалака. Патасий поставил для брата ради памяти.

Наибольший интерес в этой надписи представляют имена. Погребенный носит имя Аполлоний — одно из самых распространенных как в греческом мире вообще, так и на Боспоре в частности.

Отца двух братьев зовут Омпсалак. Это имя хорошо известно в Северном Причерноморье, где оно засвидетельствовано надписями I—III вв. н.э. из Ольвии (*IOSPE* I², 39; 103; 106; 175; 208b; 227; *HO* 52, в *IOSPE* I², 208b с уменьшительным суффиксом *Ομψαλακίων*), Неаполя Скифского (*IOSPE* I², 669 = *SEG* 44, 662) и Боспора — Пантикапея (*КБН* 61; 478; 479), Феодосии (*КБН* 947), Танаиса (*КБН* 1260; 1262, три разных лица; 1264; 1282; 1285) и Горгиппии (*SEG* 29, 705). Его иранское происхождение сомнений не вызывает по той причине, что оно оформлено обычным иранским суффиксом -ak, как отметил Л. Згуста⁹. Оно принадлежит к числу довольно многочисленных сарматских имен, использовавшихся в первые века нашей эры жителями Ольвии и Танаиса и, в меньшей мере, других боспорских городов. Хотя его иранская принадлежность очевидна, конкретной этимологии отметивший этот факт Згуста не предложил, а его предшественники — К. Мюлленхофф, М. Фасмер, В.И. Абаев, изучавшие иранские имена из причерноморских надписей, также таких объяснений не дали и это имя не рассматривали. Ключ к его объяснению дает фиксация имени в несколько отличающейся форме в двух надписях из Ольвии (*IOSPE* I², 103; *HO* 52), упоминающих одно и то же лицо: *Ουαμψαλαγος Σωκράτους*. Гамма в этой фиксации имени отражает озвончение *k > g*, широко представленное в сарматских именах первых веков нашей эры, образованных с помощью суффикса -ak, -āk; в результате этого процесса в осетинском суффикс получил форму -æg, -ag¹⁰. В надписях представлены формы имен как с *k*, так и с *g*, причем нередко одно и то же имя фиксируется в обеих формах. Очевидно, речь идет о двух диалектах сарматского языка — более консервативном, в котором *k* сохранялось дольше, и развивавшемся быстрее, в котором озвончение произошло раньше. Имя *Ομψαλακος* / *Ουαμψαλαγος*, таким образом, засвидетельствовано в двух диалектных формах.

Транскрипция имени *Ουαμψαλαγος* свидетельствует о том, что его иранская форма начиналась на *va-*. В передаче других сарматских имен в греческих надписях отмечаются аналогичные колебания: иранское *va-* передается не только как *οα-*, но и как *οα-* и *ο-* в производных от **vārz-* «любить» и **vahu-* «добро»: *Ουαρζβαλος* (*IOSPE* I² 91), *Οαροζβαλακος* (*КБН* 1264) < **Vārz-bāl(ak)*, «любящий военный отряд»; *Ουαστοβαλος* (*КБН* 1282) < **Vā(r)št-bāl*, «любимый военным отрядом» и *Ουαχωζακος* (*IOSPE* I² 86), *Οχωζιακος* (*КБН* 1287), *Οχωδιακος* (*КБН* 1279, 1280, 1282) < **Vahu-ad(i)yaka-*, «повеления которого — благо»; *Οχοαρζακος* (*КБН* 1242) < **Vahu-vārz-ana-*, «любящий добро»¹¹. Основываясь на этом, С.Р. Тохтасьев убедительно объясняет имя *Ομψαλακος* / *Ουαμψαλαγος* как передачу иранского **Vam-sal-ak/g* < др.-иран. **Vahma-saryaka-*, «связанный обетом», с характерным для сарматского и осетинского переходом **l < *ry*¹². Второй

⁹ Zgusta 1955, 199, § 315.

¹⁰ Abaev 1979, 330, с примерами. Ср. Palunčič 2019, 319—323.

¹¹ Abaev 1979, 307—308; Zgusta 1955, 130—131; Tokhtasiev 2013, 595, 597—598.

¹² Tokhtasiev 2005, 103—105; 2013, 597.

компонент этого имени в другом диалектном оформлении, без сарматского перехода, сохранился в имени позднескифского царя II в. до н.э. из Добруджи Σαριαχου (*IGBulg V 5003*)¹³. Переход в греческом -μσ- > -μψ- в заимствованных именах хорошо известен и многократно засвидетельствован начиная с Геродота¹⁴. Известен он и в сарматских именах, использовавшихся на Боспоре. Например, имя боспорского царя начала IV в. Ραδαμσαδιος (< *Fratama-šyāti-), засвидетельствованное в такой форме монетными легендами и надписью *КБН 65*, в другой надписи передано как Ραδαμψ[αδιος (*КБН 66*); имя Ραδαμψων, упомянутое в нескольких ольвийских надписях (*IOSPE I*², 80; 105; 175; 228; *SEG 43*, 506, возможно, одно лицо), видимо, является гипокористиком того же имени.

Имя Αμψαλακος, принадлежавшее мастеру, изготовившему серебряную чашу из сарматского кургана I в. н.э. Косика¹⁵, Ю.Г. Виноградов считал графическим вариантом того же имени, однако С.Р. Тохтасьев дал ему другую этимологию: от *Ама-saryaka- или *Нама-saryaka-¹⁶. Согласно этой интерпретации второй элемент имени совпадает со вторым элементом имени Ομψαλακος, а первый следует объяснять из *ама- «сила» или как префикс *ham- (= осет. æm-). Обе этимологии возможны, и объяснение Виноградова также нельзя исключать: случаи передачи начального va- альфой в сарматских именах иногда встречаются, например в имени Αταμαζας / Ατταμαζας, многократно засвидетельствованном в Горгиппии (*КБН 1167*; 1175; 1179; 1190; 1231; 1232; 1288; *SEG 49*, 1033C). Это имя сопоставляется с именем из осетинского нартовского эпоса Асæтæз < *vāša-maza-, в котором наблюдается характерное для осетинского спорадическое отпадение v- в начале слов¹⁷.

Имя Ομψαλακος — одно из самых распространенных сарматских имен, встречающихся в причерноморских надписях: в перечисленных выше текстах упомянуто по меньшей мере 16 разных человек, носивших это имя (без учета Αμψαλακος из Косики); наша надпись упоминает семнадцатого. Одна из таких фиксаций, причем, вероятно, одна из ранних, если не самая ранняя, датируемая I в. н.э., происходит не из греческих городов, а из Неаполя Скифского, в это время находившегося под контролем сарматов. К сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент первых двух строк надписи: [- - -].λεὺς Χωδ[- - -] / [- - - Ομψαλακου [- - -]¹⁸. В.В. Латышев, впервые опубликовавший эту надпись по рисунку (*IOSPE I*² 669), предлагал в первой строке восстановление [- - -βασι]λεὺς Χωδ[αρχος - - -], которое было принято большинством исследователей и на основании которого Д.С. Раевский и Ю.Г. Виноградов¹⁹ предполагали, что Ходарз и Омпсалак были представителями или родоначальниками сарматской династии, правившей в крымской Скифии начиная с эпохи правления Аспурга на Боспоре. Однако сам Латышев, ознакомившись с эстампажем надписи, отказался от прежнего восстановления, поскольку

¹³ Ср. Tokhtasiev 2005, 103–105.

¹⁴ См., например, Lejeune 1955, 132 = Lejeune 1972, 132.

¹⁵ Vinogradov 1994, 156–157; *SEG 44*, 660, ср. Braund 1994, 310–311.

¹⁶ Tokhtasiev 2005, 103–104; 2013, 597.

¹⁷ Abaev 1979, 307, 328–329.

¹⁸ Makarov 2017, 68–69, № 7, со ссылками на предыдущие издания и комментарии.

¹⁹ Raevsky 1973, 118; Vinogradov 1994, 155.

сохранившаяся на сколе нижняя часть штриха не могла принадлежать иоте, а только нижней части наклонной галлы альфы или лямбды (*SEG* 3, 605); это наблюдение было подтверждено затем автопсией Э.И. Соломоник и И.А. Макарова²⁰. Соответственно, здесь следует читать -λλευς или -αλευς, и наиболее вероятным (хотя не единственно возможным) является восстановление личного имени Ἀχιλλεύς, чрезвычайно широко распространенного в Северном Причерноморье; это восстановление и было предложено Латышевым.

Таким образом, предположение о том, что Омпсалак, упомянутый в неапольской надписи, был сарматским царем, правившим в I в. н.э. в Крыму, не подтверждается текстом надписи. Впрочем, учитывая редкость надписей позднего времени в Неаполе (для I—III вв. известно только два фрагмента) и высокое качество исполнения надписи, можно предполагать, что все же речь идет о лице высокого статуса, возможно и о царе. Конечно, это только гипотеза, не подтвержденная достаточными аргументами, но если она верна, то, возможно, именно это объясняет особую популярность имени «Омпсалак» среди жителей Ольвии и Боспора, эллинизированных, но сохранявших память о своем сарматском происхождении: они могли называть своих детей в честь знаменитого соплеменника.

Имя второго сына Омпсалака Πατασιος, как и имя Аполлония, — не иранское. Это имя в такой форме встречается впервые, однако в другом оформлении, Πατασιου, засвидетельствовано один раз в надписи I в. до н.э. из Пантикапея (*КБН* 270)²¹. Имя Πατασιος Д. Дечев²² и вслед за ним ряд исследователей считали фракийским, однако эта атрибуция была опровергнута Г. Михайловым²³, и во фракийский ономастикон Д. Дана²⁴ оно не включено. М. Фасмер²⁵ считал его иранским без объяснений, однако эта атрибуция, кажется, никем поддержана не была. Л. Згуста²⁶ оставляет его без объяснения и языковой атрибуции. Убедительное объяснение ему дал С.Р. Тохтасьев²⁷: он показал, что имя Πατασιος заимствовано из египетского *p3dj3s.t* = копт. ΠΑΤΗΣΕ²⁸, «данный Изидой». Это имя в греческих папирусах передается с вариациями α / ε в первых двух гласных (реже η для второго гласного), что вообще характерно для папирусных фиксаций египетских личных имен и топонимов и объясняется особенностями фонетики египетского языка эллинистической и римской эпох²⁹; оформление основы при этом очень разнообразно. Засвидетельствованы формы: Πατασιέ, Πατασιίς, Πατασιῆς,

²⁰ Solomonik 1962, 35; Makarov 2017, 68, см. также фотографию на рис. 7, где это отчетливо видно.

²¹ Фиксация имени Πατασιου в надписи *КБН* 352 из Пантикапея ненадежна, ср. фотографию в CIRB-Album, где это имя вообще неразлично. Если оно действительно стоит в этой надписи, это еще одно свидетельство того же имени.

²² Detschew 1957, 376.

²³ Mihailov 1968, 42–43.

²⁴ Dana 2014.

²⁵ Vasmer 1923, 48.

²⁶ Zgusta 1955, 314, § 692.

²⁷ Tokhtasiev 1992, 187–188.

²⁸ Ranke 1935, 121, No. 18.

²⁹ Gignac 1976, 278–286.

Πατήσις, Πετασοῦς, Πετесо, Πετесоῦ, Πετέσσειος, Πετέσιος, Πετесеῦς, Πετεοῖς, Πετεσοῦς, Πετήσιος, Πετήσις³⁰. Таким образом, в папирусах встречаются оба зафиксированных на Боспоре оформления основы этого имени: -ιος (Πετέσσειος, Πετέσιος) и -υς (Πετесоῦς). Само имя, по-видимому, проникло на Боспор в результате довольно интенсивных связей с птолемеевским Египтом, начавшихся еще в III в. до н.э.³¹ Ко II–III вв. н.э., когда была составлена данная надпись, оно скорее всего уже было полностью адаптировано в греческой среде и вряд ли ощущалось как иностранное.

Таким образом, житель сельского поселения у Каменной батареи, который носил сарматское имя Омпсалак, дал двум своим сыновьям греческие имена Аполлоний и Патасий; последнее из них египетского происхождения, но скорее всего ощущалось как обычное греческое имя. Это, разумеется, вовсе не обязательно отражает стремление сармата избавиться от варварского имени и назвать своих сыновей на греческий лад: и в Ольвии, и в Танаисе немало примеров не только носителей греческих имен с сарматским патронимом, но и наоборот — сарматских имен с греческим патронимом (один из примеров, Ουαμψαλαγος Σωκράτους, приведен выше). Очевидно, в семьях сарматского происхождения сарматские имена, наряду с греческими, сохранялись и передавались от деда к внуку (что обычно для греческой среды).

Надпись свидетельствует о том, что эллинизированное население сарматского происхождения присутствовало не только в греческих городах Северного Причерноморья (судя по всему, наиболее широко оно было представлено в Ольвии и в Танаисе), но и на сельских поселениях Боспора. В отличие от городских магистратов с сарматскими именами, упоминаемых в надписях Ольвии и Танаиса, Омпсалак, упомянутый в публикуемой надгробии, очевидно, не принадлежал к элите, а его семья занимала довольно скромное положение в обществе. Об этом говорит и вторичное использование для надгробия старой стелы, и то, что надпись на ней выполнена не профессионалом, а, вполне вероятно, самим поставившим ее Патасием, сыном Омпсалака. Несмотря на вероятное сарматское происхождение, он вполне уверенно владел письменным греческим языком и, очевидно, был эллинизирован в не меньшей мере, чем представители городской элиты Ольвии и Танаиса.

Литература / References

- Abaev, V.I. 1979: [Scythian and Sarmatian Dialects]. In: V.I. Abaev, M.N. Bogolyubov, V.S. Rastorgueva (eds.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskie yazyki* [The Basics of the Iranian Linguistics. Ancient Iranian Dialects]. Moscow, 272–364.
- Абаев, В.И. Скифо-сарматские наречия. В кн.: В.И. Абаев, М.Н. Боголюбов, В.С. Расторгуева (ред.), *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 272–364.
- Belousov, A.V., Eliseeva, L.G., Castelli, T. 2021: [Greek and Roman Inscriptions from the North Pontic Area. 2019]. *Aristey* [Aristeas] 23, 93–124.
- Белоусов, А.В., Елисеева, Л.Г., Кастелли, Т. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2019 г. *Аристей* 23, 93–124.

³⁰ Preisigke 1922, 285, 287, 316–318 s.v.; Foraboschi 1971, 71, 238, 250, 253–255, s.v.

³¹ См. об этом Vinogradov, Zolotarev 2000 с литературой.

- Bonin, A.V. 2012: [On the Chronology of Amphoras from the Destruction Layer of Fortifications on the Fontalovskiy Paeninsula]. In: A.A. Maslennikov (ed.), *Drevnosti Bospora* [*Bosporan Antiquities*]. Vol. XVI. Moscow, 9–23.
- Бонин, А.В. О хронологии амфор из слоя разрушения батареек Фонталовского полуострова. В сб.: А.А. Масленников (ред.), *Древности Боспора*. Т. 16. М., 9–23.
- Bonin, A.V. 2014: [Unfortified 'batareyki']. In: A.A. Maslennikov (ed.), *Drevnosti Bospora* [*Bosporan Antiquities*]. Vol. XVIII. Moscow, 73–87.
- Бонин, А.В. «Неукрепленные батарейки». В сб.: А.А. Масленников (ред.), *Древности Боспора*. Т. 18. М., 73–87.
- Braund, D. 1994: An Inscribed Bowl from the Volga Region: King Artheouazes and Ampsalakos. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 102, 310–312.
- Desyatchikov, Yu.M., Dolgorukov, V.S., Alekseeva, E.M. 1984: [Rural Area (Settlements near Phanagoria and Gorgippia)]. In: G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov (eds.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient States of the North Pontic Area*]. Moscow, 88–91.
- Десятчиков, Ю.М., Долгоруков, В.С., Алексеева, Е.М. Сельская территория (поселения в районе Фанагории и Горгиппии). В кн.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 88–91.
- Dana, D. 2014: *Onomasticon Thracicum. Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie*. (МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ, 70). Athènes.
- Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
- Foraboschi, D. 1971: *Onomasticon alterum papyrologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke*. Milano–Varese.
- Gignac, F.T. 1976: *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. I. *Phonology*. Milano.
- Kreuz, P. 2012: *Die Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich*. Leuven–Paris–Walpole (MA).
- Lejeune, M. 1955: *Traité de phonétique grecque*. 2e ed. Paris.
- Lejeune, M. 1972: *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris.
- Makarov, I.A. 2017: [Inscriptions of the Scythian Neapolis]. In: A.I. Ivantchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom* (III v. do n.e. – VII v. n.e) [*Crimean Scythia in the System of Cultural Connections Between East and West* (3rd Century BC – 7th Century AD)]. Simferopol–Moscow, 56–78.
- Макаров И.А. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского. В сб.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом* (III в. до н.э. – VII в. н.э.). Симферополь–М., 56–78.
- Mihailov, G. 1968: Les Thraces en Egypte. *Linguistique balkanique* 13/1, 31–44.
- Palunčič, F. 2019: Ossetic Historical Phonology and North-Eastern Iranian Anthroponomastics from the North Pontic Region 1st – 5th C. CE. In: P. Lurje (ed.), *Proceedings of the Eighth European Conference of Iranian Studies*. Vol. I. *Studies on Pre-Islamic Iran and on Historical Linguistics*. Saint Petersburg, 311–329.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnennamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mimienschildern usw) Ägyptens sich vorfinden*. Heidelberg.
- Raevsky, D.S. 1973: [To the History of the Relations Between the Greeks and the Scythians (2nd Century BC – 2nd Century AD)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 110–120.
- Раевский, Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.). *ВДИ* 2, 110–120.
- Ranke, H. 1935: *Die ägyptischen Personennamen*. Bd. I. Glückstadt.
- Shavyrina, T.G. 1979: *Otchet o rezul'tatakh rabot Zaporozhskogo otryada Tamanskoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1979 g.* [*The Report on the Results of the Work of Zaporozhskiy Section of the Taman Expedition of the IA AN SSSR*]. Moscow.
- Шавырина, Т.Г. *Отчет о результатах работ Запорожского отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г.* М.
- Sokolsky, N.I. 1962: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Tamanskoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1962 g.* [*The Report on the Archaeological Research of the Taman Expedition of the IA AN SSSR*]. Moscow.

- Сокольский, Н.И. *Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г.* М.
- Solomonik, E.I. 1962: [Inscriptions of the Scythian Neapolis]. *Numizmatika i Epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 32–44.
- Соломоник, Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского. *Нумизматика и эпиграфика* 3, 32–44.
- Sudarev, N.I. 2010: [The Necropolis and Burial Rites]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban]. Vol. II. Moscow, 418–472.
- Сударев, Н.И. Некрополи и погребальные обряды. В сб.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. М., 418–472.
- Tokhtasiev, S.R. 1992: [From the North Pontic Onomastics. II. Thracian Names on Bosporos]. In: A.K. Gavrilov, I.V. Kuklina, I.A. Levinskaya, A.A. Neykhardt, I.A. Shishova (eds.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [Essays on Ancient History and Culture of the North Pontic Region]. Saint Petersburg, 178–199.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре. В сб.: А.К. Гаврилов, И.В. Куклина, И.А. Левинская, А.А. Нейхардт, И.А. Шишова (ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 178–199.
- Tokhtasiev, S.R. 2005: [The Scythian Language Problematics in Modern Science]. In: V. Cojocaru (ed.), *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 59–108.
- Тохтасьев, С.Р. Проблема скифского языка в современной науке. В сб.: V. Cojocaru (ed.), *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 59–108.
- Tokhtasiev, S.R. 2013: [Iranian Names in the Olbian Inscriptions of the 1st–3rd Centuries AD]. In: S.R. Tokhtasiev, P.B. Lurie (eds.), *Commentationes Iranicae. Sbornik statey k 90-letiyu Vladimira Aronovicha Livshitsa* [Collected Papers to the 90-years Anniversary of Vladimir A. Livshitz]. Saint Petersburg, 565–607.
- Тохтасьев, С.Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. В сб.: С.Р. Тохтасьев, П.Б. Лурье (ред.), *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*. СПб., 565–607.
- Vasmer, M. 1923: *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven*. Bd.I. *Die Iranier in Südrussland*. Leipzig.
- Vinogradov, Yu.G. 1994: [An Essay on the Political and Military History of the Sarmatians in the 1st Century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 151–170.
- Виноградов, Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151–170.
- Vinogradov, Yu.G., Zolotarev, M.I. 2000: [The Divine Egyptian Triad in Chersonesus Tauricus]. In: V. Yu. Zuev (ed.), *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva* [ΣΥΣΣΙΤΙΑ. In memoriam of Yuriy V. Andreev]. Saint Petersburg, 284–294.
- Виноградов, Ю.Г., Золотарев, М.И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 284–294.
- Zavoykina, N.V. 2019: [Graffito from the Necropolis of Kamennaya Batareika Settlement]. *Hypanis. Trudy Otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN* [Hypanis. The Works of the Department of Classical Archaeology of the IA RAN] 1, 98–104.
- Завойкина, Н.В. Граффито из некрополя поселения «Каменная батарея». *Hypanis. Труды Отдела классической археологии ИА РАН* 1, 98–104.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Prag.

DOI: 10.31857/S032103910021374-4

КЕРАМИКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ХОР-ДАУД (ЕГИПЕТ) В СОБРАНИИ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА: НОВЫЕ ДАННЫЕ

А. А. Крол¹, С. Е. Малых², Ю. И. Костюкевич³

¹ НИИ и Музей антропологии имени Д. Н. Анучина Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия

² Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

³ Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

¹ E-mail: alexykrol@gmail.com ² E-mail: malyh2002@mail.ru ³ E-mail: Y. Kostyukevich@skoltech.ru

¹ ORCID: 0000-0002-5601-2890 ² ORCID: 0000-0002-2077-7285 ³ ORCID: 0000-0002-1955-9336

В статье публикуются и анализируются шесть керамических сосудов, найденные Нубийской экспедицией АН СССР в 1962 г. на памятнике Хор-Дауд (Южный Египет) и впоследствии переданные в коллекцию ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Четыре сосуда являются египетскими по облику и характерны для археологической культуры Нагада, другие два можно охарактеризовать как нубийские; датировка этой группы керамики вписывается в интервал Нагада ПВ–IIA (3600–3200 гг. до н.э.). Учитывая характер находок, памятник Хор-Дауд, входящий в ареал археологической культуры группы А, следует интерпретировать как торговую факторию, где производился обмен товарами, поступавшими из Египта, региона среднего течения Нила и Нубийской пустыни.

Ключевые слова: Древний Египет, Древний Судан, Нубия, Хор-Дауд, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Нубийская экспедиция АН СССР, естественнонаучные методы в археологических исследованиях

Данные об авторах. Алексей Александрович Крол – кандидат исторических наук, руководитель гранта Российского научного фонда № 22-28-00884 «Научное наследие Нубийской археологической экспедиции АН СССР 1961–1963 гг. и актуальные проблемы истории древней Нубии», старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова; Светлана Евгеньевна Малых – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН; Юрий Иродионович Костюкевич – доктор химических наук, старший преподаватель Сколковского института науки и технологий.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00884 «Научное наследие Нубийской археологической экспедиции АН СССР 1961–1963 гг. и актуальные проблемы истории древней Нубии».

CERAMICS FROM THE KHOR DAOUD ARCHAEOLOGICAL COMPLEX (EGYPT) IN THE COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS: NEW DATA

Alexey A. Krol¹, Svetlana E. Malykh², Yury I. Kostyukevich³

¹ *Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology
of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia*

² *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³ *Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia*

¹E-mail: alexykrol@gmail.com ²E-mail: malykh2002@mail.ru ³E-mail: Y. Kostyukevich@skoltech.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00884

The article publishes and analyzes six pottery vessels found by the Nubian Expedition of the Academy of Sciences of the USSR in 1962 at the site of Khor Daoud (Southern Egypt) and subsequently transferred under the agreement with the Egyptian government to the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. Four jars are Egyptian in shape and are typical for the Naqada culture; the other two can be characterized as Nubian; the dating of this group of pottery fits into the interval of Naqada IIB–IIIA (3600–3200 BC). Taking into account the nature of finds in Khor Daoud, which is located within the area of the Nubian A-Groups Culture, the site should be interpreted as a trading post where goods from Egypt, the region of the middle reaches of the Nile and the Nubian Desert were exchanged.

Keywords: Ancient Egypt, Ancient Sudan, Nubia, Khor Daoud, Pushkin State Museum of Fine Arts, Nubian Expedition of the Academy of Sciences of the USSR, natural science methods in archaeology

В 1960–1980 гг. в Арабской Республике Египет и Республике Судан проходила инициированная ЮНЕСКО кампания по спасению культурного наследия Нубии. Она была вызвана строительством Асуанского гидроузла и созданием искусственного озера Насер, под воды которого должна была уйти вся территория Нубии, расположенная в южной части Египта и северной части Судана. Участие в спасении памятников Нубии могло быть различным: от перечисления ЮНЕСКО денежных средств, оказания технической поддержки в осуществлении проектов по переносу древнеегипетских храмов, расположенных в зоне затопления, до проведения археологических раскопок и разведок.

Со стороны СССР в организации экспедиции в Объединенную Арабскую Республику участвовали два академических института: Институт археологии и Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Первоначально предполагалось, что экспедицию возглавит директор Института этнографии С. П. Толстов, однако затем начальником отряда советских исследователей было решено назначить Б. Б. Пиотровского, члена-корреспондента АН Армянской ССР, заведующего ленинградским отделением Института археологии¹.

¹ Krol 2021, 52.

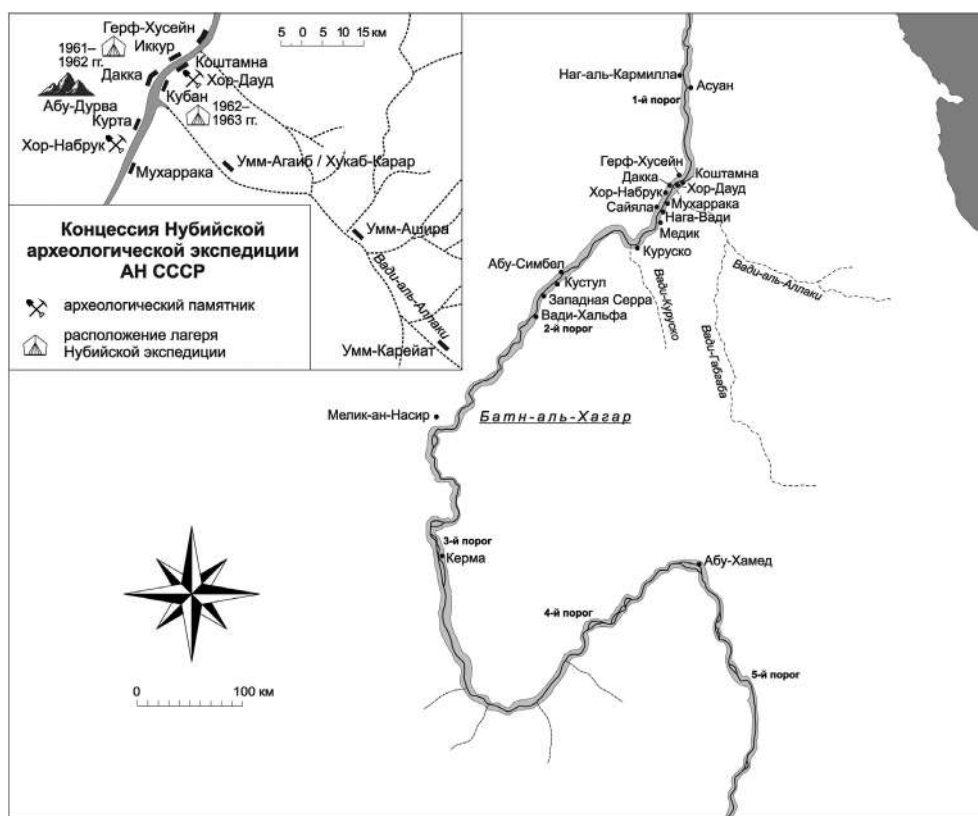

Рис. 1. Карта Нубии с планом участка работ Нубийской экспедиции АН СССР. Рисунок В.А. Пердерия, 2022

Выбор концессии для исследований советской экспедиции является заслугой Б.Б. Пиотровского. Хорошее знание материалов археологических исследований в Нижней Нубии, которые активно велись в ходе первой и второй спасательных кампаний в 1907–1912 и 1929–1933 гг., вызванных сначала постройкой, а затем надстройкой Асуанской плотины, и несколько поездок по Нубии в качестве представителя СССР в ЮНЕСКО убедили его в том, что наиболее перспективным участком для проведения раскопок может быть район от Коштамны до Мухарраки с центром в селении Дакка² (рис. 1). Действительно, этот участок Нижней Нубии был одним из наиболее интересных с археологической точки зрения.

Советская экспедиция работала в Нубии в течение двух сезонов (01.12.1961–31.03.1962 и 14.12.1962–16.04.1963). К числу наиболее важных достижений отечественных археологов стоит отнести раскопки некрополя культуры группы С в Хор-Набруке, эпиграфические работы в Вадии-аль-Аллаки и изучение археологического комплекса Хор-Дауд.

² Krol 2021, 68–70.

ХОР-ДАУД И КУЛЬТУРА ГРУППЫ А В НУБИИ

Археологический комплекс Хор-Дауд был обнаружен советскими исследователями на восточном берегу Нила, напротив плодородной долины с центром в нубийской деревне Дакка. На этой территории находился один из центров формирования и развития культуры группы А (КГА)³ — автохтонной культуры Нижней Нубии, существовавшей в период между 3800 и 2900 г. до н.э.

Наши знания относительно материальной культуры, экономики, социальной организации, религиозных представлений носителей КГА происходят прежде всего из раскопок некрополей. О поселениях КГА в северной части Нижней Нубии известно мало, так как эта территория исследовалась по преимуществу в ходе первых двух спасательных кампаний, когда поселения из-за недостатка времени не раскапывались⁴.

Археологами до настоящего времени было изучено 126 некрополей КГА, приблизительно 3000 погребений⁵. Наибольшее количество из них было раскопано в 1907—1912 гг. в ходе первого Археологического исследования Нубии, вызванного строительством Асуанской плотины. В этот период была изучена территория между Шеллялем и Вади-ас-Себуа, которая попадала под затопление. Наиболее интересные находки археологи сделали на «царских» некрополях 137 и 142 в Сайяле в долине Дакки. В могиле 1 некрополя 137 исследователи обнаружили две грушевидных булавы из розового кварца, деревянные рукояти которых покрывали золотые кожухи. На одном из них были изображены животные и птицы. Помимо них в могилах были найдены палетки, египетская и нубийская керамика, бусы и т.д.⁶ Могила 1 относится к периоду Нагада IIIA1 (или даже Нагада IID)⁷. Большое количество некрополей КГА было раскопано в период между 1929 и 1934 г. когда в Нубии проводились археологические исследования на территории между Вади-ас-Себуа и суданской границей в связи с увеличением высоты Асуанской плотины⁸.

Дальнейшее накопление знаний о КГА связано со спасательными археологическими работами, инициированными ЮНЕСКО в зоне затопления озера Насер в 1960-е годы, в период строительства Высотной Асуанской плотины. Нубийская экспедиция Восточного института Чикагского университета под руководством К.С. Сиила в 1962—1964 гг. в Кустуле исследовала «Некрополь L», где захоронены вожди КГА, их семьи и челядь. Небольшой по размерам некрополь состоял из 33 погребений, включая 7 захоронений крупного рогатого скота. На основании египетской керамики и других находок, происходящих из Египта, некрополь L

³ Gatto 2006a, 224. Название было дано Дж.Э. Рейснером, руководителем первого Археологического исследования Нубии (Reisner 1910, 5—6).

⁴ К настоящему времени изучено не более 40 поселений КГА и лишь на трех из них были обнаружены какие-то постоянные конструкции (Adams 1977, 124). По мнению Б. Триггера, изученные в ходе спасательных кампаний поселения КГА были временными, сезонными. В них проживало не более сотни людей; стенами домов были маты, крепившиеся на деревянные столбы» (Trigger 1965, 97—98).

⁵ Gatto 2006b, 62.

⁶ Firth 1927, 205—207.

⁷ Jiménez-Serrano 2003, 262.

⁸ Steindorff 1935; 1937.

датируется периодом Нагада III А (ок. 3300 до н.э.), а могила № 24 — Нагада IIIВ — 0 (Нулевой) династией (ок. 3100 до н.э.)⁹. Значительный вклад в изучение КГА внесли раскопки Скандинавской объединенной экспедиции (СОЭ), в которую входили ученые из четырех стран (Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция). СОЭ исследовала пять некрополей и пять поселений КГА на территории в 60 км вдоль Нила к югу египетско-суданской границы до Гамаи в районе Второго порога¹⁰.

Основой хронологии КГА являются египетские вещи (прежде всего керамика), найденные в погребениях¹¹. В настоящее время считается, что существование КГА в Нижней Нубии, согласно периодизации культуры Нагада С. Хендрикса, охватывает период между Нагада IC (ок. 3800—3700 до н.э.) и Нагада IIIВ—С (ок. 3100—2900 до н.э.)¹². Принято предложенное Х.-А. Нордстрёмом деление всего периода существования КГА на три фазы: раннюю, среднюю и завершающую¹³.

Памятники КГА расположены вдоль Нила от Кубанийи (в 10 км к северу от Первого порога) до Мелик-ан-Насира (в 100 км к югу от суданско-египетской границы) и концентрируются в трех регионах: между Герф-Хуссейном и Медиком в долине Дакки; в районе Куруско; между Абу-Симбелом и Мелик-ан-Насиром¹⁴. Есть основания считать, что следы присутствия КГА были обнаружены в Центральном Атбае и в Ливийской пустыне¹⁵. Что же касается именно памятников раннего периода этой культуры, то они концентрируются прежде всего в регионе Дакка — Сайяла. Из 34 памятников, относящихся к КГА, 16 датируются ранней фазой культуры¹⁶.

Особенностью района Дакки — Сайялы была широкая аллювиальная долина, сформированная дельтой Вади-аль-Аллаки. Наличие плодородной почвы позволяло выращивать сельскохозяйственные культуры в объеме, достаточном для того, чтобы прокормить сравнительно большое количество людей. Долина представляла условия и для занятий животноводством¹⁷. Кроме того, расположенное рядом сухое русло Вади-аль-Аллаки открывало доступ к золотоносным жилам Нубийской пустыни и позволяло обмениваться товарами с кочевниками¹⁸. Подобные условия были редкостью для Нубии, где либо скалы, либо пески Ливийской и Западной пустынь подступали вплотную к реке. Именно здесь, на территории советской археологической концессии 31 декабря 1961 г. в 600 м от правого берега Нила и был обнаружен памятник Хор-Дауд.

Этот археологический комплекс расположен по двум сторонам хора — мелкой ложины (глубиной в среднем около полуметра), тянущейся с юга на север¹⁹.

⁹ Williams 1987.

¹⁰ Nordström et al. 1972.

¹¹ Gatto 2006b, 66–67.

¹² Gatto 2006b, 67.

¹³ Nordström et al. 1972, 28–32.

¹⁴ Gatto 2006b, 64.

¹⁵ Sadr et al. 1998, 207–210; Gatto 2001–2002, 58–59.

¹⁶ Gatto 2006a, 224.

¹⁷ Trigger 1965, 14.

¹⁸ Jiménez-Serrano 2003, 257.

¹⁹ Merpert, Bolshakov 1964, 83.

Общая площадь памятника составляла более $\frac{3}{4}$ гектара. Вскрытие и фиксация производились по квадратам размерами 5 x 5 м. Сам процесс раскопок был сравнительно прост: квадраты последовательно очищались от наносного серо-желтого сыпучего песка, в подстилающем его красно-коричневом материковом песке выявлялись ямы и котлованы, которые потом исследовались²⁰.

Особенностью памятника было то, что в Хор-Дауде не было обнаружено никаких следов культурного слоя в обычном понимании этого термина. Как верхний слой наносного, так и слой подстилающего песка были абсолютно стерильны. Не было не только мелких обломков сосудов, костей и следов сооружений, но даже зольных пятен.

Важно, что ямы образовывали ряд скоплений, разделенных пустым пространством. Внутри же скоплений выделялись группы ям, иногда достаточно четкие и организованные²¹. По всей площади археологического комплекса одновременно с хозяйственными ямами были вырыты неглубокие котлованы. Всего на раскопанной площади было расчищено 39 котлованов различной величины и глубины, площадью от 2–3 м² до 30 м². Исследователи комплекса не нашли объяснения их назначению²².

Ямы для исследуемого памятника являлись основным и наиболее характерным видом сооружений. Всего на площади, протянувшейся более чем на 200 м с севера на юг и на 150 м с запада на восток, было выявлено 578 ям. Большинство ям были пустыми, и лишь в 65 из них было обнаружено в общей сложности 108 глиняных сосудов. Помимо керамики в некоторых ямах были найдены каменные орудия: кремневые вкладыши для серпа (ямы 27 и 33), два кремневых ножа (ямы 13а и 15а), кремневый скребок (яма 27), два кремневых отщепа и один обсидиановый (яма 28а), кремневый отщеп (яма 24), каменная палетка (яма 3а), а также обломок медного долота (яма 15а), обломки страусинового яйца со следами процарапанных рисунков (яма 24а), половина браслета из слоновой кости (яма 6). В сосуде в яме 30 было найдено 344 глиняных бусины, из которых 185 законченных и 159 – заготовок²³. Кроме того, в ямах были обнаружены и органические остатки: зерно (яма 34), плоды пальмы дум, косточки плодов финиковой пальмы, плоды сиддера²⁴. Некоторые ямы были целиком наполнены вещами. В то же время нет никаких оснований связывать эти ямы с могильными сооружениями. Ни человеческих костей, ни каких-либо других следов погребений не было встречено ни разу. Да и места для погребений в ямах не было²⁵.

Н.Я. Мерперт и О.Г. Большаков отметили хронологическое единство памятника, единообразие состава находок на всех раскопанных участках²⁶. В статье, посвященной Хор-Дауду в сборнике «Древняя Нубия», исследователи памятника высказали предположение о том, какова была функция комплекса. По их

²⁰ Merpert, Bolshakov 1964, 85.

²¹ Merpert, Bolshakov 1964, 118.

²² Merpert, Bolshakov 1964, 129.

²³ Merpert, Bolshakov 1964, 166–174.

²⁴ Merpert, Bolshakov 1964, 175.

²⁵ Merpert, Bolshakov 1964, 85.

²⁶ Merpert, Bolshakov 1964, 175.

мнению, Хор-Дауд теснейшим образом был связан с жизнью раннединастического поселка, располагавшегося в «зеленой полосе» Нила. Население этого поселка вело смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Поля располагались на западном берегу Нила; на восточном же берегу, изрезанном многочисленными вади, ныне сухими, а в древности живыми руслами, по берегам рек и ручьев выпасался скот. На путях к этим пастбищам и находился Хор-Дауд, являвшийся хозяйственной периферией поселения²⁷.

По мнению Б.Б. Пиотровского, разведение скота было основой хозяйственной деятельности поселения Хор-Дауд. Советский ученый считал, что «характер самого поселения в Хор-Дауде и находок в нем дает основание предположить, что оно было поселением скотоводов, свозивших сюда молоко для переработки перед транспортировкой его на другой берег Нила, где находились основные поселения. Такие поселения обычны в хозяйстве с отгонной системой скотоводства, для них характерны и хранилища в форме ям»²⁸. При этом, однако, Б.Б. Пиотровский отмечал, что «среди органических остатков не было найдено ни одной кости животного». Косвенно в пользу предложенной интерпретации, по мнению исследователя, свидетельствуют изображения на скале на левом берегу Нила между Герф-Хусейном и Западной Коштамной трех лодок, людей и животных²⁹.

С критикой этого тезиса советского ученого выступил известный исследователь древностей Нубии У. Адамс. По его мнению, упомянутые изображения не связаны с поселением в Хор-Дауде и, скорее всего, датируются другим периодом³⁰. Адамс считал, что вся дискуссия относительно роли скота в хозяйственной деятельности КГА является классическим примером марксистской диалектики, основывающейся в первую очередь не на эмпирических данных, а на предполагаемом сходстве с ранними этапами становления классового общества в Месопотамии. Подобная аналогия возможна лишь в рамках жесткой механистической теории эволюционного параллелизма, которая является одной из основополагающих доктрин марксистской идеологии. По мнению ученого, в стране, где в 3200 г. до н.э. засушливый климат мало чем отличался от сегодняшнего, предполагать производство молочных продуктов почти в коммерческом масштабе можно лишь при полном игнорировании экологических условий. Гипотеза Пиотровского представлялась Адамсу «триумфом идеологии над здравым смыслом»³¹.

Х.-А. Нордстрёмом были найдены не прямые доказательства того, что в КГА животноводство существовало³². Тем не менее, сам шведский археолог также выступил с критикой гипотезы Пиотровского. По мнению Нордстрёма, идея советского ученого о том, что в Хор-Дауде находилась «молочная ферма», не основывается ни на каких прямых археологических свидетельствах, будь то данные из Нижней Нубии в целом или из самого Хор-Дауда. Импортная египетская керамика, кремневые орудия, фрагмент медного долота, зерна пшеницы и ячменя,

²⁷ Merpert, Bolshakov 1964, 177.

²⁸ Piotrovsky 1964, 12.

²⁹ Piotrovsky 1964, 12–13.

³⁰ Adams 1977, 126.

³¹ Adams 1977, 126.

³² Nordström et al. 1972, 24.

отсутствие какого-либо культурного слоя, очагов — все указывает на то, что Хор-Дауд был местом, где люди встречались для обмена товарами. Эту точку зрения Нордстрём подкрепил тем аргументом, что Хор-Дауд расположен в плодородном регионе долины Дакки, недалеко от устья Вади-аль-Аллаки. В Хор-Дауд могли приходить для обмена товарами скотоводы-кочевники, жившие между Нижней Нубией и Красноморскими горами³³. Эту точку зрения поддерживает и М. Гатто, которая считает, что обмен с номадами, возможно, находился в руках торговцев-египтян, которые постоянно жили в регионе³⁴. Также, по мнению Х.-А. Нордстрёма, археологический комплекс в Хор-Дауде был связан с торговыми отношениями между КГА и культурой Нагада³⁵.

На наш взгляд, резкая критика гипотезы Пиотровского связана отчасти с тем, что зарубежные египтологи в своих суждениях основывались лишь на небольшой публикации руководителя советской экспедиции в книге «Раскопки в Нубии в 1961—1963 гг.», изданной Службой древностей Египта в 1967 г.³⁶, в которой приведено предельно краткое описание археологического комплекса Хор-Дауд. Далее следует достаточно безапелляционный вывод, согласно которому «характер самого поселения и сделанных при его раскопках находок подтверждает гипотезу о том, что Хор-Дауд был тем местом, куда скотоводы привозили молоко для переработки. После этого полученные продукты перевозили на противоположный берег Нила, где находилось основное поселение»³⁷.

Если бы на английский язык была переведена статья Н.Я. Мерперта и О.Г. Большакова, опубликованная в сборнике «Древняя Нубия» 1964 г., в которой содержится подробное описание памятника Хор-Дауд и сделанных во время его раскопок находок, это дало бы иностранными коллегами полную информацию для анализа комплекса, а сама научная дискуссия о функции Хор-Дауда была бы более продуктивной.

Уже в публикации 1964 г. Н.Я. Мерперт и О.Г. Большаков указывали, что памятники, подобные Хор-Дауду, известны в единичных случаях³⁸. За истекшие 60 лет археологами было обнаружено еще несколько схожих с ним комплексов. Исследования Восточного института Чикагского университета в Кустуле в сезоне 1962—1963 гг. выявили около 30 хозяйственных ям, относящихся к КГА, которые были сильно потревожены более поздним некрополем Q эпохи Культуры группы X (III—VI вв. н.э.)³⁹. Важно, что в Кустуле, как и в Хор-Дауде, рядом с ямами не были найдены остатки одновременного поселения или некрополя. В 1973 г. Объединенная экспедиция по изучению каменного века (Combined Prehistoric Expedition) под руководством Ф. Вендорфа в местности Бир-Сахара в Ливийской пустыне обнаружила две ямы с керамикой как культуры Нагада, так и КГА.

³³ Nordström et al. 1972, 26.

³⁴ Gatto 2006a, 228.

³⁵ Nordström et al. 1972, 68.

³⁶ Piotrovski 1967, 127—140.

³⁷ Piotrovski 1967, 131.

³⁸ Merpert, Bolshakov 1964, 176.

³⁹ Williams 1989, 105; Nordström 2014, 19.

М. Гатто, изучившая эти находки, предположила, что в Бир-Сахаре мог располагаться центр, где, подобно Хор-Дауду, происходил обмен товарами⁴⁰.

В результате раскопок на памятнике Наг-аль-Кармилла в 17 км к северу от Асуана было исследовано поселение и некрополь культуры Нагада, существовавшие в период между 3800 и 3600 г. до н.э. На плато, доминирующем над долиной, было выявлено несколько хозяйственных ям; это позволило М. Гатто предположить, что и в Наг-аль-Кармилле, и в Хор-Дауде хозяйственные ямы служили нуждам поселения, а не торговой фактории. Гатто считает, что хозяйственные ямы Хор-Дауда использовались жителями поселения, которое было обнаружено, но не раскопано С. Фёртом в сезоне 1909–1910 гг. рядом с нубийской деревней Дакка⁴¹. Исследовательница, однако, не объясняет тот факт, что поселение было расположено на западном, а хозяйственные ямы Хор-Дауда — на восточном берегу Нила и расстояние между ними было около 10 км.

Ближе никаких следов поселения не было найдено ни экспедицией под руководством Фёрта, ни во время работы У. Эмери и Л. Кирвана в районе Куббана, ни советскими археологами. Если бы археологический комплекс относился к близости расположенному поселению, его наверняка обнаружили бы в 1909, 1930 или 1961 году. Мы согласны с мнением Нордстрёма о том, что характер находок, сделанных советскими археологами при раскопках ям Хор-Дауда, не подтверждает гипотезу Пиотровского о «молочной ферме». Ближайшим к Хор-Дауду поселением было то, что обнаружил Фёрт на западном берегу. Но его повседневная жизнь не могла быть связана с хозяйственными ямами в Хор-Дауде, расположенными на приблизительно десятикилометровом удалении, да еще и на другом берегу.

Нам представляется обоснованным предположение Нордстрёма о том, что в Хор-Дауде происходил обмен между жителями долины Дакки и кочевниками Нубийской пустыни. В эпоху Древнего царства египетские экспедиции добывали в вади строительный камень, в Среднем царстве — медь, а начиная с периода Нового царства — золото. Устье вади имело стратегическое значение. Именно поэтому здесь в правление XII династии была возведена крепость. Вади-аль-Аллаки сохраняло свое значение пути коммуникации с населением Нубийской пустыни и красноморского побережья в греко-римский и средневековый период. Кочевники Нубийской пустыни могли пригонять по Вади-аль-Аллаки в долину скот. Другими востребованными товарами были золото, поделочные камни, красноморские раковины, страусиные яйца.

Новые данные об археологическом комплексе Хор-Дауд, которые позволят вернуться к вопросу о его функциональном назначении и уточнить время существования памятника, может дать публикация материалов Нубийской экспедиции, хранящихся в музейных и архивных собраниях России. По договору с правительством Объединенной Арабской Республики часть находок было разрешено вывезти в СССР; они (преимущественно керамика) были распределены между ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственным Эрмитажем.

⁴⁰ Gatto 2001–2002, 59.

⁴¹ Gatto 2020, 130; Firth 1915, 9–10, plan I. Ранее, правда, Гатто разделяла точку зрения Нордстрёма о том, что Хор-Дауд был местом обмена товаров.

КЕРАМИКА ИЗ ХОР-ДАУДА В СОБРАНИИ ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА

В коллекцию Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве было передано шесть керамических сосудов из раскопок Нубийской экспедиции АН СССР в Хор-Дауде⁴². Краткая информация о них, схематичные рисунки и выборочные фотографии прежде были опубликованы в статье Н.Я. Мерперта и О.Г. Большакова (1964 г.)⁴³ и в книге С.И. Ходжаш по древнеегипетским сосудам, вышедшей в Балтиморе в 2005 г.⁴⁴ и ставшей библиографической редкостью. Эти предметы экспонировались на выставке «Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила», проходившей в Государственном музее Востока в феврале – марте 2021 г.

За истекшие с момента находки сосудов 60 лет методы исследования археологической керамики заметно шагнули вперед и теперь позволяют получить больше информации о предметах, их способе изготовления и назначении. В данной статье публикуются результаты исследования шести керамических сосудов из Хор-Дауда с использованием современных методик, включая достижения естественных наук, а также пересматривается интерпретация комплекса Хор-Дауд. Это позволило выявить новые технологические особенности и в большинстве случаев уточнить датировку, предлагаемую в предыдущих публикациях, в том числе в недавно вышедшем каталоге выставки «Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила»⁴⁵.

КАТАЛОГ

1. Кувшин плоскодонный с двумя волнистыми ручками (рис. 2, 1; 3, 1).

Инв. № КП-276598, I, 1а 7819.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 70.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 2 (рис. 5, 1).

Датировка: период Нагада IIC–IID⁴⁶.

Сохранность: почти целый, отбита часть венчика; сильное загрязнение внутренней и внешней поверхности сосуда.

Размеры: диаметр венчика 10,7 см, диаметр донца 6,9 см, высота 23,6 см.

Способ изготовления: комбинированный, нижняя часть лепная, аккуратно сформована, венчик доработан на поворотном столе, ручки выполнены в виде волнистых налепов.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная коричневая (5YR4/2, 5YR5/3 по колориметрической системе Манселла), со средним количеством растительных частиц, небольшой примесью известняка, слюды и кварцевого песка.

⁴² Авторы сердечно благодарят зав. отделом Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина О.А. Васильеву за предоставленную возможность изучить данные предметы.

⁴³ Merpert, Bolshakov 1964, 88, 93, 96–97, 102, 106, 134, 140–141, 148, 154, 158–159, 162–163, рис. 10 (24–25), 16 (1а, 4а), 32 (Д-72), 35 (Д-10), 40, 43 (Д-74), 48 (Д-36), 50 (Д-14).

⁴⁴ Hodjash 2005, 27–28, 45, no. 46–47, 49–50, 102–103.

⁴⁵ Krol 2021, 124–135.

⁴⁶ В статье используется относительная хронология додинастического периода Египта, предложенная С. Хендриксом, который применял заглавные буквы для указания отдельных периодов внутри археологической культуры Нагада, например Нагада IA, Нагада IIB и т.д. Однако в случае цитирования датировок, предложенных В. Кайзером, указывается его написание хронологических периодов, например Нагада IIa, Нагада IIb и т.д.

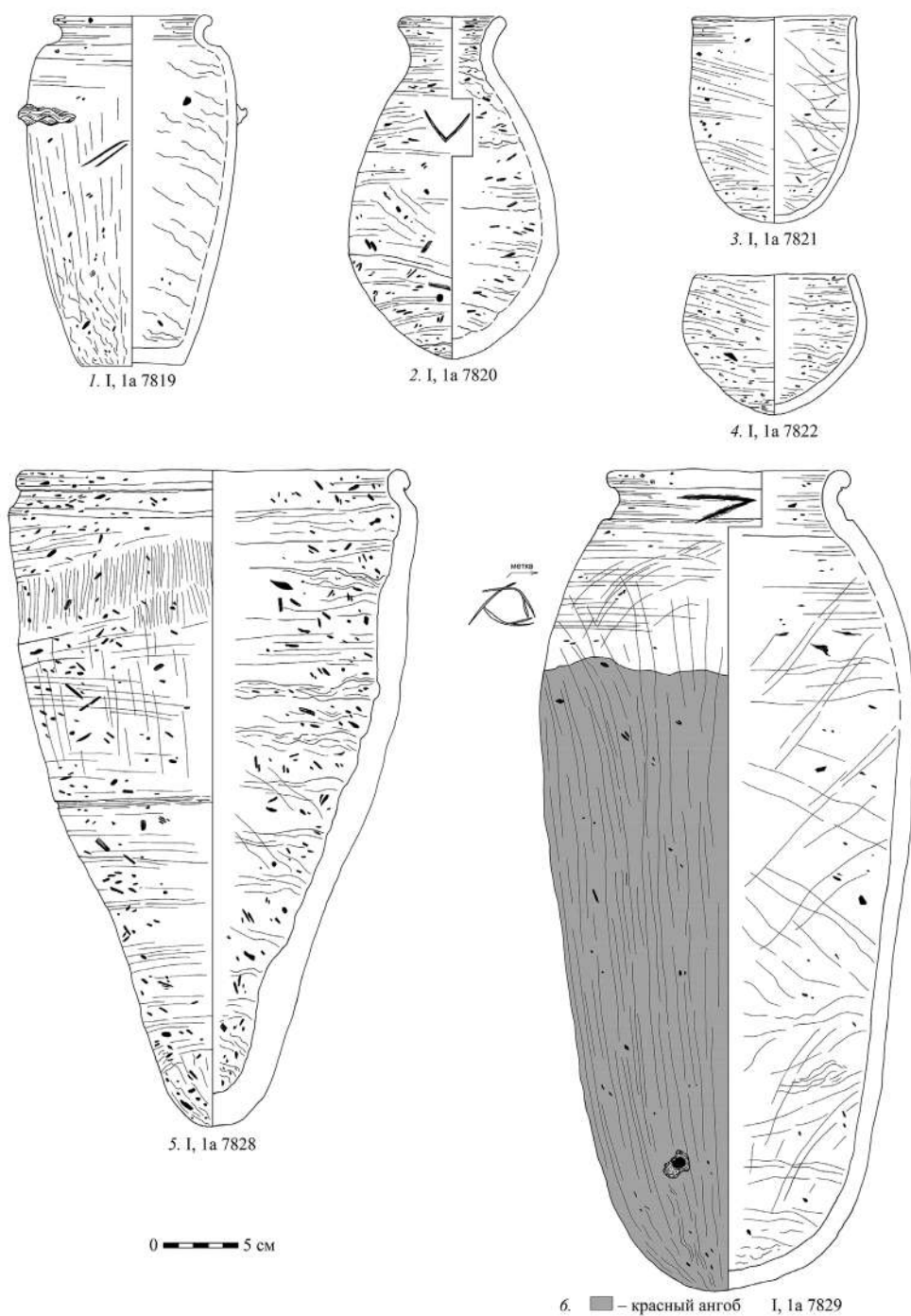

Рис. 2. Керамика из Хор-Дауда, находящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Рисунок С.Е. Малых, 2022

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 88, 148, рис. 40; Piotrovski 1967, pl. XII.70; Hodjash 2005, 27, no. 47; Krol 2021, 124–125.

Примечание: трещина в донце, образовавшаяся при сушке или обжиге сосуда (гончарный брак); в средней части тулова после обжига процарапаны две косых линии.

2. Кувшин с мешкообразным туловом и округло-острым донцем, с меткой в верхней части тулова (рис. 2, 2; 3, 2).

Инв. № КП-276599, I, 1а 7820.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 74.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 6а (рис. 5, 2).

Датировка: период Нагада IВ.

Сохранность: целый.

Размеры: диаметр венчика 7,3 см, максимальный диаметр тулова 14,1 см, высота 23,1 см.

Способ изготовления: лепной (жгутовой), венчик доработан на поворотном столе.

Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднетонкая светло-коричневая (5YR5/6), с большим количеством слюды и растительных частиц, небольшой примесью измельченных речных раковин.

Способ отделки внешней поверхности: без отделки.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 162–163, рис. 43 (Д-74); Piotrovski 1967, pl. XIV.74; Hodjash 2005, 28, no. 50; Krol 2021, 126–127.

Примечание: знак √ в верхней части тулова прочерчен после обжига.

3. Кубок цилиндрический круглодонный (рис. 2, 3; 3, 3).

Инв. № КП-276600, I, 1а 7821.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 72.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 4а (рис. 6, 1).

Датировка: позднединастический период.

Сохранность: почти целый, сколы на венчике, потертости поверхности.

Размеры: диаметр венчика 10,4–11,2 см, максимальный диаметр тулова 11,2–11,6 см, высота 13,9 см.

Способ изготовления: лепной.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая среднетонкая светло-коричневая (5YR5/4), со средним количеством растительных частиц, небольшой примесью кварцевого песка и золотистой слюды.

Способ отделки внешней поверхности: красный (10R4/4) ангоб снаружи, частичное лощение снаружи по венчику и внутри; чернение внутри и по краю венчика снаружи.

Обжиг: неравномерный окислительный с дополнительным чернением дымом.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 106, 134, рис. 16 (4а), 32 (Д-72); Piotrovski 1967, pl. IX.72; Hodjash 2005, 45, no. 102; Krol 2021, 128–129.

Примечание: сосуд слегка деформирован — сплюснут с боков.

4. Чаша биконическая с округло-острым донцем (рис. 2, 4; 4, 1).

Инв. № КП-276601, I, 1а 7822.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 36.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 1а (рис. 6, 2).

Датировка: позднединастический период.

Сохранность: почти целая, сколы на венчике, потертости поверхности.

Размеры: диаметр венчика 10,8 см, максимальный диаметр тулова 12,4 см, высота 9,5 см.

Способ изготовления: лепной.

1. I, 1a 7819

2. I, 1a 7820

3. I, 1a 7821

Рис. 3. Керамика из Хор-Дауда, находящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. © ГМИИ им. А.С. Пушкина.

1. I, 1a 7822

2. I, 1a 7828

3. I, 1a 7829

Рис. 4. Керамика из Хор-Дауда, находящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. © ГМИИ им. А.С. Пушкина.

1. Яма 2

2. Яма 6а

Рис. 5. 3-D модели ям 2 и 6а в Хор-Дауде, выполненные по рис. 17, 5 (Merpert, Bolshakov, 1964). Рисунок О.С. Калининой, 2022

1. Яма 4а

2. Яма 1а

Рис. 6. 3-D модели ям 4а и 1а в Хор-Дауде, выполненные по рис. 16 (Merpert, Bolshakov, 1964). Рисунок О.С. Калининой, 2022

1. Яма 25

2. Яма 24

Рис. 7. 3-D модели ям 25 и 24 в Хор-Дауде, выполненные по рис. 10 (Merpert, Bolshakov, 1964). Рисунок О.С. Калининой, 2022

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная коричневая (7.5YR4/3), со средним количеством слюды и серых каолиновых зерен, небольшой примесью кварцевого песка, белого камня и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: красный (10R4/4, 10R4/6) ангоб снаружи, частичное лощение полосами снаружи.

Обжиг: неравномерный окислительный.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 102, 154, рис. 16 (1a), 48 (Д-36); Piotrovski 1967, pl. XX.36; Hodjash 2005, 45, no. 103; Krol 2021, 130–131.

5. Чан с коническим туловом и округло-острым донцем (рис. 2, 5; 4, 2).

Инв. № КП-276607, I, 1a 7828.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 14.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 25 (рис. 7, 1).

Датировка: период Нагада IIВ–IIД.

Сохранность: отбита часть венчика, склеен из фрагментов; частичное загрязнение внутренней поверхности сосуда.

Размеры: диаметр венчика 26,4 см, максимальный диаметр тулова 27,5 см, высота 44,2 см.

Способ изготовления: лепной, изготовлен жгутовым способом (на внешней стороне видны заглаженные места соединения жгутов).

Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднепористая светло-коричневая (7.5YR5/4), с большим количеством растительных частиц, средним количеством золотистой слюды и измельченных речных раковин, небольшой примесью кварцевого песка и бежево-оранжевого шамота.

Способ отделки внешней поверхности: подрезка и заглаживание снаружи.

Обжиг: неравномерный окислительный.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 96–97, 158–159, рис. 10 (25), 50 (Д-14); Piotrovski 1967, pl. XV.14; Hodjash 2005, 28, no. 49; Krol 2021, 132–133.

6. Кувшин с продолговатым туловом и округлым донцем, с гончарной меткой на шее и процарапанным знаком в верхней части тулова (рис. 2, 6; 4, 3).

Инв. № КП-276608, I, 1a 7829.

Происхождение: обнаружен Нубийской экспедицией АН СССР (1962), полевой номер Δ 10.

Место находки: Северная Нубия, Хор-Дауд, яма № 24 (рис. 7, 2).

Датировка: период Нагада IIIА.

Сохранность: целый, небольшие сколы и потертости поверхности; частичное загрязнение внешней поверхности сосуда.

Размеры: диаметр венчика 16,5 см, максимальный диаметр тулова 25,3 см, высота 55,2 см.

Способ изготовления: комбинированный, тулово лепное, на внутренней поверхности следы применения формовочного метода «лопатка и наковальня», венчик доработан на поворотном столе.

Материал: глина мергельная средне-тонкая плотная бежево-оранжевая (5YR6/6), с большим количеством известняка, средним количеством кварцевого песка, небольшой примесью слюды и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание снаружи; светло-красно-коричневый (2.5YR5/4) ангоб снаружи, покрывает неровным слоем среднюю и нижнюю часть тулова.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: Merpert, Bolshakov 1964, 93, 140–141, рис. 10 (24), 35 (Д-10); Piotrovski 1967, pl. XIX.10; Hodjash 2005, 27, no. 46; Krol 2021, 134–135.

Примечание: гончарная метка на шее в виде двух смыкающихся линий прочерчена по сырой глине до обжига; знак в виде неаккуратной окружности на верхней части тулова

процарапан после обжига; в нижней части тулова после обжига просверлено отверстие овальной формы (0,5–0,7 см).

ДАТИРОВКА СОСУДОВ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Из шести представленных в московском собрании керамических сосудов четыре являются египетскими по облику и характерны для археологической культуры Нагада, другие два можно охарактеризовать как местные, нубийские. Н.Я. Мерперт и О.Г. Большаков, опубликовавшие материалы из Хор-Дауда, отмечали, что часть сосудов «относится к типам, широко распространенным по всей территории додинастического Верхнего Египта и уходящим своими корнями к древнейшим культурам. Другая часть представляет специфические формы, связанные с Нубией и появившиеся в раннединастический период»⁴⁷. В то же время показательно, что в литературе нередко можно прочесть, что «вплоть до I династии ... материальная культура Нижней Нубии и Верхнего Египта была удивительно похожа, хотя большая часть нубийской керамической продукции была лучше»⁴⁸.

Что касается датировки керамики из Хор-Дауда, то исследователи этого памятника, признавая наличие более ранних форм, *terminus post quem* для всего комплекса определяли как рубеж IV и III тыс. до н.э. и связывали его со временем I династии⁴⁹. В то же время Х.-А. Нордстрём отмечал, что найденные в Хор-Дауде сосуды могут быть датированы по классификации В. Кайзера интервалом от периода Нагада IIa до IIb⁵⁰. Эта точка зрения принята в более поздних работах⁵¹. Б. Уильямс, один из основных специалистов по Культуре группы А, в ареал которой входит и Хор-Дауд, предположил, что этот памятник из-за близости к золотоносному району Вади-аль-Аллаки испытывал сильное египетское влияние, выразившееся в наличии здесь многочисленных ям с египетской керамикой периода Нагада II⁵².

Рассмотрение шести керамических сосудов из Хор-Дауда, хранящихся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, показывает, что их датировка действительно не может быть ограничена рубежом IV и III тыс. до н.э. Возможно, эту дату можно считать *terminus ante quem* для данного археологического памятника, так как процент более ранней керамики — периода Нагада II, — как и указывал Б. Уильямс, действительно велик.

Самым ранним из анализируемой группы в московском собрании является мешкообразный кувшин I, 1a 7820: такую форму У.М.Ф. Питри датировал по разработанной им системе интервалом относительных дат (о.д.) 35–42⁵³, а В. Кайзер — периодом Нагада IIa–IIb⁵⁴, что в обоих случаях соответствует абсолютным

⁴⁷ Merpert, Bolshakov 1964, 130.

⁴⁸ Lacovara 2012, 78.

⁴⁹ Merpert, Bolshakov 1964, 176. См. также Piotrovski 1967, 129.

⁵⁰ Nordström et al. 1972, 26.

⁵¹ Takamiya 2004, 56; Roy 2011, 274.

⁵² Williams 2011, 87.

⁵³ Petrie 1901, pl. II. Однако на фронтисписе данной книги, содержащем схему основных додинастических типов керамики, указана несколько более поздняя датировка типа R92 — о.д. 44–61, что соответствует периоду Нагада IIb–D, т.е. ок. 3600–3300 гг. до н.э.

⁵⁴ Kaiser 1957, Tf. 22 (R92).

датам 3650–3500 гг. до н.э.⁵⁵. Кувшин I, 1a 7820 был найден Нубийской экспедицией в яме ба на западном участке Хор-Дауда; здесь же располагался еще один такой сосуд⁵⁶ (рис. 5, 2). Примечательно, что в яме 35 на восточном участке был обнаружен еще один подобный кувшин, однако на этот раз ему сопутствовали сосуды других типов — конический кубок и полусферическая чаша⁵⁷, формы которых характерны для периода Нагада IIb, согласно периодизации В. Кайзера⁵⁸, что позволяет сузить датировку мешкообразных кувшинов до указанного периода.

Плоскодонный кувшин с двумя волнистыми ручками I, 1a 7819 и характерными резкими плечами может быть датирован периодом Нагада IIC–IID⁵⁹ (3500–3300 гг. до н.э.⁶⁰). Схожая форма, но с более покатыми плечами, бытовала и в период Нагада IIIA1⁶¹. Московский сосуд происходит из ямы 2 на восточном участке Хор-Дауда. Он залегал на ее дне вместе с другим таким же сосудом⁶² (рис. 5, 1), в настоящее время находящимся в коллекции Государственного Эрмитажа⁶³.

Форма крупного конического чана I, 1a 7828 характерна для периода Нагада IIb–IID⁶⁴. Он был обнаружен в яме 25 восточного участка Хор-Дауда вместе с другим сосудом — «крупным, плоскодонным, с яйцевидным туловом, в верхней части тулова имеется небольшая круглая пробоина. Сосуд закрыт маленькой плоской каменной плиткой»⁶⁵ (рис. 7, 1). Он напоминает крупные плоскодонные кувшины, бытовавшие в период Нагада IIC⁶⁶. Конические чаны находили и в других ямах восточного и западного участков, при этом они нередко были поставлены на венчик; в одном случае (яма 19a) сосуд был окружен своеобразным «футляром из плотной глины» для фиксации его перевернутого положения⁶⁷.

Наиболее поздним в рассматриваемой группе египетских по облику сосудов из нубийской части московского собрания является крупный продолговатый

⁵⁵ Абсолютная хронология для додинастического периода истории Египта остается дискуссионным вопросом и несколько различается в работах различных исследователей. Так, С. Хендрикс указывает для интервала Нагада IA–IIb даты «ок. 4000/3900–3600 гг. до н.э.» (Hendrickx 2006, 92). Согласно радиоуглеродным анализам, они могут быть несколько иными — 3650–3500 гг. до н.э., см. Dee et al. 2014, 322, fig. 1.

⁵⁶ Merpert, Bolshakov 1964, 106, рис. 17 (6a).

⁵⁷ Merpert, Bolshakov 1964, 102, рис. 12 (35).

⁵⁸ Kaiser 1957, Tf. 22 (B43).

⁵⁹ Petrie 1901, pl. II (о.д. 43–50, 51–62, 58–62), frontispiece W25 (о.д. 58–62); Petrie 1921, pl. XXVIII–XXIX; Kaiser 1957, Tf. 23 (W19, W43b); Arnold 1978, 93–94, Kat. Nr. 84; Hendrickx 2011, 16.

⁶⁰ Абсолютная дата, основанная на радиоуглеродных анализах (см. Dee et al. 2014, 322, fig. 1). У С. Хендрикса 3600–3350 гг. до н.э. (Hendrickx 2006, 92).

⁶¹ Kaiser, 1957, Tf. 24 (W43b) — IIIa1; Wodzińska, 2009a, 126.

⁶² Merpert, Bolshakov 1964, 88–89, рис. 5 (2).

⁶³ Krol 2021, 150–151 (ДВ-19175).

⁶⁴ Petrie 1901, pl. II (о.д. 38–67); Kaiser 1957, Tf. 22 (R81), 23 (R81); Dreyer et al. 1993, 48, Abb. 6 (U-200/2).

⁶⁵ Merpert, Bolshakov 1964, 97, рис. 10 (25), 38 (Д-15).

⁶⁶ Kaiser 1957, Tf. 23 (R84b).

⁶⁷ Merpert, Bolshakov 1964, 100, рис. 8 (13), 10 (22), 13г, 19 (19a).

«сигаровидный» по Н.Я. Мерперту и О.Г. Большакову⁶⁸) кувшин I, 1a 7829. Аналогичные по форме сосуды в специальной литературе датируются периодом Нагада IIIA1 или IIIA2⁶⁹ (ок. 3350–3200 гг. до н.э.). Кувшин I, 1a 7829 был найден в яме 24 восточного участка Хор-Дауда, причем был перевернут вверх дном и поставлен на венчик⁷⁰ (рис. 7, 2). Примечательно, что в нижней части тулова уже после обжига было просверлено отверстие, назначение которого неясно. Края отверстия не имеют следов сработанности — вероятно, оно не закрывалось пробкой. Аналогичные отверстия можно видеть и у других сосудов этого типа, например из ямы 32. Также нередко фиксируется установка таких кувшинов вверх дном в ямах⁷¹.

Кубок I, 1a 7821 и чаша I, 1a 7822 являются нубийскими по своему облику и датируются достаточно широко второй половиной IV тыс. до н.э.⁷² Кубок I, 1a 7821 с чернением внутренней части и венчика находился вместе с другим аналогичным сосудом в подбое ямы 4а западного участка Хор-Дауда, в перевернутом положении⁷³ (рис. 6, 1). Биконическая чаша I, 1a 7822 происходит из ямы 1а западного участка. Вместе с ней была найдена еще одна чаша этого типа, в настоящее время находящаяся в Государственном Эрмитаже⁷⁴, а также «плоскодонная чаша с процарапанным орнаментом»⁷⁵ (рис. 6, 2), по своему стилю характерная для КГА.

Рассматривая технологические особенности шести сосудов из ГМИИ им. А.С. Пушкина, следует обратить внимание на материал. Глина пяти сосудов аллювиальная, различных оттенков коричневого цвета, обычная для долины Нила на всем ее протяжении, включая верховья и низовья реки. Поверхность сосудов оставлена без отделки, кроме двух круглодонных чаш, покрытых красным ангобом. Однако крупный продолговатый («сигаровидный») кувшин I, 1a 7829 сделан из другого материала — из бежево-оранжевой мергельной глины, ареал которой на юге ограничивается Эсной⁷⁶. Средняя и нижняя часть тулова покрыта светло-красно-коричневым ангобом. Н.Я. Мерперт и О.Г. Большаков сообщают о 20 «сигаровидных» сосудах из идентичного теста, при этом цвет глины характеризуют как «обычный терракотовый»⁷⁷, что скорее присуще аллювиальной, нежели мергельной глине. Действительно ли все сосуды одинаковы по глине, или на определение ошибочного цвета повлияло наличие красноватого ангоба, сейчас трудно сказать. Однако по крайней мере относительно одного сосуда I, 1a 7829 можно сказать, что он был привезен в Хор-Дауд из Египта.

⁶⁸ Merpert, Bolshakov 1964, 93, 138–141.

⁶⁹ Petrie 1901, pl. II (о.д. 63–80); Kaiser 1957, Tf. 24 (L36n); Dreyer et al. 1993, 44, 48, Abb. 6 (U-200/1); Wodzińska 2009b, 30.

⁷⁰ Merpert, Bolshakov 1964, 93, рис. 10 (24).

⁷¹ Merpert, Bolshakov 1964, 100, рис. 12 (32), 13в, см. также рис. 5 (3).

⁷² Gatto 2013, 69–70, pl. 7.

⁷³ Merpert, Bolshakov 1964, 106, рис. 16 (4а).

⁷⁴ Krol 2021, 154–155 (ДВ-19156).

⁷⁵ Merpert, Bolshakov 1964, 102, 163, 165, рис. 16 (1а), 54.

⁷⁶ Bourriau et al. 2000, 121.

⁷⁷ Merpert, Bolshakov 1964, 140.

Ни один из рассматриваемых шести сосудов не был сделан на гончарном круге. Чан I, 1a 7828, чаша I, 1a 7822 и кубок I, 1a 7821 полностью лепные, сделанные жгутовым способом (в первом случае) и методом вытягивания из куска глины (в оставшихся случаях). Другие три сосуда демонстрируют комбинированную технологию изготовления, сочетавшую ручную лепку (как из жгутов, так и методом «лопатка и наковальня»⁷⁸) и доработку венчика на поворотном столе. Первые следы его использования фиксируются на керамике периода Нагада I⁷⁹, впоследствии, во второй половине IV тыс. до н.э., эта технология формовки гончарных изделий стала широко употребляемой и послужила толчком к дальнейшей технической эволюции и появлению в Египте ручного гончарного круга медленного вращения.

Что касается назначения шести сосудов из ГМИИ, то обстоятельства их обнаружения указывают на бытовые функции, хотя эти керамические типы использовались и как погребальный инвентарь⁸⁰. На сосудах I, 1a 7819, I, 1a 7820 и I, 1a 7829 после обжига были процарапаны простые знаки в виде косых линий, галочки и неровного круга, вероятно, являвшиеся метками владельцев. На шее сосуда I, 1a 7829 также имеется знак в виде двух смыкающихся линий, прочерченный по сырой глине еще до обжига. Обычно знаки подобного рода рассматриваются как гончарные метки, указывавшие или на изготовителя, или на назначение предмета⁸¹.

На кувшине I, 1a 7829 из московского собрания и на нескольких сосудах того же типа из Государственного Эрмитажа в нижней части тулова находятся просверленные после обжига отверстия, функция которых неясна.

Чтобы установить назначение керамики из Хор-Дауда, хранящейся в ГМИИ имени А.С. Пушкина, была предпринята серия лабораторных анализов соскобов, взятых с внутренней поверхности сосудов.

АНАЛИЗ СОСКОБОВ С КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ

Анализ был проведен в лаборатории масс-спектрометрии Сколковского института науки и технологий.

Подготовка образцов: соскобы были взяты с внутренних стенок сосудов. Пробоподготовку проводили в два параллельных этапа. В первом случае образцы растворяли в 2 мл этилацетата, во втором случае — в 2 мл метанола. Затем образцы перемешивали в течение 30 мин при комнатной температуре, помещали в ультразвуковую ванну на 24 часа. Центрифугирование образцов проводили в течение 10 мин при 14100 об/мин, затем образцы выпаривали досуха на роторном испарителе и повторно растворяли в смеси ацетонитрил/вода.

Условия хромато-масс-спектрометрического анализа: все эксперименты проводились на масс-спектрометре QExactive Orbitrap (Thermo), соединенном с хроматографической системой UPLC Waters ACQUITY. Использовалась колонка Waters ACQUITY UPLC BEH C18, 100×2,1 мм. Подвижная фаза состояла из 2-х компонент — А: 0,1% муравьиной кислоты в воде (H₂O); подвижная

⁷⁸ Подробнее о методе «paddle-and-anvil» см. Arnold, Bourriau 1993, 16–17.

⁷⁹ Kink 1976, 15; Arnold, Bourriau 1993, 36–37.

⁸⁰ См., например, Randall-MacIver, Mace 1902, pl. VIII.

⁸¹ Об интерпретации знаков на керамике см. Kink 1976, 21; Malykh 2018, 107, 109.

фаза В: 0,1% муравьиной кислоты в ацетонитриле (ACN), подаваемой в виде следующего градиента при скорости потока 0,40 мл/мин: 0–5 мин 5% фазы В; 5–25 мин линейный рост 5–75% фазы В; 25–26 мин линейный рост 75–100% фазы В; 26–33 мин 100% фазы В; 33–35 мин линейное снижение 100–0% фазы В; 35–40 мин 5% фазы В. Температура колонки составляла 45 °С. Объем инъекции составлял 1 мкл. Масс-спектры регистрировались с помощью масс-спектрометра Orbitrap с разрешающей способностью 70000 (для 200 м/з) в положительном и отрицательном режимах источника ионизации электроспрея. Напряжение на игле электроспрея составляло 2,5 кВ, температура десольватирующего капилляра составляла 350 °С. Для распыления и осушения капель использовали азот. Скрининг на наличие метаболитов проводили методом записи полного масс-спектра с последующим анализом, зависящим от данных (DDA). Для фрагментации выбирались 5 ионов, имеющих максимальную интенсивность в предыдущем скане. Все результаты сравнивались с результатами, полученными для контрольных образцов.

Обработка данных: проводилась с использованием программного обеспечения Xcalibur, Compound Discoverer с базой данных mzCloud, MSDIAL и GNPS для поиска веществ, таких как метаболиты, липиды, природные соединения, лекарственные средства и т.д.

В результате были достоверно идентифицированы следующие соединения: никотин, 4-гидроксibenзойная кислота, капролактam, субреиновая кислота, ко-нифериловый спирт, эпикатехин, ванилин, сиригальдегид. К сожалению, невозможно сказать, были ли эти соединения современными загрязнителями или они являются продуктами разрушения таниносодержащих соединений, таких как вино. Анализ с применением метода диаграмм Д.В. Ван Кревелена показал, что большинство идентифицированных соединений тяготеют к области насыщенных соединений. Наблюдая результаты хромато-масс-спектрометрического анализа, можно предположить, что содержимое данных сосудов не оставило после себя следов; возможно, сосуды были качественно вымыты.

Итак, предложенная первооткрывателем памятника Хор-Дауд Б.Б. Пиотровским гипотеза о том, что в этом месте находилась своеобразная молочная ферма, не была принята западными коллегами. Мы полагали, что анализ образцов вещества с внутренних стенок сосудов, обнаруженных при раскопках Хор-Дауда и в настоящее время хранящихся в ГМИИ имени А.С. Пушкина, может помочь нам ответить на вопрос о том, что же в них хранилось. Однако проведенные в лаборатории масс-спектрометрии Сколковского института науки и технологий анализы ожидавшихся результатов не дали.

Таким образом, вопрос о том, каково было функциональное назначение археологического комплекса, по-прежнему остается открытым. Коллекция керамики из Хор-Дауда, которая хранится в Государственном Эрмитаже, представляет большой интерес. Ее дальнейшее изучение, безусловно, поможет более точно датировать время функционирования этого памятника и, возможно, пролить свет на вопрос, что хранилось в сосудах и для чего были предназначены 578 хозяйственных ям Хор-Дауда.

Литература / References

- Adams, W.Y. 1977: *Nubia, Corridor to Africa*. Princeton.
- Arnold, D. 1978: *Meisterwerke altägyptischer Keramik. 5000 Jahre Kunst und Kunsthandwerk aus Ton und Fayence. Katalog*. Höhr-Grenzhausen.
- Arnold, D., Bourriau, J. 1993: *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein.
- Bourriau, J., Nicholson, P.T., Rose, P. 2000: The Pottery. In: P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge, 121–147.
- Dee, M.W., Wengrow, D., Shortland, A.J., Stevenson, A., Brock, F., Ramsey, C.B. 2014: Radiocarbon Dating and the Naqada Relative Chronology. *Journal of Archaeological Science* 46, 319–323.
- Dreyer, G., Pumpenmeier, F., Hartung, U. 1993: Umm el-Qaab: Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof. 5./6. Vorbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo* 49, 23–62.
- Firth, C.M. 1915: *The Archaeological Survey of Nubia: Report for 1909–1910*. Cairo.
- Firth, C.M. 1927: *The Archaeological Survey of Nubia: Report for 1910–1911*. Cairo.
- Gatto, M.C. 2001–2002: Two Predynastic Pottery Caches at Bir Sahara (Egyptian Western Desert). *Sahara* 13, 51–60.
- Gatto, M.C. 2006a: The Early A-Group in Upper Lower Nubia, Upper Egypt and the Surrounding Deserts. In: K. Kroeper, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz (eds.), *Archaeology of the Early Northeastern Africa. (Studies in African Archaeology 9)*. Poznań, 223–234.
- Gatto, M.C. 2006b: The Nubian A-Group: A Reassessment. *Archéo-Nil* 16, 61–76.
- Gatto, M.C. 2013: Beyond the Shale: Pottery and Cultures in the Prehistory of the Egyptian Western Desert. In: R.S. Bagnall, P. Davoli, C.A. Hope (eds.), *The Oasis Papers 6. Proceedings of the Sixth International Conference of the Dakhleh Oasis Project (Dakhleh Oasis Project: Monograph 15)*. Oxford, 61–72.
- Gatto, M.C. 2020: The A-Group and 4th Millennium BCE Nubia. In: G. Emberling, B.B. Williams (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Nubia*. Oxford, 125–142.
- Hendrickx, S. 2006: Predynastic – Early Dynastic Chronology. In: E. Hornung, R. Krauss, D.A. Warburton (eds.), *Ancient Egyptian Chronology. Handbook of Oriental Studies. Section One. The Near and Middle East*. Vol. 83. Leiden, 55–93, 487–488.
- Hendrickx, S. 2011: Sequence Dating and Predynastic Chronology. In: E. Teeter (ed.), *Before the Pyramids. The Origins of Egyptian Civilization*. Chicago, 15–16.
- Hodjash, S. 2005: *Ancient Egyptian Vessels in the State Pushkin Museum of Fine Art, Moscow*. Baltimore.
- Jiménez-Serrano, A. 2003: Two Proto-Kingdoms in Lower Nubia in the Fourth Millennium BC. In: L. Krzyzaniak, K. Kroeper, M. Kobusiewicz (eds.), *Cultural Markers in the Later Prehistory of Northeastern Africa and Recent Research, (Studies in African Archaeology 8)*. Poznań, 251–267.
- Kaiser, W. 1957: Zur inneren Chronologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica* 6, 69–77.
- Kink, H.A. 1976: *Khudozhestvennoe remeslo drevneyshego Egipta i sopredel'nykh stran [Artistic Craft of Ancient Egypt and Neighboring Countries]*. Moscow.
- Кинк, Х.А. *Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран*. М.
- Krol, A.A. (ed.) 2021: *Puteshestvie v stranu Kush. Sovetskie arkheologi na beregakh Nila. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy muzey Vostoka, 16 fevralya – 28 marta 2021 g. [Journey to the Land of Kush. Soviet Archaeologists on the Banks of the Nile. Exhibition Catalogue. State Museum of the Orient, February 16 – March 28, 2021]*. Moscow.
- Крол А.А. (авт.-сост.). *Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила. Каталог выставки. Государственный музей Востока, 16 февраля – 28 марта 2021 г. М.*
- Lacovara, P. 2012: The Art and Architecture of Early Nubia: The A-Group to the Kerma Culture. In: M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria (eds.), *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*. Cairo–New York, 78–83.
- Malykh, S.E. 2018: [Potmarks on Egyptian Old Kingdom Ceramics from Eastern Giza]. *Epigraphika Vostoka* 33, 106–121.
- Малых С.Е. Гончарные метки на египетской керамике эпохи Древнего царства из восточной Гизы. *Эпиграфика Востока* 33, 106–121.
- Merpert, N. Ya., Bolshakov, O.G. 1964: [Early Dynastic Settlement Khor Daoud] In: B.B. Piotrovsky (ed.), *Drevnyaya Nubiya. Rezul'taty rabot arkheologicheskoy ekspeditsii AN SSSR v Ob"edinennoy Arabskoy Respublike. 1961–1962 [Ancient Nubia. Results of the Work of the Archaeological Expedition*

- of the Academy of Sciences of the USSR in the United Arab Republic. 1961–1962]. Moscow–Leningrad, 83–177.
- Мерперт Н.Я., Большаков О.Г. Раннединастическое поселение Хор-Дауд. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962*. М.–Л., 83–177.
- Nordström, H.-Å. 2014: *The West Bank Survey from Faras to Gemai*. Vol. 1. *Sites of Early Nubian, Middle Nubian and Pharaonic Age*. (Sudan Archaeological Research Society Publication, 21; BAR International Series, 2650). Oxford.
- Nordström, H.-Å., Håland, R., Björkman, G., Säve-Söderbergh, T. 1972: *Neolithic and A-group Sites. The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia*. Vol. 3/1. Text. Stockholm.
- Petrie, W.M.F. 1901: *Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu*. 1898–9. London.
- Petrie, W.M.F. 1921: *Corpus of Prehistoric Pottery and Palettes*. London.
- Piotrovsky, B.B. 1964: [Pages of Ancient History of Northern Nubia]. In: B.B. Piotrovsky (ed.), *Drevnyaya Nubiya. Rezultaty rabot arkheologicheskoy ekspeditsii AN SSSR v Ob"edinennoy Arabskoy Respublike. 1961–1962* [Ancient Nubia. Results of the Work of the Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of the USSR in the United Arab Republic. 1961–1962]. Moscow–Leningrad, 5–31.
- Пиотровский Б.Б. Страницы древней истории Северной Нубии. В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962*. М.–Л., 5–31.
- Piotrovski, B.B. 1967: The Early Dynasty Settlement of Khor-Daoud and Wadi-Allaki. The Ancient Route of the Gold Mines. In: *Campagne Internationale de l'Unesco pour la Sauvegarde des Monuments de la Nubie. Fouilles en Nubie (1961–1963)*. Le Caire, 127–140.
- Randall-MacIver, D., Mace, A.C. 1902: *El Amrah and Abydos. 1899–1901*. London.
- Reisner, G.A. 1910: *The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907–1908*. Cairo.
- Roy, J. 2011: *The Politics of Trade: Egypt and Lower Nubia in the 4th Millennium B.C.* (Culture and History of the Ancient Near East, 47). Leiden–Boston.
- Sadr, K., Castiglioni, A., Castiglioni, A. 1998: Nubian Desert Archaeology: A Preliminary View. *Archeologie du Nil Moyen* 7, 203–235.
- Steindorff, G. 1935: *Aniba*. Vol. I. Gluckstadt–Hamburg–New York.
- Steindorff, G. 1937: *Aniba*. Vol. II. Gluckstadt–Hamburg–New York.
- Takamiya, I.H. 2004: Egyptian Pottery Distribution in A-Group Cemeteries, Lower Nubia: Towards an Understanding of Exchange Systems between the Naqada Culture and the A-Group Culture. *Journal of Egyptian Archaeology* 90, 35–62.
- Trigger, B.G. 1965: *History and Settlement in Lower Nubia*. (Yale University Publications in Anthropology, no. 69). New Haven.
- Williams, B.B. 1987: *Excavations between Abu Simbel and the Sudanese Frontier. The A-Group Royal Cemetery at Qustul: Cemetery L*. (Oriental Institute Nubian Expedition, 3). Chicago.
- Williams, B.B. 1989: *Excavations between Abu Simbel and the Sudan Frontier*. Pt. 2–4: *Neolithic, A-Group, and Post A-Group Remains from Cemeteries W, V, S, Q, T, and a Cave East of Cemetery K*. (Oriental Institute Nubian Expedition, 4). Chicago.
- Williams, B.B. 2011: Relations between Egypt and Nubia in the Naqada Period. In: E. Teeter (ed.), *Before the Pyramids. The Origins of Egyptian Civilization*. Chicago, 83–92.
- Wodzińska, A. 2009a: *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 1: *Fayum A – Lower Egyptian Culture*. Boston.
- Wodzińska, A. 2009b: *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 2: *Naqada III–Middle Kingdom*. Boston.

DOI: 10.31857/S032103910027551-9

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ XX–XXI веков. Часть II

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Во второй части статьи рассматриваются принципы постулирования в позднесоветской науке 1960–1980-х годов крупных периодов древней истории: выделение по экономическому признаку эпох крупных централизованных хозяйств (III тыс. до н.э.), парцеллярных хозяйств на государственной земле (II тыс. до н.э.), «приватизации экономики» (I тыс. до н.э.); выявление значимых тенденций духовной жизни на этапе «осевого времени» и конца древности; учет новых этнологических и археологических подходов в характеристике политогенеза. Можно констатировать фактическое прекращение разработки теоретических проблем истории древности в постсоветское время. В перспективе исследования рубежей древней истории необходимо выделить значимость определяющих их индустриальных, климатических и миграционных факторов, а также факторов, повлиявших на изменение мировоззренческой ситуации в «осевое время». Финал древней истории, по-видимому, зависел не столько от внутренней эволюции самих древних обществ, сколько от ряда ударов, обрушившихся на них извне.

Ключевые слова: древность, периодизация, Восток, античность, община, социальные отношения, пути развития, марксизм

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-19-50146 («Экспансия»).

STAGES OF ANCIENT HISTORY AND THE CRITERIA OF THEIR DEFINITION IN RUSSIAN AND SOVIET SCHOLARSHIP OF THE 20th AND 21st CENTURIES. Part II

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-19-50146

The second part of the article considers approaches to the definition of large periods of the ancient history in the Late Soviet scholarship of 1960–1980s: the economically based definition of the periods of large centralized estates (the third millennium BC), of the tenurial economy on state land (the second millennium BC) and of the ‘privatized’ economy (the first millennium BC); the definition of important spiritual trends at the ‘Axial time’ and at the end of antiquity; the use of new ethnological and archaeological achievements in characterizing the state-formation. The post-Soviet time saw a halt of the theoretical discussions in the domain of the ancient history. The prospect of researching the boundaries inside the ancient history seems to be connected with accounting for the factors of industry, climate and migrations as well as the factors determining the shifts in the worldview at the ‘Axial time’. The end of the ancient history probably depended not so much on the internal evolution of ancient societies as on the series of hammering that came on them from the outside.

Keywords: antiquity, historical periodisation, Ancient East, Ancient Greece, Rome, communities, society, paths of development, Marxism

4. БОЛЬШИЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ И ЕЕ НАЧАЛЬНЫЙ И КОНЕЧНЫЙ РУБЕЖИ В ИСТОРИОГРАФИИ 1960–1980-х годов

Оппонент И.М. Дьяконова в вопросе определения социально-экономического строя древнего Востока Г.А. Меликишвили построил свою позицию на основе таких характеристик общества, как типы организации хозяйства и отношений эксплуатации. По его мнению, нельзя сблизать преобладавшие там формы зависимости с рабством и жестко разделять «государственный» и «общинно-частный» секторы экономики: модель, по которой в той или иной мере эксплуатировалось все сельское население древневосточных монархий, ближе к крепостничеству и, стало быть, их строй в целом – к феодализму, т.е. к норме обществ древности и средневековья, на фоне которой античность с ее высоким развитием частной собственности, товарной экономики и классического рабства составляет исключение¹. Согласно Меликишвили, на начальном этапе истории Ближнего Востока в III тыс. до н.э. организация экономики была важнейшей функцией государства и приводила к созданию им крупных централизованных хозяйств (III

¹ Например: Melikishvili 1975; см. также Nikiforov 1977, 42–46; Diakonoff et al. 1989, I, 15. Аналогом этой позиции в мировой науке можно было бы считать концепцию «податного способа производства» П. Бриана: Briant 1982.

династия Ура в Месопотамии, Египет Древнего царства). В начале II тыс. до н.э. они «полностью исчерпали свои возможности, стали нерентабельными, и господствующей формой ведения хозяйства стало самостоятельное хозяйствование производителей на своих мелких участках»: спецификой второго периода истории Ближнего Востока стала эксплуатация производителей как на государственной, так и на номинально не принадлежащей государству земле, а также «образование крупных торгово-ремесленных центров, располагавших порой определенным самоуправлением». Во второй половине II тыс. до н.э. появление конного дела привело к возникновению «“военных” (“военно-паразитических”) государств» (Египта Нового царства, касситской Вавилонии, Митанни, Хеттского царства), сменяющихся в I тыс. до н.э. «мировыми державами»; однако, исключая «рост удельного веса эксплуатации внешнего окружения», это не изменило самого характера отношений между эксплуатируемым населением и «всемогущим государством». Можно понять, что в рамках данной схемы они неизменны до средневековья включительно².

Построения Меликишвили уточнили внутреннюю периодизацию истории Ближнего Востока III–II тыс. до н.э. (ранней древности в «схеме Дьяконова»)³, хотя во многом стерли границы между этим этапом и временем I тыс. до н.э., а также в целом между древностью и средневековьем на Востоке. Однако специфика собственно I тыс. до н.э. была несколько стерта и в схеме Дьяконова, не подчеркнувшего такую черту этого времени, как повсеместную активизацию товарно-денежных отношений. Исходя из этого, а также из качественно более высокого развития рабства, нововавилонское общество сопоставляли с античностью В.В. Струве⁴ и В.А. Белявский (по его мнению, в I тыс. до н.э. в масштабах всей древней ойкумены произошла смена архаической формации античной, с товарной, а не натуральной экономикой и классовым, а не статусным делением общества)⁵. Фактографически экономика Месопотамии I тыс. до н.э. была наиболее полно изучена М.А. Дандамаевым: в теоретической статье уже постсоветского времени он показал, что отмеченная Меликишвили смена на рубеже III–II тыс. до н.э. крупных царских хозяйств совокупностью эксплуатируемых мелких в Месопотамии I тыс. до н.э. перешла в фазу «приватизации» — распространения на прежних государственных землях частных предпринимательских хозяйств (Дандамаев при этом оспаривал концепцию К. Поланьи, абсолютизирующую натуральный характер древней экономики)⁶. Суммировал наблюдения Меликишвили и Дандамаева уже в постсоветском учебном издании А.А. Немировский, выделив в истории древнего Востока «по социальному и экономическому облику» эпохи «формирования и доминирования крупных централизованных хозяйств», «доминирования мелких

² Melikishvili 1985.

³ В I томе «Всемирной истории» Дьяконов также отметил распад крупных царских хозяйств и смену их множеством мелких (правда, квалифицированных как частные рабовладельческие) в начале II тыс. до н.э.: Zhukov 1955–1965, I, 264.

⁴ Struve 1934, 70–75, 86; см. Ladynin 2023.

⁵ Belyavskiy 1971, 218–229; см. Krikh 2020, 253–264.

⁶ Dandamayev 2002.

хозяйств, подвергающихся государственной эксплуатации» и «роста товарно-денежных отношений и частной собственности»⁷.

Применительно к античности о развитии «товарно-денежных отношений до крайних пределов, совместимых с обществом простых производителей» говорила Е.М. Штаерман: более того, оговорив неприятие циклизма, она все же указала, что именно товарность экономики, а также полное отделение работника от средств производства и незавуалированный характер классовых противоречий и в античности, и при капитализме позволяют считать последний «отрицанием отрицания античности»⁸. Как Штаерман, так и Г.А. Кошеленко относились уважительно, но критически к влиятельным в мировой науке 1960–1970-х концепциям К. Поланьи, М. Финли и Э. Вилля, постулировавшим с большим или меньшим акцентом натуральный характер древней экономики и неприменимость к ней экономических категорий нового времени⁹. Правда, полемика советских ученых с этими авторами неизбежно смещалась к вопросу о применимости к античному обществу марксистских категорий отношений между классами и форм эксплуатации; но так или иначе, с определенными оговорками (о специфике античной формы собственности, отличной от «буржуазной» частной, о невозможности в древности экономической конкуренции и торговых войн между государствами, об ограниченности роста производительных сил и его достижении манипуляциями с рабочей силой, а не с технологиями), они приходили к признанию античности исторически первой формой высокоразвитого товарного хозяйства. При этом если статья Е.М. Штаерман в 1968 г. еще встретила с идеологической критикой¹⁰, то Г.А. Кошеленко в 1989 г. уже мог высказаться (правда, в менее обязывающем тексте послесловия к переводной книге) без обиняков: «Уже давно исследователи, занимающиеся самыми общими проблемами истории человеческого общества, обратили внимание на следующее обстоятельство: в некоторых отношениях феодальная формация напоминает первобытнообщинную, а рабовладельческая — капиталистическую»¹¹. Как видно, в «споре Мейера и Бюхера» позиция первого из них, несмотря на всю его критику в советской историографии, оказалась для ее представителей ближе¹², причем, как мы видели выше (см. первую часть нашей статьи), не только в позднесоветское время. Это закономерно, если учесть интенцию советского марксизма на познаваемость исторического процесса и выявление в нем прогрессивных этапов; однако при этом все равно слабо было оценено развитие товарного хозяйства не только в античном мире, но и по всей ойкумене I тыс. до н.э.

⁷ Bukharin et al. 2009, 31.

⁸ Shtaerman 1968, 667–668.

⁹ Shtaerman 1977; Koshelenko 1980.

¹⁰ Как и содержащий ее сборник в целом; см. о критических выступлениях А.И. Данилова Krikh 2013, 217–220.

¹¹ Levêque 1989, 248.

¹² «...Наше предпочтение мы скрывать не будем: оно всецело на стороне противников Бюхера — Эд. Мейера и его последователя в России М.И. Ростовцева» (Frolov 1999, 346–347).

Наконец, в 1970–1980-е годы при определении специфики I тыс. до н.э. уже нельзя было не учитывать иного, по сравнению с ранней древностью, состояния в это время мировоззрения. Мы уже говорили о слабом осмыслении его эволюции в раннесоветской науке и о попытках М.А. Коростовцева и И.М. Дьяконова ввести в советскую науку представления об особом мировоззрении архаики и о значении генезиса этических религий¹³. При этом в практическом изучении мировоззрения архаики (прежде всего, на древнем Ближнем Востоке) укрепились позиция признания за ним не столько иной по сравнению с современностью логики¹⁴, сколько иного уровня знаний о мире и иных принципов разграничения объективного и субъективного опыта¹⁵. Такой подход, отличный от общемирового, можно было бы связать с «аллергией» советской идеологии на немарксистские течения, в т.ч. структурализм, и вообще на акцентирование глубокой специфичности (как часто говорили, «непознаваемости») того или иного явления; однако его выработали ученые, не славившиеся уступками официозу. По-видимому, дело в более прямой и живой связи именно советской науки с классическим позитивизмом, которую скорее поощряли материализм и наукообразная форма марксистской доктрины. Появился ряд исследований перехода мировоззрения и культуры древности в середине I тыс. до н.э. в новое качество — формирования «пророческого монотеизма» в древнем Израиле¹⁶, возникновения историописания¹⁷, «культурного переворота» в Греции¹⁸. Однако «фронтальный» характер этой проблематики, ее актуальность для изучения данного этапа в развитии всей ойкумены осознаны не были: так, незаметно влияние на ее разработку идей К. Ясперса об «осевом времени»¹⁹, а в книге А.И. Зайцева (наиболее концептуальной из названных) сложение нового типа культуры в Греции на рубеже архаики и классики объясняется прежде всего локальными факторами — быстрым сломом традиционных структур и появлением новых социальных сил при формировании полиса (генетически концепция Зайцева вообще восходит к идее о «греческом чуде», в конце XX в. уже в какой-то мере антикварной).

За некоторыми исключениями (например, традиционной тематики религиозно-философских течений Индии и Китая) не проявлялся сколько-нибудь серьезный интерес к религиозным явлениям I тыс. до н.э. Примечательным образом,

¹³ Ladynin 2019, 809.

¹⁴ Правда, из этого исходил И.М. Дьяконов: Diakonoff 1983, 98–101 (обратим внимание, что в этом издании очень слабо намечена общая концепция и оно по преимуществу фактографично; см. Ladynin 2019); Diakonoff et al. 1989, I, 52–56; Diakonoff 1990, 9–83.

¹⁵ Klochkov 1983; Bol'shakov 2001, 38–62 (пример методологии ленинградской/петербургской школы египтологии, разработанной также в трудах Ю.Я. Перепелкина и О.Д. Берлева); ср. Bukharin et al. 2009, 16–23 (общая оценка А.А. Немировским концепций нетождества архаического и современного мышления).

¹⁶ Shifman 1987.

¹⁷ Nemirovskiy 1986; Weinberg 1993.

¹⁸ Zaytsev 1985.

¹⁹ Мы, разумеется, не считаем позицию Ясперса (Jaspers 2017, 17–33, 57–61) наиболее состоятельной оценкой изменений в мировоззрении поздней древности; однако ее выдвигание, безусловно, говорило о готовности гуманитарной науки к обсуждению этого круга проблем. См. ее довольно вульгарную критику в Shofman 1984, 162–167.

выявление в них некоей общей тенденции было актуально прежде всего для конца древности, когда появление новых массовых религий и идеологий могло быть симптомом кризиса общества. Отчасти такое их восприятие восходит еще к идеям Энгельса и представлениям раннесоветской науки о протестном начале в раннем христианстве²⁰; и действительно, мы видим это у Е.М. Штаерман, считавшей «идеологическую борьбу» более реальной формой сопротивления угнетенных, чем рабские восстания. Наряду с этим Штаерман полагала, что «тенденция ко все большему усилению идеологического контроля в масштабах империи» (и в перспективе, очевидно, к догматизации мировоззрения на религиозной основе) была ответом на это идеологическое сопротивление угнетенных²¹; и тогда религиозные новации поздней древности в разных их проявлениях встраивались в общую картину трансформации ее общества накануне средневековья. Нечто схожее заметно и у И.М. Дьяконова: если в социальном аспекте финал древности — это гибель свободной общины, то в мировоззренческом — возникновение ситуации, когда «господствующий класс, характерный для эпохи средневековья» воспринимает «те утешительные религиозно-этические учения, носителями которых были сами народные массы, но придает им жесткую догматическую форму»²². У такой постановки вопроса был и «идеологический» аспект, так как она позволяла переключить внимание с тематики классовой борьбы как таковой на как будто отражающий ее богатый материал религиозной жизни; однако при этом был в принципе верно выделен один из этапов мировоззренческого процесса, начавшегося с зарождения этических религий в середине I тыс. до н.э.

Ослабление идеологического прессинга позволило в 1970–1980-е годы пересмотреть ряд сюжетов, связанных с начальным и конечным рубежами древней истории — возникновением государства и цивилизации и переходом к средневековью. Для проблемы политогенеза это было нужно в силу накопления новых данных археологии и ухода этнологических концепций далеко вперед от известных Энгельсу; но полный разрыв с марксистской схемой был невозможен почти до конца советского времени. Попытки ее «адаптации» можно найти у Л.С. Васильева и В.М. Массона: первый в монографии о политогенезе в Китае на основе новой тогда литературы (трудов Кл. Леви-Стросса, Э. Сервиса и др.) выстроил схему эволюции систем распределения в позднепервобытных структурах, возникновения протогосударства-чифдома и в его рамках института власти-собственности (по тогдашним словам Васильева, описанного Марксом на восточном материале и более общего, чем институт частной собственности, генезис которого изучил Энгельс)²³. В.М. Массон по данным археологии Ближнего Востока и Средней Азии (как известно, изучение на их основе социальных процессов было начато Г. Чайлдом) выделил в эволюции производящего хозяйства несколько этапов: «период архаической экономики», на котором индустрия земледелия еще близка

²⁰ Metel' 2012, 36, 45–46, 48–55.

²¹ Shtaerman 1968, 645–646; ср. Shtaerman 1987, 214–215, 244–245, 292–294, 299–303, 307. Отметим осторожность Е.М. Штаерман в оценке влияния на «народную религию» восточных культов.

²² Diakonoff et al. 1989, III, 370; ср. Diakonoff, Utchenko 1970, 146.

²³ Vasil'ev 1983, 4–57.

присваивающему хозяйству; «время сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики», с развитым многоотраслевым земледелием и профессиональным ремеслом; и «период ремесел», когда они не только усложняются, но и появляются крупные поселения с монументальными постройками и складывается цивилизация. «Реверансы» периодизации поздней первобытности «по Моргану и Энгельсу» как бы подкреплялись соотношением «неолитической революции» с переходом, в их терминологии, от «дикости» к «варварству» и (менее явно) развития ремесла, прослеженного Массоном, с постулированным Энгельсом «вторым великим разделением труда»; однако, по сути дела, термины Энгельса были декорацией для введения в теоретическую схему понятий современной археологии²⁴. Оба ученых обошли вопрос, возникло ли государство из-за распада общества на антагонистические классы (в схеме Васильева эти явления как бы растворены друг в друге, а археологический материал Массона все же не отражал эти процессы напрямую), однако его не мог обойти И. М. Дьяконов в трехтомной «Истории древнего мира». Очерченная там схема противоречива: с одной стороны, в ней упомянуты «по Энгельсу» «великие разделения труда», а роль имущественного неравенства и насилия в возникновении государства подчеркнута даже эмоционально²⁵; с другой — среди его предпосылок выделена объективная потребность общества в наличии «лиц, освобожденных от производительного труда», а функция управления хозяйством у раннего государства подробно показана на примере Шумера²⁶. Примечательно, что Дьяконов остался в стороне от дискуссии 1989–1990 гг. вокруг тезиса Е. М. Штаерман о возникновении лишь в I в. до н.э. государства в Риме как аппарата классового насилия²⁷; сама же дискуссия, несмотря на ее аморфность, выявила неготовность ее участников ограничиваться этим «каноническим» определением²⁸.

О видении перехода от древности к средневековью в позднесоветской науке мы сказали уже много и теперь лишь суммируем важнейшие моменты: отказ от представления об этом этапе как о «революции», подкрепленный тезисами о зарождении ячеек феодализма в экономическом смысле этого термина еще в поздней древности, а также о большей роли религиозно-идеологических, а не «силовых» форм в классовом сопротивлении рабов на этом этапе; смещение акцента с изменения способа эксплуатации на утрату свободы древней общиной; придание значения догматизации возникавших в поздней древности этических

²⁴ Masson 1976, 177–187.

²⁵ «Это не значит, что общество сознательно освобождает от производительного труда именно наилучших организаторов, наиболее глубоких мыслителей, самых замечательных художников — отнюдь нет; излишек продукта, освобождающий от производительного труда, захватывают не те, которые способны его использовать наиболее рациональным образом, а те, кто смог. Те, в чьих руках кулачная, вооруженная или идеологическая сила, берут на себя и организационные задачи» (Diakonoff et al. 1989, I, 39). Похоже, что в некоторой безнадёжности этой формулировки прозвучала жизненная умудренность самого ученого.

²⁶ Diakonoff et al. 1989, I, 33–40; ср. с подачей материала культуры Убейда в Diakonoff 1983, 87.

²⁷ Shterman 1989.

²⁸ См. Krikh 2013, 239–254.

религий и учений. При этом в «схеме Дьяконова» обращалось внимание на деурбанизацию в раннем средневековье («Древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города»²⁹) и на то, что общества его периферии (Англия, Скандинавия, Русь) сначала воспроизводят характерные черты древности и лишь потом выравниваются под некий «общий уровень» (очевидно, заданный регионами древних цивилизаций)³⁰.

Подводя итог работе позднесоветской науки о древности по выявлению ее внутренних периодов и их рубежей, следует прежде всего отметить особенную роль в ней И.М. Дьяконова. Однако и общая тенденция в изучении древности как востоковедами, так и антиковедами состояла в том, чтобы, не прекращая социально-экономических штудий, перестать соотносить ее периоды с этапами в развитии рабовладения и всплесками классовой борьбы, связать их с эволюцией древней общины и в целом социально-политических институтов и на этой основе прийти к построению широкой схемы истории древней ойкумены в целом (в этом смысле показательны «переключки» между построениями Дьяконова и ученых, занимавшихся крито-микенской эпохой и ее финалом). Начался поиск альтернатив определению государства, данному советским марксизмом, хотя «социологическое» определение древности как эпохи если не рабства, то во всяком случае «внеэкономических» способов принуждения сохранило актуальность. Слабостью науки этого времени (в аспекте построения периодизации древности даже более существенной, чем сравнительно подчиненное положение изучения культуры и мировоззрения) было игнорирование факторов, не укладывающихся в социально-экономическую и политическую парадигмы, — прежде всего природных. Правда, И.М. Дьяконов пришел к необходимости отмечать их роль при изучении этнических процессов (по преимуществу в истории отдельных регионов)³¹; но они практически не заняли места в объяснении причин крупных кризисов, приводивших к смене исторических эпох.

5. РАЗВИТИЕ «СХЕМЫ ДЬЯКОНОВА» И ИНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РУБЕЖЕЙ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ УТОЧНЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ

Политические и идеологические изменения начала 1990-х годов привели к развороту научных приоритетов в сторону конкретных исследований (прежде всего не социально-экономической направленности) и широкого освоения опыта дореволюционной и мировой историографии: теоретические дискуссии предыдущих десятилетий, по сути дела, остановились. Вероятно, свою роль в этом

²⁹ Diakonoff et al. 1989, III, 11.

³⁰ Diakonoff 1971, 140 (ученый ссылается на работы А.Я. Гуревича; ср., однако, мнения А.И. Неусыхина о «дофеодальной» природе раннесредневековых обществ и В.И. Горемыкиной о рабовладельческом обществе Руси); Diakonoff et al. 1989, III, 370. В этом вопросе Дьяконов расходится с Е.М. Штаерман, как раз считавшей, что с начала н.э. у народов, вновь вступающих на путь классовобразования, уже не формируется рабовладельческий строй: Shtaerman 1957, 50–51.

³¹ См., например, о связи аридизации конца III тыс. до н.э. с миграциями сугиев-амореев и падением III династии Ура Diakonoff et al. 1989, I, 84.

сыграла и прямая смена поколений: Е.М. Штаерман умерла в 1991 г., И.М. Дьяконов, отошедший к этому времени, по его словам, от исследовательской работы³², — в 1999 г., и равных им теоретиков в науке о древности не появилось. Те наработки постсоветского времени, которые необходимо учитывать в построении периодизации древней истории, либо «достраивали» определенным образом «схему Дьяконова», либо привлекали внимание к факторам и аспектам исторического процесса, не учитывавшимся советской наукой, но тогда представляли собой не обобщения, а прежде всего конкретные исследования.

Безусловно, самую заметную попытку «достроить» «схему Дьяконова» сделал сам ее автор в книге «Пути истории», призванной, по его словам, скомпенсировать моральное старение марксистской концепции и представить ее альтернативой последовательность универсальных фаз исторического процесса, связанных этапами «фазовых переходов». В ходе них меняются «производственные отношения», причем для этого необходимо возникновение ситуации, в которой для народных масс «их социально-психологические ценности превратились в антиценности, а антиценности — в ценности», а также «введение принципиально новых технологий, в особенности производства оружия»³³. Был отторгнут такой атрибут советского марксизма, как отождествление древности и средневековья с рабовладельческой и феодальной формациями: Дьяконов отказался от принятого им же ранее обозначения «подневольных людей» древности «рабами “в широком смысле слова”»³⁴ и свел понятие феодализма к институту феода, по его словам, специфически европейскому³⁵. В первобытности Дьяконов выделил две фазы, с рубежом между ними по возникновению производящего хозяйства и появлением во второй из них сложных общественных структур — «чифдомов»³⁶ (соотнося эти фазы с «дикостью» и «варварством» Энгельса, он, по сути дела³⁷, повторил манипуляцию Массона). При этом в следующей, третьей фазе — ранней древности — фактически воспроизводятся черты мышления людей второй фазы: отсутствие в языке абстрактных понятий, использование для построения обобщений «тропов», образующих семантические ряды, объяснение причинно-следственных связей волей божеств, существование которых не поверяется разумом, а принимается на веру (здесь ученый воспроизводит идею нетождества архаического и современного мышлений, причем в сильно огрубленном варианте)³⁸.

Фактически обойдя вопрос о предпосылках возникновения государства, Дьяконов подчеркнул, что классы могли появиться только на этапе освоения металла³⁹ и что в начале ранней древности появляются города и крупные хозяйства⁴⁰; при этом он сильно расширил границы данной фазы, относя к ней, помимо

³² Diakonoff 1995, 741.

³³ Diakonoff 1994, 5–14.

³⁴ Diakonoff 1994, 31.

³⁵ Diakonoff 1994, 7–8.

³⁶ Diakonoff 1994, 23–25.

³⁷ Diakonoff 1994, 16.

³⁸ Diakonoff 1994, 19–20 (ср. наше прим. 14).

³⁹ Diakonoff 1994, 13.

⁴⁰ Diakonoff 1994, 27, 29.

собственно древних обществ, ранние государственности Японии «вплоть до периода Нара», Англии, Скандинавии и Руси, Африки VII–XVIII вв.⁴¹ Для Ближнего и Среднего Востока ученый постулировал в третьей фазе внутренний рубеж в конце III тыс. до н.э. (ср. с таким же рубежом в схеме Меликишвили): распад на этом этапе региональных государств Египта, Месопотамии и долины Инда «следует... приписать кризису в их бюрократической структуре, приведшему к экономическому хаосу»⁴². Примечательно, что Дьяконов не остановился специально на сознании людей ранней древности, полагая, что идеология ранних государств прямо встроилась в мировоззрение поздней первобытности⁴³. На четвертой фазе «имперской древности» было освоено железо и началось производство стали, что вызвало прогресс средств насилия: повторяя прежние объяснения генезиса империй, Дьяконов особо говорит о становлении в это время логического мышления, возникновении особых имперских пантеонов (тезис достаточно спорный) и учений «универсального, не локального характера, которые ставят во главу угла добро, этическое начало» (буддизм, конфуцианство, зороастризм, учение пророков, христианство)⁴⁴. Возникая как оппозиционные, эти учения затем догматизируются и становятся средством «освящения общественного устройства», что Дьяконов выделяет как важнейший признак перехода к средневековью – пятой фазе истории. Наряду с этим он обращает внимание на монополизацию оружия элитой, переход к эксплуатации ранее свободного крестьянства и начало экспансии «кочевых империй», вызванной (по явной аналогии с причинами генезиса империй I тыс. до н.э.) потребностью в обмене с цивилизованной ойкуменой (собственно, с подробного рассказа об этом Дьяконов начинает характеристику пятой фазы)⁴⁵.

«Пути истории» вызвали немало критики за многочисленные (особенно в главах, не относящихся к древности) фактические ошибки, а также скепсис по поводу заявленного в книге «преодоления марксизма»⁴⁶: прежние взгляды Дьяконова были в ней столь заметны, что скорее можно было поставить вопрос об их соответствии постулатам марксизма, при акцентировании в историческом процессе древности не борьбы классов, а эволюции общины и прогресса технологии⁴⁷. Бросается в глаза «снижение жанра» теоретических построений: по сути дела, эта книга – свободный трактат, а не академическая публикация⁴⁸. Примерно в той же форме старался развивать «схему Дьяконова» в 1990–2000-е годы его соавтор В.А. Якобсон, делая акцент на исключительной роли общины в облике древнего общества. По его

⁴¹ Diakonoff 1994, 38.

⁴² Diakonoff 1994, 39. Поразительно игнорирование при этом фактора климата, роль которого в падении III династии Ура Дьяконов знал.

⁴³ Diakonoff 1994, 36.

⁴⁴ Diakonoff 1994, 44–58.

⁴⁵ Diakonoff 1994, 65–71.

⁴⁶ См., например, взвешенную рецензию Arutyunov 1996 (мы не имеем возможности подробно учесть отклики не только на русское издание, но и на английский перевод этой книги); см. в целом Krikh, Metel' 2014, 145–194.

⁴⁷ См. Ladynin 2016, 26–27.

⁴⁸ Сам автор не случайно назвал работу над ней «большой авантюрой»: Diakonoff 1995, 741.

мнению, община была естественным, биологически заданным сообществом людей, которому противостояло государство как институт чисто социальный: это противостояние восходит еще к началу древности, когда в рамках первых региональных государств и задолго до сложения реальных империй возникает и имперская идеология⁴⁹. Определяя древность как эпоху «древнего гражданского»⁵⁰ (или даже «общинно-гражданского»⁵¹) общества, ученый пытался продемонстрировать сохранение общиной влияния на царей и даже возможности их сменять в течение всей древности, в том числе в империях I тыс. до н.э. Эпоха поздней древности «схемы Дьяконова» была уже прямо соотнесена с «осевым временем» К. Ясперса⁵², а финал древности определен точными датами для запада и востока ойкумены: в Римской империи она завершается эдиктом Каракаллы 212 г. н.э., даровавшим всем свободным римское гражданство и обесмыслившим этот общинный по своей основе институт, в Китае — присвоением в 202 г. до н.э. Лю Баном низшего ранга знатности всем главам семей общин, что инкорпорировало их в бюрократическую структуру⁵³. При этом ученый не скрывал ценностного восприятия противостояния общины и государства: второе представлялось ему началом давящим и генерирующим негативные явления (например, в условиях империй, национальную рознь)⁵⁴, однако после гибели древней общины во чреве «Левиафана», по завершении средневековья, «представительная форма правления... возрождает гражданское общество, но, разумеется, уже в новых формах»⁵⁵. Легко заметить слабости определения древности Якобсоном: дело не только в том, что отнюдь не везде вплоть до ее исхода община сохранила свое качество ячейки полноправных граждан (да и сам этот термин к ситуации древнего Востока применим лишь условно), но и в прямых натяжках при обосновании этого⁵⁶.

Падение качества аргументации этих теоретических построений как нельзя лучше показывает снижение запроса на них: по сути дела, отражающие их тексты

⁴⁹ Jakobson 2004.

⁵⁰ Diakonoff, Jakobson 1998, 24.

⁵¹ Jakobson 1997, 22; Sedov 2004, 52. В.А. Якобсон был редактором этих изданий, и ему принадлежат цитируемые здесь их разделы.

⁵² Diakonoff, Jakobson 1998, 24–25; ср. Jakobson 1997, 579–587; Sedov 2004, 54–55; Jakobson 2009, 153.

⁵³ Diakonoff, Jakobson 1998, 23; Jakobson 2009, 152.

⁵⁴ Jakobson 2004, 131.

⁵⁵ Diakonoff, Jakobson 1998, 29.

⁵⁶ Так, крайне спорно предложенное Дьяконовым и Якобсоном восприятие всего социума Египта, где сельской общины не было с III тыс. до н.э., как одной гигантской общины во главе с царем: Diakonoff, Jakobson 1998, 27; ср. Diakonoff 1994, 358. Стремясь же показать долгое сохранение городскими общинами Месопотамии суверенного права ставить на престол царей, Якобсон как будто не замечает, что в двух приведенных им примерах (времени Хаммурапи и Синаххериба) речь идет о ничего не доказывающей формальности, во втором случае еще и использованной для легитимации антиассирийского мятежа (Diakonoff, Jakobson 1998, 28). Эти аргументы приведены в статье, совместной с И.М. Дьяконовым, но они явно исходят от его соавтора, так как Дьяконов не приписывал гражданско-храмовым общинам I тыс. до н.э. какой-то особенной чисто политической роли. См. Ladynin 2021, 123–124.

Дьяконова и Якобсона 1990–2000-х годов воспринимались как изложение личной позиции очень чтимых ученых, которую не стоило судить по стандартным критериям оценки научной работы⁵⁷. Вместе с тем в конкретных исследованиях, по сути дела, уже с последнего советского десятилетия обозначились изменения в восприятии эпох и рубежей внутри древности. Пожалуй, наиболее явно это обнаружилось в изучении перехода римского государства от Республики к Империи: уже в 1980-е годы Е.М. Штаерман очертила проблему трансформации сознания римлян «от гражданина к подданному»⁵⁸, был поставлен традиционный для мировой историографии вопрос о соотношении в институтах принципата черт полиса и монархии⁵⁹, обсуждение которого привело уже в постсоветское время к обоснованию Я.Ю. Межерицким тезиса об особом этапе квазиобщины в истории Рима с III–II вв. до н.э. и о ее трансформации в «республиканскую монархию» Августом⁶⁰. Этот тезис представлял собой определенную крайность и был встречен в том числе и критически, однако восприятие принципата как системы, не сменяющей римскую *civitas* в качестве альтернативы ей, а инкорпорирующей ее, обнаруживается и у других исследователей⁶¹. Как политический процесс, в отличие от взгляда Е.М. Штаерман, оказывается теперь воспринят кризис III в. в Римской империи⁶². Восприятие истории древней Греции сугубо как процесса эволюции полиса и параллельных изменений при этом в сознании представлено в работах И.Е. Сурикова: разграничение эпох архаики и классики проведено им прежде всего по институциональному признаку, однако классический полис признан (весьма эмоционально) короткоживущей и исключительно совершенной формой человеческого сообщества («постгосударством»), с гармоничным сочетанием в нем особых социальной структуры и сознания граждан. За его гибелью идет «откат» к обычному для древности типу государственности, к бюрократическим монархиям», причем ключевым фактором в этом считается трансформация общественного сознания «от гражданина к подданному» (по явной аналогии с постановкой проблемы Штаерман)⁶³. Примечательным образом, в работах С.Ю. Сапрыкина прослеживается, хотя и не вполне явно, восприятие эллинизма как не конкретно-исторического (согласно К.К. Зельину), а именно стадийного явления, характеризующегося прежде всего спецификой экономической и политической структуры его государств, и ставится вопрос о продолжении этого периода в Причерноморье вплоть до первых веков н.э.⁶⁴ Можно сказать, что

⁵⁷ Правда, одна из статей В.А. Якобсона, изначально поданная в «Вестник древней истории» (см. Diakonoff, Jakobson 1998, 24, п. 5), в итоге была опубликована в сборнике научных трудов, весьма вероятно, с менее тщательной процедурой научного редактирования (Jakobson 2004).

⁵⁸ Shterman 1985.

⁵⁹ Egorov 1985.

⁶⁰ Работа, подводящая итог исследованиям, шедшим с 1990-х годов: Mezheritskiy 2016.

⁶¹ Makhlayuk 2015; Dement'eva 2017; Smyshlyaev 2017.

⁶² Sergeev 1999. Эту работу, вышедшую в Харькове, разумеется, нужно оценивать в общем контексте русскоязычной историографии.

⁶³ Surikov 2010, 42–43; ср. Surikov 2015, 19–68.

⁶⁴ Saprykin 2017.

восприятие эволюции полиса и связанных с ним форм государственности как детерминанты античной истории, берущее начало в науке 1950–1960-х годов, приобретает новое качество в постсоветское время. Кроме того, в самом его начале была предложена убедительная трактовка понятия «постэллинизм», крайне обтекаемого в зарубежной литературе: «эпоха эллинизма — это время политического господства греков, а постэллинизм — это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения»⁶⁵ (сообразно этому, данный термин относится прежде всего к государствам Востока, сложившимся окончательно после Апамейского мира 188 г. до н.э.).

Выше мы мало сказали об интеграции в общие схемы периодизации этапов древней истории таких макрорегионов, как Индия и Китай. Специфика исторического процесса в этих регионах порождала трудности в его осмыслении, отмеченные И.М. Дьяконовым (см. первую часть нашей статьи, прим. 89), но отчасти компенсировалась наличием в нем внутренних рубежей, совершенно очевидных (например, фиксируемого археологически финала эпохи Хараппы и начала затем качественно иной культуры после прихода индоариев) или выделяемых традиционно (между культурно-историческими эпохами в Индии, династиями — в Китае). Однако была важной независимо от идеологических тенденций и осталась актуальной в постсоветское время проблема определения для обоих этих регионов конечного рубежа древности. Условность его установления по событиям (вторжению гуннов-эфталитов и падению державы Гуптов в VI в. в Индии, концу династии Восточная Хань в 220 г. н.э. в Китае) заставляла искать перемены в обществе этих регионов, соотносимые с рубежом древности и средневековья⁶⁶, причем, разумеется, уже не на уровне сопоставления восстания «желтых повязок» с «революционными» движениями в поздней Римской империи. Л.Б. Алаев на основе исследований 1970–1990-х годов выделил такие признаки начала средневековья в Индии V–VI вв., как становление индуизма и замещение им буддизма, формирование в окончательном виде кастовой системы, изменение статуса варн вайшьев и шудр, натурализация экономики в силу целого комплекса факторов, действовавших на территории Старого Света, распространение крупного частного землевладения и дарения деревень, свидетельствующего о попадании сельских общин в частную зависимость⁶⁷. Вместе с тем А.А. Вигасин обратил внимание, что последнее явление наблюдается уже по «Артхашастре Каутильи», т.е., очевидно, около начала н.э.⁶⁸ Применительно к Китаю фактором ослабления имперской власти в период Восточной Хань традиционно считалось возвышение т.н. «сильных домов», сопоставлявшееся с процессом феодализации⁶⁹; но на деле этот процесс растянулся на всю эпоху Хань и был не столько трансформацией, сколько завершением формирования древнего общества вследствие «распада общинно-родового строя и развития классовых отношений» (причем сами эти структуры моделировались

⁶⁵ Gaibov et al. 1992, 31.

⁶⁶ С позиций дореволюционной науки такого рубежа здесь могло вообще не быть: Ladynin 2019, 797.

⁶⁷ Alaev 2003, 10–17.

⁶⁸ Vigasin 1993, 74–75.

⁶⁹ Diakonoff et al. 1989, III, 171–172, 176–177.

по образцу архаичных, восходящих к первобытности общин и кланов)⁷⁰. Думается, материал этих регионов позволяет особенно отчетливо поставить вопрос о том, в какой мере такие процессы следует считать предвестием или первой фазой новой эпохи, а не частью тенденций, свойственных самой древности (см. далее). Кроме того, еще в 1980-е годы была уяснена значимость в истории Китая демографических циклов, и эпоха первых империй была осмыслена как первый из них; соответственно, конец древности — как ее завершение⁷¹.

Наконец, именно на постсоветском этапе обозначился серьезный интерес к такому фактору, предопределяющему наступление ряда этапов в истории древности, как флуктуации климата. Появляются книги, посвященные влиянию климата и иных природных процессов на водный режим Нила и историю древнего Египта⁷², фактору климата в истории классической Греции⁷³; долгопериодические колебания климата учитываются при интерпретации археологических процессов⁷⁴. Однако схемы исторического процесса «большой протяженности» с учетом даже хорошо известных климатических явлений или крупных миграций, по сути дела, не появляются.

Общую схему древней истории, отражающую текущее состояние науки, было бы естественно искать в I томе «Всемирной истории», вышедшем в 2011 г., однако такой поиск увенчается неудачей. Разделение тома на две большие части — «Ранняя древность» и «Поздняя древность», — казалось бы, отсылает к «схеме Дьяконова», однако внятное обоснование этого отсутствует. Применительно к древнему Востоку А.А. Немировский сделал важные уточнения об этапах нарастания системности в межрегиональных отношениях на Ближнем Востоке II тыс. до н.э. (в т.ч. о значении в этом больших миграций), о Позднебронзовом веке как эпохе взаимодействия в этом регионе нескольких крупнейших акторов, о специфике мировых держав I тыс. до н.э. (эволюции их структуры, роли в их становлении стремления купцов расширить ареал торговли, явлениях «имперского народа» и «имперского языка»)⁷⁵; однако более широких обобщений по истории древнего Востока и вообще ранней древности в издании нет. В начале раздела по античной истории приведена ее периодизация, общая для Греции и для Рима; однако она открывается первым периодом крито-микенской цивилизации, не принадлежащей античности, а далее довольно четко распадается на «греческую» (2–3 периоды) и «римскую» (4–7 периоды) части, так что теряется начало римской истории, а объединение Римом Италии, как и Македонией — Греции, объясняется кризисом полиса⁷⁶. Нет обоснования какой-либо общей схемы и в заключении, уделяющем главное внимание соотносению в древности понятий «Восток» и «Запад»

⁷⁰ Malyavin 2007, 106–114. Первое издание этой книги под названием «Гибель древней империи» вышло в 1983 г.

⁷¹ Malyavin 2007, 183.

⁷² Prusakov 1999.

⁷³ Karpyuk 2010.

⁷⁴ Например, Amirov 2010, 56–63.

⁷⁵ Chubaryan 2011–2017, I, 222–231, 251–255.

⁷⁶ Chubaryan 2011–2017, I, 403–405; см. критические замечания: Surikov 2018, 16–19.

и явлениям «осевого времени» в обеих этих частях ойкумены⁷⁷. Столь откровенное пренебрежение общим видением истории древности как нельзя лучше показывает его не востребованность, скорее, не столько аудиторией этого издания, сколько его составителями, проявившими себя прежде всего в конкретных исследованиях.

Завершая разговор об опыте выделения этапов истории древности в нашей науке, следует, с одной стороны, отметить незавершенность этой работы и, с другой, высказать мысли о том, по каким направлениям, уже отчетливо намеченным в опыте отечественных и зарубежных исследователей, она может продолжиться. В свое время Ю.И. Семенов отнес к недостаткам «Путей истории» И.М. Дьяконова выделение фаз исторического процесса по меняющимся критериям и постулирование его принципиального единства по всей ойкумене⁷⁸. На наш взгляд, дело обстоит «с точностью до наоборот»: нет сомнений, что периодизация как истории в целом, так и ее больших разделов должна определяться максимально широкими, в идеале универсальными, закономерностями (разумеется, с признанием конкретности их проявлений в разных регионах), а однофакторной быть как раз не должна. Даже с позиций чисто материалистического восприятия исторического процесса сегодня можно уверенно говорить по крайней мере о еще одном объективном и мощном его факторе, помимо развития технологий и производства, — климатическом. Наша положительная оценка «схемы Дьяконова» очевидна из сказанного выше: прежде всего, оправдало себя выделение двух больших периодов древней истории, которое не зависит от ее традиционного деления на истории Востока, Греции и Рима и от этапов внутри них и при этом проведено по критериям не только эволюции индустрии и социально-политических институтов, но и изменений в мировоззрении людей. Существенно, что, хотя разработка этой двухчастной схемы в деталях — заслуга Дьяконова, интенцию в направлении к ней мы заметили и у его предшественников (пожалуй, особенно явно у О.В. Кудрявцева). Однако современный уровень науки о древности, безусловно, предоставляет возможности для совершенствования этой схемы с учетом большего числа факторов исторического процесса: кстати, такая «многофакторность» и исключает привязку периодизации к какой-то одной «руководящей» теории.

Выше мы согласились с проведением рубежей в истории древнего Ближнего Востока с точки зрения его экономического развития по концу III — началу II тыс. до н.э.⁷⁹ и примерно по началу I тыс. до н.э. На наш взгляд, следует проговорить до конца зависимость наступления этих этапов от изменений в технологии: если в условиях медно-каменного века до конца III тыс. до н.э. в ранних государствах было необходимо (в Египте и Передней Азии, прежде всего в Месопотамии) функционирование крупных централизованных хозяйств, то переход к бронзовому веку сделал возможными их дробление и эксплуатацию

⁷⁷ Chubaryan 2011–2017, I, 754–759.

⁷⁸ Semenov 1996.

⁷⁹ Стоит заметить, что в древнем Египте рубежное значение начала II тыс. до н.э. было осознано совершенно адекватно: цари начала XII династии, в особенности Сенусерт I, считались устроителями египетского общества на весь период вплоть до конца XIX династии, а в определенной мере и на дальнейшую перспективу: Ladyšin 2017, 162–205.

государством мелких хозяйств-парцелл; а начало железного века имело своим следствием резкое повышение мощности частных хозяйств, рост городской экономики, повышение товарности экономики в целом и широкое развитие межрегиональной торговли. Думается, не до конца осмыслено единство последнего процесса по всей ойкумене: становление товарной экономики наблюдается как в Греции эпохи архаики и в Нововавилонском царстве, так и в Индии буддистского периода и в Китае эпохи Чжаньго, причем оно напрямую зависит от темпов освоения данным регионом железа (в Китае, где железо осваивается ок. V в. до н.э., последствия этого и наблюдаются позже, чем на западе ойкумены). Таким образом, за вторым из этих рубежей следует новый период в истории не только Ближнего Востока, но и всей древней ойкумены; что касается первого рубежа, он един по крайней мере для ее древнейших цивилизационных центров.

Вместе с тем «индустриальный» фактор в смене этих этапов мощно дополняется двумя другими — климатическим и миграционным. Современной палеоклиматологии известны практически совпадающие с ними этапы аридизации — «климатическое событие 4200 лет т.н.», приведшее в Египте к снижению уровня разливов Нила и тяжелому кризису, а в Месопотамии к кризису Аккадской династии и затем к падению III династии Ура вследствие миграции амореев из пересохшей Сирийско-Месопотамской степи⁸⁰, и «климатическое событие 3200 лет т.н.», ставшее частью т.н. «коллапса Позднебронзового века» в Восточном Средиземноморье⁸¹. Последний включает в себя миграции «народов моря» по Восточному Средиземноморью до Египта, палеобалканцев в Малую Азию, дорийцев в Грецию; синхронны с этим кризисом, хотя и более растянуты во времени, миграции арамеов из Северной Аравии на Ближний Восток, сказавшиеся на ситуации в Месопотамии. Значение некоторых миграций (например, дорийской) для смены исторических эпох общеизвестно (прежде всего в Греции и Индии), других — менее очевидно⁸²; кроме того, еще предстоит оценить воздействие более ранних миграционных процессов на историю соответствующих этапов ранней древности (например, крупных, охвативших практически всю ойкумену перемещений народов в XVIII в. до н.э.). Однако в целом роль как климатических, так и миграционных кризисов состояла в том, что они приводили к тяжелым потрясениям существовавших на данном этапе социально-политических структур и делали возможным и необходимым их восстановление уже на новой основе. По меньшей мере в двух случаях — в Индии и в Греции — это привело к полному слому общества бронзового века и к формированию принципиально иного пути развития.

⁸⁰ Dalfes et al. 1996; Prusakov 1999, 100–142; Weiss 2017, 93–160. Воздействие этого же климатического события на цивилизацию Хараппы и очаг древнекитайской цивилизации признается многими исследователями, но в оценке его характера, как кажется, пока меньше определенности. Здесь и далее работы по палеоклиматологии, на сегодняшний день чрезвычайно многочисленные в зарубежной литературе, цитируются выборочно.

⁸¹ Cline 2014, 139–170; Weiss 2017, 161–182.

⁸² См., например, мнение о том, что разрушение Хеттского царства «народом моря» открыло доступ к бывшим под его контролем месторождениям железа и ускорило переход к железному веку на Ближнем Востоке: Diakonoff et al. 1989, II, 5–6.

Поэтому значимость этих факторов в наступлении новых исторических этапов трудно переоценить.

Кроме того, внутри периода ранней древности приходится выделить еще один специфический подпериод, а именно Позднебронзовый век (вторая половина II тыс. до н.э.): один из критериев его выделения — проявившаяся впервые системность в геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в Эгейском бассейне — был должным образом отмечен еще Г. Масперо, посвятившим ему II том своего труда о «классическом Востоке» под названием «Первые смешения народов»⁸³. Вместе с тем дело не только в этой тенденции, предпосылкой которой была достаточно тесная интеграция Восточного Средиземноморья в Среднебронзовый век: это время приносит еще и серьезные изменения в духовную жизнь древнейших цивилизаций. Тогда в Месопотамии окончательно обретает силу т.н. «личная религия»; в Египте, помимо краткого, но значимого эпизода реформы Эхнатона, заметны становление настоящего религиозного нарратива в последовательных описаниях богов и изложениях сюжетов мифов, большее ощущение посмертной зависимости от богов, попытки не опосредованных ритуальной функцией царя контактов с ними («личное благочестие») ⁸⁴. Актуальность восприятия мира как поля взаимодействия его сил, представленных в богах, которыми человек может манипулировать, явно снижается (в Египте это видно по фактическому уходу из обеспечения посмертной судьбы модели т.н. «мира-двойника» III тыс. до н.э.), а его прямого предстояния перед ними, видимо, возрастает. С оговорками (по поводу того, что традиционное ритуальное взаимодействие с богами остается в религии структурообразующим) такую ситуацию в духовной жизни Позднебронзового века можно назвать «предосевой», и, действительно, ряд тенденций I тыс. до н.э. должны быть с ней связаны⁸⁵.

Что касается поздней древности, то ее оценка как времени становления межрегиональных держав справедлива и потому, что во многом так считали ее современники (мы имеем в виду представление греческих авторов о «царстве Азии» и его аналоги на Ближнем Востоке⁸⁶). Думается, что в оценке предпосылок к этому акцент нужно решительно сместить на наступление железного века и последовавший качественный рост экономических связей между регионами, для чего империи предоставляли оптимальную инфраструктуру. С этой точки зрения необходимо выделить особый подпериод, продолжающийся с эпохи эллинизма (когда устанавливается морское сообщение с Индией) и вплоть до конца поздней древности: тогда системность по крайней мере в экономических контактах между регионами распространяется на всю ойкумену. Вместе с тем особенности духовной жизни этого периода в целом совпадают с содержанием понятия «осевого времени»

⁸³ Maspero 1897.

⁸⁴ Jacobsen 1976, 145–164; Diakonoff 1983, 453; Klochkov 1983, 60–152; Assmann 1984, 221–281; Bol'shakov 2003, 17–20 (о проникновении изображений богов в оформление гробниц Нового царства).

⁸⁵ Не раз отмечалось сходство мотивов и образов месопотамских текстов «невинных страдальцев» и Книги Иова (Lambert 1996, 23, 27), большого гимна Эхнатона и псалма 104 (Assmann 1984, 247).

⁸⁶ Ladynin 2017, 143–144.

у К. Яспера: это, с одной стороны, итоговая дифференциация духовной деятельности людей на науку (включая философскую разработку ее методологии), творчество и религию (следует учитывать, что этот процесс не ограничивается античным миром, а оказывается общемировым, проявляясь особенно заметно в Индии и Китае); с другой стороны, становление этических религий и концепций, которые на заключительном этапе древности уже доминируют в сознании людей.

Выделяя «предосевые» и «осевые» явления в сознании людей, невозможно не обсуждать их предпосылки и при этом не коснуться вопроса о связи состояния духовной сферы с объективными факторами в развитии общества. На наш взгляд, уже на этапе Позднебронзового века люди должны были меньше, чем прежде, ощущать зависимость своей жизни от природы, и это ощущение еще сократилось с освоением железа; сообразно этому, должно было уменьшиться и ощущение наущности чисто прагматического ритуального взаимодействия с богами. С другой стороны, при качественном в условиях железного века росте частного начала в экономике и в социальных отношениях общества I тыс. до н.э. стали гораздо более конкурентными, институты солидарности в них ослабли — и все это при нарастающей мобильности, когда в условиях империй и их экспансии человек мог оторваться от своей социальной ячейки и своей родины как по воле завоевателя, так и в силу собственных занятий. Востребованность этического начала религии в условиях неустроенности людей в обществе хорошо видна, к примеру, по становлению культа Осириса как бога посмертного воздаяния в Египте I Переходного периода; думается, что такую компенсаторную функцию в условиях поздней древности должны были выполнять и этические учения (пример пророческого иудаизма показывает, что они могли и предлагать практическую программу выхода общества из такой неустроенности⁸⁷). Очевидно, что эта функция стала максимально востребованной, а этические учения одержали победу над архаическими религиями на том заключительном этапе поздней древности, когда общинные институты окончательно стали лишь интегральными составляющими в составе имперских структур (характерным образом, этот этап совпадает по времени со сложением системных контактов по всей ойкумене). Сказанное относится к становлению «осевых религий» в условиях поздней древности; что же касается «предосевых» тенденций Позднебронзового века, подробное осмысление их предпосылок пока лежит в будущем.

Наконец, в отечественной историографии далеко не завершена работа по определению сущности начального и конечного рубежей истории древности. Что касается первого из них — этапа политогенеза, — перспективна его оценка, в соответствии с наметками И.М. Дьяконова, как этапа в разделении труда, на котором в обществе возникают организационные функции (в управлении хозяйством или военной сферой). В современных работах подробно обсуждается применение к оценке этого процесса этнологических моделей⁸⁸, однако их использование на материале, например, древнего Ближнего Востока порождает двойную проблему: с одной стороны, процессы политогенеза (особенно в IV тыс. до н.э.) почти не отражены в письменных

⁸⁷ Shifman 1987, 21–72.

⁸⁸ Kradin 2004, 149–192.

источниках, с другой — исследователи их теоретических аспектов редко профессионально владеют материалом древних источников, а историки древности, наоборот, теоретическими моделями⁸⁹. Кроме того, опять же по мнению климатологов, стоит, видимо, учитывать возможное ускорение развития ирригационных систем и организующих их структур в Египте и Месопотамии под воздействием аридизации Северной Африки и Ближнего Востока в IV тыс. до н.э.⁹⁰

Что касается финала древности, то, как мы видели выше, для поздне- и отчасти постсоветской историографии он во многом сводился к исчезновению свободной общины. Одна из возникающих при этом проблем состоит в определении самого этого понятия применительно к древности. Древняя община была свободна экономически, если не подвергалась эксплуатации, и политически — если была независимым государством. Сочетание того и другого дает классический полис — «идеальную модель» свободной общины, — однако, как мы говорили, его существование кратковременно: уже в эпоху эллинизма полисы встраиваются в более обширные структуры (в том числе в эллинистические царства), а полисы и муниципии в составе Римской империи, несомненно, были низовым элементом общеимперской системы управления (в частности, агентами налогообложения своих граждан). На Востоке сельские общины изначально несли если не налоги, то повинности, а далее подпадали и под систематическую эксплуатацию: в Передней Азии их члены стали платить государству ренту наряду с прочими зависимыми; в Египте общинники полностью влились в государственные хозяйства уже в III тыс. до н.э.; в Китае община явно эксплуатировалась государством еще до акта Лю Бана, встроившего ее в бюрократическую структуру, а кроме того, попадала в зависимость от глав «сильных домов»; в Индии она начинает попадать в частную зависимость, видимо, еще на рубеже н.э., и, очевидно, что-то схожее было и в Парфии⁹¹. Гражданско-храмовые общины на Востоке I тыс. до н.э. при своих привилегиях не имели политической независимости и в любом случае были лишь небольшим элитарным островком в море податного населения. Для ряда обществ значимым рубежом был тот, после которого членство в общине само по себе перестало означать полноправие; но нельзя недооценивать, насколько он был подготовлен предыдущим достаточно длительным развитием, тем более что если в Риме он действительно соответствует концу древности — времени эдикта Каракаллы и деления общества на *honestiores* и *humiliores*, — то в Передней Азии сельские общины прошли его по меньшей мере на полтора тысячелетия раньше. Для средневековья, в отличие от древности, как будто более характерна частная, а не государственная зависимость общин земледельцев; однако и этот важный нюанс не мешает считать само попадание общины в политическую зависимость и под эксплуатацию (где-то в силу конкретных условий государственную, где-то частную) не симптомом новой эпохи, а итогом развития, укладывающегося в рамки древности. Разумеется, важное явление, связываемое с финалом

⁸⁹ См. редкие примеры совмещения этих двух «компетенций»: Trigger 2003; Lloyd 2014, 52–57 (применительно к материалу додинастического Египта).

⁹⁰ Clarke et al. 2016.

⁹¹ Gaibov et al. 1992, 49.

древности, — это догматизация и интеграция в официальную идеологию этических течений; однако если с христианством и зороастризмом это произошло действительно лишь при доминате и в сасанидском Иране, то с конфуцианством — еще при Западной Хань во II в. до н.э., причем и в Индии, и в Китае такие духовные изменения не привели к резкому культурному обрыву и, соответственно, не обозначили границы между эпохами. Очевидно, нужно тщательно разбираться, в какой мере на такие явления в каждом регионе воздействуют факторы идеологического оформления менее свободного общества (в Римской империи это явно сыграло свою роль), развития тенденций, обозначившихся с началом «осевого времени», и потребности в унификации мировоззрения в макрорегионах с интенсивными внутренними связями и «перемешиванием» носителей очень разных культур.

Похоже, важный симптом рубежа древности и средневековья если не во всех, то во многих регионах ойкумены — угасание городской жизни и натурализация экономики; однако при этом возникает вопрос об их конкретных предпосылках. По-видимому, уже для начала кризиса III в. в Римской империи нужно учитывать такие факторы, как «Антонинова чума» конца II в. и конец климатического оптимума, в течение которого развивалась Ранняя империя⁹²; на этапе же IV–V вв. все макрорегионы Старого Света столкнулись в той или иной мере с Великим переселением народов (получив импульс, видимо, опять же от климатических изменений середины IV в. в Восточной Азии)⁹³, оно обусловило гибель Западной Римской империи, державы Гуптов и многие проблемы времени Шести династий в Китае). Менее ощутимо оно было в Восточной Римской империи и в государстве Сасанидов; однако в VI в. практически вся ойкумена сталкивается с тяжелейшим климатическим бедствием 535–536 гг., вскоре «дополненным» эпидемией чумы⁹⁴, а в VII в. ситуация на Ближнем Востоке резко меняется из-за арабского завоевания. Иными словами, рубеж между древностью и средневековьем был с разной степенью резкости, но по всему Старому Свету прочерчен потрясениями, вовсе не предопределенными собственно развитием общества, однако вызвавшими слом его прежней структуры и необходимость ее восстановления в изменившихся условиях (в том числе резко к худшему, с примитивизацией экономики и уклада жизни) и при участии новых акторов. Среди последних особую роль в течение почти всего средневековья играли «кочевые империи», возникшие лишь в конце древности (по сути дела, единственным ее обществом, столкнувшимся с этим фактором, был ханьский Китай)⁹⁵. Как известно, история не знает сослагательного наклонения, но его и не приходится употреблять для оценки того, как развивалось бы общество поздней древности без этих потрясений: показательные примеры этого дают и Римская империя IV в., и государство Сасанидов.

В заключение вернемся к одному моменту, затронутому в начале нашей статьи. Если долгое время периодизация истории древности так или иначе была связана

⁹² Bruun 2007; McCormick et al. 2012, 180–185.

⁹³ McCormick et al. 2012, 190.

⁹⁴ Gunn 2000; Little 2007.

⁹⁵ Chubaryan 2011–2017, II, 10–12, 71–83, 273–282, 342–348, 490–498, 611–633.

с ее делением на историю древнего Востока и античности, включая древнюю Грецию, эллинизм и Рим, то сейчас можно уверенно сказать, что эти понятия не имеют периодизационного значения, а эпохи, выделяемые традиционно внутри истории Древней Греции и Рима (как и Индии и Китая), стоит рассматривать в широком сопоставлении с развитием других регионов. Обсуждение критериев выделения рубежей древности и эпох внутри нее, безусловно, продолжится, но его основой, видимо, еще долго могут служить наработки, сделанные к концу советского времени.

Литература / References

- Alaev, L.B. 2003: *Srednevekovaya Indiya [Medieval India]*. Saint Petersburg.
Алаев, Л.Б. *Средневековая Индия*. СПб.
- Amirov, Sh.N. 2010: *Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV–III tys. do n.e. [Khaburian Steppe in the Northern Mesopotamia during 4th–3rd Millennium BC]*. Moscow.
Амиров, Ш.Н. *Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н.э.* М.
- Arutyunov, S.A. 1996: [Rev.: I.M. Diakonoff. Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays. Moscow, 1994]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]* 2, 167–170.
Арутюнов, С.А. Рец.: И.М. Дьяконов. Пути истории: от древнейшего человека до настоящих дней. М., 1994. *Этнографическое обозрение* 2, 167–170.
- Assmann, J. 1984: *Ägypten: Theologie und Frömmigkeit einer frühen Hochkultur*. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz.
- Belyavskiy, V.A. 1971: *Vavilon legendarnyy i Vavilon istoricheskiy [Babylon Legendary and Historical]*. Moscow.
Белявский, В.А. *Вавилон легендарный и Вавилон исторический*. М.
- Bol'shakov, A.O. 2001: *Chelovek i ego Dvoynik. Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva [Man and His Double. Representation and World View in the Old Kingdom Egypt]*. Saint Petersburg.
Большаков, А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.
- Bol'shakov, A.O. 2003: [Representation and Text: Two Languages of Ancient Egyptian Culture]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–20.
Большаков, А.О. Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры. *ВДИ* 4, 3–20.
- Briant, P. 1982: *Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien*. Besançon.
- Bruun, Chr. 2007: The Antonine Plague and the 'Third-Century Crisis'. In: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crises and the Roman Empire. Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006)*. (Impact of Empire, 7). Leiden, 201–218.
- Bukharin, M.D., Ladynin, I.A., Lyapustin, B.S., Nemirovskiy, A.A. 2009: *Istoriya drevnego Vostoka [A History of Ancient Orient]*. Moscow.
Бухарин, М.Д., Ладынин, И.А., Ляпустин, Б.С., Немировский, А.А. *История древнего Востока*. М.
- Chubaryan, A.O. (ed.) 2011–2017: *Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh [A World History in Six Volumes]*. Vol. I–VI. Moscow.
Чубарьян, А.О. (гл. ред.). *Всемирная история в шести томах*. Т. 1–6. М.
- Clarke, J., Brooks, N., Banning, E.B., Bar-Matthews, M., Campbell, S., Clare, L., Cremaschi, M., di Lernia, S., Drake, N., Gallinaro, M., Manning, St., Nicoll, K., Philip, G., Rosen, St., Schoop, U.-D., Tafuri, M.A., Weninger, B., Zerbini, A. 2016: Climatic Changes and Social Transformations in the Near East and North Africa during the 'Long' 4th Millennium B.C.: A Comparative Study of Environmental and Archaeological Evidence. *Quaternary Science Reviews* 136, 96–121.
- Cline, E. 2014: *1177 B.C.: The Year Civilization Collapsed*. Princeton.
- Dalfes, H.N., Kukla, G., Weiss, H. (eds.) 1996: *Third Millennium BC Climate Change and Old World Collapse*. Berlin–Heidelberg–New York.
- Dandamayev, M.A. 2002: [Disintegration of the State Economy and Privatization Processes in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–22.

- Дандамаев, М.А. Распад государственного хозяйства и процессы приватизации в древней Месопотамии. *ВДИ* 4, 3–22.
- Dementyeva, V.V. 2017: [Categorical Apparatus of the “Roman Revolution” Studies: The Term ‘quasi civitas’ in the Jakov Yu. Mezheritskiy Research]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 752–768.
- Дементьева, В.В. Категориальный аппарат изучения «Римской революции»: понятие quasi civitas в исследовании Я.Ю. Межерицкого. *ВДИ* 77/3, 752–768.
- Diakonoff, I.M. 1971: [Main Features of the Ancient Society (Review Based on the Data of Western Asia)]. In: G.F. Kim (ed.), *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [Problems of the Pre-Capitalist Societies in the Countries of Orient]. Moscow, 127–146.
- Дьяконов, И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). В сб.: Г.Ф. Ким (отв. ред.), *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока*. М., 127–146.
- Diakonoff, I.M. (ed.) 1983: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii*. Ch. 1. *Mesopotamia* [The History of Ancient Orient: Genesis of the Earliest Stratified Societies and the First Centers of the Slave-Ownning Civilization. Pt. 1. *Mesopotamia*]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. Месопотамия. М.
- Diakonoff, I.M. 1990: *Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada* [The Archaic Myths of East and West]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Архаические мифы Востока и Запада*. М.
- Diakonoff, I.M. 1994: *Puti istorii: ot drevneyshogo cheloveka do nashikh dnei* [Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. М.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [A Book of Memoirs]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.
- Diakonoff, I.M., Jakobson, V.A. 1998: [Ancient Civil Society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 22–30.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. Гражданское общество в древности. *ВДИ* 1, 22–30.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World]. Vol. I–III. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. 3-е изд. М.
- Diakonoff, I.M., Utchenko, S.L. 1970: [Social Stratification of the Ancient Society]. In: *XIII Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk. Moskva, 16–23 avgusta 1970 g. Doklady* [13th International Congress of Historical Sciences. Moscow, 16–23 August 1970. Papers]. Vol. I. Pt. 3. Moscow, 129–149.
- Дьяконов, И.М., Утченко, С.Л. Социальная стратификация древнего общества. В кн.: *XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады*. Т. 1. Ч. 3. М., 129–149.
- Egorov, A.B. 1985: *Rim na grani vekov: Problemy rozhdeniya i formirovaniya printsipata* [Rome at the Boundary of Ages. Problems of the Origin and Formation on the Principate]. Leningrad.
- Егоров, А.Б. *Рим на грани веков: Проблемы рождения и формирования принципата*. Л.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историкографические очерки*. СПб.
- Gaibov, V.G., Koshelenko, G.A., Serditykh, Z.V. 1992: [The Hellenistic Orient]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad* [Hellenism: East and West]. Moscow, 10–58.
- Гаибов, В.Г., Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. Эллинистический Восток. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 10–58.
- Gunn, J.D. 2000: *The Years Without Summer: Tracing A.D. 536 and its Aftermath*. (BAR International Series, 872). Oxford.
- Jacobsen, Th. 1976: *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion*. New Haven (CT)–London.

- Jakobson, V.A. (ed.) 1997: *Istoriya Vostoka*. T. 1: *Vostok v drevnosti* [*The History of Orient*. Vol. 1: *Orient in Antiquity*]. Moscow.
- Якобсон, В.А. (отв. ред.). *История Востока*. Т. 1: *Восток в древности*. М.
- Jakobson, V.A. 2004: [The Making of Empire and Imperial Ideology at Ancient Mesopotamia]. In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na drevnem Vostoke* [*The State in the Ancient East*]. Moscow, 124–132.
- Якобсон, В.А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (ред.), *Государство на древнем Востоке*. М., 124–132.
- Jakobson, V.A. 2009: [Some Problems in the Periodization of Ancient History]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 148–154.
- Якобсон, В.А. Проблемы периодизации древней истории. *ВДИ* 3, 148–154.
- Jaspers, K. 2017: *Gesamtausgabe*. Bd. I/10: *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Basel.
- Karpyuk, S.G. 2010: *Klimat i geografiya v chelovecheskom izmerenii (arkhaicheskaya i klassicheskaya Gretsia)* [*Climate and Geography in the Human Dimension (Archaic and Classical Greece)*]. Moscow.
- Карпюк, С.Г. *Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция)*. М.
- Klochkov, I.S. 1983: *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: Chelovek, sud'ba, vremya. Ocherki* [*The Spiritual Culture of Babylonia: Man, Fate, Time. Essays*]. Moscow.
- Клочков, И.С. *Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки*. М.
- Koshelenko, G.A. 1980: [The Economy of Ancient Greece in Contemporary Foreign Literature]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [*Ancient Orient and Classical World*]. Moscow, 115–127.
- Кошеленко, Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе. В сб.: В.И. Кузищин (ред.), *Древний Восток и античный мир*. М., 115–127.
- Kradin, N.N. 2004: *Politicheskaya antropologiya* [*Political Anthropology*]. Moscow.
- Крадин, Н.Н. *Политическая антропология*. М.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [*The Image of Antiquity in Soviet Historiography*]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S. 2020: *Drugaya istoriya: «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [*Another History. The 'Peripheral' Soviet Research of Antiquity*]. Moscow.
- Крих, С. *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Krikh, S.B., Metel', O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli* [*The Soviet Historiography of Antiquity in the Context of the World Historiographic Thought*]. Moscow.
- Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Ladynin, I.A. 2017: "Snova pravit Egipet!" *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [*'Egypt Rules Again!' The Beginning of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. «Снова правит Египет!» *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды*. М.—СПб.
- Ladynin, I.A. 2019: [The Concept of the 'Ancient Orient' in Russian and Soviet Scholarship of the Twentieth Century]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/3, 772–796.
- Ладынин, И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 79/3, 772–796.
- Ladynin, I.A. 2021: ['World Empires' of the Ancient Near East of the First Millennium B.C. in the Theoretical Schemes of Soviet and Post-Soviet Historiography of Antiquity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [*Perm University Herald. History*] 1 (52), 118–128.
- Ладынин, И.А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности. *Вестник Пермского университета. История* 1 (52), 118–128.
- Ladynin, I.A. 2023: ["Slavery 1.0": the Concept of the Ancient Oriental Slave-Ownning Societies in the Works by Vassiliy Struve of 1933–1934 and Its Perspective]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [*The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*] 14/2 (124).

- Ладынин, И.А. «Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В.В. Струве 1933–1934 гг. и ее судьба. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124).
- Lambert, W.G. 1996: *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake (IN).
- Lévêque, P. 1989: *Ellinisticheskiy mir [Hellenistic World]*. Moscow.
- Левек, П. *Эллинистический мир*. М.
- Little, L.K. (ed.) 2007: *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Cambridge.
- Lloyd, A.B. 2014: *Ancient Egypt. State and Society*. Oxford.
- Makhlayuk, A.V. 2015: [Transition from Republic to Empire and the Problem of Roman Civilization]. In: E.G. Megaryan (ed.), *Transformatsionnye protsessy v epochu printsipata. Vkluychenie Rima v osevoe vremya [Transformation Processes in the Principate. Inclusion of Rome into Axial Time]*. Yerevan, 92–120.
- Махлаюк, А.В. Переход от Республики к Империи и проблема римской цивилизации. В сб.: Е.Г. Маргарян (отв. ред.), *Трансформационные процессы в эпоху принципата. Включение Рима в осевое время*. Ереван, 92–120.
- Malyavin, V.V. 2007: *Imperiya uchenykh [The Empire of Scholars]*. Moscow.
- Малявин, В.В. *Империя ученых*. М.
- Maspero, G. 1897: *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*. Vol. II. *Les premières mêlées des peuples*. Paris.
- Masson, V.M. 1976: *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv [Economy and the Social System of the Ancient Societies]*. Leningrad.
- Массон, В.М. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Л.
- McCormick, M., Büntgen, U., Cane, M.A., Cook, E.R., Harper, K., Huybers, P., Litt, Th., Manning, St.W., Mayewski, P.A., More, A.F.M., Nicolussi, K., Tegel, W. 2012: Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientific and Historical Evidence. *Journal of Interdisciplinary History* 43/2, 169–220.
- Melikishvili, G.A. 1975: [The Socio-Economic Structure of Ancient Near Eastern Societies]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 18–45.
- Меликишвили, Г.А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. *ВДИ* 2, 18–45.
- Melikishvili, G.A. 1985: [Principal Stages in the Development of Ancient Near Eastern Society]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–24.
- Меликишвили, Г.А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества. *ВДИ* 4, 3–24.
- Metel', O.V. 2012: *Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920–1990-e gg.) [Soviet Model for the Research of the Original Christianity (1920–1990s)]*. Omsk.
- Метель, О.В. *Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)*. Омск.
- Mezheritskiy, Ya.Yu. 2016: *“Vosstanovlennaya respublika” imperatora Avgusta [Emperor Augustus' Restored Republic]*. Moscow.
- Межерицкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.
- Nemirovskiy, A.I. 1986. *Rozhdenie Klio: u istokov istoricheskoy mysli [The Birth of Clio: At the Start of Historical Thought]*. Voronezh.
- Немировский, А.И. *Рождение Клио: у истоков исторической мысли*. Воронеж.
- Nikiforov, V.N. 1977: *Vostok i vsemirnaya istoriya [Orient and the World History]*. Moscow.
- Никифоров, В.Н. *Восток и всемирная история*. М.
- Prusakov, D.B. 1999: *Priroda i chelovek v drevnem Egipte [Nature and Man in Ancient Egypt]*. Moscow.
- Прусаков, Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М.
- Saprykin, S.Yu. 2017: [Hellenism in the Black Sea Littoral]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* 35, 126–168.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм в Причерноморье. *Боспорские исследования* 35, 126–168.
- Sedov, A.V. (ed.) 2004: *Istoriya drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy [The History of Ancient Orient: From the Early Politics to the Ancient Empires]*. Moscow.
- Седов, А.В. (ред.). *История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй*. М.

- Semenov, Yu.I. 1996: [Rev.: I.M. Diakonoff. Paths of History: From the Earliest Humans to Nowadays. Moscow, 1994]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review] 2, 170–173.
- Семенов, Ю.И. Рец. И.М. Дьяконов. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994. *Этнографическое обозрение* 2, 170–173.
- Sergeev, I.P. 1999: *Rimskaya imperiya v III veke nashey ery. Problemy sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Roman Empire in the Third Century A.D. Problems of the Social and Political History]. Khar'kov.
- Сергеев, И.П. *Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории*. Харьков.
- Shifman, I.Sh. 1987: *Vetkhii Zavet i ego mir* [Old Testament and Its World]. Moscow.
- Шифман, И.Ш. *Ветхий Завет и его мир*. М.
- Shofman, A.S. 1984 (ed.): *Periodizatsiya vsemirnoy istorii* [Periods of the World History]. Kazan.
- Шофман, А.С. (ред.). *Периодизация всемирной истории*. Казань.
- Shtaerman, E.M. 1957: *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* [The Crisis of the Slave-Ownning System in the Western Provinces of the Roman Empire]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи*. М.
- Shtaerman, E.M. 1968: [Ancient Greek and Roman Society. Modernization of History and Historical Parallels]. In: L.V. Danilova (ed.), *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of the Pre-capitalist Societies]. Book 1. Moscow, 638–671.
- Штаерман, Е.М. *Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии*. В сб.: Л.В. Данилова (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Книга 1. М., 638–671.
- Shtaerman, E.M. 1977: [Rev.: M.J. Finley. The Ancient Economy. Berkeley–Los Angeles, 1973]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 165–175.
- Штаерман, Е.М. Рец.: М.Дж. Финли. *The Ancient Economy*. Berkeley–Los Angeles, 1973. *ВДИ* 2, 165–175.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From Citizen to Subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kultura drevnego Rima* [The Culture of Ancient Rome]. Vol. 1. Moscow, 22–104.
- Штаерман, Е.М. *От гражданина к подданному*. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–104.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima* [Social Foundations of the Ancient Roman Religion]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Социальные основы религии древнего Рима*. М.
- Shtaerman, E.M. 1989: [On the Topic of the Rise of the State in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 76–94.
- Штаерман, Е.М. *К проблеме возникновения государства в Риме*. *ВДИ* 2, 76–94.
- Smyshlyaev, A.L. 2017: ['Dominatio civilis' as Imagined by Greek Writers and Realized by Roman Authorities]. *Istoricheskii vestnik* [Journal of History]. "Roma: dominatio civilis" 19, 10–49.
- Смышляев, А.Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти. *Исторический вестник*. «Рим: dominatio civilis» 19, 10–49.
- Struve, V.V. 1934: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka* [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М.–Л.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and the Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [The Ancient Polis. A Course]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. *Греческий полис архаической и классической эпох*. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia. Politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. At the Threshold of a New Age]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsia. Politogenez, politicheskie i pravovye instituty* [Ancient Greece. State-formation, Political Institutions, Law]. (Opuscula selecta, II). Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политогенез, политические и правовые институты*. (Opuscula selecta, II). М.
- Trigger, B. 2003: *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge.

-
- Vasil'ev, L.S. 1983: *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva* [*Problems of Genesis of the Chinese State*]. Moscow.
Васильев, Л.С. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.
- Vigasin, A.A. 1993: [From Antiquity to the Middle Ages. Some Problems of Interpretation of Sanskrit Texts (rejoinder to R.Sh. Sharma)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 72–78
Вигасин, А.А. Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация (по поводу статьи Р.Ш. Шармы). *ВДИ* 3, 72–78.
- Weinberg, I.P. 1993: *Rozhdenie istorii: Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n.e.* [*The Birth of History: Historical Thought at the Near East in the Middle of the First Millenium B.C.*] Moscow.
Вейнберг, И.П. *Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.* М.
- Weiss, H. (ed.) 2017: *Megadrought and Collapse: From Early Agriculture to Angkor*. Oxford.
- Zaytsev, A.I. 1985: *Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n.e.* [*Cultural Revolution in Ancient Greece, 8th–5th Centuries B.C.*] Leningrad.
Зайцев, А.И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э.* Л.
- Zhukov, E.M. (ed.) 1955–1965: *Vsemirnaya istoriya v desyati tomakh* [*A World History in Ten Volumes*]. Vol. I–X. Moscow.
Жуков, Е.М. (гл. ред.). *Всемирная история в десяти томах*. Т. 1–10. М.

DOI: 10.31857/S032103910021768-7

А.М. СМОРЧКОВ. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний. Перевод с латинского, комментарии, вступительная статья и приложения. М.: РГГУ, 2020. 468 с. ISBN 978-5-7281-2900-4

Выход в свет в 2020 г. рецензируемой книги, подготовленной крупным отечественным специалистом по римской истории, стал заметным событием в нашей литературе по классической древности. Всем известно, что ситуация с переводами на русский язык античных произведений далека от благополучной: до сих пор не до конца переведено даже наследие такого хрестоматийного автора, как Цицерон; нет, к примеру, полных современных переводов Кассия Диона и Квинтилиана; о менее крупных фигурах и говорить не приходится. Что еще хуже, нередко появляются некачественные переводы, сделанные плохим русским языком и содержащие грубые ошибки¹. Поэтому современный профессиональный перевод Валерия Максима, выполненный по новым критическим изданиям, давно уже ожидался всеми интересующимися античной историей в нашей стране и ближнем зарубежье².

Сначала скажем о достоинствах обсуждаемой книги. Главное из них, безусловно, заключается в большой точности перевода. Для отдельных мест, вероятно, можно было бы предложить более удачные варианты, но таких случаев немного и они не влияют на общую высокую оценку проделанной Сморчковым гигантской работы. Мне удалось обнаружить лишь несколько ошибок. На с. 128 читаем, что Г. Кассий осквернил себя «общественным отцеубийством» (*publico patricidio*, III. 1. 3)³. На с. 131 встречаем странное место: «Коссу также много добавлено, ибо он смог повторить Ромула»⁴. Правильным представляется такой перевод: «Косс также достиг многого, так как он смог повторить [подвиг] Ромула»⁵. На с. 158 читаем: «Ведь когда после консульства [Л. Лициний Красс] управлял провинцией Галлия, следить за его действиями в нее явился Гай Карбон, отца которого он осудил»⁶. На самом деле Л. Красс не «осудил» в 119 г. до н.э. отца Карбона, а выступил в качестве его обвинителя, поэтому следует перевести *damnaverat* как «добился осуждения»⁷.

Кроме того, хотя я и не желаю выступать в роли, выражаясь изящным слогом самого Сморчкова, «недоброжелательного толкователя доблестей» (с. 90)⁸ переводчика, позволю себе все же привести несколько примеров неточной передачи смысла подлинника. На с. 65 говорится о смерти Александра Македонского: «Верят, что он был отравлен рукой Кассандра»⁹. С точки зрения стиля и передачи смысла лучше перевести так: «Полагают, что его умертвил Кассандр». На с. 90 чита-

¹ Рецензии на некоторые такие труды неоднократно появлялись в наших научных журналах и сборниках; см., например, Knyazkiy 2005; Korolenkov 2008; Smorchkov 2008; 2009.

² Ранее Сморчков уже опубликовал отдельно перевод первых двух книг Валерия Максима, причем перевод второй книги вышел именно в ВДИ (Smorchkov 2016). Многие особенности творческой манеры переводчика, на которые будет указано в рецензии, можно наблюдать уже в этой первоначальной публикации. О предыдущих русских переводах сочинения Валерия Максима см. с. 24 рецензируемой книги.

³ Лучше перевести описательно: «убийством Отца отечества».

⁴ Val. Max. III. 2. 4: *Cosso quoque multum adquisitum est, quod imitari Romulum valuit*.

⁵ См. Kühner 1878, 239–240.

⁶ Val. Max. III. 7. 6: *nam cum ex consulatu provinciam Galliam obtineret, atque in eam C. Carbo, cuius patrem damnaverat, ad speculanda acta sua venisset*.

⁷ О таком значении этого глагола см. *TLL* 5.1, 17; *OLD* 484, col. 1.

⁸ Val. Max. II. 3. 1: *a maligno virtutum interprete*.

⁹ Val. Max. I. 7. ext. 2: *quo occidisse Cassandri manu creditur*.

ем: «Использование легковооруженных воинов-велитов впервые было придумано в ту войну» и т.д. Во-первых, сказать «использование было придумано» по-русски нельзя. Во-вторых, в оригинале стоит просто «велитов»¹⁰; пояснить, что это легковооруженные воины, лучше в примечании. Едва ли можно одобрить перевод *princeps senatus* как «глава сената» (VIII. 5. 2; с. 349): он может создать у человека, мало знакомого с римской историей, ложное представление, будто *princeps senatus* действительно возглавлял сенат и имел какие-то формальные полномочия, поэтому лучше перевести это выражение как «принцепс сената», тем более что это общепринято в отечественной традиции. На с. 136 говорится: Скавр «распорядился немедленно принести себе оружие, которое надел» и т.д.¹¹ В сочетании с глаголом *induere* лучше было бы перевести *arma* как «доспехи». Легат Кв. Окций, разумеется, заставил кельтиберского юношу, вызвавшего его на поединок, не «подчиниться себе», а «признать поражение» или «сдаться» (*succumbere sibi coegit*) (III. 2. 21; с. 137). Пожалуй, не следует переводить *iudicium publicum* как «общественный судебный процесс» (IV. 2. 4; с. 182)¹².

Автор попытался по возможности передать возвышенный декламаторский слог Валерия Максима, и иногда у него получается сделать это очень неплохо (см., например, II. 4. 5; 5. 5; 6. 8; III. 2. 1; 2. 17; 2. 24). Однако в целом именно стиль представляет собой самое уязвимое место для критики рецензируемой работы. Возможно, злую шутку с переводчиком сыграло стремление переводить максимально близко к тексту, чуть ли не дословно, за что он сам справедливо порицает английский перевод первой книги, выполненный Д. Уордлом (с. 23)¹³. Хотя сочинение Валерия Максима и не принадлежит к числу лучших образцов латинского стиля, оно не лишено некоторых литературных достоинств¹⁴, а по своему содержанию может представлять интерес не только для специалистов-антиковедов. По этой причине вопрос о правильности и чистоте русского языка перевода кажется отнюдь не второстепенным. К сожалению, после прочтения перевода Сморгкова у не знакомого с оригиналом читателя может возникнуть представление о Валерии Максиме как о претенциозном и косноязычном болтуне, что, разумеется, не соответствует действительности.

Более или менее грубые стилистические и грамматические ошибки и погрешности против родного языка попадают едва ли не на каждой странице¹⁵. Очень часто Сморгков «латинизирует» текст, используя обороты, уместные в латыни, но совершенно невозможные в русской речи. Приведу лишь несколько примеров: «деревенская и довольно грязная телега, столь своевременно вместительная» (с. 34)¹⁶; «Туруллий [своей] гибелью <...> понес наказание» (с. 37)¹⁷; сенат «справедливым наказанием покарал» (там же)¹⁸; консул Октавий «предугадал душой» (*praesumpsit animo*) (I. 6. 10; с. 57); «преступлением нечестивого убийства» (с. 66)¹⁹; «Фортуна, <...> враждебная головам невинных» (с. 67)²⁰; «его тело, зарезанное хозяином гостиницы» (с. 68)²¹; «преисполненные мести укусы» (с. 133)²²; Сципион «обдумывал мысленно» (*animo volveret*) (III. 6. 1; с. 153); «не столь мощная по характеру» гуманность Писистрата (с. 220)²³; «он управлял их голосами, взяв на службу весь»

¹⁰ Val. Max. II. 3. 3: *velitum usus eo bello primum repertus est*.

¹¹ Val. Max. III. 2. 18: *protinusque arma sibi adferri iussit. Quibus allatis <...> induit*.

¹² Лучше «уголовный», тем более что *quaestio publica* Сморгков переводит как «государственный уголовный суд» (IV. 2. 7) или «государственный суд» (VIII. 1. 8 *damn.*; 2. 2; 5. 2).

¹³ Ср. также его суровую критику стиля перевода С.Ю. Трохачева, «живо напоминающего студенческие попытки переводить» и создающего «впечатление полного кретинизма римского автора» (Smorchkov 2008, 290, 306).

¹⁴ См., например, von Albrecht 2012, 910–911.

¹⁵ О мелких ошибках вроде «он внес на [вместо «в». — В. Х.] центуриатное собрание» (с. 171), «известна <...> щедрость у Квинта Косидия» (с. 209), «к величию [римского народа] относится упомянуть» (с. 211), «в наказание <...> заплатил своим изгнанием» (с. 231), «предпочел промотать наследство, чем завести наследника» (с. 351) я говорить не буду.

¹⁶ Val. Max. I. 1. 10: *agreste illud et sordidius plaustrum tempestive capax*.

¹⁷ Val. Max. I. 1. 19: *[Turullius] eodem exitio <...> poenas lueret*.

¹⁸ Val. Max. I. 1. 21: *[senatus] iusta animadversione vindicavit*. Лучше просто: «справедливо покарал».

¹⁹ Val. Max. I. 7. ext. 4: *nefariae caedis crimine*. По-русски лучше звучало бы: «преступным и нечестивым убийством».

²⁰ Val. Max. I. 7. ext. 6: *capitibusque insontium infesta fortuna*.

²¹ Val. Max. I. 7. ext. 10: *corpus enim suum a caupone trucidatum*.

²² Val. Max. III. 2. 11: *plenis ultionis morsibus*.

²³ Val. Max. V. 1. ext. 2a: *non tam robusti generis humanitas*.

ма могучее и удачливое красноречие» (с. 350)²⁴; «римский город» (*urbs Romana*) (V. 3. 2b; с. 230)²⁵; «язык порицающий, свободный вольным словом» (с. 236)²⁶; «дыхание испускает последние вздохи» (с. 336)²⁷. Доблестный центурион Сцева «рухнул на огромную грудю тел, которую сам же сотворил» (с. 138)²⁸. Сиракузский тиран Гиероним «о Феодота, почтеннейшего человека, <...> напрасно утомил руки палачей» (с. 147)²⁹. Поистине достоин изумления также пример М. Теренция Варрона, который «удивительно шагнул, поднявшись к консульству из мясной лавки отца» (с. 149)³⁰. Катон Старший «отправился в заморскую провинцию на сумму в пятьсот ассов» (?) (с. 188)³¹. М. Атилий Регул в годы Первой Пунической войны громил «в Африке в частых победах силы надменнейшего Карфагена» (с. 193)³².

Разумеется, «не был бы рассказ об этих достойных примерах» искусства переводчика «столь краток, если бы не давили на меня более важные» (с. 105)³³. Читателю, пожалуй, потребуется основательно напрячь воображение, чтобы представить себе «глаза отца[,] забрызган[н]ы[е] кровью высокоодаренного сына» (с. 58)³⁴, некоего Т. Барра, который «испустил дух непосредственно среди мыслей о своей виновности в коварстве и неблагодарности» (с. 335)³⁵, граждан Тарента, которые «слепо и безрассудно бросились на прочный клинок нашей державы» (с. 88)³⁶, или, наконец, «двоих, соединенных в одной и той же упряжке общностью доблести и должностей» консулов 207 г. до н.э. Г. Клавдия Нерона и М. Ливия Салинатора (с. 120)³⁷. На с. 82 устами переводчика Валерий Максим красноречиво прославляет нравы предков, которые высоко ценили целомудрие и порицали женщин, имевших «опыт многочисленных браков» (с. 82)³⁸. Но, впрочем, и мужчины в те благословенные времена равным образом были далеки от «невоздержанного употребления плотских утех» (с. 97)³⁹. На с. 123 мы читаем занимательную историю о том, как к Сципиону Старшему в его поместье близ Литерна «пришли не враги его жизни (*non vitae eius hostes*), но почитатели его доблести», однако сам Сципион, поначалу не зная об этом, «в помыслах и делах занялся подготовкой к отражению их (*eratque in iis repellendis et animo et apparatu occupatus*)» (II. 10. 2b). На с. 86 знаменитый Г. Марий проявил «деревенскую непреклонность» (*rusticus rigor*)⁴⁰ и не захотел «из-за чужеземного упражнения в образovanности сделаться запоздалым перебежчиком от отчих порядков»⁴¹. На с. 195 Валерий Максим красноречиво изумляется, почему же «мы денно и нощно осыпаем ругательствами <...> умеренное имущество, которое вскормило хотя не изобильными, но надежными сосцами Публикол, Эмилиев, Фабрициев, Куриев, Сципионов, Скавров и им подобных столпов доблести»⁴². За этим следует жизнеутверждающий и актуальный призыв римского автора, мастерски переданный

²⁴ Val. Max. VIII. 5. 3: *eorum suffragia robustissimis et felicissimis eloquentiae stipendiis regebat.*

²⁵ Почему не «Рим» или «город римлян»?

²⁶ Val. Max. V. 3. 3f: *reprehensione lingua sermone licenti soluta.*

²⁷ Val. Max. VII. 8. 9: *spiritu supremos anhelitus reddente.*

²⁸ Val. Max. III. 2. 23a: *super ingentem stragem, quam ipse fecerat, corrui.*

²⁹ Val. Max. III. 3. ext. 5: *in Theodoto quoque viro gravissimo Hieronymus tyrannus tortorum manus frustra fatigavit.*

³⁰ Val. Max. III. 4. 4: *miro gradu Varro quoque ad consulatum macellaria patris taberna conscendit.*

³¹ Val. Max. IV. 3. 11: *quingentorum assium sumptu transmarinam provinciam petat.*

³² Val. Max. IV. 4. 6: *in Africa insolentissimae Carthaginis opes crebris victoriis contunderet.*

³³ Val. Max. II. 7. 5: *non digna exempla tam breviter, nisi maioribus argueret, referrentur.*

³⁴ Val. Max. I. 6. 11: *optimae indolis filii cruore paterni respersi oculi.*

³⁵ Val. Max. VII. 8. 8: *inter ipsam enim fallacis et ingratae culpaе cogitationem spiritum posuit.*

³⁶ Val. Max. II. 2. 5: *in praevalidum imperii nostri mucronem caeca et amens inruisti.*

³⁷ Val. Max. II. 9. 6a: *aequali iugo virtutis honorumque societate iunctum.*

³⁸ Val. Max. II. 1. 3: *multorum matrimoniorum experientiam.* В другом месте (IV. 7. praef.; с. 203) читаем об «опыте несчастий» (*miseriarum experimento*).

³⁹ Val. Max. II. 5. 6: *ab immoderato veneris usu.* Ср. Val. Max. IV. 3. 3 о пасынке Августа Друзе, который «употребление плотских утех <...> удержал в границах супружеской любви».

⁴⁰ Все-таки скорее «крестьянскую».

⁴¹ Val. Max. II. 2. 3: *credo ne alienigena ingenii exercitatione patrii ritus serus transfuga existeres.* См. для сравнения несколько вольный, но намного более эlegantный и неплохо передающий стиль подлинника перевод И. Алексеева (1772 г.): «Я думаю, что ты для того то делал, чтоб от упражнения в чужестранном языке наконец обычаи отечества и язык свой не оставить».

⁴² Val. Max. IV. 4. 11: *quid ergo modicam fortunam <...> diurnis nocturnis conviciis laceramus, quae ut non abundantibus ita fidis uberibus Publicolas Aemilios Fabricios Curios Scipiones Scauros hisque paria robora virtutis aluit.*

переводчиком: «Давайте лучше воспринем сердцами и души, расслабленные от созерцания денег, взбудрим памятью о прежних временах»⁴³. Поистине, «кажется мне, сами буквы нашего века изумлены, когда вынуждены служить для описания»⁴⁴, но не «такой строгости», какую проявил некогда Фабриций Лусцин (с. 119), а такого виртуозного владения родным словом.

Часто используемые Валерием Максимом риторические фигуры переведены не всегда удачно. Отдельные примеры этого уже были приведены выше; к ним можно добавить еще несколько: «возраст, завершивший путь зрелости, с благожелательностью занимался воспитанием тех, кто вступал в активную жизнь»⁴⁵ (метонимия; с. 84); «но этот обычай, сложившийся в результате длительного применения, нарушил Гай Марий, взяв неимущего в армию» (синекдоха — ед.ч. вместо мн.ч.; с. 90)⁴⁶; «исторгнутая из власти Карфагена Испания и отсеченная глава Сицилии не смогли запречь триумфальные колесницы» (олицетворение; с. 116)⁴⁷; город Капуя «охотно побаловал своими наслаждениями пунийскую свирепость» (олицетворение и метонимия; с. 328)⁴⁸ «зубы недоброжелательности» (олицетворение; с. 208)⁴⁹; «его дом считался как бы некоей мастерской благотворительности» (с. 211)⁵⁰.

Иногда едва ли можно одобрить выбор слов, сделанный переводчиком в том или ином случае. Например, на с. 37 читаем: «Не менее успешным карателем за пренебрежение к религии [стал] также сын Аполлона Эскулап»⁵¹. Сморгчов здесь употребляет слово «каратель» в устаревшем значении, из-за чего фраза получает архаизирующий оттенок, которого она не имеет в оригинале⁵². Октавиан в одном месте предстает перед читателем как «личность, уже предназначенная для бессмертия»⁵³. С другой стороны, порой переводчик совершенно не к месту использует разговорные выражения: «Когда Нума Помпилий взялся за ожесточенных постоянными войнами римлян» (с. 41)⁵⁴; «однако зачем мне обшаривать Азию» (с. 201)⁵⁵; «так Фортуна вертит делами смертных» (с. 218)⁵⁶; «он имел не особо большое влияние» (с. 341)⁵⁷. В другом месте: «разумеется, чтобы они (женщины) не скастились к какому-нибудь бесчестью» (с. 82)⁵⁸. Лакедемонянин Клеарх «поддерживал воинскую дисциплину с помощью замечательного высказывания, постоянно вдалбливая в уши своего войска»⁵⁹ (с. 112)⁶⁰. Порой Сморгчов, напротив, переходит на канцелярит: «Иноземные священнодействия

⁴³ Val. Max. IV. 4. 11: *exsurgamus potius animis pecuniaeque aspectu debilitatos spiritus pristini temporis memoria recreemus*.

⁴⁴ Val. Max. II. 9. 4: *ipsae <...> mihi litterae saeculi nostri obstipescere videntur, cum ad tantam severitatem referendam ministerium accommodare coguntur*.

⁴⁵ Val. Max. II. 1. 10: *defuncta vitae cursu aetas ingredienti actuosam vitam favoris nutrimentis prosequatur*.

⁴⁶ Val. Max. II. 3. 1: *sed hanc diutina usurpatione formatam consuetudinem C. Marius capite censum legendo militem abruptit*. На русский лучше перевести все-таки множественным числом.

⁴⁷ Val. Max. II. 8. 5: *Carthaginis imperio abrupta Hispania et Siciliae caput abscisum triumphales iungere currus nequiverunt*.

⁴⁸ Val. Max. VII. 6. 2: *Punicam feritatem deliciis suis cupide fovit*.

⁴⁹ Val. Max. IV. 7. ext. 2b: *malignitatis dentes*.

⁵⁰ Val. Max. IV. 8. ext. 2: *domus eius quasi quaedam munificentiae officina crederetur*. При этом в другом месте сам Сморгчов в похожем контексте гораздо удачнее перевел *officina* как «рассадник» (III. 1. 2b: *officina crudelitatis*).

⁵¹ Val. Max. I. 1. 19: *nec minus efficax ultor contemptae religionis filius quoque eius Aesculapius*.

⁵² Не лучше ли: «Не менее успешно мстит за пренебрежение религией также его [Аполлона] сын Эскулап»? Переводчик вообще охотно использует слово «каратель», и всегда неудачно; ср.: II. 7. 7; IV. 7. ext. 2b; VI. 3. 8 (в оригинале *vindex*); V. 3. 2d; IX. 2. 1 (в оригинале *punitor*); VI. 1. 8 (в оригинале *poenitor*).

⁵³ Val. Max. I. 7. 1: *destinatum iam immortalitati caput*. Почему бы не перевести *caput* просто как «человек»?

⁵⁴ Val. Max. I. 2. 1 (Nep.): *Numa Pompilius, cum efferatos assiduis bellis Romanos adverteret, <...>. Лучше перевести *adverteret* как «обратил свой взор на».*

⁵⁵ Val. Max. IV. 6. ext. 3: *verum quid Asiam <...> scrutor*.

⁵⁶ Val. Max. V. 1. 10: *sic mortalium negotia fortuna versat*.

⁵⁷ Val. Max. VIII. 1. 11 abs.: *non sane multum potuit*.

⁵⁸ Val. Max. II. 1. 5b: *ne scilicet in aliquod dedecus prolaberentur*. Ср. Val. Max. II. 6. 1: спартанцы «скастились к более изысканному образу жизни» (*ad delicatius vitae genus prolaberentur*).

⁵⁹ Почему не «внушая своему войску»?

⁶⁰ Val. Max. II. 7. ext. 2: *Clearchus vero Lacedaemoniorum dux egregio dicto disciplinam militiae continebat, identidem exercitus sui auribus inculcando...*

были уничтожены с большим пролитием крови среди участников» (с. 43)⁶¹; авгур Атт Навий «явил царским очам⁶² результат своего заявления» (с. 45)⁶³; «ведь воинская дисциплина требует наказания сурового, кругого типа» (с. 109)⁶⁴; «был спасен от обвинения в плохой организации сражения» (с. 133)⁶⁵; «удостоверил блистательное исполнение прозвучавшего заявления» (с. 146)⁶⁶; Публикола «благодаря сдержанности свет вызывающее ненависть могущество магистратуры к приемлемому уровню» (с. 171)⁶⁷; «когда столько семей перечислено в одной похвальной категории» (с. 177)⁶⁸; «в соответствии с требованиями ситуации» (с. 203)⁶⁹. Между тем в латинском оригинале нет столь резких колебаний стилистической окраски текста.

Некоторые претензии можно предъявить и комментарию. В предисловии Сморгчов высказывает надежду, что он может быть полезен как широкому читателю, так и специалисту (с. 25). Представляется, что воплощению в жизнь этих чаяний может помешать чрезмерная лаконичность комментария⁷⁰. Чаще всего Сморгчов ограничивается указаниями на дату эпизода, о котором рассказывает Валерий Максим, и на параллельные места у других авторов. Для специалиста эти указания, как замечает сам Сморгчов (с. 25), могут иметь некоторую ценность, хотя соответствующие ссылки (иногда даже более полные) легко найти, обратившись, например, к изданиям Кемпфа⁷¹ и Бриско⁷². Неспециалист, читающий для собственного удовольствия, в большинстве случаев, скорее всего, смотреть параллельные места не будет, тем более что далеко не все источники, на которые ссылается Сморгчов, переведены на русский язык. При этом в некоторых случаях буквально напригораются более подробные разъяснения. Например, в III. 7. 2 Валерий Максим рассказывает об эпизоде, случившемся во время осады Сципионом Эмилианом некоего «очень укрепленного города». Возможно, читателю было бы любопытно узнать из комментария, что речь идет о Карфагене, а «некоторые», подавшие Сципиону отвергнутый им совет, — это знаменитый историк Полибий⁷³. Кроме того, нередко Валерий Максим сообщает явно ошибочные сведения, и представляется, что было бы излишним указывать на это читателю; Сморгчов делает это далеко не всегда. Так, в II. 3. 1 Валерий Максим называет Г. Мария «военачальником из неимущих» (*capite censum imperatore*). В действительности Марий принадлежал к сословию всадников и происходил из одного из виднейших семейств города Арпина, а потому «неимущим», разумеется, не был. В V. 3. ext. 3с утверждается, будто Мильтиад Младший умер «в тюрьме и оковах», что представляет собой явную ошибку⁷⁴. В VIII. 1. 2 abs. Валерий Максим пишет, что Сервий Сульпиций Гальба был привлечен к суду народного собрания за вероломную расправу с лузитанами и оправдан. На самом деле до судебного процесса дело не дошло и речь идет о голосовании по поводу закона, на основании которого должна была быть создана чрезвычайная судебная комиссия для суда над ним⁷⁵. В VIII. 1. 3 dam. Валерий Максим сообщает, будто С. Тиций был осужден народной сходкой (*contio*)⁷⁶ за то, что держал дома изображение Сатурнина. Однако Цицерон, заслуживающий гораздо большего доверия в этом вопросе, говорит, что С. Тиция осудили присяжные-всадники, т.е. его процесс проходил в *quaestio* (Cic. *Rab. perd.* 24–25), сходка же вообще не являлась судебным органом.

В некоторых случаях человек, не знающий древней истории хотя бы в пределах университетского курса, без комментария просто не поймет, о чем рассказывает Валерий Максим. Например, вся-

⁶¹ Val. Max. I. 3. 1 (Nep.): multo colentium sanguine se et peregrina sacra abolita sunt.

⁶² Снова неуместный архаизм, в оригинале просто *oculis*.

⁶³ Val. Max. I. 4. 1 (Par.): Attus <...> effectum suae perfectionis oculis regis subiecit.

⁶⁴ Val. Max. II. 7. 14: aspero enim et absciso castigationis genere militaris disciplina indiget.

⁶⁵ Val. Max. III. 2. 9: male commissi proelii crimine levatus est.

⁶⁶ Val. Max. III. 3. ext. 4: inlustrem professionis actum comprobavit.

⁶⁷ Val. Max. IV. 1. 1: invidiosum magistratus fastigium moderatione ad tolerabilem habitum deduxit.

⁶⁸ Val. Max. IV. 1. 14: tot familiis in uno genere laudis enumeratis.

⁶⁹ Val. Max. IV. 7. 1: pro necessitate temporis.

⁷⁰ В этом отношении рецензируемая книга сильно уступает, например, недавнему переводу Кас-сия Диона с действительно подробным и добротным комментарием к тексту: Makhlayuk 2011; 2014.

⁷¹ Kempf 1854.

⁷² Briscoe 1998.

⁷³ Сморгчов ограничивается ссылкой на Plut. *Mor.* 200a–b, где и сообщаются эти детали.

⁷⁴ См. Surikov 2005, 322, n. 100.

⁷⁵ См. Alexander 1990, 3, n. 1. Список указаний на другие свидетельства источников об этом эпизоде также неполон.

⁷⁶ У Сморгчова неточно переведено как «собрание» (с. 343).

кий ли догадается, что в I. 4. 3—4 речь идет о битве при Дрепане, а в III. 7. 4 — о битве при Метавре⁷⁷? На с. 177 сообщается, что в благодарность за успешное выполнение М. Катонем Младшим миссии по доставке денег с острова Кипр «сенат приказал было внести предложение, чтобы на преторских выборах его приняли во внимание вне общего порядка»⁷⁸, но Катон отказался от этой награды. Что переводчик подразумевает под выражением «принять во внимание вне общего порядка», без комментария остается неясным⁷⁹. И уж откровенным курьезом выглядит справка о Л. Лицинии Лукулле: «Известный политический деятель, консул 74 г. до н.э.» (с. 334, прим. 143).

Такую краткость можно, конечно, объяснить нежеланием чрезмерно увеличивать объем примечаний. Однако полезное место можно было бы сэкономить, например, отказавшись от странного обычая — к сожалению, до сих пор не изжитого в нашей литературе — ссылаться на античных авторов по-русски, да еще и приводя полные названия их сочинений⁸⁰.

Нередко точки зрения, высказываемые в комментариях, представляют собой более или менее убедительные гипотезы, на что хорошо было бы указывать. Например, эпизод с весталкой Клавдией, изложенный в V. 4. 6, Сморгчов в прим. 106 (с. 239) датирует 143 г. до н.э., что является лишь предположением, пусть и популярным в историографии⁸¹.

Встречаются в комментариях и досадные ошибки, хотя и не очень многочисленные. Например, на с. 341, прим. 23 Сморгчов датирует процесс консула 144 г. до н.э. Л. Аврелия Котты временем ок. 130 г. до н.э. Между тем эпитоматор Ливия (*Per. Оху.* 55) приводит точную дату — 138 г. до н.э. Уже упоминавшийся выше спартанский военачальник Клеарх не был, как думает Сморгчов, убит в битве при Кунаксе (с. 112, прим. 172): он в числе других греческих командиров через довольно значительное время после этого сражения был приглашен на переговоры Тиссаферном, вероломно схвачен и впоследствии казнен (Хен. *Anab.* II. 5—6). Спартанский регент Павсаний, командовавший греческим войском в битве при Платеях, ошибочно назван в комментарии царем (с. 98, прим. 99).

В свое время Сморгчов, критикуя — и вполне обоснованно! — «перевод» С.Ю. Трохачева, справедливо сетовал, что у той книги отсутствовал научный редактор⁸². Но то же самое можно сказать и о рецензируемой книге, которой редактор также был бы крайне необходим. Разумеется, Валерий Максим — очень непростой для перевода автор, но представляется, что переводчик, принимаясь за такой труд, должен соизмерять свои силы со сложностью стоящей перед ним задачи. Завершая предисловие, Сморгчов высказывает надежду, что «чтение будет приятным и полезным» (с. 26). Не подлежит сомнению, что рецензируемый труд может принести немалую пользу желающим просто познаться с содержанием «Девяти книг достопамятных деяний и высказываний». Однако читатель, ищущий вместе с тем чтения приятного и занимательного, скорее всего, останется разочарован, и не по вине Валерия Максима. Хотелось бы надеяться, что переводчик не оставит свои занятия этим римским автором и исправит несовершенства обсуждаемой книги во втором издании, каковое представляется крайне необходимым.

Литература / References

- Albrecht, M. von 2012: *Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken*. Bd. II. 3. Aufl. Berlin—Boston.
Alexander, M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto.

⁷⁷ Сморгчов в примечаниях приводит даты этих сражений (249 и 207 г. до н.э. соответственно), но почему-то не указывает их названий.

⁷⁸ Val. Max. IV. 1. 14: *senatus relationem interponi iubebat, ut praetoriis comitiis extra ordinem ratio eius haberetur*.

⁷⁹ По-видимому, Валерий Максим имеет в виду предложение освободить Катона от действия закона, препятствовавшего ему на общих основаниях принять участие в преторских выборах на 55 г. до н.э. См. об этом, например, Brennan 2000, 429.

⁸⁰ Представляется, что так называемая «широкая аудитория», для удобства которой это все якобы предназначено, в состоянии воспользоваться, например, списком латинских сокращений в конце работы.

⁸¹ См. Korolenkov A., Korolenkov V. 2015, 292, прим. 2. Следует отметить, что авторы статьи приводят весомые доводы против такой трактовки. Думается, Сморгчову следовало бы это учесть и не ссылаться на указанную датировку как на бесспорную.

⁸² Smorchkov 2008, 290; 2009, 212.

- Brennan, T.C. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. II. Oxford.
- Briscoe, J. (ed.) 1998: *Valeri Maximi facta et dicta memorabilia*. Vol. I–II. Stuttgart–Leipzig.
- Kempf, C. (ed.) 1854: *Valeri Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem cum incerti auctoris fragmento de praenominibus*. Berlin.
- Knyazkiy, I.O. 2005: [About the Role of the Russian Translation of the Digesta, or About the Scholarly Scrupulosity]. *Studia historica* 5, 195–200.
- Князький, И.О. О роли русского перевода Дигест, или О научной добросовестности. *Studia historica* V, 195–200.
- Korolenkov, A.V. 2008: [Russian Orosius: Notes on the Margins]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Annals] 67 (92), 270–274.
- Короленков, А.В. Русский Орозий: заметки на полях. *Византийский временник* 67 (92), 270–274.
- Korolenkov, A.V., Korolenkov, V.A. 2015: [Triumphator, Tribune of Plebs and Vestalis Claudia]. *Aristey* [Aristeas] 12, 291–295.
- Короленков, А.В., Короленков, В.А. Триумфатор, плебейский трибун и весталка Клавдия. *Аристей* 12, 291–295.
- Kühner, R. 1878: *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*. Bd. II. T. 1. Hannover.
- Makhlayuk, A.V. (ed.) 2011: *Kassiy Dion Kokkeyan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX* [Cassius Dio Cocceianus. Roman History. Books LXIV–LXXX]. Saint Petersburg.
- Махлаюк, А.В. (ред.). *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX*. СПб.
- Makhlayuk, A.V. (ed.) 2014: *Kassiy Dion Kokkeyan. Rimskaya istoriya. Knigi LI–LXIII* [Cassius Dio Cocceianus. Roman History. Books LI–LXIII]. Saint Petersburg.
- Махлаюк, А.В. (ред.). *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII*. СПб.
- Smorchkov, A.M. 2008: [Some Remarks on a Translation: Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem / Trans. from Lat. by S. Yu. Trohachev. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. 308 p.]. *Vestnik RGGU. Seriya Istoriy: Studia classica et mediaevalia* [RGGU Bulletin. History: Studia classica et mediaevalia Series] 12, 289–306.
- Сморчков, А.М. Некоторые замечания по поводу перевода: Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Перев. с лат. С.Ю. Трохачева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 308 с. *Вестник РГГУ. Серия История: Studia classica et mediaevalia* 12, 289–306.
- Smorchkov, A.M. 2009: [Rev.: Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Trans. by S. Yu. Trokhachev. Saint Petersburg, 2007]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 212–215.
- Сморчков, А.М. Рец.: Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С.Ю. Трохачева. СПб., 2007. *ВДИ* 4, 212–215.
- Smorchkov, A.M. 2016: [Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Liber II. Introduction, Russian Translation and Commentary]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 76/1, 206–234.
- Сморчков, А.М. Валерий Максим. Девять книг достопамятных высказываний и деяний. Книга II. Введение, перевод с латинского и комментарии. *ВДИ* 76/1, 206–234.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi (arkhaika i rannaya klassika)* [Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch (Archaic and Early Classical Periods)]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи (архаика и ранняя классика)*. М.

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia;
Pskov State University,
Pskov, Russia
E-mail: vyacheslav2511@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3174-9028

В.К. Хрусталёв,

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
института истории и социальных наук
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
научный сотрудник лаборатории
«Центр комплексного изучения проблем
региональной безопасности»
Псковского государственного университета,
Псков, Россия

DOI: 10.31857/S032103910021274-4

C. BARON (ed.). The Herodotus Encyclopedia. Vol. I (A–D). Vol. II (E–O). Vol. III (P–Z). Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2021. LII+XXXII+XXXII, 1653 p. ISBN: 978-1-1186-8964-6

Геродоту невероятно повезло. Перед нами нечто беспрецедентное: огромное (три капитальных тома, более 1700 страниц) энциклопедическое издание, целиком посвященное галикарнасскому историку и всему, что с ним связано. Глава авторского коллектива Кристофер Бэрон приложил все усилия к тому, чтобы «Энциклопедия Геродота» представляла собой максимально полный и репрезентативный срез современного состояния геродотоведения. Тематический охват книги широк: каждому антропониму, этнониму, топониму, гидрониму, упоминаемому в труде «отца истории», посвящена специальная статья. Кроме того, в наличии множество статей о явлениях самого разного рода: «Археология», «Оракулы», «Климат», «Птицы», «Смерть», «Миф», «Музыка», «Юмор», «Война», «Вино», «Кино» и проч. Особо отметим ряд статей концептуального характера, связанных с изучением различных теоретических и методологических аспектов творчества Геродота.

Этот трехтомный труд подготовлен в связи с большим юбилеем «отца истории», который отмечался несколько лет назад. Каждому тому предпослан эпиграф: «Посвящается Геродоту, который по-прежнему силен 2500 лет спустя». К. Бэрон в своем кратком предисловии признается, что над подготовкой энциклопедии он трудился шесть лет (т. I, с. VIII, IX). К работе были привлечены более 180 ученых из десятков научных центров 18 стран мира. Среди авторов немало и таких, чьи имена принадлежат к самым громким в антиковедении. Особую заслугу К. Бэрона мы видим в том, что он умело подобрал антиковедов и распределил между ними статьи, привлекая того специалиста, от которого можно было ожидать наиболее компетентного освещения соответствующей темы. Так, статью «Исторический метод» (с. 694–699) написал Д. Латеинер, монография которого на ту же самую тему¹ стала во многих отношениях этапной. Статью «Медицинские писатели» (с. 874–875) подготовила Р. Томас: именно эта исследовательница в книге «Геродот в контексте»² едва ли не впервые в мировой науке сделала особенный акцент на влиянии, которому подвергся галикарнасский историк со стороны современных ему ученых-медиков. Статья о греческих диалектах (с. 445–446) принадлежит перу С. Колвина, по-видимому, крупнейшего ныне эксперта в области эллинской диалектологии. Авторы статей по персидским (и ближневосточным в целом) сюжетам — известные австрийские и немецкий антиковеды Р. Бихлер, Р. Роллингер, Й. Визехёфер, которые многие годы занимаются как раз этими темами. Статья «Метанарратив» (с. 901–905), трактующая достаточно сложные вопросы, связанные с категорией дискурса, была поручена Р. Мансон, известной своей работой о повествовательной технике Геродота. Джон Маринкола, чье имя как знатока античной греческой историографии³ в комментариях не нуждается, представил статьи о своих выдающихся коллегах, занимавшихся Геродотом: Д. Ашери (с. 170–171), Ф. Якоби (с. 762–764), А.Д. Момильяно (с. 924–926), Дж.Э. Пауэлле (с. 1162–1163). Примеры аналогичного рода можно было бы множить и множить. Впрочем, в энциклопедии представлены и молодые авторы: М. Уоки, Р. Хет, У. Стоувер, Р.С. Уокер, А. Цотке, Дж. Диджен, Л. Стивенс, Дж. Уайт и др.⁴; некоторые из них посещали семинар по Геродоту в университете Нотр-Дам, который вел К. Бэрон. Среди авторов есть и не антиковеды, как, например, Дж. Бэрон, которая является специалистом в области истории медицины.

¹ Lateiner 1989.

² Thomas 2000.

³ Marincola 2001.

⁴ Например, М. Уоки является автором более 50 статей в «Энциклопедии Геродота».

Мы прекрасно осознаем сложности, с которыми сопряжено рецензирование столь фундаментального труда. Помимо прочего, лимитированный объем рецензии диктует выборочный характер обзора его содержания. Авторы решили пойти следующим путем: не останавливаться на статьях чисто информационного характера (таких подавляющее большинство, как и в любой энциклопедии), но сосредоточиться на наиболее концептуальных, а также высказать ряд критических замечаний, поскольку даже работам самого высокого уровня не чужды определенные изъяны.

В частности, затронем вопрос об источниках Геродота. Различным аспектам этого вопроса посвящены несколько статей: М. Дорати, «Ссылки на источники» (с. 1353–1356), К. Руффинг, «Источники Геродота» (с. 1356–1359), М. Тамиолаки, «Школа лжеца» (с. 804–806). Сам вопрос приобрел особую актуальность после того, как появилась нашумевшая книга Д. Фелинга «Геродот и его «источники»»⁵. Точнее, после того как в 1989 г. увидело свет ее английское издание, в то время как первоначальное, немецкое, опубликованное намного раньше, в 1971 г.,⁶ почему-то прошло почти незамеченным. Как известно, Фелинг попытался возродить существовавшее уже в античности представление о галикарнасском историке как «отце лжи». По мнению этого исследователя, все ссылки Геродота на источники фиктивны и все путешествия с целью получения информации, которые он якобы совершал, просто вымышлены им. Если целиком и последовательно принять концепцию Фелинга, окажется, что источниковая ценность самой «Истории», в сущности, близка к нулевой. Вскоре последовал жесткий ответ со стороны У.К. Притчетта⁷, который и стал автором ставшего с тех пор употребительным выражения «школа Геродота-лжеца». К этой «школе» американский антиковед отнес, помимо Д. Фелинга, также Ф. Артога⁸, С. Уэст⁹ и др.

В энциклопедии М. Тамиолаки отмечает (с. 804), что, пожалуй, не вполне правомерным было объединение Притчеттом в единую группу ученых, чьи работы на самом деле весьма мало похожи друг на друга; так, Артога, в сущности, вовсе не интересуется проблема ссылок Геродота на источники да и в целом достоверности/недостоверности его свидетельств — французский антиковед изучает складывание ментальных конструкций, формирование идентичности через создание «образа Иного» и т.п. Но, что касается конкретно Фелинга, критика его идей Притчеттом оказалась достаточно веской: «его (Притчетта. — А. С., И. С.) книга убедительно демонстрирует, что характеристика Геродота как лжеца проистекает из современных и анахронистичных представлений о роли историка» (с. 804).

Впрочем, в отличие от Тамиолаки, М. Дорати и К. Руффинг относятся к построениям Фелинга не столь однозначно негативно. Они, конечно, тоже указывают на серьезные слабости его позиции («довольно радикальной и слишком догматичной», с. 1357) и признают, что большинство коллег отнеслись к ней со скептицизмом, но при этом считают, что его книга стала «поворотным пунктом» (с. 1357), «водоразделом в исследовательской литературе о Геродоте... Риторическая интерпретация Фелингом ссылок (Геродота. — А. С., И. С.) на источники внесла свой вклад в смещение акцента с образа Геродота как прото-ученого на образ писателя, действующего в системе литературных условностей, которого нельзя мерить аршином современной исторической методологии» (с. 1354–1355). Невозможно отрицать тот факт, что в науке о Геродоте в последнее время все больше внимания уделяется литературной стороне его труда, но нам представляется, что он не находился в какой-либо непосредственной связи с выходом монографии Фелинга (в которой мы не видим ничего, кроме крайней степени гиперкритицизма), а был обусловлен внутренней логикой развития науки, влиянием со стороны новых филологических веяний (например, той же нарратологии). К тому же он начался гораздо раньше; «первой ласточкой» стало, пожалуй, опередившее свое время исследование Г. Иммервара¹⁰.

Нам представляется необходимым остановиться подробнее на проблеме времени завершения и издания труда Геродота. Дело в том, что статья на эту тему, написанная для энциклопедии Э. Ирвин («Время создания», с. 409–412), содержит весьма неожиданные, и даже провокационные, положения¹¹. Поскольку самые поздние события, упоминаемые в «Истории», относятся к 430 г. до н.э.,

⁵ Fehling 1989.

⁶ Fehling 1971.

⁷ Pritchett 1993.

⁸ Hartog 1980.

⁹ West 1985.

¹⁰ Immerwahr 1966.

¹¹ Cf. Irwin 2013; 2018.

автор, согласно *communis opinio*, отложил перо (и, вероятно, скончался) вскоре после этого времени, то есть в первой половине 420-х годов. Особняком стояла точка зрения Форнары¹² (почти никем не разделяемая), согласно которой за *terminus post quem* для публикации «Истории» следует принять Никиев мир (421 г. до н.э.) и, стало быть, это произошло в 410-х годах. Но Ирвин идет в этом направлении значительно дальше, чем Форнара¹³. Она начинает статью с констатации того факта, что «вопросы датировки основываются на трех типах свидетельств: информации из биографической традиции; предполагаемых аллюзий на Геродота в аттической драме и у Фукидида; и содержащихся в самой «Истории» упоминаний (либо прямых, либо только предполагаемых учеными) современных автору событий» (с. 409). Биографическая традиция мало что дает в этом плане, тем более что она в основном является поздней. Одно из нечастых исключений — сообщение Диилла (*Diyll. FGrHist* 73. F3), писателя конца IV в. до н.э., то есть относительно близкого по времени к «отцу истории». Согласно этому свидетельству, известное постановление афинской экклесии о денежной награде Геродоту (10 талантов) за публичные чтения его сочинения было принято по предложению некоего Анита. Ирвин отождествляет этого Анита с тем, который в 399 г. до н.э. обвинял Сократа, а впервые появляется в источниках в 409/408 г. как стратег. Соответственно, она делает вывод, что контекст события — последнее десятилетие V в. до н.э., но это построение выглядит очень шатким. Тождество двух Анитов невозможно доказать, но даже если оно и имело место, Анит, уже немолодой во время процесса Сократа, вполне мог начать политическую деятельность еще до Пелопоннесской войны. Кроме того, выплата историку такой огромной суммы в 400-е годы до н.э., когда Афины сильно обеднели в результате военных трат и прекращения поступления фороса¹⁴, сама по себе выглядит крайне маловероятной¹⁵.

Что касается аллюзий у других авторов V в. до н.э. (из драматургов таковые находят у Софокла, Еврипида, Аристофана, плюс не забудем о Фукидиде¹⁶), Ирвин приводит ожидаемый набор доводов в пользу того, что они не являются датирующим признаком. Во-первых, в ряде случаев перед нами, возможно, не аллюзии, а новомодная «интертекстуальность». Во-вторых, поскольку Геродот задолго до окончания труда устраивал устные чтения, современные ему авторы могли получить соответствующую информацию из этих чтений, а не из письменного текста «Истории». В-третьих, порядок заимствования может быть и противоположным: так, по мнению Ирвина, геродотовский пассаж о Миносе (*Hdt.* III. 122) является ответом на фукидидовский (*Thuc.* I. 4), а не наоборот. А относительно того, что Геродот упоминает о трех-четырёх событиях, имевших место в 431–430 гг. до н.э., но ни об одном более позднем, Ирвин замечает, что и данный факт нельзя считать доказательством того, что он уже не видел событий более поздних. Просто он не ставил себе цели о них писать, ведь его трактат посвящен совсем иной теме — истории войн с персами до 478 г. до н.э. К тому, что происходило после этого года, у него только 17 отсылок, в частности, к периоду между 450 и 431 гг. до н.э. — ни одной.

Сама Ирвин полагает, что у Геродота есть намеки на смерть Артаксеркса I (VI. 98), на захват Киферы афинянами в 424 г. до н.э. (VII. 235) и даже на битву при Эгоспотаммах (IX. 114–121). А известный экскурс о Декелее (IX. 73), по ее мнению, мог быть написан только после завершения Пелопоннесской войны и последовавшего за ней стасиса в Афинах (404–403 гг. до н.э.)¹⁷. Итак, заключает Ирвин, «отец истории» либо опубликовал свое сочинение в самом конце V в. до н.э., либо, по

¹² Fornara 1971.

¹³ Один из авторов этой рецензии уже высказывал критические замечания к позиции Ирвина в отношении ее радикальной передатировки издания «Истории»: Sinitsyn 2019, 109–111.

¹⁴ Именно на 400-е годы до н.э. приходится финансовые меры, свидетельствующие о бедственном состоянии бюджета афинского полиса: переплавка статуй Ники для выпуска золотой монеты и медная чеканка.

¹⁵ Э. Ирвин комментирует: «Хотя, безусловно, большой, указанный гонорар в десять талантов не выглядит необыкновенным за выступление с текстом, общий объем которого должен был потребовать несколько дней для чтения» (с. 409). Но ровно ни из чего не следует, что Геродот прочел афинянам всю «Историю» полностью. Практически несомненно, что он ознакомил слушателей с какими-то выдержками из своего труда.

¹⁶ См. Sinitsyn 2008a, 377–378 (о совпадениях в произведениях Софокла и Геродота, которые признаются взаимовлияниями), 378–386 (литература); 2013, 39–44 (о параллельных местах в двух «Историях»). О совпадениях в трудах Геродота и Фукидида: Hornblower 1996, 137–145 и Stadter 2012.

¹⁷ Обсуждение см. Irwin 2013.

меньшей мере, выпустил в это время его дополненное переиздание. Некоторые аргументы Ирвин нельзя не признать интересными, но в целом на их основании вырисовывается картина, в которую крайне трудно поверить: Геродот, умерший лишь чуть-чуть раньше Фукидида. Или даже переживший его? Ирвин решает на парадоксальное утверждение: из формулировок в «методологическом» пассаже Фукидида (I. 22) следует, дескать, что последний еще не видел труд Геродота в письменной форме (с. 410). Со своей оригинальной точкой зрения Ирвин стоит особняком даже среди авторов рецензируемой энциклопедии. Статьи остальных авторов, в которых так или иначе затрагивается вопрос о времени публикации «Истории», исходят из традиционной датировки этого события 420-ми годами до н.э.¹⁸

С только что рассмотренной проблемой связан вопрос, был ли труд завершен автором. Он освещен в трехтомном таким авторитетным специалистом, как Д. Бедекер («Конец “Истории”», с. 503–505). По ее мнению, хотя большинство ученых, занимавшихся Геродотом (в том числе Ф. Якоби), считали, что он не довел работу до конца, «современное литературоведение склонно принимать конец нашего текста как конец “Истории”» (с. 504). Сама Бедекер тоже стоит на этой точке зрения. Действительно, трактат Геродота, в отличие от фукидидовского, не обрывается внезапно, он имеет небольшое заключение, намекающее на дальнейшее развитие событий. Но все-таки нельзя избавиться от впечатления, что «отец истории» мог иметь намерения описать и последующий ход Греко-персидских войн, однако что-то помешало ему сделать это. И так считают многие антиковеды¹⁹. Возможно, компромиссным вариантом решения проблемы будет следующий: смерть Геродота в 420-х годах до н.э. не была скоростной. Осознав, что реализовать задуманный проект целиком он уже не успеет, историк решил, дойдя до коренного перелома в военных действиях, до изгнания врага из Эллады, остановиться, поставить точку, введя в качестве завершающего аккорда рассказ об Артембаре и Кире (Hdt. IX. 122). Этот своеобразный «эпилог» выполнял двойную функцию: подводил итоги тому, что было написано, и, возможно, намекал на то, что так и осталось ненаписанным²⁰.

Опять же, среди ученых, написавших другие статьи в энциклопедии, есть и такие, которые, в отличие от Д. Бедекера, солидарны с Ф. Якоби во мнении о незаконченности «Истории». Мы уже не в первый раз сталкиваемся с разногласиями внутри авторов единого проекта. Ситуация, подчеркнем, совершенно нормальная (при очень большом размере этого коллектива невозможно было бы достигнуть полного единства по всем вопросам, да такая задача, полагаем, и не ставилась) и отнюдь не являющаяся недостатком.

В последние десятилетия в антиковедении является актуальным изучение проблем связи «отца истории» с эпической традицией, влияния Гомера на Геродота, «состязания» галикарнасского историка с «первопоэтом». Как отмечает Ш. Мурнаган в статье «Гомер», современные ученые обнаруживают «гомеровские отголоски» на всех уровнях «Истории» (с. 702); на это же указывает Я. Хейвуд, автор статьи о рецепции Геродота в античности (с. 1208). Не случайно мы находим имя Гомера во многих статьях энциклопедии, и это понятно, поскольку историк-путешественник считал себя наследником великого аэда. Именно Геродота античность называла «самым гомеровским» (ὁμηροειδέστατος) писателем. Авторы статей приводят ссылки (с. 702–703, 1181–1182, 1208) на Псевдо-Лонгина (*Subl.* XIII. 3); Дионисия Галикарнасского (*Ep. ad Pomp.* 3), Плутарха (*Mor.* 874b), учитывают «надпись из Салмакиды». Мурнаган называет ряд параллельных мест в «Истории» и гомеровских поэмах, но отмечает и существенные различия между ними (с. 703). К трем работам, указанным Мурнаган в скупом списке дополнительной литературы (с. 703, где все работы 1970-х —

¹⁸ Ссылки на мнение Ирвин о поздней датировке труда Геродота встречаются и в других статьях энциклопедии, например, у К. Бэрона (с. 81; и в его же статье об «отце истории», с. 677), у Д. Келлога («Декелия», с. 419), Я. Хейвуда (с. 1206) и др.

¹⁹ В отечественной историографии — М.Л. Гаспаров (Gasparov 1997, 483–489). К дискуссии об этом «геродотовском вопросе» см. Sinitsyn 2017, 38–43; 2019, 84–88.

²⁰ В некотором смысле это предположение является компромиссным вариантом и между мнениями авторов данной рецензии, поскольку один из них считает, что Геродот намеревался продолжать описывать Греко-персидские войны до Каллиева мира 449 г. до н.э. (Surikov 2009, 223–224; 2011a, 271–279), второй же придерживается иного мнения: завершив труд о великой войне эллинов и персов изгнанием последних из Европы, «отец истории» исполнил свой грандиозный замысел (Sinitsyn 2013; 2017; 2019); замечания об этих разногласиях см. Sinitsyn, Surikov 2020, 151–152.

2000-х годов), теперь следует добавить статью Дж. Маринколы и сборник «Геродот — самый греческий историк?»²¹.

Понятию тixэ посвящена большая статья Э. Эйдиноу (с. 1507–1509), а мойра в энциклопедии лишь по разу упомянута в статьях «Судьба» (с. 571), «Боги и божественное» (с. 620) и «Тихэ» (с. 1507). Эйдиноу, ссылаясь на свою монографию о судьбе и удаче²², отмечает, что «на самом деле, мойра мало появляется в “Истории”» (с. 1507). Однако заметим, что слово тixη («удача, случай») встречается в «Истории» 14 раз, а слово μοῖρα («доля, участь») Геродот употребляет чаще (всего 37 случаев, более половины из них с «судьбоносным» значением)²³.

В статье Д. Брэнскома «Память» (с. 891–893) рассматриваются многие примеры из «Истории» со словами с корнем μνη-, приводятся пассажи, в которых персонажи «опираются на свои воспоминания как мотивацию для собственных поступков» (с. 892), даются ссылки на многие оракулы и пророчества, память о которых побуждает геродотовских героев действовать тем или иным способом; упоминаются специальные объекты, мемориалы, которые служат тому, чтобы сохранить память. Тема истории и памяти возникает в статье М. Павлу «Время» (с. 1473–1475). Греческая исследовательница называет «хронологические опоры» в «Истории», говорит о цели геродотовых отступлений от основной темы, которые лишь внешне нарушают единство повествования, но по сути историк создает метанарратив о прошлом (с. 1474–1475). Павлу говорит об «относительной хронологии», «хронологической неопределенности», «безразличии к хронологической точности» и «анахроничной структуре труда» Геродота (со ссылкой на И. де Йонг²⁴), опять же, сравнивая с Фукидидом, который, напротив, следует летописному принципу (ср. с. 1464).

В статье К. Долле «Календари» (с. 258–259) также рассматриваются проблемы «относительной хронологии» у Геродота, говорится о скурых датировках и сложной синхронизации событий в «Истории», о генеалогиях и использовании историком письменных календарей. Статья К. Бэрона «Хронология» (с. 312–314) тематически близка двум предыдущим — о времени и календарях. Автор отмечает, что Геродот творил, когда еще не существовало «абсолютной хронологии», и его исторический рассказ не строится в непрерывном линейном хронологическом порядке (с. 312). Со ссылкой на работу П. Дж. Родса о хронологии²⁵ он указывает, что ход времени в «Истории» более четко обозначен начиная с VI книги. Хотя наличие в «Истории» темпоральных маркеров и резюме-оборотов, т.е. характерных выражений, подводящих итог отдельному временному периоду (поколению, году, дню), является важным моментом в дискуссии на тему геродотовской хронологии²⁶.

Мы живем в эпоху кинематографа, и, на наш взгляд, уместной в таком антиковедческом издании является статья о кино (с. 319–321). Она подготовлена М.С. Сирино, которая является автором монографий и редактором сборников на темы античной культуры в кино²⁷. Статья начинается с информации о фильме «Марафонская битва», созданном в 1959 г. Ж. Турнером, Б. Ваилати и М. Бавой (странно, что второго из режиссеров Сирино не упоминает), в котором рассказывается о знаменитом сражении 490 г. до н.э. Основная часть статьи посвящена картинам на тему противостояния спартанского царя Леонида и его отряда при Фермопилах в 480 г. до н.э. Это три американских фильма: «300 спартанцев» Р. Мате (1962), «300» З. Снайдера (2006) и «300: Расцвет империи» Н. Мурро (2014). Сирино отмечает, что сценарий пеплума Мате включает в себя множество цитат, взятых из «Истории» Геродота (с. 319), а фильм Снайдера подвергся резкой критике за исторические несоответствия; создателей картины обвиняли в расизме и неполицорректности за негативное изображение персидского царя Ксеркса и азиатской «варварской орды» (с. 320). Бесспорно, подвиг спартанцев при Фермопилах стал легендой среди всех знаменитых битв античности, а жертвенная смерть Леонида и 300 спартанцев, даже само число 300, стали знаковыми в «культурной памяти англоязычного мира», как об этом пишет К. Руффинг²⁸. Но все же героизм спартанцев — это не единственная тема «Истории», которая дала материал кинематографистам. Следовало хотя бы упомянуть классические фильмы Д.У. Гриффита. Уже неоднократно отмечалось, что одним из источников сценария его «Нетерпимости» (1916) (для той части, действие которой происходит в Вавилоне)

²¹ Marincola 2018; Matijašić 2022.

²² Eidinow 2011.

²³ См. Powell 1960, 227, s.v. μοῖρα; 363, s.v. τύχη.

²⁴ De Jong 2001. Ср. также в статье К. Бэрона «Хронология» (с. 313).

²⁵ Rhodes 2003.

²⁶ Об этом см. Sinitsyn 2013, 42–48.

²⁷ Cyrino 2005; Cyrino, Safran 2015; Augoustakis, Cyrino 2017.

²⁸ Ruffing 2013, 201. О героях-спартанцах в кино см. Murray 2007; Nisbet 2012; Beigel 2013.

была «История» Геродота, и некоторые сюжеты «Падения Вавилона» (1919) были взяты из рассказов «отца истории» о персидских завоеваниях²⁹. В библиографическом списке к статье «Кино» указаны 5 статей и 3 монографии об античности в кинематографе, но отсутствует капитальный каталог Э. Дюмона³⁰ — лучшая энциклопедия о фильмах на тему древней истории, мифологии и культуры.

Дело Геродота — и исторический труд, и его опыт путешественника-исследователя — поистине грандиозно, охватывает различные сферы не только эллинской, но и многих соседних варварских культур. Много статей посвящено терминам: «Archē», «Aretē», «Hubris», «Isonomia», «Nomos», «Proxenos» и т.д., в том числе терминам, связанным с негреческими культурами: «Proskynesis», «Tiara» и др. В энциклопедию включены статьи на актуальные ныне темы: «Метанарратив», «Этничность» и др.; не обошли и гендерно-эротическую тематику: «Секс», «Гендер», «Педерастия», «Проституция», «Женщины в древней Греции», «Женщины в “Истории”» и др. Налет сексуальности присутствует даже в оформлении обложки всех трех томов: использована эротичная и экзотическая (псевдоориентальная) картина голландского художника Эглона Хендрика ван ден Нера «Жена Кандавля обнаруживает Гигеса», она иллюстрирует одну из самых известных новелл Геродотовой «Истории», с которой, собственно говоря, все и начинается (Hdt. I. 10).

В трехтомнике свыше 60 иллюстраций, включая рисунки, планы, таблицы, карты, сцены на античных вазах, фотографии ученых, а также снимки монет, эпиграфических памятников, манускриптов и проч. Энциклопедия завершается колоссальным индексом, составленным к трем томам (с. 1570—1653). Положительной чертой является оформление электронной версии данного издания. Надо признать, что в цифровую эпоху это очень важное качество. Три тома энциклопедии соединены в единый файл, и создана система для быстрого и удобного поиска по всему тексту.

Теперь нам хотелось бы остановиться на некоторых недостатках рецензируемого издания. Мы ожидали увидеть в энциклопедии статьи «Гелланик Лесбосский» и «Ксанф Лидийский», но таковых в ней не оказалось. Нам могут возразить, что эти историки не упоминаются Геродотом. Да, но Фукидид им тоже не упоминается. Между тем энциклопедия содержит статью о Фукидиде, а также статьи о Ксенофоне, Эфоре, Феопомпе и даже большую статью о древнееврейском историке Иосифе Флавии³¹. И это, на наш взгляд, правильный подход, поскольку он позволяет поставить творчество Геродота в общий контекст эволюции древнегреческого историописания. А включение материала также по Гелланику и Ксанфу способствовало бы еще лучшему пониманию этого контекста.

Гелланик, старший современник Геродота, был лично знаком с ним, два историка совершили совместную поездку в Македонию³². В их сочинениях заметны следы взаимного влияния и в определенной степени диалога³³. Поздние труды Гелланика, демонстрирующие резкое возрастание интереса к вопросам хронологии, являют собой фактически переходную между Геродотом и Фукидидом ступень в развитии исторической мысли. Что касается Ксанфа, его часто сравнивают с Геродотом и находят у этих авторов много общего в целом ряде отношений³⁴. Судя по именам его отца и дяди, Геродот был эллинизированным карийцем. Дядя историка, Паниассид, статьи в энциклопедии удостоился (Я. Оливер, с. 1046—1047), а отец, Ликс, почему-то нет.

Драматургов Геродот тоже не учитывает в своем сочинении³⁵. Но в энциклопедию включены статьи о комедиографе Аристофане, трагиках Фринихе, Софокле. И это имеет свои резоны, поскольку К. Бэрн подготовил не словарь реалий, встречающихся в «Истории», а фундаментальную геродотоведческую энциклопедию. Однако странно, что в ней нет статьи о Еврипиде, хотя ссылки на трагика встречаются во всех томах (свыше 50 раз).

Не можем не отметить наличия в таком серьезном издании довольно грубых фактологических ошибок. Так, в статье об упоминаемом Геродотом (IV. 44) известном путешественнике Скилаке Кариандском (с. 1300—1301) утверждается, будто бы его экспедиция плыла по Инду до моря, а потом, по Инду же, вернулась обратно в пункт отплытия. Однако у Геродота прямо сказано, что от устья

²⁹ См. Mayer 2013, 97; ср. Seymour 2015, 25, 29—30.

³⁰ Dumont 2009.

³¹ А также статьи об Аристотеле, Дионисии Галикарнасском, Лукиане, Плутархе, Страбоне и других писателях, которые находятся, так сказать, за пределами «Истории» Геродота.

³² Об историчности и датировке этой поездки см. Vasilev 2016.

³³ Surikov 2021, 855—858.

³⁴ Например, Mehl 2004.

³⁵ Кроме случая, где историк упоминает Эсхила, изобразившего Артемиду дочерью Деметры в одной из своих трагедий (не сохранилась): Hdt. II. 156. 6; см. в энциклопедии статью «Эсхил» Э. Бриджес (с. 31—32).

Инда плавание проходило по морю на запад (διὰ θαλάσσης δὲ πρὸς ἑσπέρην) и завершилось в Египте. Не знаем, чем объяснить столь курьезный «ляп», — допустил его, кстати, Г. Шипли, который относительно недавно издал перипл Псевдо-Скилака³⁶ и потому, казалось бы, должен хорошо знать и материал, относящийся к самому Скилаку.

В статье М. Ллойда «Софокл» (с. 1352–1353) говорится о дружеских связях трагика и «отца истории». Перечень совпадений, которые дает автор, можно дополнить и многочисленными параллелями в отрывках Софокловых драм и Геродотовой «Истории». Правда, здесь мнения авторов данной рецензии расходятся: один считает совпадения достаточно основательными для того, чтобы судить о знакомстве, близости, и даже дружбе³⁷, а второй рецензент относится весьма скептически к достоверности свидетельств о близости и дружбе писателей³⁸. Говоря о драмах Софокла в связи с темами Геродота, Ллойд называет 7 сохранившихся пьес, однако не упоминает «Следопытов», хотя порой именно из этой сатировой драмы приводят пассаж, якобы свидетельствующий о заимствовании Софоклом сведений о египетских реалиях, встречающихся у Геродота: кошке и ихневмоне (Sophocl. Fr. 314, 303, 305 TGF IV, Radt, ср. Hdt. II. 66–67. 1)³⁹.

Кстати, о животных. В энциклопедии есть статьи «Муравьи», «Собаки», «Верблюды», «Лошади», «Львы», «Птицы», «Крокодилы» и другие статьи о фауне. В разных статьях встречаются сведения о египетских ибисах, кошках, змеях и проч. Но в энциклопедии нет даже упоминания ихневмонов — настоящей «египетской диковинки». О бегемоте (hippopotamus) говорится лишь дважды (с. 1048 и 1538), а ведь это животное было экзотикой для эллинской аудитории, для которой писал Геродот. Равно как и слоны, о которых тоже лишь дважды упомянуто в статьях, где говорится об Эфиопии (с. 333, 530). Две статьи о животных составила Дж. Бэрн, жена редактора этой энциклопедии: «Мулы» (с. 936) и «Свины» (с. 1133–1134), а статью «Рыба» (с. 579–580) супруги Бэрн подготовили совместно.

Бесспорно, собрать и описать все невозможно даже в такой колоссальной работе, каковой является рецензируемая энциклопедия. И все же жаль, что в ней не нашлось места для отдельных статей, посвященных некоторым именам и реалиям. Имеется небольшая статья К. Дж. Пирсона о роде Алкмеонидов (с. 49), статьи Б.М. Лавелле о Писистратидах (с. 1067–1068) и Писистрате (с. 1068–1069), что, конечно, резонно, поскольку Геродот уделяет им особое внимание, однако отсутствуют отдельные статьи о других афинских родах, и даже о Филаидах⁴⁰, а ведь с представителями последних галикарнасский историк мог иметь тесные контакты. Уместными и важными были бы статьи, имеющие отношение к ранним греческим историкам и античному историописанию: «Логопои», «Логографы», «Синграфы»⁴¹. Однако им не нашлось места, хотя слова *logographer(s)*, *logographoi* и *logopoios(-oi)* в энциклопедии встречаются неоднократно. В современном антиковедении «логографами» принято называть ранних ионийских историков-сказителей, что не соответствует их античному наименованию, но в энциклопедии этот подход сохраняется, и главным «логографом» оказывается, конечно, Гекатей Милетский⁴². Что касается терминов, то, например, такая диковинка, как «хейромактрон», (*χεῖρομακτρον*) упоминается лишь в статье Д. Брэнскома «Аид» (с. 634) как «платок»/«косынка» (*kerchief* — *cheiromaktron*). А вот специфическое значение «скальп» для этого греческого слова, которое встречается в «Скифском логосе» (IV. 64, bis)⁴³, ни в одной из статей даже не оговаривается, хотя практика скальпирования у скифов упоминается в статьях трехтомника (с. 79, 875, 941, 1306, 1391, 1523, 1552). На наш взгляд, слову «хейромактрон» со специфическим значением «скальп» в «Истории» Геродота следовало бы посвятить в энциклопедии отдельную статью.

В начале каждого тома указаны краткие сведения обо всех участниках энциклопедии (т. I: с. XIII–XXXV; т. II и т. III: с. VIII–XXX). Но издатели помещают полное имя автора и место его работы еще и в начале каждой отдельной статьи, так что для многих из почти двухсот авторов эти данные

³⁶ Shipley 2011.

³⁷ Surikov 2011a, 336–361.

³⁸ См. Sinitsyn 2006; 2008a; 2008b; 2012.

³⁹ Sinitsyn 2006 (с литературой).

⁴⁰ О Геродоте и Филаидах: Surikov 2011b. В энциклопедии есть ссылки на английский вариант этой статьи: Surikov 2013.

⁴¹ О логографах и синграфах у ранних греческих историков: Sinitsyn 2021a; расширенный английский вариант статьи: Sinitsyn 2021b.

⁴² См. в статье Д. Брэнскома об Аристагоре: «милетский логограф Гекатей» (с. 136); так же в статье Д. Латейнера (с. 563) и др.

⁴³ Sinitsyn 2008b; 2012.

повторяются десятки, а то и сотни раз. Ответственный редактор энциклопедии К. Бэрн сам является автором почти 1000 (!) статей в этом трехтомнике.

Есть ряд замечаний чисто технического характера. В статьях энциклопедии древнегреческие слова и фразы по большей части переданы латиницей. Может быть, издатели усматривали в этом какой-то резон (для удобства чтения широкой аудитории?), хотя резон этот, на наш взгляд, сомнительный. Да к тому же не все греческие слова и выражения переданы однотипно (т.е. латиницей) и порой встречается и такое, и эдакое написание. Например, на с. 1181 фраза из греческой надписи II в. до н.э. дается латиницей: *ton rezon en historiaisin Nomēron*; а в другой статье на с. 1208 эта же фраза приводится в оригинале на древнегреческом: *Ἡρόδοτος τὸν περὶ ἐν ἱστορίαισιν Ὀμηρον*. В статье Э. Элписа «Несчастье» (с. 455–456) используются только греческие варианты терминов, а в другой его статье («Зависть», с. 765–766) многократно встречаются древнегреческие слова, к которым тут же дается латинская транскрипция: *ζῆλος* (*zēlos*), *φθόνος* (*phthonos*). В статье Э. Лански о вестниках/глашатаях (с. 899–900) — иной порядок: сначала дается слово/словосочетание в переводе на английский язык, а затем в скобках помещены слова в греческом оригинале и латинской транскрипции: ‘messengers’ (*ἄγγελος*, *angelos*), ‘herald’ (*κηρυξ*, *kēryx*), ‘oracle-consultant’ (*θεοπρόπος*, *theopropos*), ‘message-bearer’ (*ἄγγελιφόρος*, *angelīforos*). И масса других аналогичных примеров. Чему служат эти повторения и для кого даны эти «пояснения»? Во многих статьях используется написание *angelos*, *angeloi*, но также *syggraphein*; многократно встречается *charis*, *acharis*, *chronos*, *tychē*, *lochagos* и проч., а вместе с тем многократно *kharis*, *chorēgos*, *khōra*, *psykhē*, *aiskhynē* и т.п. Десятки раз отсылки к статье о гибрисе даются то как *HUBRIS*, то как *HYBRIS*. И примеров подобного «разнообразия» много.

В информации об авторах трехтомника указано издание книги Э. Бриджес 2014 года, но в самих статьях и библиографии к ним ссылки на эту работу даются иные: *Bridges 2015*⁴⁴, сборник «Клио и Талия»⁴⁵ датируется то 2016 годом, то 2017. На с. 1321 в одном предложении встречаются опечатки и в английском слове, и в греческом, переданном латиницей: “*Herodotus (7. 97)... hippagogē*”, следует: “*Herodotus (7. 97)... hippagōga*” (*ἱππαγωγὰ πλοῖα*). Датой выхода фильма З. Снайдера «300» назван 2007 г. (с. 319, 1220), а в подписи к рис. 11 (с. 320) указан 2006 год. Все это ляпы, которые издателям энциклопедии следовало устранить. Но, как говорится, и на Солнце бывают пятна.

К большому юбилею «отца истории» подготовлен, действительно, большой и полезный труд. Несмотря на мелкие огрехи, впечатляют грандиозность замысла и его исполнение.

Литература / References

- Augoustakis, A., Cyrino, M.S. (eds.) 2017: *STARZ Spartacus. Reimagining an Icon on Screen*. Edinburgh.
- Baragwanath, E., Foster, E. (eds.) 2017: *Clio and Thalia: Attic Comedy and Historiography*. (Histos Supplement, 6). Newcastle.
- Beigel, T. 2013: With Your Shield or on It: The Gender of Heroism in Zack Snyder’s “300” and Rudolph Maté’s “The 300 Spartans”. In: A.-B. Renger, J. Solomon (eds.), *Ancient Worlds in Film and Television: Gender and Politics*. Leiden—Boston, 65–78.
- Bridges, E. 2015: *Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King*. London.
- Cyrino, M.S. 2005: *Big Screen Rome*. Malden (MA).
- Cyrino, M.S., Safran, M.E. (eds.) 2015: *Classical Myth on Screen*. New York.
- De Jong, I.J.F. 2001: The Anachronical Structure of Herodotus’ “Histories”. In: S.J. Harrison (ed.), *Texts, Ideas, and the Classics. Scholarship, Theory, and Classical Literature*. Oxford. 93–116.
- Dumont, H. 2009: *L’antiquité au cinéma: vérités, légendes et manipulations*. Paris—Lausanne.
- Eidinow, E. 2011: *Luck, Fate, and Fortune: Antiquity and Its Legacy*. London.
- Fehling, D. 1971: *Die Quellenangaben bei Herodot. Studien zur Erzählkunst Herodots*. Berlin.
- Fehling, D. 1989: *Herodotus and His ‘Sources’: Citation, Invention and Narrative Art*. Transl. by J.G. Howie. Leeds.
- Fornara, Ch.W. 1971: Evidence for the Date of Herodotus’ Publication. *Journal of Hellenic Studies* 91, 25–34.
- Gasparov, M.L. 1997: *Izbrannye trudy. T. I. O poetakh [Selected Works. Vol. I. On Poets]*. Moscow.
- Гаспаров, М.Л. *Избранные труды. Т. I. О поэтах*. М.

⁴⁴ Bridges 2015.

⁴⁵ Baragwanath, Foster 2017.

- Hartog, F. 1980: *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris.
- Hornblower, S. 1996: *A Commentary on Thucydides*. Vol. II. *Books IV–V.24*. Oxford.
- Immerwahr, H.R. 1966: *Form and Thought in Herodotus*. Cleveland.
- Irwin, E. 2013: The 'hybris' of Theseus' and the Date of the "Histories". In: B. Dunsch, K. Ruffing (Hrsg.), *Herodots Quellen – Die Quellen Herodots*. Wiesbaden, 7–84.
- Irwin, E. 2018: The End of the "Histories" and the End of the Atheno-Peloponnesian Wars. In: Th. Harrison, E. Irwin (eds.), *Interpreting Herodotus*. Oxford, 279–334.
- Lateiner, D. 1989: *The Historical Method of Herodotus*. Toronto.
- Marincola, J. 2001: *Greek Historians*. Oxford.
- Marincola, J. 2018: 'Ομηρικώτατος? Battle Narratives in Herodotus. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 3–24.
- Matijašić, I. (ed.) 2022: *Herodotus – The Most Homeric Historian?* Oxford–Edmonton–Tallahassee.
- Mayer, D. 2013: Architecture and Art Dance Meet in the Ancient World. In: P. Michelakis, M. Wyke (eds.), *The Ancient World in Silent Cinema*. Cambridge, 91–108.
- Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared. In: V. Karageorghis, I. Taifakos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 337–348.
- Munson, R.V. 2001: *Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus*. Ann Arbor.
- Murray, G.N. 2007: Zack Snyder, Frank Miller and Herodotus: Three Takes on the 300 Spartans. *Akroterion* 52, 11–35.
- Nisbet, G. 2012: "This is Cake-Town!": "300" (2006) and the Death of Allegory. In: S. Hodkinson, I. Macgregor Morris (eds.), *Sparta in Modern Thought: Politics, History and Culture*. Swansea, 429–458.
- Powell, J.E. 1960: *A Lexicon to Herodotus*. 2nd ed. Hildesheim.
- Pritchett, W.K. 1993: *The Liar School of Herodotus*. Amsterdam.
- Rhodes, P.J. 2003: Herodotean Chronology Revisited. In: P. Derow, R. Parker (eds.), *Herodotus and His World: Essays from a Conference in Memory of George Forrest*. Oxford, 58–72.
- Ruffing, K. 2013: 300. In: B. Dunsch, K. Ruffing (Hrsg.), *Herodots Quellen – Die Quellen Herodots*. Wiesbaden, 201–221.
- Seymour, M. 2015: The Babylon of D.W. Griffith's "Intolerance". In: M. García Morcillo, P. Hanesworth, Ó. Lapeña Marchena (eds.), *Imagining Ancient Cities in Film: From Babylon to Cinecittà*. New York–London, 18–34.
- Shipley, G. 2011: *Pseudo-Skylax's Periplus: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary*. Bristol.
- Sinitysyn, A.A. 2006: [Herodotus, Sophocles and Egyptian Curiosities (About One Historiographical Myth)]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 12, 363–405.
- Синицын, А.А. Геродот, Софокл и египетские диловинки (об одном историографическом мифе). *Античный мир и археология* 12, 363–405.
- Sinitysyn, A.A. 2008a: [Plut. Mor. 785b: Critical Remarks on the Authenticity of Source]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and Publications on the History of the Ancient World] 7, 377–418.
- Синицын, А.А. Plut. Mor. 785b: критические замечания о достоверности источника. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 7, 377–418.
- Sinitysyn, A.A. 2008b: [Sophocles and the Scythian Logos of Herodotus]. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of the East European Steppe]. Vol. VI. Saratov, 269–292.
- Синицын, А.А. Софокл и скифский логос Геродота. В сб.: *Археология Восточно-Европейской степи*. Т. 6. Саратов, 269–292.
- Sinitysyn, A.A. 2012: ΣΚΥΘΙΣΤΙ ΧΕΙΡΟΜΑΚΡΟΝ. Sophocles' Record of the Extravagant Scythian Custom. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 3, 49–73.
- Sinitysyn, A.A. 2013: [Thucydides and Herodotus – Had They Influenced Each Other? (to an 'Interesting Nuance')]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 16, 39–55.
- Синицын, А.А. Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга? (по поводу одного «интересного нюанса»). *Античный мир и археология* 16, 39–55.
- Sinitysyn, A.A. 2017: [Herodotus on the Banishment of the Barbarians out of Europe and the Issue of the Completeness of the First History]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of History] 10, 35–92.
- Синицын, А.А. Геродот об изгнании варваров из Европы и проблема завершенности первой «Истории». *Метаморфозы истории* 10, 35–92.

- Sinitsyn, A.A. 2019: τὰ ὅπλα τῶν γεφυρέων of the Persian War: Herodotus on the Banishment of the Barbarians out of Europe and the Issue of the Completeness of the First 'the Histories'. *Acta Archaeologica Lodziensia* 65, 83–124.
- Sinitsyn, A.A. 2021a: [Remarks on the Syngrapheis-Historiographers in 'Epistula ad Pompeium' of Dionysius of Halicarnassus]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Filologicheskie nauki [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences]* 2 (1), 65–81.
- Синицын, А.А. Замечания о синграфах-историописателях в Epistula ad Pompeium Дионисия Галикарнасского. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки* 2 (1), 65–81.
- Sinitsyn, A.A. 2021b: The 'Archeology' of Historiography as a Rhetorical Agon. On the Juxtaposition of Hellenic Writers in the *Epistula ad Pompeium* by Dionysius of Halicarnassus. *Acta Archaeologica Lodziensia* 67, 89–115.
- Sinitsyn, A.A., Surikov, I.E. 2020: A Chaotic Tours of the 'Halls' of the Logoi of the Herodotus 'Muses': Review of the English Historiography on the 'Father of History' and His Work in the New Guide-Book. *Acta Archaeologica Lodziensia* 66, 151–167.
- Stadter, P.A. 2012: Thucydides as 'Reader' of Herodotus. In: E. Foster, D. Lateiner (eds.), *Thucydides and Herodotus*. Oxford, 39–66.
- Surikov, I.E. 2009: *Gerodot [Herodotus]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Геродот*. М.
- Surikov, I.E. 2011a: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on Historical Writing in the Classical Greece]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Surikov, I.E. 2011b: [Herodotus and the Philaids]. *Aristey [Aristeas]* 3, 30–64.
- Суриков, И.Е. Геродот и Филаиды. *Апустей* 3, 30–64.
- Surikov, I.E. 2013: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: a Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.
- Surikov, I.E. 2021: [Towards the Chronology of the Life and Work of the Historian Hellanicus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/4, 837–862.
- Суриков, И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
- Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Vasilev, M.I. 2016: The Date of Herodotus' Visit to Macedonia. *Ancient West and East* 15, 31–51.
- West, S. 1985: Herodotus' Epigraphical Interests. *Classical Quarterly* 35/2, 278–305.

Alexandr A. Sinitsyn,

Russian Christian Academy for the Humanities,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: aa.sinizin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9229-0217

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

А.А. Синицын,

к.и.н., доцент
Русской христианской
гуманитарной академии,
Санкт-Петербург, Россия

И.Е. Суриков,

д.и.н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910022724-9

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА «СОВЕТСКУЮ ДРЕВНОСТЬ», ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ С.Г. КАРПЮКА «“СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ”: ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА В 1930–1960-е годы»

Монография С.Г. Карпюка¹, объединившая, как указывает автор во введении, «главы-статьи-очерки, которые посвящены изучению истории древнего (и, прежде всего, античного) мира в СССР» (с. 3), является результатом долгого творческого поиска исследователя в области анализа «советской древности» (см., например, список трудов С.Г. Карпюка по истории науки, приведенный на с. 403–408 рецензируемого издания). Ученый приступил к рассмотрению данной темы в 2014 г. (с. 3) и за прошедшие годы опубликовал немало статей по этой проблематике, одновременно представив их в виде докладов на различных семинарах и конференциях, в частности на ставшей уже ежегодной международной научной конференции «Советская древность»². Теперь же результаты его работы объединены в целостный нарратив, который последовательно освещает самые разные стороны развития историографии древности в СССР.

Монографию открывает глава «Недревняя история “Вестника древней истории”», посвященная проблеме возникновения и последующего функционирования в пространстве советской науки первого специализированного журнала, публиковавшего статьи по истории древности. Эта глава объединяет несколько различных сюжетов, ранее разработанных С.Г. Карпюком и с разных ракурсов освещающих историю ВДИ: проблему появления журнала в 1937 г., вопросы его функционирования в годы оттепели и в период трансформаций конца 1980–2000-х годов и особенности публикуемых материалов. Каждый из указанных сюжетов является интересной и оригинальной исследовательской находкой автора. Так, размышляя о причинах появления ВДИ, Карпюк предлагает новое объяснение самого факта открытия этого издания в СССР в 1937 г., акцентируя внимание читателей на случайности принятого решения: «Поводом к созданию журнала стали научные или, точнее, дилетантски-научные интересы шурина Сталина Александра Сванидзе» (с. 19), который сумел представить новый журнал в качестве удачного способа реабилитации академизма и классицизма, оказавшихся весьма востребованными властью во второй половине 1930-х годов (с. 18). В рамках же прежнего подхода, представленного в работах как советских ученых, настаивавших на неуклонном поступательном развитии науки в СССР³, так и современных историографов, опирающихся на разработки Т. Куна⁴, возникновение данного научного журнала обычно объяснялось предшествующим развитием этой дисциплины, и даже воспринималось в качестве маркера ее зрелости.

Интересны и другие очерки первой главы рецензируемой монографии. Весьма любопытен, в частности, вывод, который делает Карпюк при анализе материалов авторско-читательских конференций, проводившихся в ВДИ в годы оттепели. Используя опубликованные записи обсуждений, ранее никогда не привлекавшие к себе внимания историографов, исследователь доказывает, что авторско-читательские конференции были не просто симптомом своего времени, но представляли собой очевидные свидетельства формирования в СССР в 1950-е годы единой корпорации историков древнего мира, члены которой отчетливо осознавали свою общность (с. 44).

¹ Karpyuk 2021a.

² Karpyuk 2021b.

³ Krikh, Metel' 2014, 63.

⁴ Karpyuk 2015.

К схожему выводу автор приходит и при анализе некрологов и поздравлений, которые публиковались на страницах ВДИ в 1930–1980-е годы и также стали для Карпюка свидетельством целостности корпорации советских историков древности (с. 57). Более того, анализируя частоту появления в журнале подобных текстов, историк определяет весьма специфический показатель развития научного сообщества: индекс «оптимизма», выступающий для ученого в роли своеобразного барометра, свидетельствующего о внутреннем состоянии научной корпорации. Обоснование такому подходу предлагается весьма простое: некрологи и поздравления не составляли отдельный раздел журнала и не готовились к печати специальным сотрудником редакции, напротив, они поступали «самотеком» и, следовательно, отражали внутренние процессы развития научного сообщества советских историков древности, выделявшего в своих рядах формальных и неформальных лидеров (с. 51). Для историографа и сам подход к анализу материала, и сделанные автором выводы представляются весьма любопытными. Однако с методологической точки зрения введенный Карпюком «индекс оптимизма», безусловно, требует дальнейшей доработки. Более того, если внимательно посмотреть на выводы автора, то окажется, что они совпадают с традиционной картиной развития советской исторической науки, где на смену сталинскому периоду, препятствовавшему развитию самостоятельности ученых, пришла оттепель, предоставившая им такую возможность, а ее, в свою очередь, сменили «заморозки» и застой 1977–1987 гг., когда активность советских специалистов по истории древности резко пошла на спад. Но не будут ли тогда используемые С. Г. Карпюком показатели подтверждать уже разработанную схему (связанную в том числе и с личными впечатлениями автора⁵), не внося в нее никаких принципиальных уточнений? В любом случае, выводы автора требуют дальнейшей проверки и, стоит надеяться, станут важным шагом в деле изучения позднесоветской науки, которая традиционно ускользала из поля зрения историографов.

Завершая разговор о первой главе рецензируемой монографии, нельзя не отметить, что менее удачными, на мой взгляд, являются ее второй и пятый разделы, связанные с рассмотрением материалов передовиц ВДИ и деятельности журнала под руководством Г. М. Бонгард-Левина. Они носят преимущественно описательный характер и не содержат каких-либо концептуальных новаций. Причем особенно заметным это оказывается в последнем разделе, который сообщает читателю о том, какие статьи публиковались в тот или иной год двадцатилетнего руководства журналом Г. М. Бонгард-Левина. С одной стороны, авторский замысел очевиден: Карпюк пытается выделить наиболее важные изменения в работе журнала, произошедшие с 1988 г. и, безусловно, связанные с новыми векторами исследовательского поиска авторов ВДИ. Однако сама структура очерка излишне перегружена деталями и не позволяет увидеть некоторые очевидные тенденции развития издания в непростой для отечественной науки период, сопровождавшийся не только теоретическими новациями, но и материальными проблемами.

Вторая глава монографии посвящена рассмотрению сюжета, связанного с развитием советской историографии древности в годы войны. Ее материал в целом оказывается неоднородным, и если первый раздел освещает проблему влияния дискуссии о характере критомикенской цивилизации на советскую науку, то оставшиеся три параграфа затрагивают различные аспекты институциональной истории советской науки о древности, повествуя, в частности, об эвакуации Института истории АН СССР и реорганизации Института истории материальной культуры. Безусловным достоинством всех четырех разделов второй главы является их фундированность. Карпюк точен в деталях, он стремится зафиксировать все трансформации организационной структуры изучаемых академических центров и показать роль отдельных ученых в изучаемых процессах. Кроме того, он вводит в оборот новый источниковый материал (с. 122–126, 145–151, 16–170), существенно дополняющий наши сведения о развитии академической науки в 1941–1945 гг. И особенно показательным в этом отношении, вероятно, стоит признать очерк, посвященный деятельности Института истории материальной культуры, который наглядно демонстрирует процесс перевода гуманитарных академических учреждений из Ленинграда в Москву. В нем автор обращает внимание на ситуативный компонент исторического процесса, указывая и подтверждая конкретными документами, как решения отдельных ученых (к примеру, С. П. Толстова, А. В. Мишулина и др.) повлияли на развитие общей инфраструктуры советской науки.

⁵ Карпюк 2015.

Однако и эта глава не лишена недостатков. Так, автор использует далеко не все источники, которыми располагает историограф при реконструкции институциональной истории советской науки военных лет. Карпюк опирается преимущественно на материалы Архива РАН, которые, безусловно, дают весьма ценную информацию, но все же не могут представить картину в целом. Весьма полезно в этом отношении было бы использовать многочисленные источники личного происхождения, а именно воспоминания и дневниковые записи советских историков, непосредственно участвовавших в эвакуации и реэвакуации академических институтов. Тем более что их авторы нередко прямо затрагивают сюжеты, связанные с переводом гуманитарных институтов Академии наук СССР из Ленинграда в Москву⁶. В результате такого расширения источниковой базы можно было бы, вероятно, избежать некоторых неточностей и более подробно остановиться на специфике работы различных академических групп историков, оказавшихся в 1941–1943 гг. в эвакуации не только в Ташкенте, но и в Свердловске, Казани, Алма-Ате и ряде других городов⁷.

Третья глава монографии фиксирует внимание читателей на биографиях советских специалистов по истории древности. В нее вошли очерки, посвященные А.В. Мишулину, К.К. Зельину и Г.Г. Дилигенскому. На первый взгляд кажется, что выбор фигур для анализа небесспорен: названных авторов сложно отнести к числу классиков советской историографии древности и настаивать на том, что их работы имеют актуальность для современной науки. Однако риску предположить, что в этом и состоял замысел автора, обратившегося к именам тех ученых, кто в наименьшей степени интересовал его предшественников. Так, А.В. Мишулин, являвшийся руководителем «фронта» советской историографии древности во второй половине 1930-х – 1940-е годы, спустя десять лет после своей смерти стал для вчерашних коллег, хорошо отзывавшихся о его докторской диссертации, «фигурой умолчания». Более того, в дальнейшем о нем не вспоминали и их ученики, традиционно противопоставлявшие (как, к примеру, И.Л. Маяк) А.В. Мишулина и Н.А. Машкина. Не нашлось места для исследователя восстания Спартака и на страницах многотомника «Портреты историков. Время и судьбы»⁸. И лишь недавние статьи С.Б. Криха и А.М. Скворцова, посвященные, впрочем, частным сюжетам, впервые за долгое время обратили внимание антиковедов на А.В. Мишулина⁹. Карпюк продолжил работу в данном направлении, поставив перед собой задачу показать роль данного историка в развитии советской историографии древности (с. 173). В результате, опираясь на широкий пласт архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, Карпюк представляет цельный портрет своего героя, показывая его деятельность на фоне общего процесса становления советского антиковедения.

В отличие от «организатора советской науки» А.В. Мишулина, следующий герой монографии – К.К. Зельин – представлял собой фигуру иного порядка. Известный советский специалист по истории эллинизма всегда воспринимался коллегами как настоящий ученый, и его научная биография ранее была реконструирована историографами¹⁰. Однако Карпюк в очерке о Зельине ставит перед собой совершенно иные задачи. Он анализирует его творчество в контексте полемики, развернувшейся между советским антиковедом и его английским коллегой Дж. Томсоном, занимавшимся изучением древнегреческого общества и стремившимся «произвести революцию не только в классических исследованиях, но и в марксистской науке» (с. 220). Для анализа советской историографии древности такой исследовательский ракурс, безусловно, является значимым. Ведь сам факт полемики между советским и зарубежным марксистами позволяет нам выйти за рамки традиционного рассмотрения отечественной науки вне междunarодного контекста и, напротив, показать специфику восприятия выводов советских специалистов в иной культурной и языковой среде.

Что же касается последнего героя третьей главы монографии, Г.Г. Дилигенского, анализ его казуса дает читателю представление о неоднозначности карьерных траекторий советских исследователей, которые могли принимать весьма нестандартные решения даже в строго заданных рамках советской научной системы. Недаром Г.Г. Дилигенский, стремительно делав-

⁶ Rabinovich 2005, 204–218.

⁷ Bukhert 2018, 45–52.

⁸ Sevost'yanov et al. 2000; 2004.

⁹ Krikh 2015; Skvortsov 2019.

¹⁰ Sevost'yanov et al. 2000, 94–104.

ший карьеру как специалист по истории Поздней Римской империи и, вполне возможно, ставший бы преемником С.Л. Утченко на посту заведующего сектором древней истории Института истории АН СССР, внезапно для своих коллег бросил этот сюжет, оставил работу в секторе и переключился на изучение социальной психологии французских рабочих (с. 235–236). Объясняя этот неоднозначный выбор, Карпюк вновь прибегает к рассмотрению конкретного историографического казуса в весьма широком контексте и показывает, что Дилигенский был человеком своего времени, искренне верившим в идеалы оттепели и желавшим приложить немало усилий для трансформации советской системы (с. 242). Однако сделать это было невозможно, продолжая изучать некогда безопасную проблематику древней истории, и автор сделал выбор в пользу более современных проблем, открывавших путь, как полагает Карпюк, к «улучшению» марксизма (с. 242).

В целом, как поясняет автор рецензируемой монографии, для него все герои третьей главы объединены тем, что они «не были исключительно кабинетными учеными, но внесли немалый вклад в созидание той реальности, в которой жили люди XX века и плодами которой мы пользуемся по сей день» (с. 5). Читатель же может увидеть и иной принцип организации материала, обратив внимание на то, что в его рамках представлены различные типы карьерных траекторий: организатор советской науки об античности, внесший, по мнению коллег, весьма скромный вклад в развитие марксистской концепции древней истории (А.В. Мишулин), признанный классик в изучении истории древней Греции и эллинизма (К.К. Зельин) и, наконец, экспериментатор, оставивший римские штудии ради социальной психологии (Г.Г. Дилигенский). И в каждом из этих параграфов легко узнаваем почерк Карпюка: автор внимателен к деталям, которые обычно не попадают в поле зрения историографов, точен в изложении материала, уделяет немало внимания историческим документам, вводя в оборот новые исторические источники, сохранившиеся в редакции ВДИ и, следовательно, недоступные широкому кругу специалистов («Замечания по поводу письма Дж. Томсона в редакцию ВДИ»).

Однако при этом, работая с материалом третьей главы, нельзя не обратить внимание на некоторый схематизм данных текстов Карпюка. И если в случае с А.В. Мишулиным и К.К. Зельиным его можно объяснить исходным ракурсом рассмотрения материала, прочитываемого с позиций конкретных научных дискуссий, волновавших сообщество советских антиковедов в 1940-е годы, то в отношении Г.Г. Дилигенского подобный подход приводит к тому, что ученый просто помещается в контекст эпохи, демонстрируя способы адаптации советских историков к постоянно менявшемуся партийному курсу (бегство в изучение античности в годы борьбы с космополитизмом и, напротив, поворот к острым проблемам современности в годы оттепели). Безусловно, было бы глупо отрицать влияние внешнего фактора на поступки людей науки, но насколько корректно делать его главным побудительным мотивом при принятии судьбоносных решений, особенно в условиях недостатка источников? Возможно, если бы, говоря о Дилигенском, Карпюк привел больше исходных данных, его размышления не вызвали бы некоторых сомнений, пока же необходимо констатировать, что работа по изучению советской науки 1960–1980-х годов должна быть продолжена историографами.

Четвертая и пятая главы монографии продолжают ранее намеченные направления исследовательского поиска автора. В них Карпюк не только рассматривает взаимодействие советских и американских антиковедов, анализируя вклад М. Финли в предоставление СССР необходимой помощи в годы войны и реконструируя биографию Э. Грейс (Э.Л. Казакевич), приехавшей в 1949 г. в Советский Союз вместе с мужем, активистом общества друзей СССР, но и дает широкую панораму истории Института истории АН СССР, главного научно-исследовательского учреждения страны, призванного проводить исследования по самому широкому спектру тем и сюжетов. И вновь, как и в предыдущих разделах монографии, автор отличает новизна подхода и глубина проработки материала. Он активно использует данные, сохранившиеся в Архиве РАН, Государственном архиве Российской Федерации, Архиве внешней политики Российской Федерации, дополняя их уже введенными в оборот документами и материалами. В результате перед глазами историографов предстают весьма сложные фигуры ученых, на которых серьезно повлияла современная им политика, вынудившая их покинуть США и искать убежище в других странах. Анализ этих сюжетов также выводит исследователя за рамки узкой предметной области — советской историографии древности. И вновь заставляет посмотреть на советскую науку в сравнительной перспективе. Ведь если мы привыкли говорить о со-

ветской науке как деформированной системе¹¹, то не будет ли логичным, с учетом представленного Карпюком материала, поставить вопрос гораздо шире и показать различные варианты деформации поля науки, характерные для различных национальных традиций? Впрочем, как и старалась неоднократно подчеркнуть ранее, именно в этом и заключается одно из важнейших достоинств монографии, которая в своих основных разделах очевидно обозначает направления дальнейшего исследовательского поиска. Тем более что в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится фонд В.Д. Казакевича, в котором отложились материалы, касающиеся его жены, и эти документы могут пролить свет на биографию Э. Грейс¹².

В пятой главе, посвященной истории становления Института всеобщей истории АН СССР, С.Г. Карпюк продолжает исследовательскую работу, начатую им совместно с М.Д. Бухариным, и, опираясь на подготовленными ранее статьи, воссоздает основные этапы предистории нового академического центра, который так и не удалось создать ни в конце 1930-х, ни в середине 1950-х годов¹³. Здесь автор вновь демонстрирует интерес к данным источников и обильно цитирует делопроизводственную документацию Института истории АН СССР, отмечая немало ценных деталей, свидетельствующих о кадровом составе и материально-техническом состоянии данного научного центра. При этом общая трактовка вопроса о создании Института всеобщей истории АН СССР в 1968 г. дается преимущественно в версии А.О. Чубарьяна, очевидца событий тех лет. Согласно его точке зрения, Академия наук СССР, ранее неоднократно выступавшая с инициативой разделения единого исторического института, была уведомлена о подобном решении в 1968 г. в связи с делом «мятежного» парткома (с. 380), и, хотя сами ученые ранее неоднократно настаивали на необходимости разделить столь громоздкое учреждение, в конечном счете инициатива в этом вопросе исходила от партийных инстанций. Для подтверждения данной версии Карпюк акцентирует внимание читателей на продолжительности процесса подготовки планов работы вновь образованного института и анализирует программные доклады его первого директора, академика Е.М. Жукова, представленные им в декабре 1968 г. и в декабре 1969 г. в АН СССР (с. 381–390).

Однако в современной отечественной историографии была высказана и иная точка зрения на проблему разделения двух исторических институтов¹⁴. Ее авторы, В.В. Тихонов и Н.Ю. Пивоваров, в целом опирались на ту же документацию, с которой работал С.Г. Карпюк, но, размышляя о причинах открытия Института всеобщей истории в 1968 г., все же не считали фактор разрома «даниловского парткома» определяющим в этих событиях. Напротив, с их точки зрения, важны именно внутренние процессы развития советской науки, представители которой хорошо осознавали все сложности управления столь масштабным учреждением («да, штатов — избыток, порядка снова нет»¹⁵) и были несклонны акцентировать внимание на поводах, приведших к столь долгожданной для сообщества реорганизации.

Учитывая аргументы, приводимые и С.Г. Карпюком, и В.В. Тихоновым и Н.Ю. Пивоваровым, я полагаю, что точку в данном вопросе могут поставить лишь новые документы, свидетельствующие о конкретном механизме принятия данного решения. Пока же историограф работает с точкой зрения корпорации, которая действительно считала возможным разделить единый Институт истории (хотя у этого решения были и противники, которые, как, к примеру, Н.А. Сидорова, полагали, что в условиях марксистского прочтения исторического процесса как единого искусственного разделение институтов будет просто излишним, и даже вредным), но в решении 1968 г. видела очевидный политический аспект.

В целом, завершая данную рецензию, хочется подчеркнуть, что монография С.Г. Карпюка вносит важный вклад в развитие советской историографии древности. Она предлагает исследователям иной путь изучения данного феномена, связанный с движением не от некоторой общей концепции развития марксистско-ленинской науки в СССР (как это хотели представить ученые в 2000-е годы¹⁶), но от конкретного казуса, который переплетается с другими отдельными «случаями» и составляет тонкий узор историографического процесса, изрядно

¹¹ Neretina, Ogurtsov 2010.

¹² ОР РГБ. Ф. 804.

¹³ Bukharin, Karpyuk 2019.

¹⁴ Pivovarov, Tikhonov 2020.

¹⁵ Svanidze 2003, 286.

¹⁶ Bychkov, Sveshnikov 2005.

грубеющий при любой попытке схематизации и обобщения. При этом Карпюк фактографически точен и внимателен к деталям. Он умеет обнаружить и представить наиболее характерный и показательный источник, который как нельзя лучше охарактеризует биографию автора, специфику этапа развития институции и т.д. К этому также стоит добавить, что рецензируемая монография написана очень ярким языком. Ее автор стремится к лаконичности и не прибегает к иносказаниям и эвфемизмам, анализируя даже наиболее сложные и спорные аспекты истории советской исторической науки (и — шире — советского общества). Все это позволяет утверждать, что монография С.Г. Карпюка окажется важным шагом на пути к новой концептуализации историографического материала, выполненной не до, а после тщательного анализа данных источников.

Литература / References

- Bukharin, M.D., Karpyuk, S.G. 2019: [Foundation of the Institute of World History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]* 89/11, 1162–1168.
- Bukhert, V.G. (ed.) 2018: *Perepiska N.M. i E.I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami [Correspondence of N.M. and E.I. Druzhinin with Historians, Literary Critics, Writers]*. Moscow. Бухерт, В.Г. (сост.). *Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями*. М.
- Бухарин, М.Д., Карпюк, С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР. *Вестник Российской академии наук* 89/11, 1162–1168.
- Bychkov, S.P., Sveshnikov, A.V. 2005: [The Problem of the Phenomenon of Soviet Historiography]. In: V.P. Korzun (ed.), *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka [Essays on the History of Russian Historical Science of the Twentieth Century]*. Omsk, 299–323.
- Бычков, С.П., Свешников, А.В. Проблема феномена советской историографии. В кн.: В.П. Корзун (ред.), *Очерки истории отечественной исторической науки XX века*. Омск, 299–323.
- Karpyuk, S.G. 2015: [About Ancient History with Love]. In: V.P. Korzun, S.P. Bychkov, N.N. Alevras, A.V. Antoshchenko, G.P. Myagkov, V.G. Ryzhenko, A.V. Sveshnikov, S.B. Krikh, M.A. Mamontova (eds.), *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik [The World of the Historian: A Historiographical Collection]*. Issue 10. Omsk, 326–360.
- Карпюк, С.Г. О древней истории с любовью. В сб.: В.П. Корзун, С.П. Бычков, Н.Н. Алеврас, А.В. Антощенко, Г.П. Мягков, В.Г. Рыженко, А.В. Свешников, С.Б. Крих, М.А. Мамонтова (ред.), *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 10. Омск, 326–360.
- Karpyuk, S.G. 2021a: «Sovetskaya drevnost'»: istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet Antiquity”: the History of Science and Society in the 1930–1960s]. Moscow.
- Карпюк, С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.
- Karpyuk, S.G. 2021b: [International Conference “Soviet Antiquity – VI. Ancient History in the 20th and 21st Centuries”. (Moscow, November 27–28, 2020)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/2, 536–538.
- Карпюк, С.Г. Международная научная конференция «Советская древность – VI. Древняя история в XX–XXI вв.» (Москва, 27–28 ноября 2020 г.). *ВДИ* 81/2, 536–538.
- Krikh, S.B. 2015: [A.V. Mishulin and his Spartacus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 178–189.
- Крих, С.Б. А.В. Мишулин и его Спартак. *ВДИ* 1, 178–189.
- Krikh, S.B., Metel', O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli [Soviet Historiography of Antiquity in the Context of World Historiographic Thought]*. Moscow. Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Neretina, S.S., Ogurtsov, A.P. (eds.) 2010: *Podylastnaya nauka? Nauka i sovetskaya vlast' [Subservient Science? Science and the Soviet Regime]*. Moscow.
- Неретина, С.С., Огурцов, А.П. (ред.). *Подвластная наука? Наука и советская власть*. М.

- Pivovarov, N. Yu., Tikhonov, V.V. 2020: ["The Staff is Abundant, There is No Order Again": on the History of Separation of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1968]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History] 3, 173–184.
- Пивоваров, Н.Ю., Тихонов, В.В. «Штатов — изобилие, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. *Российская история* 3, 173–184.
- Rabinovich, M.G. 2005: *Zapiski sovetского intellektuala* [Notes of a Soviet Intellectual]. Moscow.
- Рабинович, М.Г. *Записки советского интеллектуала*. М.
- Sevost'yanov, G.N., Marinovich, L.P., Mil'skaya, L.T. (eds.) 2000: *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [Portraits of Historians: Time and Fate. Vol. 2. World History]. Moscow—Jerusalem.
- Севостьянов, Г.Н., Маринович, Л.П., Мильская, Л.Т. (ред.). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. М. — Иерусалим.
- Sevost'yanov, G.N., Marinovich, L.P., Mil'skaya, L.T. (eds.) 2004: *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 3. *Drevniy mir i srednie veka* [Portraits of Historians: Time and Fate. Vol. 3. Ancient World and Middle Ages]. Moscow.
- Севостьянов, Г.Н., Маринович, Л.П., Мильская, Л.Т. (ред.). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 3. *Древний мир и средние века*. М.
- Skvortsov, A.M. 2019: [On History of Soviet Historical Science Development in 1930–1940s: A.V. Mishulin's Doctoral Thesis Defence]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue] 2, 296–310.
- Скворцов, А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е — 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным. *Научный диалог* 2, 296–310.
- Svanidze, A.A. 2003: *Vtoraya muza istorika. Neizuchennye stranitsy russkoy kul'tury XX stoletiya* [The Second Muse of the Historian. Unexplored Pages of Russian Culture of the 20th Century]. Moscow.
- Сванидзе, А.А. *Вторая муза историка. Незученные страницы русской культуры XX столетия*. М.

Olga V. Metel,

Omsk Institute of Water Transport —
branch of the Siberian State University
of Water Transport,
Omsk, Russia
E-mail: olgametel@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6981-6137

О.В. Метель,

к.и.н., доцент кафедры гуманитарных
дисциплин Омского института водного
транспорта — филиал ФГБОУ ВО
«Сибирский государственный
университет водного транспорта»
Омск, Россия

DOI: 10.31857/S032103910027552-0

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭЛЛИНСКАЯ АГОНИСТИКА – ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ»

(Москва, 4 июня 2022 г.)

4 июня 2022 г. в Литературном институте имени А.М. Горького прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Эллинская агонистика – от античности до наших дней». В конференции приняли участие преподаватели и научные сотрудники МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Литературного института имени А.М. Горького, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Севастопольского государственного университета, Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина (Белоруссия). Тематика докладов была разнообразной и охватывала развитие агонистики от древности до современности. На различных секциях конференции обсуждались проблемы античного и современного спорта, роль спорта в политике и в экономике, литературе и искусстве.

Античную секцию конференции открыла *Т.Б. Гвоздева* (Москва) с докладом «Возрастные категории атлетов Древней Эллады». Она отметила, что уже в архаику на панэллинских играх были введены две системы возрастных классификаций атлетов. Первая, известная по Олимпийским и Пифийским играм, предполагала выделение двух возрастных категорий атлетов: *παῖδες* (мальчиков) и *ἄνδρες* (мужчин), следствием чего стало введение на этих играх особых состязаний для юных атлетов: с 632 г. до н.э. – на Олимпийских играх и с 586 г. до н.э. – на Пифийских играх. Вторая система делила атлетов на три возрастные группы: *ἄνδρες* (мужчины), *ἄγένοι* (юноши) и *παῖδες* (мальчики), т.е. к уже имеющимся двум группам добавляли третью, промежуточную. Эту классификацию использовали как на панэллинских играх (Истмийских и Немейских), так и на местных играх (например, на Великих Панафинейских в Афинах). Программа юных атлетов формировалась по образцу состязаний для взрослых атлетов, но не копировала ее полностью. Если на Олимпийских играх *παῖδες* состязались только в коротком беге и в единоборствах, то на Пифийских играх – в трех видах бега (короткий бег, двойной бег и длинный бег), а также в пентатлоне, борьбе и в панкратионе, а на Немейских играх – в беге и панкратионе. Это давало организаторам возможность более внимательно подойти к распределению атлетов по возрастным группам. Кроме того, не все юные атлеты могли позволить себе участвовать в панэллинских играх, поэтому они гораздо чаще побеждали на местных играх, которые устраивал их полис (или на панэллинских играх, если устроителем был их родной полис).

В докладе *Е.В. Булычевой* (Москва) «Источники финансирования спортивных состязаний в Афинах IV в. до н.э. по данным эпиграфики» был представлен анализ эпиграфических источников по данной проблематике, включенных в корпус *Inscriptiones Graecae*, изданный под редакцией Дж. Кирхнера (*IG II²*). На основании имеющихся сведений автор сделала следующие выводы: как правило, средства на праздники и игры поступали из общеполисной казны и от пожертвований частных граждан. Кроме того, на финансирование некоторых локальных соревнований использовались денежные средства, и даже натуральные продукты, полученные в качестве доходов от сдачи в аренду священных земель.

М.Н. Ненахова (Москва) в докладе «Мотив гонок колесниц в искусстве Ионии рубежа VI–V вв. до н.э.» отметила, что изображения колесничных агонистов в Ионии появляются одновременно в культовых и погребальных контекстах во второй половине VI в. до н.э. и становятся особенно популярными на рубеже веков. Семантика изображений на клазоменских саркофа-

гах определяется устойчивой ассоциацией колесничного агона с посмертным чествованием усопшего, поскольку традиция состязаний колесниц, в том числе включенных в программы панэллинских агонов, имела в своей основе мифы о погребальных играх в честь героев. Возможно, что распространение этого сюжета в искусстве Ионии также могло быть связано с основанием Ионийским союзом в середине VI в. до н.э. святилища Панионий, посвященного Посейдону Геликонию, одним из символов которого был конь. Этот культ отправлялся в нескольких городах Ионии, поэтому Панионий имел огромное значение для сохранения этнической идентичности и политического сплочения ионийских греков. Возможно, что в Панионии, как и на Истме, в честь Посейдона гонки колесниц были и соревнованием, и частью ритуала, а изображения с ними посвящались божеству. В таком случае этот сюжет мог специфически ассоциироваться с Панионием и его божественным покровителем, служить важной визуальной отсылкой к панионийскому культу. Короткий период использования этого сюжета может объясняться поражением ионийцев в восстании против персов, хотя как религиозный центр святилище Посейдона Геликония продолжило существовать.

Доклад *С.В. Обухова* (Москва) «Состязания в честь предков в эллинистической Коммагене по эпиграфическим данным» был посвящен спортивным состязаниям в честь предков властителя Коммагены. Они упоминаются единственный раз в царском манифесте времен Антиоха I (69–34 гг. до н.э.) об установлении царского культа, происходящем из города Арсаеи на реке Нимфей (приток Евфрата). На основании анализа текста надписи докладчик сделал вывод, что принятие Митридатом I (100–70 гг. до н.э.), отцом Антиоха I, трона предков и титула Каллиник — «побеждающий красиво» — было связано с этими состязаниями. Хотя точное содержание состязаний неизвестно, можно предположить, что это были заезды на колесницах, где царь побеждал в символическом соревновании и получал власть над страной. Подобная реконструкция подтверждается «Авестой» — священной книгой зороастризма, в которой описаны подобные гонки (Yt. 5. 50). Состязания в честь предков исчезли при Антиохе I, который, обожествив себя при жизни, заменил их полноценным, сложно организованным династическим культом, после чего наступила эпоха всеобъемлющего греко-иранского синкретизма.

Конференцию продолжила *И.А. Гвоздева* (Москва) с докладом «Зрелища в Риме в правление императора Домициана». Домициан, последний из Флавиев, активно способствовал развитию агонистики и спортивных зрелищ в Риме, но в сенатской традиции император получил резко отрицательную оценку этого направления своей работы и был обвинен в филэллинстве. Однако Домициан не только устраивал спортивные зрелища в Риме, но также старался учить интересы римлян. В 88 г. н.э. он провел игры, в которые ввел гладиаторские бои, что отличалось от принципов греческой агонистики. Деятельность Домициана сопровождалась активным строительством на Палатинском холме: восстановлением храма Аполлона, порталов Августа и Веспасиана, театра Бальба.

С.В. Телень (Мозырь, Белоруссия) в докладе «Полководческие устремления римской знати (ранняя Римская империя)» отметил, что актуальной проблемой в изучении системы принципата является анализ инерции сознания носителей староримской морали, т.е. сенаторов и всадников, оказавшихся в роли главного кадрового ресурса империи. Причинами сохранения данной роли были, во-первых, отсутствие в ранней Римской империи настоящей бюрократии и условий для ее быстрого возникновения, а во-вторых, континуитет управленческих практик, оставленных Августом в рамках его кампании по учреждению «восстановленной Республики». Среди задач, решавшихся императорами посредством привлечения представителей этих сословий на ключевые посты, важнейшее место занимала задача обеспечения военного командования. Участие в нем по-прежнему, как и в республиканский период, тесно связывалось и в политической культуре, и в массовом сознании, и в актуальной практике с аристократическим статусом, с полноценным *cursus honorum*. Наиболее ярко образ такого аристократа продемонстрирован в жизнеописании Агриколы Тацита, где Агрикола предстает как выдающийся военачальник, что отражает полководческие амбиции римской знати.

Доклад *В.О. Никишина* (Москва) «“Цветные” фракции в римском цирке» был посвящен популярным в Риме *circenses* — конным ристаниям, проводившимся в Большом цирке. С цирковыми зрелищами было связано появление знаменитых «цветных» *factiones* — партий, вокруг которых группировались те, кто болел за возниц, представлявших конкретные цвета. Это были *factio albata* («белые»), *factio russata* («красные»), *factio veneta* («голубые») и *factio prasina* («зеленые»). Чаще всего императоры были приверженцами «зеленых» (прасинов). Постепен-

но «белые» и «красные» отошли на второй план, хотя и не исчезли вовсе, тогда как популярность и влияние «голубых» и «зеленых» приняли невероятные масштабы; соперничество между ними было весьма ожесточенным и порой выливалось в вооруженные столкновения. Во времена Империи с помощью цирковых зрелищ укреплялся авторитет императоров, а плебейские массы отвлекались от политической борьбы. Когда же эти зрелища не только перестали способствовать укреплению императорской власти, поневоле уступив означенную функцию христианской церкви, но и стали представлять для этой власти определенную опасность, они были запрещены, равно как и цирковые «партии», со временем ставшие фактором политической нестабильности и источником перманентной угрозы для власти «автократора ромеев».

В докладе *В. В. Хапаева* (Севастополь) и *А. М. Глушича* (Москва) «Профессиональные спортсмены в Византийской империи: статус, иерархия, личности» рассматривался вопрос, насколько в Византии, жизнь которой строго регламентировалась христианской Церковью, было развито почитание возниц, выступавших на Ипподроме, и можно ли называть их спортсменами-профессионалами, сравнимыми с таковыми в Новейшее время. Возницам воздавались огромные почести: на спине Ипподрома в VI в. стояло двенадцать статуй спортсменов, в основном бронзовых, но одному из них — вознице Уранию — была посвящена уникальная золотая статуя. Победителя гонки награждали на стае — специальной площадке под императорской трибуной. Венценосец одаривал его серебряным венком и пальмовой ветвью. Возничие получали плату (в основном — денежную) как за победу, так и за участие в состязании. Им также полагалась определенная выплата со ставок на тотализаторе. Переходы спортсменов из одной команды в другую, видимо, не осуждались и были обычным проявлением конкуренции. Таким образом, по ряду важнейших критериев (фанатичная любовь толпы, высокие денежные доходы, занятия только спортивной профессией, высокий порог вхождения в круг элитных колесничих) можно заключить, что византийские возницы соответствовали современным представлениям о профессионализме в спорте, что является абсолютно уникальным примером для Средних веков и далее, вплоть до Новейшего времени.

Все доклады, представленные на конференции, вызвали большой интерес и сопровождались дискуссией.

Tatiana B. Gvozdeva,

Maxim Gorky Institute of Literature
and Creative Writing;
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University),
Moscow, Russia
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-0400-4589

Т. Б. Гвоздева,

к. и. н., доцент кафедры зарубежной литературы
Литературного института им. А. М. Горького,
доцент кафедры всеобщей истории факультета
гуманитарных и социальных наук Российского
университета дружбы народов (РУДН),
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910027553-1

XXII КОЛЛОКВИУМ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА ПО ЛАТИНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

(Прага, 14–16 сентября 2022 г.)

14–16 сентября 2022 г. в Праге состоялся XXII коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии (Comité International de Paléographie Latine (CIPL))¹ на тему «Столкновение письменных культур: влияние, обмен, перенос, заимствование?»². Задача конференции состояла в обсуждении вопроса взаимодействия и взаимовлияния различных видов письма и разных систем письменности со времен античности до Нового времени. Конференция проходила на факультете философии Пражского Карлова университета (Filozofická Fakulta, Univerzita Karlova) при организационной поддержке Института и архива им. Т.Г. Масарика Чешской Академии наук и Института истории искусств Чешской Академии наук. Результаты своих исследований представили палеографы Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Италии, Испании, Литвы, Норвегии, России, Словакии, Финляндии, Франции, Чехии, Швеции.

С приветственным словом к участникам обратился декан философского факультета Пражского университета профессор *Даниэль Бероунский*; собравшихся приветствовали также директор Института и архива им. Т.Г. Масарика профессор *Рудольф Кучера*, директор Института истории искусств профессор *Томаш Винтер* и профессор *Иван Главачек*. От лица организационного комитета выступил президент Международного Комитета по латинской палеографии профессор *Марк Смит*.

В первый день работы конференции прозвучало семь докладов, которые были посвящены рукописям периода поздней античности и раннего средневековья. Заседание открыл доклад *Д. Гэнца* (Мюнхен, Германия) «Английский полуунциал». В докладе было рассмотрено взаимодействие между двумя видами полуунциала, используемыми в Британии: классическим римским полуунциалом (например, Oxf. Bodl. Libr., Douce 140), который был заимствован английскими писцами из богослужебных книг, привезенных на остров римскими миссионерами, и созданным местными писцами островным полуунциалом, в котором выполнены, например, знаменитые четвероевангелия The Book of Durrow (TCD, Ms. 57) и Lindisfarne Gospels (BL, Cotton Nero D IV). Особое внимание было уделено случаям, когда один писец владел разными видами письма.

Доклад *Л. Пани* (Удине, Италия) «Странные случаи взаимодействия в рукописях IX в.» был посвящен рукописям Каролингской эпохи, в написании которых принимали участие несколько писцов. Иногда каждому писцу доставалась отдельная тетрадь, что говорит об организованной работе, но чаще можно наблюдать внезапную смену руки в любой части текста. В докладе также были выделены случаи, когда рукопись выполнялась писцами, обученными разным видам письма в разных скрипториях. В ряде рукописей писцы, работающие в одном скриптории, использовали разные типы письма. Интересны и случаи, когда писцы имели раз-

¹ Сообщение о работе предыдущего коллоквиума Международного комитета по латинской палеографии см. Антонец Е.В. 2022: XXI коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии. *ВДИ* 80/1, 217–222.

² С материалами конференции можно ознакомиться на сайте конференции (URL: <https://ci-praha.ff.cuni.cz/>; дата обращения: 15.08.2023).

ную квалификацию. Все это показывает, что в каролингской книжной культуре стремление к единообразию, по-видимому, не имело решающего значения.

Доклад *М. Гуррадо* (Париж, Франция) «Рецепция турецких образцов в аббатстве Св. Марциала в Лиможе в X в.» был посвящен проблеме влияния турецкой школы на письмо и декор рукописей, созданных в скриптории бенедиктинского аббатства Св. Марциала в Лиможе, основанного, по-видимому, во второй половине IX в. вскоре после самого монастыря. Одним из свидетельств этого влияния является рукопись Paris, BNF, lat. 260. Углубленное изучение следов влияния Тура позволяет уточнить датировку древнейших рукописей аббатства.

Дж. Крик (Лондон, Великобритания) в докладе «Древнеанглийский романский стиль? Выбор письма и культурное взаимодействие сквозь политический и языковой барьер после норманнского завоевания Англии (1066–1100)» сосредоточила внимание на рукописях, созданных в Англии в конце XI в., непосредственно после норманнского завоевания. В это время различие между новой политической и церковной элитой и местными образованными людьми было особенно сильно. До завоевания для письма на древнеанглийском использовался островной минускул, для письма на латинском языке — английский вариант позднего каролингского минускула. В обоих видах письма после завоевания происходил процесс приспособления к континентальному стандарту. В докладе рассмотрены разнообразные примеры, иллюстрирующие этот процесс.

С. Аммирати (Рим, Италия) выступила с докладом «Каково латинское письмо памятников византийского права? Графическое и лингвистическое смешение в период между поздней античностью и ранним средневековьем». В докладе рассмотрены лингвистические и палеографические особенности позднеантичных юридических рукописей. Исследование базируется на новых данных, полученных в ходе работы над проектом REDHIS (Rediscovering the Hidden Structure. A New Appreciation of Juristic Texts and Patterns of Thought in Late Antiquity; URL: <http://redhis.unipv.it>; дата обращения: 15.08.2023).

Е. В. Антонец (Москва, Россия) в докладе «Лигатуры в греко-римском курсиве IV–VI вв.: независимое развитие и взаимовлияние» рассмотрела развитие и предложила новую классификацию сложных лигатур нового римского курсива. Связные написания распространились в римском письме в III в. н.э., но памятников этого времени сохранилось мало, поэтому важно привлекать для исследования греческий материал. На примере лигатур с проклитической А и лигатур с энклитической I в римском и греческом письме I–VI вв. н.э. в докладе был показан процесс взаимовлияния греческой и римской графики.

А. Д'Оттоне-Рамбах (Рим, Италия) в докладе «Точки соприкосновения: отражение взаимодействия латинской и арабской традиций в письменных памятниках» отметила, что в латинской и арабской письменной культуре Средиземноморья наблюдается много примеров взаимодействия, на которые редко обращают внимание. Лингвистические и палеографические примеры являют двуязычные рукописи (Vat. Lat. 12900), а также арабские глоссы в латинских рукописях (Ms. Cava 1). В области кодикологии примечательно влияние западной техники окрашивания пергамента (в частности, в цвет индиго: Ms. Cava 1) на создание рукописи Голубого Корана. В докладе показано, как латинская и арабская культура обогащали друг друга в сфере книгописания и производства первопечатных книг.

Первый день работы конференции завершила Генеральная ассамблея Международного комитета по латинской палеографии, на которой был представлен отчет о работе комитета и обсуждались организационные вопросы; в частности, были обозначены дата и место проведения двух следующих коллоквиумов.

Доклады второго дня работы конференции касались книг, документов и эпиграфических памятников эпохи готического письма. Заседание открыл доклад *М. К. Росси* (Пиза, Италия) «Письмо ученых в университете XIII в.», в котором были рассмотрены почерки ученых и интеллектуалов, связанных с Парижским университетом XIII в. (Фомы Аквинского, Альберта Великого, Региныльда из Пиперно, Иоанна Лемовикского). Все они использовали готический курсив, причем моделью служило не книжное, а документальное письмо; главными характеристиками были простота и скорость написания.

М. Штиглеккер (Вена, Австрия) выступила с докладом «С книгой в руках: путешествие книг, писцов и бумаги», в котором она показала, каким образом водяные знаки помогают ученым проследить этапы написания рукописи и выявить, в каких местах она создавалась, а также точнее датировать ее. Важное значение для этого имеет база данных Wasserzeichen-

Informationssystem (URL: <https://www.wasserzeichen-online.de/wzis/index.php>; дата обращения: 15.08.2023). Примером послужили рукописи из монастыря в Мельке, созданные Иоанном из Шпейера (Johannes de Spira), а также группа рукописей из библиотеки монастыря в Клостер-нейбурге, который был тесно связан с работой Базельского собора Римско-Католической Церкви (1431–1449).

Доклад *А. Кастро Корреа и Ф. Алвареса Лопеса* (Саламанка, Испания) «Документальное письмо в сельском контексте в северо-западной Иберии» был посвящен особенностям письма и материальному описанию документов, созданных в сельской местности на северо-западе Испании, в период перехода от вестготского письма к каролингскому минускулу (конец XI – XII в.) в сопоставлении с графикой и оформлением документов, написанных профессиональными писцами кафедральных соборов и крупных монастырей. *А. Пулья* (Пиза, Италия) в докладе «Письмо книг и письмо документов в западной Тоскане в XI–XII вв.» рассмотрел особенности письма частных и государственных документов, созданных в Пизе, Лукке и Вольтерре писцами, не имеющими квалификации нотариуса.

Доклад *А. Ареса Легаспи* (Севилья, Испания) «Введение французской каллиграфии в Кастилии и Арагоне: имитация, влияние или адаптация?» был посвящен исследованию процесса адаптации французской модели каллиграфии местной графической традицией в Кастилии и Арагоне в XIV в. под влиянием политических, социальных, церковных, культурных и университетских связей. *Д. Штуцманн* (Париж, Франция) в докладе «Картулярии и их письмо: французские регистры и картулярии (1300–1500 гг.)» рассмотрел проблему влияния документального и книжного письма на письмо рукописных книг, содержащих копии документов (т.е. регистров и картуляриев).

Ю. Шедивый (Братислава, Словакия) в докладе «Эпиграфическое письмо в средневековой Венгрии и его взаимодействие с письмом рукописей и документов в свете межрегиональных контактов» провел сопоставительный анализ письма надписей и письма рукописных книг и документов, созданных на территории Верхней Венгрии (совр. Словакия) с момента образования Венгерского королевства (1001 г.) до начала XVI в. Ценным источником служит Corpus Inscriptionum Slovaciae, охватывающий около 750 средневековых надписей. Доклад *К. дель Каминьо Мартинес* (Севилья, Испания) «Гуманистическая традиция, письмо и документы в Севилье во время правления католических королей» был посвящен введению гуманистического письма в Севилье как в области книгописания, так и в сфере документации. Докладчица рассмотрела хронологию проникновения гуманистического письма, этапы его использования – сначала sporadического, затем постепенного закрепления в канцеляриях, а также сферы употребления.

Второй день работы Коллоквиума завершился концертом мужского хора Schola Gregoriana Pragensis, специализирующегося на исполнении григорианского хораля. Основателем и художественным руководителем коллектива является профессор Давид Эбен. Была исполнена композиция Septem dies, построенная на оригинальной музыке, исполнявшейся в Пражском университете между 1360 и 1460 г. и известной из рукописи XV в.

В начале третьего дня состоялась ассамблея Международной палеографической ассоциации «Культура, письмо, общество» (Association Paléographique Internationale: culture, écriture, société (APICES)). Эта организация объединяет широкий круг специалистов, занимающихся средневековыми рукописями, и открыта для всех, кто интересуется палеографией.

Темой третьего дня работы конференции были вопросы взаимодействия готического и гуманистического письма. Заседание открыл глава Отдела рукописей Берлинской государственной библиотеки и вице-президент Международного комитета по латинской палеографии *Э. Овергау* (Берлин, Германия), выступивший с докладом «Черты гуманистического письма в готическом письме Германии XV в.». В докладе показано, что немецкие писцы XV в. заимствовали отдельные элементы гуманистического письма, однако это письмо редко использовалось для написания всей рукописи целиком. Причинами такого неохотного восприятия гуманистического письма были, по мнению докладчика, отсутствие широкого распространения идеологии гуманизма в Германии до начала XVI в., иностранный характер гуманистического письма и трудности обучения этому письму в Германии.

Э. Жупан (Будапешт, Венгрия) в докладе «Изменение стиля письма – изменение культуры: возникновение и утверждение гуманистического письма в Венгрии от Яноша Витеза до Bibliotheca Corvina» рассмотрела кодикологические черты гуманистических рукописей, напи-

санных в Венгрии, и рецепцию итальянского гуманизма в венгерской рукописной традиции. Ключевой фигурой этого движения и первым венгерским гуманистом был кардинал и канцлер Венгерского королевства Янош Витез (Johannes Vitéz de Zredna, ок. 1408–1472). Часть рукописей, созданных в его окружении, вошла в состав знаменитой Bibliotheca Corvina, основанной в 1480-е годы. *Р. Чанайте* (Вильнюс, Литва) в докладе «Автографы литовской знати XVI в.» проанализировала почерки представителей высшей политической элиты Литвы в XVI в. Были отмечены случаи эволюции почерка на протяжении жизни человека. Во второй половине XVI в. для значительной части литовской знати было характерно владение как гуманистическим курсивом, так и готическим (главным образом немецким) курсивом. Иногда встречаются смешанные варианты курсивного письма. *Э.Э. Родригес Диас* (Уэльва, Испания) выступила с докладом «Гуманистическое письмо в кастильских рукописях XV в.: подражание, смешение графики, усвоение», в котором провела анализ рукописей XV в., написанных в Кастилии гуманистическим письмом. Гуманистическое письмо пришло в книги раньше, чем в документы. Важную роль в его распространении в Испании играли отдельные личности, среди которых Альфонсо де Паленсия (1423–1492) и Антонио де Небриха (1444–1522) — автор первой грамматики испанского языка.

Ф. М. Химено Блай (Валенсия, Испания) в докладе «Габриэль Альтаделль, каллиграф и космополит» представил обзор жизни и творчества испанского каллиграфа и художника Габриэля Альтаделля (ок. 1443–1468), директора библиотеки Альфонсо V Великодушного. В докладе рассмотрены написанные им рукописи, среди которых комедии Теренция (Ravenna, Bibl. Classense, ms. 138.2.Z) и сочинения Саллюстия (Barcelona, Bibl. Univ., ms. 122). Отдельное внимание уделено трактату Г. Альтаделля 'De arte scribendi' (Vat. Lat. 7179, f. 252r-263v; 1 октября 1468 г.). Доклад *М. Пантаротто* (Новедрате, Италия) «Собрание часовников Тривульцианской библиотеки и способы производства итальянских кодексов с фламандским декором в миланских мастерских конца XV в.» был посвящен кодикологическому анализу группы часовников, хранящихся в Archivio Storico civico e Biblioteca Trivulziana в Милане, декор которых говорит об их происхождении из фламандской среды, между тем как тип письма, рубрики на ломбардском диалекте и последовательность литургии свидетельствует об их создании в Милане. *Ф. Д'Уонно* (Рим, Италия) в докладе «'Je suis venu ici en Romme...'». Французские писцы в Риме в XVI в.» рассмотрела письмо и оформление документов, написанных представителями французской общины (нотариями, клириками и пр.), проживавшими в Риме в XVI в. Их духовным центром была церковь Св. Людовика Французского. Таких документов насчитывается 5786, а тип письма зависит во многом от языка. О постепенном распространении гуманистического курсива говорит, в частности, тот факт, что среди документов на латинском языке в период 1532–1584 гг. готическим курсивом написано 59% документов, а в период 1585–1599 гг. готическим курсивом написано уже всего 26% документов.

В перерывах между заседаниями участники конференции ознакомились со следующими постерными докладами: *М. Курси*, *М. Маньячи*, *М. Морар* (Италия) «Как в Монтекассино создавалась и читалась глоссированная Библия»; *А. Гутьеррес Рамос* (Испания) «Столкновение графических культур: англичане в Кадисе в XVI в. (1530–1570)»; *С. Пинеиро Педрейра* (Испания) «От вестготского письма — к каролингскому минускулу или к готике? Графический скачок в цистерцианских монастырях диоцеза Луго (сер. XII в.)»; *Т. Пунутти* (Финляндия) «Распространение 'Декад' Флавио Бьондо (1392–1463) в XV в. и их читатели»; *Я. Вноучек* (Дания), *С. Фиддимент* (Великобритания), *А. Кампаньола* (Бельгия) «Производство рукописей в скриптории епископа Генриха Здика в Оломоуце (по результатам исследования пергамена)»; *К. Каска* (Австрия), *И. Рабин* (Германия) «Современная кодикология: достижения естественных наук для изучения перемещения рукописей?»; *Э. Гендерсон*, *Й. Тахкокаллио* (Финляндия) «Северная scriptura textualis в средневековой Швеции»; *С. М. Мюкин*, *О. Оммундсен* (Норвегия) «Подражание и инновации в практике датских писцов XII в. (на примере аббатства Рингстед)».

В заключение были представлены новые проекты, в частности «Equipe prophesies de Merlin» (EPM; URL: <https://site.unibo.it/epm/en>; дата обращения: 15.08.2023) и «Written Culture of Premonstratensians in Late Medieval Bohemia (1300–1420)» (URL: <https://starfos.tacr.cz/en/project/GA22-10401S>; дата обращения: 15.08.2023). Были подведены итоги насыщенной трехдневной работы. Все присутствующие выразили сердечную благодарность организаторам конференции и надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

XXII colloquium of the International Committee for Latin Palaeography «Collision of written cultures: influence, exchange, transfer, borrowing?» became a significant event in world palaeography. The study of the interaction of different calligraphic traditions in written culture of Europe significantly expands the horizon of palaeographic researches of separate regions and types of writing and shows European bookness in a broader perspective. The following, XXIII colloquium of the International Committee for Latin Palaeography will take place in 2025 in Vienna, and the XXIV colloquium is planned for 2027 and will take place in Luxembourg.

Ekaterina V. Antonets,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: evantonetz@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1715-5132

Е.В. Антонец,

д. филол. н., доцент
кафедры классической филологии МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910027554-2

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ – XV. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
АЗЫ АЛИБЕКОВНЫ ТАХО-ГОДИ»

(Москва, 9–10 декабря 2022 г.)

9–10 декабря 2022 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – XV. Научные чтения, посвященные 100-летию юбилею профессора Азы Алибековны Тахо-Годи». В конференции приняли участие 23 исследователя из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Саратова, Таганрога, Минска, Ярославля. Тематика конференции охватила широкий круг проблем современной классической филологии, византиноведения, античной философии, лингвистики, методологии преподавания древних языков, рецепции античной литературы и теории перевода.

В первый день работы конференции прозвучало 11 докладов. Заседание открыл заведующий кафедрой классической филологии МГУ *А.И. Солопов* (Москва), выступивший с докладом «А.А. Тахо-Годи и классическая филология». Докладчик отметил, что Аза Алибековна олицетворяет собой целую эпоху в отечественной науке. С филологическим факультетом МГУ ее связывают 60 лет педагогической и научной деятельности. За это время она создала целую научную школу и воспитала не одно поколение исследователей. Научная деятельность Азы Алибековны охватывает чрезвычайно широкий спектр направлений: от греческой мифологии до проблем эллинистической литературы и античной философии. Она – автор более 800 публикаций и редактор многочисленных коллективных трудов. Многие книги и статьи Азы Алибековны выдержали несколько изданий, стали классическими трудами и используются как основные учебные пособия в МГУ и в других вузах. Другое важнейшее направление деятельности Азы Алибековны – сохранение наследия выдающегося русского философа *А.Ф. Лосева* (1893–1988). Завершая доклад, *А.И. Солопов* сердечно поздравил Азу Алибековну с замечательным юбилеем и выразил самые добрые пожелания от имени кафедры и факультета.

А.Е. Кузнецов (Москва) в докладе «Слон Цезаря и война символов» предложил интерпретацию семантики монеты (серебряного денария) с изображением слона и змеи, выпущенной с именем Юлия Цезаря в конце 49 г. до н.э., которая является одним из наиболее загадочных нумизматических объектов эпохи гражданских войн и перехода к автократии Августа. В докладе выдвигаются две гипотезы относительно изображений на монете. Слон был признанным символом *Цецилиев Метеллов*, который напоминал о победе *Луция Цецилия Метелла*, консула 251 г., при *Панорме*, где успешная борьба с карфагенскими слонами имела решающее значение. Слон *Метеллов* хорошо засвидетельствован на римских монетах, поэтому изображение слона рядом с легендой *CAESAR* могло быть понято исключительно как присвоение символа *Метеллов*, и непосредственной целью этого выпада был *Метелл Сципион* (консул 52 г.), злейший враг Цезаря. Змея может быть истолкована как символ культа *Iuno Sospita* в *Ланувии*. Высшие римские магистраты должны были посещать ланувинский храм *Юноны* вскоре после вступления в должность, что было частью ритуала, центром которого были *Feriae Latinae*. Таким образом, монета Цезаря может быть соотнесена с конкретной исторической ситуацией.

Метелл Сципион, отправляясь в провинцию в январе 49 г., должен был принять участие в ритуале *Feriae Latinae*, но он, как и другие магистраты, поспешно бежавшие из Рима, не сделал этого. В декабре 49 г. Цезарь стал диктатором для проведения выборов и тогда же провел *Feriae Latinae*. Исполнив обряды, которые не были исполнены в январе, Цезарь присвоил сакральные полномочия своих противников.

Доклад *Т.Л. Александровой* (Москва) «Гимны прп. Симеона Нового Богослова как образец книжной поэзии» был посвящен анализу стилистических особенностей гимнов Симеона Нового Богослова. В докладе было показано, что, вопреки распространенному представлению, Симеон прекрасно владел риторическими приемами и искусно их применял. Он также широко пользовался устоявшимися клише святоотеческой словесности, соединяя их в технике, близкой к центонной.

Иг. Дионисий (Шлёнов) (Москва) представил вниманию аудитории доклад «Апелляция (ἐκκλησιάζω) в светском и церковном законодательстве Византии». В докладе была сделана попытка показать реальную историю института апелляции, который появился еще в судебной практике Римской империи: в случае неудовлетворенности судебным решением позволялось прибегнуть к инстанции высшего суда, роль которой первоначально и в восточной, и в западной части империи исполняло народное собрание. Затем высшая судебная власть постепенно сосредоточилась в руках императора, а позже Римский папа по аналогии со светской властью стал мыслить себя носителем высшей судебной власти на Западе. Константинопольский патриарх, напротив, был верховным судьей в церковных делах только внутри своей юрисдикции, первоначально не стремясь возвыситься над другими тремя патриархами христианского Востока. Из-за этого в законодательстве Юстиниана отразились две концепции: Константинопольский патриарх представлен и как один из предстоятелей Церкви с равными судебными правами, и как высший судия последней инстанции на Востоке. Однако второе понимание, очень выгодное для современных сторонников теории чести и власти Константинопольского патриарха, было второстепенным и так и не получило всеобщего авторитетного признания.

В докладе *А.В. Волошиной* (Москва) «Сравнение риторики и пластических искусств в сочинениях Дионисия Галикарнасского» были проанализированы пассажи в риторических сочинениях писателя I в. до н.э. Дионисия Галикарнасского, посвященные сравнению ораторского и пластических искусств (живописи и скульптуры). Рассмотренный материал характеризует Дионисия как филолога и литературного критика и добавляет штрихи к его исследовательскому портрету. Сравнения показывают пристрастие Дионисия к определенным приемам анализа языка и стиля, его внимание к эстетическому восприятию искусства. *Д.П. Ивинский* (Москва) в докладе «Из комментария к стихотворению кн. П.А. Вяземского «Эперне»: Д.В. Давыдов, В.А. Жуковский и Гомер» показал, как в «легком» стиле «Эперне» сочетаются отсылки к фактам из истории наполеоновских войн и к текстам Дениса Давыдова и Жуковского, а вся эта сложная конструкция предстает в (само)иронической и при этом не лишенной серьезности проекции на Илиаду и Одиссею.

Т.Г. Давыдов (Москва) в докладе «Перевод прозвища императора Иоанна I Цимисхия на греческий язык как $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\chi\iota\tau\eta\varsigma$ (L. Diac. hist. V. 91–92) и его этимология» провел филологический анализ текста византийского историка Льва Диакона, в котором идет речь о происхождении и семантике перевода прозвища императора Иоанна I Цимисхия — $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\chi\iota\tau\eta\varsigma$. Результатами исследования предложенных ранее этимологий прозвища (армянская, иранская, славянская) и опровержения армянской и славянской версий стали графическая конъектура в текст издания Льва Диакона: $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\chi\iota\tau\eta\varsigma$ вместо $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\chi\iota\tau\eta\varsigma$, а также новая интерпретация этого гапакса — «Башмачок», или «Башмачкин», а не «башмачок», или «туфелька».

С.Г. Болотов (Москва) выступил с докладом «Вау, дигамма! [Fαῦ, δ(ϝ)ίγαμμα;]». Язык Гомера заслуживает названия гексаметрического койне: вся его фонетика, морфология и даже синтаксис подчинены метробразующим стратегиям, и в первую очередь уходу от несовместимых с метром трибрахийев и кретигов. Удвоение (как и неударное) начальных (и части срединных) сонантов λ-, μ-, ν- (как и в случаях с ρ- < *ор- или же < *ϝр-, и с σ- < *τϝ- или же < *tj- или же < *ξ-) носит не спорадический, а систематический характер, встречается многие сотни раз и не зависит от происхождения их из *λ-, *μ-, *ν- или же из *σλ-, *σμ-, *σν-: фактически это удвоение входит в правила чтения и обеспечивает метрическую конгруэнтность. Так же ведет себя дигамма (ϝ-), несомненно, еще произносившаяся во времена Гомера как [fi-], удваиваясь (или не удваиваясь) независимо от происхождения ее из *ϝ- или же из *σϝ-, но зато в строгой

зависимости от метра. Часть метрически позиционных удвоений начальных λ-, μ-, ν- и ϕ- маскируется приставной ню (νῦ ἐφέλχουσιν) предыдущего слова, и эта ню выявляет начальные сочетания δϕ- и подобные, в том числе в слове θῆνάτος «смерть» — что, в частности (как и внешними сравнением, ср. скр. ádhvanīt «изчез[ла/о]»), и объясняет хориямбическую просодию слова ἄθῆνάτος «бессмертный».

Доклад Э.В. Янзиной и О.В. Корнеева (Москва) «Ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν — чье колено согнул Одиссей в Ном. II. XXIII. 731?» был посвящен интерпретации выражения ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν, встречающегося в описании борцовского поединка между Одиссеем и Аяксом в 731-м стихе XXIII песни «Илиады» Гомера и представляющего собой ἄταξ λεγόμενον. После детального рассмотрения различных точек зрения на истолкование этого места, предложенных древними и современными комментаторами Гомера, а также вариантов перевода ἐν δὲ γόνυ γνάμψεν на европейские языки, авторы доклада выдвинули свою версию интерпретации этого выражения.

В докладе С.А. Мельникова (Москва) «Свидетельство Деметрия Византийского о Сократе (Diog. Laert. II. 21 = SSR I. D.1. 35–44 = Demetr. Byz. FHG II. 624)» был приведен ряд аргументов в пользу того, чтобы относить жизнь перипатетика Деметрия Византийского к III в. до н.э. Предположительно Деметрий был учеником Теофраста. Независимо друг от друга о Деметрии сообщают Филодем Гадарский (Philod. *De poem.* V (PHerc. 1425/1538, col. 9. 34–10. 32 Jensen), Диоген Лаэртский (Diog. Laert. II. 21; V. 83) и Афиней (Ath. X. 77, 452 D–E; XII. 71, 548 D; XIV. 33, 633 B). Высказано предположение, что намеренное ограничение круга философских задач, традиционно ассоциируемых с именем Сократа, исключительно областью этической философии принадлежало исконно традиции перипатетической школы, что нашло свое отражение, в частности, в свидетельстве Деметрия Византийского о Сократе: «Поняв, что физическая теория — ничто для нас, он (т.е. Сократ) стал философствовать о нравственных вопросах в мастерских и на агоре, исследуя, по его словам, “Что у тебя и худого и доброго в доме случилось”» (Diog. Laert. II. 21). Ср. «Знание жизни и есть не что иное, как философия (ἐπιστήμη δὲ περὶ βίον οὐχ ἕτέρα τις ἢ φιλοσοφία ἐστὶ). Ведь философ, как говорил Сократ, постоянно занят исследованием того, “что у тебя и худого и доброго в доме случилось” (Ном. *Od.* IV. 392)» (Musonius Rufus 3, p. 10, 5–9 Hense). В докладе А.М. Потаповой (Квитки) (Москва) «Поэтика совещательных речей в эпосе Аполлония Родосского “Аргонавтика”» была предложена классификация речей, исходя из их тематики и пола персонажей. В ходе анализа на лексическом уровне выявлены поэтические особенности, такие как вариативность, психологизм и корреляция речевой деятельности с мотивом власти.

Во второй день конференции, который был проведен в онлайн-формате, состоялось 14 докладов. Заседание открыл доклад Т.Ф. Теперик (Москва) «Ном. *Carm.* II. 14 («К Постуму») в русских переводах: проблемы поэтики». В докладе на материале одной из самых известных од Горация были рассмотрены различные переводческие стратегии. Особое внимание было обращено на перевод О.В. Смыки, в котором глубокое знание языка оригинала сочетается с поэтической интуицией и вниманием к художественным особенностям переводимого текста.

Продолжил заседание А.Ю. Братухин (Пермь), выступивший с докладом «Генезис понятия προσίωνος βουλή в раннехристианской литературе». Под «Предвечным» Советом (Еф 1 : 11) в сочинениях церковных авторов понималось, во-первых, решение Бога-Отца спасти мир (например, прп. Максим Исповедник) и, во-вторых, своеобразный «мир идей» в духе Платона (например, прп. Иоанн Дамаскин). На формирование этого термина могла оказать влияние словесная игра, обнаруживаемая у Евсевия Кессарийского, помещающего рядом словосочетания πρὸ καταβολῆς κόσμου (из Еф 1 : 4) и κατὰ τὴν βουλήν (из Еф 1 : 11).

Доклад Н.В. Брагинской (Москва) «Детальные описания поз героев и история античного романа» был посвящен трем «замедленным» описаниям, включенным в символическую повесть, или ветхозаветный апокриф, «Иосиф и Асенет», а также в романы Харитона и Гелиодора. Эти описания отличает не только подробнейшая детализация поз и их перемен, но и общая ситуация, в которой находятся герои, — «палингенесия». Именно этим словом ситуация называется в романе Харитона (Charit. I. 8. 5). В повесть «Иосиф и Асенет» включена сцена покаяния героини, уникальная по подробности изображения всех стадий как погружения в пучину страдания, так и медленного возрождения. Все это выражено положением тела, рук, головы. В том числе описывается так называемая «поза Или», выражающая предельное отчаяние и мольбу к Богу человека, вручающего себя его воле. Эта поза повторяется в романе Харитона и упоминается у Апулея. Третья сцена изображает постепенное возвращение к жизни израненного

Теагена на руках у склонившейся над ним Хариклеи. Уникальность таких сцен в греческой литературе заставляет думать об их связи в интертекстуальном направлении, так как датировка «Иосиф и Асenet» концом II — началом I в. до н.э. в настоящее время перестала быть невероятной. Таким образом сцена покаянного ритуала могла быть источником вдохновения для двух других как сцена из раннего образца жанра любовной повести, хотя вся ритуальная нагрузка и не была востребована греческими авторами, которые заимствовали только технику. Даже если такое литературное влияние трудно надежно обосновать, траектория изменений подобной сцены от Асenet к Каллирое и Хариклее с Теагеном показывает путь от религиозной прагматики к психологическому письму и, наконец, к нарратологической изысканности. Таким образом, по детальным описаниям поз мы можем увидеть перемены в истории античного романа.

В докладе *О.В. Алиевой* (Москва) «Ксенократ о $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\varsigma$: уроки Платона» были рассмотрены два фрагмента Ксенократа, из которых следует, что Ксенократ пытался подсчитать число слогов в языке, причем делал это в сочинении о диалектике. Автор доклада показала, что основания для таких подсчетов Ксенократ мог найти в диалогах Платона, относимых к поздней группе («Филеб», «Софист», «Теэтет» и «Политик»). Доклад *Н.А. Гончаровой* и *А.З. Цисыка* (Минск) «Особенности перевода на русский язык некоторых реалий в античных фразеологизмах» был посвящен рассмотрению семантики древнегреческого слова $\lambda\iota\theta\omicron\varsigma$ в контексте античных фразеологизмов. Кроме того, была предложена новая интерпретация выражения «Авгиевы конюшни» и некоторых других античных фразеологизмов. *О.М. Савельева* (Москва) в докладе «Еще раз о психологизме у Гомера: Агамемнон» провела анализ поэтики героического эпоса с позиции характерологии гомеровской образности. Было показано, что мотивацию поступков и психологических характеристик Агамемнона можно связать с детерминированностью мифа, в данном случае сюжетного комплекса об Атридах.

В докладе *Я.Л. Забудской* (Москва) «Кинематографическая рецепция греческой трагедии» была рассмотрена типология киноверсий классических трагических сюжетов (театральная, реалистическая, метафорическая манера и метатрагедия) от немого кино до современных адаптаций. Обращение авторов фильмов с античными сюжетами можно назвать реконструкцией: дополнение античной драматической версии востребованными современностью элементами мифа. С другой стороны, не менее важным становится явление деконструкции: нарочитое искажение мотивов и поступков героев, актуализирующее сюжет. Можно сказать, что деконструкция — это основной принцип современной рецепции античности.

М.Н. Казанская (Санкт-Петербург) в докладе «Sancti poetae у Энния (Fragmenta operis incerti 16 Skutsch)» обратилась к известному контексту из речи Цицерона в защиту поэта Архия (Cic. Arch. 18–19; 31), в котором поэт называется «священным» (sanctus). Нет сомнений в том, что данное место речи является цитатой из Энния (233 Vahlen; 562 Warmington; 131 Skutsch), однако среди издателей Энния нет устойчивого мнения о том, какой именно текст следует считать цитатой. Для решения проблемы, какой текст должен быть представлен в издании Энния, привлекается гомеровская формула $\theta\epsilon\iota\omicron\varsigma \acute{\alpha}\iota\omicron\iota\delta\acute{\omicron}\varsigma$. В докладе *А.Г. Следникова* (Ярославль) «De libro futuro, cui titulus “Institutiones Latinae Christianae”», произнесенном на латинском языке, обсуждались методические принципы составляемого докладчиком учебника христианской латыни, а именно его структура, отбор грамматического и лексического материала, текстов учебной части и хрестоматии. Были затронуты некоторые дискуссионные проблемы: необходимость более пристального внимания к католическим текстам, актуализация материала путем привлечения текстов о современной жизни Церкви («живая латынь»), использование восстановленного произношения как базового.

И.А. Кошелев (Москва) выступил с докладом «Реформация и латинский язык: протестантские переводы Библии». Традиционно считается, что Реформация привела к своего рода десакрализации латинского языка и положила конец его господству в протестантских странах. Однако именно Реформация дала новый, причем очень мощный импульс латинскому языку, который продолжал оставаться не только языком богословия, но и основным литературным языком вообще. При всей важности для реформаторов переводов Библии на национальные языки ими было создано несколько новых переводов на латинский, сыгравших огромную роль в формировании протестантской теологии. *В.И. Кащеев* (Саратов) в докладе «Александр Александрович Дерюгин как филолог: становление исследователя» рассмотрел основные периоды жизни и деятельности известного российского филолога А.А. Дерюгина (1928–1988), который в течение тридцати лет преподавал латинский язык и был организатором кафедры романской филологии в Саратовском

университете. Особое внимание было уделено жизни А.А. Дерюгина в Казани, Ленинграде и Саратове с 1946 г. по 1968 г., когда происходило его формирование как исследователя. Особо подчеркивается, сколь важную роль в этом процессе сыграло изучение им языка Кв. Энния и его профессиональные контакты с филологами-классиками из Казани и Ленинграда.

Е.В. Приходько (Москва) выступила с докладом «К вопросу о переводе обетной надписи из ликийских Пидн». Крепость Пидны была построена жителями Ксанфа в III в. до н.э. у подножия горы Сандыг Дагы для охраны якорной стоянки и дороги к городу. 16 апреля 1840 г. Ч. Феллоуз обнаружил среди руин крепости votivный алтарь с древнегреческой надписью, которую он перевел: «Посейдону; обет Мавсола, алабарха», и прокомментировал, что алабарх — это «таможенный комиссар». Однако должность алабарха существовала только в Египте. В надписи из Ликии это слово указывает на личное имя отца Мавсола, принесшего обет Посейдону.

И.Р. Гимадеев (Москва) в докладе «О лексемах, обозначающих одежду у Горация» подробно разобрал и прокомментировал контексты произведений Горация, в которых упоминаются предметы одежды. Докладчик рассмотрел лексемы, служащие для общего обозначения одежды (*vestimentum, vestis, amictus, habitus*), и все случаи употребления лексемы *toga*, описал виды тоги, ее устройство и размеры, характерные для разных эпох. Отдельно были охарактеризованы виды верхней одежды: *lacerna, paenula, chlamys, sagum*. Найдены все случаи употребления у Горация лексемы *tunica*, рассмотрены способы ношения туники, упомянутые поэтом, производство, красители и т.д. Описаны другие виды нижней одежды: *subucula, campestre* (sc. *velamentum*) и лексемы, обозначающие одежду сибаритов: *fasciola, cubital, focale*. Отдельно были разобраны слова, обозначающие различные виды обуви, а также лексемы, обозначающие женскую одежду: *palla, stola* и др. В докладе *В.И. Кравченко* (Таганрог) «Пан у Дэвида Г. Лоуренса: роль Пана в прозе и мировосприятии писателя» было показано, как английский писатель Д. Лоуренс воспринял и интерпретировал образ древнегреческого божества Пана в своем художественном творчестве и авторской философии.

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей из России и из-за рубежа и стала значимым событием в отечественной науке. Фотоотчет о конференции и видеозапись всех выступлений можно найти на сайте кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова (URL: <http://classic.philol.msu.ru>; дата обращения: 25.01.2023).

Alexei I. Solopov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: scatebr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2558-3751

А.И. Солопов,

д. филол. н., проф.,
зав. кафедрой классической филологии МГУ
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА КУЗНЕЦОВА

20 августа этого года Владимиру Дмитриевичу Кузнецову, видному российскому археологу, руководителю Отдела классической археологии Института археологии РАН, исполнилось 70 лет.

Владимир Дмитриевич закончил Исторический факультет МГУ (кафедра истории Древнего мира) в 1978 и аспирантуру Института археологии АН СССР в 1983 г. С этим институтом связана вся его научная жизнь — здесь он прошел путь от аспиранта до заведующего отделом. Владимир Дмитриевич является, пожалуй, самым известным представителем московской школы античной археологии своего поколения. Его учителем был Г.А. Кошеленко, который передал ему руководство отделом классической археологии в 2008 г. На протяжении тридцати лет В.Д. Кузнецов возглавляет Фанагорийскую экспедицию. За это время Фанагория стала прекрасно исследованным и введенным в научный оборот памятником, с которым по полноте и качеству исследований и публикаций их результатов не может сравниться ни один античный город на территории России. За эти годы проявились незаурядные способности Владимира Дмитриевича не только как ученого, но и как организатора науки: ему удается привлекать и эффективно использовать крупные финансовые средства, благодаря чему в Фанагории на протяжении многих лет ведутся работы беспрецедентные и по масштабу, и по качеству раскопок и камеральной обработки материалов. Ему удалось собрать и сохранить великолепный научный коллектив: в Фанагории работают специалисты самого высокого уровня. На памятнике создан уникальный не только для России, но и для всего мира современный научный центр, совмещающий комфортабельную археологическую базу, прекрасно оборудованные лаборатории, хранилище находок, исследовательскую библиотеку и инфраструктуру, необходимую для проведения научных конференций. Создается и музей. Результаты раскопок в Фанагории регулярно и оперативно вводятся в научный оборот: для этого создана специальная серия публикаций «Фанагория. Результаты археологических исследований», уже опубликовано 9 томов этой серии; разумеется, регулярно выходят и журнальные публикации. Самим В.Д. Кузнецовым опубликовано больше 120 научных работ.

Как и его учитель Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецов не только археолог, но и антиковед широкого профиля. Хорошее владение классическими языками позволяет ему свободно оперировать

в своих исследованиях не только археологическими источниками, но и письменными текстами, включая эпиграфические. Некоторые важные надписи, происходящие из раскопок Фанагории, были им опубликованы самостоятельно. В отличие от многих отечественных археологов-классиков, он на самом профессиональном уровне знаком не только с проблематикой, относящейся к Северному Причерноморью, но и к Средиземноморью, недаром его докторская диссертация была посвящена организации общественного строительства в Древней Греции — теме, касающейся всей греческой цивилизации и находящейся на стыке археологии и эпиграфики.

На протяжении многих лет В.Д. Кузнецов связан с нашим журналом: его статьи регулярно публикуются на страницах ВДИ с 1983 г., а с 2015 г. он является членом редколлегии журнала и вносит большой вклад в проведение экспертизы статей, посвященных античной археологии.

Поздравляя Владимира Дмитриевича с юбилеем, желаем ему многих лет активной и творческой работы на благо мировой и отечественной науки!

*Редколлегия и редсовет
«Вестника древней истории»,
Отдел сравнительного изучения
древних цивилизаций ИВИ РАН,
друзья и коллеги*

К 90-ЛЕТИЮ ГРИГОРИЯ МАКСИМОВИЧА БОНГАРД-ЛЕВИНА (26.08.1933–30.09.2008)

26 августа этого года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося российского востоковеда и организатора науки академика Григория Максимовича Бонгард-Левина.

Григорий Максимович был потомственным ученым-гуманитарием: его отец, Максим Григорьевич Левин, был одним из крупнейших российских этнологов и антропологов. Сам Григорий Максимович в 1956 г. закончил Восточное отделение Исторического факультета МГУ по индологии и поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР, сотрудником которого оставался до своих последних дней. С 1979 по 1987 г. он возглавлял сектор истории Древнего Востока, а с 1987 г. был бессменным председателем диссертационного совета Института. В 1988 г. Григорий Максимович стал главным редактором журнала «Вестник древней истории», во главе которого оставался двадцать лет. Благодаря этому он оказался тесно связан с другим академическим учреждением — Институтом всеобщей истории, издававшим журнал; здесь он создал Центр (теперь отдел) сравнительного изучения древних цивилизаций, который очень быстро превратился в один из самых динамичных гуманитарных исследовательских центров России. Это было непростое время, когда российским ученым, особенно молодым, приходилось элементарно «выживать» в новых экономических условиях, но одновременно и время новых, невиданных возможностей, когда российская наука вместе со всей страной выходила из изоляции и стремительно становилась частью общемировой науки, завязывались и развивались связи с коллегами во всем мире. Этими новыми возможностями Г. М. Бонгард-Левин воспользовался в полной мере: благодаря его энергии новый Центр сравнительного изучения древних цивилизаций обзавелся широкой сетью международных контактов, практически все его сотрудники стали регулярно ездить на международные конференции и стажировки, получать приглашения в ведущие научные центры мира. Именно это позволило молодым исследователям, работавшим в возглавляемом им Центре, не только сохранить профессию, но и достигнуть в ней высокого — в соответствии с самыми строгими международными критериями — уровня.

Г. М. Бонгард-Левин стоял у истоков многих международных проектов. Пожалуй, одним из самых успешных и долговечных стал проект издания международного журнала на английском

языке по тематике, в которой советская, а затем российская, наука традиционно занимала лидирующие позиции. В 1992 г. он с помощью Ю.Г. Виноградова, С.В. Шкунаева и других коллег создал журнал «Ancient Civilizations from Scythia to Siberia», издающийся в старейшем научном издательстве Европы «Brill» в Лейдене. Этот журнал, в котором наряду со статьями западных коллег постоянно публикуются работы ученых из России, Украины, Грузии и других постсоветских стран, до сих пор является для западных читателей, особенно для тех, кто не читает по-русски, одним из главных источников информации об исследованиях в области древней истории и археологии, ведущихся в этих странах. Способствовал Г.М. Бонгард-Левин и институциональному продвижению российской науки за рубежом: в 2001 г., после вступления РАН в Международный союз академий, он стал ее первым представителем в этой организации, призванной координировать исследования академий разных стран в области гуманитарных наук. В 2005–2008 гг. он был членом бюро Союза.

Научное наследие Григория Максимовича составляют около 250 научных статей и более 20 книг, многие из которых неоднократно переиздавались и переводились на иностранные языки. Большая часть этих публикаций, разумеется, связана с основной темой его исследований — историей и культурой древней Индии, причем сам он из своих работ больше всего ценил трехтомный труд «Памятники индийской письменности из Центральной Азии» (подготовленный совместно с М.И. Воробьевой-Десятковской и Э.Н. Темкиным), который был опубликован в серии «Памятники письменности Востока» в 1985–2004 гг. Именно издание новых источников Г.М. Бонгард-Левин считал вершиной научного творчества историка. Другой областью его научных интересов была история русской культуры первой половины XX в., особенно ее зарубежной части, которой он стал активно заниматься с конца 1980-х годов. Первоначально его интерес к этой тематике был связан с индологией: первые работы были посвящены роли, которую сыграла Индия в творчестве русских поэтов-символистов А.А. Блока и К.Д. Бальмонта. И хотя эта тема продолжала занимать Григория Максимовича и позже, очень скоро его внимание привлекла другая крупная фигура той же эпохи — выдающийся антиковед, академик М.И. Ростовцев. Личность М.И. Ростовцева оказалась настолько привлекательной для Григория Максимовича, что он с большим энтузиазмом занялся изучением его творческого наследия, а также связей петербургского академика с другими деятелями русской культуры начала XX в. Ему удалось получить доступ к связанным с М.И. Ростовцевым материалам в архивах не только России, но и многих других стран, в том числе США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии и др. Он и группа сотрудничавших с ним коллег сумели собрать множество неизвестных материалов, проливающих новый свет на историю русской науки и культуры начала XX в. как в России, так и в эмиграции. Основные результаты проделанной работы были изданы в двух книгах о М.И. Ростовцеве, в которых Г.М. Бонгард-Левин был одним из соавторов и главным редактором — «Скифский роман» (М., 1997) и «Парфянский выстрел» (М., 2003), а также в его собственной монографии: «Изнанание в вечность. Великий русский историк М.И. Ростовцев в США» (Нью-Йорк, 1999). Работая в архивах, Григорий Максимович изучал и материалы, связанные с другими деятелями русской культуры, в основном оказавшимися в «первой волне» русской эмиграции, среди которых ученые Г.В. Вернадский, А.А. Васильев, И.М. Гревс и М.М. Карпович, поэты и писатели Вяч.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, В.Д. Набоков, И.С. Шмелев и Б.К. Зайцев, художник К.А. Сомов и др. Многие из его публикаций того времени пронизаны идеей единства мировой культуры и отсутствия непреодолимых границ между литературой и наукой. Именно поэтому его особенно привлекали сюжеты, связанные, с одной стороны, с отношениями между учеными и литераторами, а с другой — с отношениями между русскими и зарубежными учеными.

Заслуги Григория Максимовича были высоко оценены как в России, так и за ее пределами. В 1981 г. он стал членом-корреспондентом, а в 1990 г. — академиком АН СССР; в 1988 г. был награжден Государственной премией СССР, в 2000 г. — Государственной премией России, в 2003 г. — премией «Триумф». Но, пожалуй, еще большим было признание его научных заслуг за рубежом. Г.М. Бонгард-Левин был избран иностранным членом французской Академии надписей и изящной словесности (2000) и Королевской шведской Академии словесности, истории и древностей (2004), почетным членом Археологического Общества Индии (1975) и Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (1997), членом-корреспондентом Итальянского Института Востока и Африки (1985) и Германского Археологического Института (1993). Кроме того, он был удостоен золотой медали Азиатского общества Бенга-

лии (1975), премии Неру (1979) и международной премии Святого Марка (1990), являлся кавалером двух престижнейших французских орденов — Ордена искусств и словесности (2004) и Ордена Почетного легиона (2004), а также одного из высших орденов Республики Индия «Падмабхушан» (2006). Знаком международного признания было и его избрание на пост вице-президента Международной Ассоциации санскритологических исследований, который он занимал в 1979—1990 гг.

Чрезвычайно велики заслуги Г.М. Бонгард-Левина перед «Вестником древней истории». Он был членом редколлегии ВДИ с 1971 г., а в 1988 г. стал его главным редактором, и оставался на этой должности двадцать лет — до своей кончины. За время своей работы в журнале Г.М. Бонгард-Левин существенно изменил и в значительной мере сформировал его современный облик, задав вектор его будущего развития. Расширилась тематика, и журнал открылся всем дисциплинам наук о древности. Был расширен состав редколлегии, она стала «рабочей» и в нее были включены не только маститые, но и активные молодые ученые. Одновременно был создан редсовет, который, правда, не был международным, но включал самых крупных советских специалистов по древности. Однако именно при Г.М. Бонгард-Левине журнал стал открываться и мировой науке: часто стали публиковаться статьи иностранных авторов, правда, обычно в русском переводе, но иногда и на иностранных языках.

Все, кто был знаком с Г.М. Бонгард-Левиным и работал с ним, всегда будут помнить этого крупного ученого и неутомимого организатора науки, обаятельного, жизнелюбивого, остроумного и легкого в общении человека. А сотрудники Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, редакции и редколлегии «Вестника древней истории» хранят о нем особую благодарную память.

*Редколлегия и редсовет
«Вестника древней истории»,
Отдел сравнительного изучения
древних цивилизаций ИВИ РАН,
друзья и коллеги*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
83/3 (2023), 725–754
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/3 (2023), 725–754
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910021921-6

ПЕСНЬ О ЗИМРИ-ЛИМЕ

*(Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий
И. С. Архипова и А. Ф. Успенского)*

Среди литературных произведений, найденных при раскопках города Мари (Тель-Харири) в восточной Сирии¹, особое место занимает оригинальная поэма на аккадском языке, прославляющая царя Мари Зимри-Лима (1774–1761 гг. до н.э.). Глиняная табличка с произведением, разбитая на три фрагмента², была обнаружена французскими археологами в одном из помещений царского дворца еще в 1936 г.³, но долгое время не привлекала внимания эпиграфистов. В начале 1980-х годов Ж.-М. Дюран воссоединил фрагменты и идентифицировал текст как литературное произведение⁴. Небольшие отрывки поэмы, названной французскими ассириологами «Ерорée de Zimri-Lim»⁵, публиковались начиная с 1985 г., однако целиком она была издана только в 2014 г. в отдельной монографии М. Гишара⁶. Издание содержит фотографии таблички, транслитерацию, транскрипцию и французский перевод, а также подробный комментарий и всестороннее исследование текста. В том же году Гишар опубликовал статью, целиком посвященную экзегезе стк. III, 35 поэмы⁷.

Работа выполнена в рамках проекта «Мотивы и сюжеты древневосточных письменных памятников в сравнительно-исторической перспективе» (грант РНФ № 21-18-00232). Авторы выражают благодарность М. Гишару за предоставленную автографию текста и Р.М. Нуруллину за ряд ценных замечаний и предложений к работе.

¹ О корпусе литературных текстов из Мари см., например, Arkhipov, Loesov 2009, 240–241; новейший обзор эпиграфических находок из Мари в целом см. в Arkhipov 2022, 320–323.

² Позднее два из них получили инвентарные номера А.3152 и М.5665, третий фрагмент остался нумерованным.

³ Как и в случае со многими эпиграфическими находками экспедиции А. Парро, точный археологический контекст таблички, к сожалению, неизвестен.

⁴ Об истории изучения текста до 2014 г. см. Guichard 2014a, 1–6.

⁵ О выборе названия «Песнь о Зимри-Лиме» для русского перевода см. ниже.

⁶ Guichard 2014a.

⁷ Guichard 2014b.

Несмотря на в целом высокий уровень публикации, ряд интерпретаций Гишара вызывает возражения или сомнения. В последующих работах значительного прогресса в понимании трудных мест поэмы также достигнуто не было. Выдержки из произведения в английском переводе были включены в хрестоматию Дж. Сассона⁸. Полный английский перевод «Песни» с кратким комментарием издал А. Мильо⁹. Другой английский перевод, принадлежащий Ф. Валеку, пока доступен в неопубликованной магистерской диссертации (содержащей также исследование произведения) и на сайте проекта «Near Eastern Royal Epics»¹⁰. Для всех трех переводов характерно некритическое следование практически всем интерпретациям Гишара¹¹. Рецензия Н. Вассермана на издание Гишара также почти не содержит новых филологических решений¹². Наконец, заметка С. Нёгеля касается лишь толкования стк. I, 8 и 10¹³. Задача настоящей работы — предложить русский перевод этого своеобразного произведения с кратким введением и комментарием, а также ряд новых интерпретаций для трудных мест поэмы.

Текст на табличке разделен на четыре столбца; по подсчетам Гишара, поэма изначально состояла примерно из 172 строк, из которых 113 сохранились целиком или подлежат однозначному восстановлению, около 30 полностью утрачены и около 40 фрагментарны; таким образом, до нас дошло примерно 60% текста произведения¹⁴.

«Песнь» сочетает в себе черты гимна, воспевающего царя, и эпической поэмы, повествующей о его подвигах (о жанре произведения см. ниже). Как справедливо отмечает Гишар¹⁵, стиль поэмы затрудняет отождествление упоминающихся в ней свершений Зимри-Лима и его сподвижников с конкретными историческими событиями — несмотря на то что история его правления известна в мельчайших подробностях по другим источникам¹⁶. В дальнейшем мы в целом следуем реконструкции, предложенной Гишаром¹⁷, однако следует иметь в виду ее гипотетический характер.

Прежде чем перейти к обсуждению событий, упоминаемых в произведении, имеет смысл напомнить читателю об их общем историческом контексте. В конце XIX в. до н.э. к власти в Мари пришел Яхдун-Лим, предводитель сималитской ветви этносоциальной общности ханеев¹⁸. Он смог объединить под своей властью область Среднего Евфрата

⁸ Sasson 2015, 32–35.

⁹ Miglio 2017.

¹⁰ Válek 2022; URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/nere/Q009326>; дата обращения: 14.08.2023.

¹¹ К исключениям можно отнести только несколько предположений Мильо (ни одно из которых, впрочем, не дает лучшего понимания текста). Ср. наш комментарий к стк. I, 16, 29, III, 22, 41, а также прим. 127, 130.

¹² Wasserman 2015. Ср. наш комментарий к стк. I, 12, 13, 39, II 9 и прим. 128, 129.

¹³ Noegel 2018. См. наш комментарий к этим строкам.

¹⁴ Guichard 2014a, 69.

¹⁵ Guichard 2014a, 101–102.

¹⁶ Наиболее подробный очерк истории Мари в царствование Зимри-Лима см. в Charpin, Ziegler 2003, 169–262. Следует отметить, впрочем, что события, в которых царь участвовал лично, в целом документированы сравнительно плохо: в Мари найдена в основном пассивная переписка царя, в которой, как правило, докладывается о событиях, происходивших без его участия (Guichard 2014a, 115).

¹⁷ Guichard 2014a, 102–122.

¹⁸ О многозначном термине «ханеи» (акк. *ḫāna, ḫānūm*) см., например, Heimpel 2003, 34–36. Упрощенно говоря, ханеи были полукочевниками-пасторалистами, говорившими на западно-семитских («аморейских») диалектах и делившимися на несколько племенных групп, одной из которых были сималиты (акк. *mārū Sim'al* ‘сыновья Севера’; форма *Sim'al* имеет западносемитское происхождение).

Согласно правилу *clausula accadica*, которое в произведении соблюдается почти всегда (см. ниже), появление формы *ḫa-na* в конце стк. I, 3 «Песни о Зимри-Лиме» с большой долей вероятности указывает на долгую первую гласную. О долгой (или стяженной) гласной в первом слоге также свидетельствуют написания *ḫé-a-na* (CAD H 82) и *ḫa-a-na* (Nashef 1982, 117), несмотря на их сравнительно поздние даты. Этимология названия остается неясной, см. обзор в Streck 2000, 93 (ср. Charpin 2005–2006, 284).

(Ах-Пураттим), а также поставить под свой не прямой контроль Джезиру — регион, где традиционно пасли стада ханеи-сималиты: цари городов-государств Джезиры признали себя вассалами Мари. После смерти Яхдун-Лима и краткого правления его сына, Суму-Ямама, Мари в 1790 г. до н.э. захватили войска Шамши-Адада — царя города Экаллатум¹⁹ на Среднем Тигре и создателя обширной державы, в момент своего расцвета охватившей всю Верхнюю Месопотамию. Несколько лет спустя правителем Мари и прилегающих областей был назначен младший сын Шамши-Адада Ясмах-Адду. В 1775 г. до н.э. Шамши-Адад умер, его преемником стал старший сын Ишме-Даган. Он, однако, не смог удержать созданную его отцом державу от распада. В частности, Мари и всю область Среднего Евфрата сумел отвоевать внук или племянник Яхдун-Лима Зимри-Лим²⁰, до этого живший в изгнании в западной Сирии, по всей видимости, в царстве Ямхад (Халаб). Судьба Ясмах-Адду в точности неизвестна, но после падения Мари он более не фигурирует в источниках (за исключением ретроспективных упоминаний). В первые годы правления Зимри-Лим сумел также восстановить позиции Мари в Джезире.

Речь в произведении идет о четырех победах над «врагами», чьи имена или титулы не называются²¹. Первая победа одержана «между Хабуром и Евфратом» (стк. I, 18), т.е. в степи к северо-западу от Мари. После столкновения «страна» разграбляет имущество «врага», включая золото. Это происходит в местечке Бисан (стк. I, 22–23), находившемся в том же регионе, в окрестностях провинциальной столицы Саггаратум, которая, в свою очередь, располагалась у впадения Хабур в Евфрат. Гишар предполагает, что речь может идти о победе Зимри-Лима над Ясмах-Адду; в Бисане, возможно, был ограблен караван, пытавшийся вывезти из столицы сокровищницу Ясмах-Адду²². Другие источники, однако, не сообщают подробностей этой победы, которые соответствовали бы указанным событиям. Во фрагментарной надписи, известной как «Победная стела Зимри-Лима», упоминается о победе над Ясмах-Адду у местечка Тизрах, которое, впрочем, находилось недалеко от Мари, что с трудом соответствует местоположению «между Евфратом и Хабуром». В то же время косвенным подтверждением реконструкции Гишара может служить упоминание о том, что победа была одержана по «суждению Адада» (стк. I, 19): известно, что ключевую роль в приходе Зимри-Лима к власти сыграла поддержка Ямхада, главным божеством которого был Адад Халабский (см. ниже).

Описание второй победы не содержит географических названий, однако на основании упоминания о «теснинах гор» (стк. I, 34) Гишар предполагает, что местом противостояния стала область Синджарской возвышенности. Несмотря на то что этот образ представляет собой репрезентацию популярного литературного топоса (ср. ниже), вполне вероятно, что он был использован в связи с географической локализацией описываемых событий. Победа Зимри-Лима над Ишме-Даганом, старшим братом Ясмах-Адду и царем города Экаллатум, у Синджарских гор, согласно одной из возможных интерпретаций, упоминается и в «Победной стеле Зимри-Лима»²³.

Третья и четвертая победы одержаны в Джезире: в стк. II, 39 и 43 в качестве противников Зимри-Лима упоминаются жители Субарту (аккадский термин для Джезиры в целом), в стк. III, 39–40 речь идет о переправе через Хабур, а в стк. III, 8 прямо

¹⁹ О локализации упоминаемых во введении топонимов см. Ziegler, Langlois 2016.

²⁰ В легенде ранней печати Зимри-Лима он называется сыном Хадни-Адду — вероятно, брата или сына Яхдун-Лима. Позднее Зимри-Лим принял патроним «сын Яхдун-Лима», чтобы подчеркнуть преемственность с основателем династии. Подробнее см. Charpin, Ziegler 2003, 175.

²¹ Возможно, автор умышленно использует прием табуирования имени врага.

²² О похожем случае, происшедшем с сокровищницей Карни-Лима, царя города Андариг (к югу от Синджарских гор) и современника Зимри-Лима, см. Charpin 1994.

²³ Подробнее см. Guichard 2014a, 113–114.

говорится о покорении Идамараца (древнее название центральной части Хабурского треугольника). Этим событиям находятся более надежные, чем для предыдущих эпизодов, корреляты в других источниках: известно, что в течение первых девяти месяцев своего царствования Зимри-Лим подчинил города Ашнаккум, Кирдахат и Кахат, находившиеся именно в центральной части Хабурского треугольника.

Завершается поэма повествованием о том, как после победы над врагами царь посетил храм Дагана в городе Терка. В Терке состоялась интронизация Зимри-Лима, и соблазнительно было бы предположить, что в «Песни» рассказывается именно об этой церемонии. Однако в рамках избранной интерпретации исторического содержания это толкование исключается по хронологическим соображениям: поход в Идамарац состоялся через несколько месяцев после восшествия Зимри-Лима на престол. Напротив, о другом царском визите в Терку, состоявшемся сразу после взятия Кахата, косвенно свидетельствует документ из Мари М.7224, регистрирующий получение в Терке тканей царским интендантом²⁴.

Таким образом, все события, упоминающиеся в произведении, произошли не позднее середины первого года царствования Зимри-Лима (1774 г. до н.э.). Как полагает Гишар, «Песнь» была составлена «по горячим следам» именно в этот период: другие яркие события правления Зимри-Лима, произошедшие впоследствии, скорее всего, нашли бы какое-то отражение в поэме, если бы она была создана позднее.

Титулатура царя в строгом смысле в произведении отсутствует (что вполне нормально для гимнов и легенд, посвященных правителям, в отличие от царских надписей)²⁵. Из относящихся к Зимри-Лиму эпитетов два — «наследник Яхдун-Лима» и «первый среди ханеев» (стк. I, 3) — перекликаются с его обычными титулами «царь Мари» и «царь ханеев»²⁶. На такую же связь указывает то, что войско Зимри-Лима состоит из «героев-ханеев» (стк. II, 33) и «жителей Приевфратья» (стк. II, 35). Примечательно, что нигде в поэме Зимри-Лим не называется царем Мари и город Мари вообще не упоминается (хотя нельзя исключить того, что такое упоминание содержалось в разбитых строках).

Помимо самого Зимри-Лима, единственный человек, названный в поэме по имени, — «предводитель (акк. *merhûm*) ханеев» Ашмад²⁷. Этот высокопоставленный представитель ханейской знати дает царю пространный совет в стк. II, 38–46. Можно согласиться с Гишаром в том, что такое важное место в произведении отведено Ашмаду по той причине, что автором «Песни» был образованный писец на службе Ашмада. Это предположение подтверждается палеографическими и идиоматическими параллелями между «Песнью» и письмами Ашмада, обнаруженными в царских архивах Мари²⁸.

Точная жанровая идентификация «Песни о Зимри-Лиме» отчасти затруднена как эклектическим характером самого памятника, так и отсутствием общепринятой

²⁴ Опубликован в Durand 2009, 220. Текст датируется концом 5-го месяца 1-го года правления Зимри-Лима, тогда как взятие Кахата отмечается в датировочной формуле, провозглашенной не позднее 6-го месяца того же года.

²⁵ Guichard 2014a, 113. Например, в близком к «Песни» в жанровом отношении «Гимне Гунгунуму» (см. ниже) Гунгунум ни разу не назван царем Ларсы.

²⁶ О «диморфном» устройстве царств Яхдун-Лима и Зимри-Лима, которые правили одновременно оседлым населением долины Среднего Евфрата и полукочевыми ханеями к северу от нее, см., например, Fleming 2009.

²⁷ См. о нем Guichard 2014a, 110–113. Согласно другим источникам, Ашмад действительно был одним из главных сподвижников Зимри-Лима во время событий первого года его правления. Титул западносемитского происхождения *merhûm* (с не вполне ясной этимологией, см. Streck 2000, 105–106) носили предводители крупных кочевых групп ханеев-сималитов. Согласно Гишару, одновременно на службе у Зимри-Лима могло состоять от одного до трех *merhûm*.

²⁸ Guichard 2014a, 70, n. 14, 111, 137–139. Гипотеза Вассермана о том, что автором поэмы был лично Ашмад (Wasserman 2015, 53–54), едва ли доказуема.

формальной классификации того широкого круга литературных произведений, к которому он относится. В частности, на материале шумеро-аккадской литературы не сформулировано однозначных определений для таких понятий, как «эпос» и «царский гимн»²⁹.

Как уже было сказано, в «Песни о Зимри-Лиме» присутствуют отдельные черты гимнографического жанра. Текст начинается с серии форм прекатива 1-го лица от глаголов со значением «воспевать, прославлять»: *luna*^{29id} 'воспеть я желаю' (I, 1), *luštašni* 'хочу прославить' (I, 2), *lulli* 'хочу превознести я' (I, 5). Последовательность подобного рода представляет собой один из стандартных зачинов, особенно характерных для аккадских гимнографических произведений³⁰. К. Вильке отмечает³¹, что функция этого зачина заключается во введении в текст фигуры повествователя и установлении своего рода контакта с аудиторией, который далее в гимнах может поддерживаться прямым обращением к ней — ср. в строке I, 5 «Песни о Зимри-Лиме»: *lulli šimē* 'хочу превознести я — внимайте!'

Кроме того, для последних строк «Песни о Зимри-Лиме» (IV, 10–11), образующих заключительную часть эпилога, Гишар указывает параллель из старовавилонского гимна Иштар за царя Аммидитану³²: «У Ана, своего супруга, для него она испросила — // Долгой жизни, вечной, // Лет жизни многих — Аммидитане // преподнесла Иштар и вручила»³³. Существенно, однако, что сходство двух этих пассажей отнюдь не уникально и не ограничивается сугубо гимнографическими текстами. Сам Гишар предлагает сопоставить соответствующий фрагмент из «Песни о Зимри-Лиме» с заключительными строками надписи Самсуилуны, посвященной строительству стены в Кише: «Пусть за это Забаба и Иштар Самсуилуне, князю (и) брату³⁴ их, благополучие и жизнь, как у Сина и Шамаша вечную, подарят как подарок, отдадут как дар»³⁵. Количество такого рода аналогий можно значительно умножить³⁶: фактически они являют собой варианты типовой формулировки молитвенного прошения, обращенного к божеству. Как в гимнах, так и царских надписях такого рода прошения обычно появляются в заключительных частях текста и ассоциируются, таким образом, с эпилогом. Тем не менее предположение Гишара о том, что составитель «Песни о Зимри-Лиме» воспроизвел этот топос в эпилоге, ориентируясь именно на стандартную композицию гимна³⁷, представляется вполне вероятным.

Соответствие гимнографическому жанру можно усматривать и в прагматике «Песни о Зимри-Лиме», связанной в первую очередь с прославлением царя и демонстрацией исключительной божественной поддержки и лишь во вторую — с изложением конкретных исторических событий. В пользу гимнографической интерпретации также говорят сравнительно небольшой объем произведения и обращение к царю во

²⁹ Об этой проблеме см., например, Goodnick Westenholz 1997, 16–29. О жанровой идентификации «Песни о Зимри-Лиме» см. Guichard 2014a, 71–83; Wasserman 2015, 52.

³⁰ Подробнее см. Wilcke 1977; Guichard 2014a, 25–26. Употребление сразу нескольких форм, состоящих в отношении параллелизма, позволяет, по нашему мнению, говорить о том, что они оформляют рамку развернутого зачина (I, 1–5).

³¹ Wilcke 1977, 155, 177–179.

³² Guichard 2014a, 67.

³³ *išti Anim ḥaweriša tēteršašum // dāri'am balātam arkam // mādatim šanāt balātim ana Ammīditāna // tušatlim Ištar tattadin* (AO 4479: 45–48; см. Thureau-Dangin 1925, 173).

³⁴ Точное значение лексемы *talim*, в частности, принцип, по которому она противопоставлена базовому термину со значением «брат» *aḥum* (CAD A/1 195), остается неясным, см. CAD T 94. Понятно, вместе с тем, что это специфически литературная лексема; братом (*talim*) божества кроме Самсуилуны называет себя только Хаммурапи, ср. Seaux 1967, 337.

³⁵ *ana šuāti Zababa u Ištar ana Samsu-ilūna rubēm talimšunu šulmam u balātam ša kima Sīn u Šamaš dāri'um ana qīštim liqīšūšum ana šeriktim lišrukūšum* (RIME 4.3.7.7: 128–138).

³⁶ См., например, в CAD Š/2 44–47; приведенные здесь контексты происходят как из царских надписей, так и из молитв и гимнов божествам.

³⁷ Guichard 2014a, 72–73.

втором лице в стк. I, 33–43. Некоторые же аллюзии на события правления прославляемого монарха вполне допустимы и в аккадских царских гимнах Старовавилонского периода. Хорошую параллель к «Песни о Зимри-Лиме» в этом отношении может составить, например, более краткий (и более ранний) «Гимн Гунгунуму»³⁸, в котором описывается подавление царем восстания племен дидну. Значительные исторические отступления могут содержать и шумерские гимны эпохи III династии Ура, к которым восходят аккадские царские гимны (см., в первую очередь, гимн «Шульги D»³⁹). В целом нам представляется верным замечание Вассермана, согласно которому жанровая «подвижность» «Песни о Зимри-Лиме» связана с отсутствием на момент составления памятника четких правил жанрового разделения аккадских текстов «царского круга»⁴⁰.

Тем не менее, исходя из довольно большого количества текстовых и структурных параллелей, «Песнь о Зимри-Лиме» может рассматриваться в ряду произведений, условно объединяемых под названием царского или исторического эпоса⁴¹. Наиболее масштабный памятник этого рода — среднеассирийский «Эпос о Тукульти-Нинурте I»⁴². Это произведение, единственное из группы схожих текстов, сохранилось в нескольких копиях, относящихся к Среднеассирийскому и Новоассирийскому периодам. Таким образом, можно говорить о том, что оно вошло в (локальный) литературный канон. Текст содержит описание военной кампании царя Тукульти-Нинурты I (конец XIII в. до н.э.) против касситского царя Вавилонии, Каштилиаша IV. Принято считать, что литературным образцом для него мог служить сохранившийся лишь фрагментарно «Эпос об Адад-Нерари I», посвященный деду Тукульти-Нинурты I. Кроме того, известна историческая «поэма» об ассирийском царе Тиглатпаласаре I, правившем в конце XII — начале XI в. до н.э.⁴³. Это произведение повествует о военном походе царя в область Муцру. Хронологически более близок «Песни о Зимри-Лиме» недавно опубликованный «Эпос о Гулькишаре»⁴⁴, памятник поздне-старовавилонского или ранне-среднеавилонского происхождения. Он посвящен военной кампании царя I династии Приморья Гулькишара против царя Вавилона Самсудитаны. Известен также небольшой фрагмент когда-то значительного по объему произведения «Деяния Хаммурапи»⁴⁵, в котором содержится описание захвата царем Вавилона царства Мари. Кроме того, жанр бытовал и при дворе новоассирийских правителей: опубликованы, например, отрывки таких памятников, как «Эпос о Саргоне II», «Эпос об Ашшурбанапале» и «Завоевание Урарту Салманасаром III»⁴⁶. Наконец, стоит упомянуть группу фрагментарно сохранившихся текстов из Вавилонии второй половины I тыс., которые

³⁸ Wasserman 2018.

³⁹ Klein 1981, 50–123. Еще несколько из гимнов Шульги также относят к типу *Königsepos*, см., например, классификацию гимнов Шульги в Lämmerhirt 2012, 1.

⁴⁰ Wasserman 2015, 52. В качестве примера подобной жанровой подвижности здесь рассматривается надпись Ипик-Иштара, царя Мальгиума (RIME 4.11.1).

⁴¹ В качестве одной из характерных черт, которую разделяют многие памятники этого жанра, можно упомянуть использование в тексте прямой речи: частотны, например, «цитирования» обращений царя к своему войску.

⁴² Machinist 1978, см. также Machinist 1976. По подсчетам Машиниста, «Эпос о Тукульти-Нинурте I» должен был состоять в изначальном виде по меньшей мере из 750 строк.

⁴³ Hurowitz, Goodnick Westenholz 1990. Примечательность этого текста, среди прочего, заключается в том, что описываемые в нем события хорошо засвидетельствованы в анналах и царских надписях Тиглатпаласара. Заметим, что сами издатели приходят к определению произведения как исторического царского гимна (*ibid.*, 40–44, там же см. о близких ассирийских текстах). Это решение отчасти обусловлено небольшим размером текста.

⁴⁴ Zomer 2019, 3–37.

⁴⁵ Rutz, Michalowski 2016.

⁴⁶ Livingstone 1989, 44–53.

получили более или менее условные названия «Эпос о Куригальзу I», «Эпос о Адад-шума-ушуре», «Эпос о Набополасаре» и др.⁴⁷

За исключением «Эпоса о Тукулти-Нинурте I», все перечисленные выше сочинения, как и «Песнь о Зимри-Лиме», известны только в одной копии — они были составлены в связи с конкретными историческими событиями и, вероятно, утратили свое значение вместе с ними⁴⁸.

Особняком в ряду аккадских поэтических сочинений о правителях стоят так называемые легенды о царях Староаккадской династии⁴⁹. Часть произведений этого корпуса, в жанровом отношении также разнородного, существовала на протяжении длительного времени в разных версиях и рецензиях. Для сопоставления с «Песнью о Зимри-Лиме» существенны средства изображения правителя и его деяний в этих текстах, в целом к придворной поэзии не относящиеся и не чуждые фольклорных элементов.

Название «Песнь о Зимри-Лиме» выбрано нами как наиболее близко отражающее жанровую природу публикуемого текста, которую, в конечном счете, можно определить как раннюю форму малого эпоса⁵⁰.

Поэма написана на гимно-эпической разновидности старовавилонского диалекта аккадского языка⁵¹. Грамматика произведения в целом следует правилам этого идиома⁵², однако имеет и уникальные особенности неясного происхождения: сохранение мимации в аккузативе перед местоименными суффиксами, с ассимиляцией; гениитивный местоименный суффикс 3 л. ед.ч.ж. р. *-šī*⁵³. В лексике поэмы преобладают прозаизмы, однако нередки и поэтические термины, характерные для гимно-эпического идиома. Наконец, в произведении обнаруживается и некоторое количество ранее неизвестных в аккадском слов (каждое из них отдельно обсуждается в нашем комментарии). Большинство из них происходит от хорошо известных корней и образовано по прозрачным моделям: *dannum* 'твердыня' (I, 36), *dīrum* 'вечность' (I, 2), *enēnum* 'жалость' (III, 2), *šiwītum* 'жар' (III, 20), *tanpīhum* 'разгоряченный' (I, 32), *zērtum* 'ненависть' (IV, 4). Некоторые формы, однако, представляют ранее неизвестные или ненадежно идентифицированные в аккадском глагольные корни: например, *š-b-*² 'быть громким' (I, 16 и 27), *š-w-r* 'неистовствовать' (III, 22). Возможно, «новые» слова содержатся и в некоторых строках поэмы, пока не поддающихся надежной интерпретации (I, 8, 10, 17, II, 41–42, III, 4, 10–11, 49).

⁴⁷ Grayson 1975, 45–108. Плохая сохранность большинства опубликованных в этой работе текстов мешает их точной жанровой идентификации.

⁴⁸ Необходимо также отдельно отметить существование особой группы литературных текстов царского круга, связанных с правителем II династии Исина Навуходоносора I (конец XII в. до н.э.). Центральным событием его правления в этих произведениях, сохранившихся зачастую во множестве списков из вавилонских и ассирийских библиотек I тыс. до н.э., стала война с эламитами и возвращение из Элама вавилонской статуи бога Мардука. Обзор корпуса см. в Nielsen 2018, 62–75.

⁴⁹ Goodnick Westenholz 1997. Все тексты посвящены двум староаккадским царям — Саргону Аккадскому и Нарам-Сину (XXIV–XXIII вв. до н.э.).

⁵⁰ Для сравнения см., например, определение исторической песни на русском фольклорном материале в Zueva, Fraenova 2008, 123.

⁵¹ О языке «Песни» см. Guichard 2014a, 84–88. Из сравнительно редких гимно-эпических черт следует отметить суффикс *-uš* (в форме *zikruš* 'по велению', III, 31, 33), близкий по значению обычному локативно-терминативному показателю *-iš*. Суффикс *-uš* встречается также в аккадской антропонимике конца III тыс. до н.э. и в младовавилонских текстах (Lambert 2013, 40).

⁵² Как и во многих других литературных произведениях, грамматические черты, специфичные для гимно-эпического стиля, перемежаются с чертами, обычными для прозаического старовавилонского. В случае с «Песнью» орфография отражает также фонологические особенности, характерные для Мари и Верхней Месопотамии, например стяжение *ia>ē* или появление *k* вместо *h* в глаголе *esēhum* (III, 10).

⁵³ Например, форма *dunnašši* (**dunnam*+*šī*) 'ее силу' (стк. I, 39) сочетает в себя обе эти черты.

Наряду с использованием гимно-эпического идиома, «Песнь о Зимри-Лиме» характеризуется рядом черт, которые позволяют определить ее как поэтическое произведение. Несмотря на то что аккадская метрическая система остается в значительной степени непонятой, можно предполагать, что большая часть стихов в «Песни о Зимри-Лиме» представляют собой трех- или четырехударные тонические стихи⁵⁴, причем для четырехударных стихов постулируется цезура, делящая стих пополам. Строка «Песни о Зимри-Лиме» соответствует поэтическому стиху, который может содержать в себе от двух до пяти слов⁵⁵. Каждый стих синтаксически самостоятелен, может содержать одно, реже два законченных предложения. В отдельных случаях развернутые предложения распространяются на несколько стихов, образуя своего рода строфы — двустишия, терцеты и четверостишия. Примечателен появляющийся в стк. I, 22–23 синтаксический перенос («Страна разграбила его богатство // Чистое золото, в городе Бисане»).

В тексте «Песни о Зимри-Лиме» последовательно соблюдается так называемая *clausula accadica* — принцип использования в конце стиха трохеического окончания⁵⁶. Исключения из этого правила немногочисленны: см. стк. I, 5: *šimê* ‘внемлите’; I, 42: *etellêr* ‘ты — повелитель’ (если верна интерпретация, предложенная нами в комментарии); III, 17 *iterrubā* ‘вступайте’; III, 39: *Habūr* ‘Хабур’; IV, 9: *Dagān* ‘Даган’. Два из пяти исключений представляют собой, как видно, имена собственные, которые в аккадских поэтических текстах часто нарушают просодические правила⁵⁷. Спорадически появляется в тексте «Песни о Зимри-Лиме» и аллитерация, см., например, в стк. I, 16: *šarram šābēm ušarbi-ma* ‘Царя громогласного он возвысил’.

Отдельно стоит упомянуть использование в «Песни о Зимри-Лиме» приема параллелизма (в первую очередь, синтаксического и лексического). В отношениях параллелизма могут состоять как полустииши одного стиха (ср., например, стк. I, 35; III, 14), так и два соположенных стиха, которые образуют, в частности, благодаря использованию параллелизма еще одну единицу текстового членения — «куплеты» (ср., например, стк. II, 14–15; II, 20–21). Кроме того, в «Песни о Зимри-Лиме» наблюдаются примеры использования дистантного параллелизма, в рамках которого структурно схожие элементы не соположены в тексте напрямую (ср., например, стк. I, 13, 15 || III, 31, 33). Близки к этому явлению и некоторые почти буквально повторяющиеся в разных частях текста фразы и конструкции: ср., например, «Земля испила крови героев» в стк. I, 25 и «Земля испила его крови» в стк. II, 16. В целом создается впечатление, что параллелизм применяется в «Песне о Зимри-Лиме» сравнительно обильно, но не систематически.

⁵⁴ Заметим, что подсчет иктов в стихах подразумевает некоторое «выравнивание». Так, в некоторых случаях предлоги считаются просодически зависимыми от следующего слова, а в других — несущими самостоятельное ударение (Guichard 2014a, 89, n. 125); так же обстоит дело с анализом просодической структуры членов генитивной конструкции в сопряженном состоянии (Guichard 2014a, 89, n. 127). В целом наше представление о метрической структуре «Песни о Зимри-Лиме» следует Гишару, который, в свою очередь, ссылается на комментарий Э. Джорджа о метрическом устройстве фрагмента старовавилонской версии «Эпоса о Гильгамеше», представленной Пенсильванской и Йельской табличками (George 2003, 162–165). Об аккадской метрике см. также West 1997 (с указанием литературы); Wasserman 2003, 159–162; Lambert 2012, 20–28; Jiménez 2017, 72–76.

⁵⁵ Обсуждаемое Гишаром (Guichard 2014a, 88) возможное выделение с помощью пробела между знаками акцентуационной структуры слова *dīnaššu* в строке I, 18 (*dī-na-/aš-šu*), по всей видимости, лучше объясняется визуально-эстетическими факторами: клинописные знаки на табличке распределены таким образом, чтобы последний знак всегда приходился на конец строки. Ср. обсуждение с аналогичными примерами из других аккадских литературных текстов в Hess 2015, 268–269.

⁵⁶ О *clausula accadica* см., например, Lambert 2013, 18–20; Jiménez 2017, 74–75.

⁵⁷ См. об этом Hecker 1974, 101–103.

Образный язык «Песни о Зимри-Лиме» богат сравнениями и метафорическими конструкциями. Особенный интерес вызывают многочисленные анималистические сравнения: некоторые из них уникальны в известном на сегодня корпусе аккадских литературных текстов.

Уже в стк. I, 1 Зимри-Лим называется «туром сраженья». Аккадское слово *rītim* обозначает дикого быка и появляется преимущественно в литературных текстах (CAD R 359). Лексема активно задействована в метафорических конструкциях и сравнительных оборотах, где ассоциирована с концептами ярости и неукротимой мощи⁵⁸. Также она выступает как частотный эпитет божеств (например, Шамаша и Энлиля). Как отмечает Гишар⁵⁹, эксплицитное сравнение правителя с диким быком встречается в Прологе Законов Хаммурапи⁶⁰ и надписи царя Мари Яхдун-Лима⁶¹, а также в «Эпосе о Гильгамеше»⁶². В тексте «Песни о Зимри-Лиме» это сравнение повторено в стк. I, 13 и I, 15 (акк. *rīm mātišu* 'тур своей страны', ср. наш комментарий к стк. I, 13). По удачному наблюдению Гишара, своего рода пару к эпитету «тур сраженья» (акк. *rīm tuqumtim*), как в стилистико-содержательном отношении, так и по созвучию, может составлять эпитет царя «леопард сражений» (акк. *nimru ananātīm*) в стк. II, 18; характерно, что в обоих случаях для обозначения битвы задействованы специфически литературные синонимы⁶³. Само по себе сравнение царя с леопардом не находит параллелей в месопотамской литературе. Примерно так же дело обстоит и со сравнением царя с козленком (акк. *lali'um*⁶⁴) в строке II, 9⁶⁵. За этим образом, по нашему мнению, может скрываться аллюзия на молодость царя. Впрочем, несколько иную перспективу задает пассаж из надписи Асархаддона, который приводит Гишар: «После (этого) мои братья ... замыслили злое, вблизи Ниневии они обнажили оружие — без богов стали они бодаться друг с другом, словно козлята!»⁶⁶ Несмотря на различную прагматику двух контекстов (хвалебная и пейоративная), можно думать, что козленок в обоих случаях ассоциируется с некоторым необдуманном буйством⁶⁷. Наконец, в стк. II, 2 Зимри-Лим сравнивается с эквидом-*perdum*, ценным и редким животным в Мари, см. подробнее наш комментарий к строке.

С животными в «Песни о Зимри-Лиме» может сравниваться не только правитель. В стк. III, 12–13 в развернутом образе, построенном на параллелизме двух стихов, воины Зимри-Лима, которые едят сырое мясо, сравниваются с диким ослом (акк. *sirrāmum*)⁶⁸, который поедает сухостой в степи. Здесь иллюстрируется, по всей видимости, неприязнительность и суровый быт армии в походе.

⁵⁸ Ср. Wasserman 2003, 155–156.

⁵⁹ Guichard 2014a, 26.

⁶⁰ *rīnum kadrum munakkib zā'irī* '(Я) — яростный тур, бодающий врагов' (CH iii 7–9).

⁶¹ *šarrum gašrum rīm šarrī* 'Могучий царь, тур (среди) царей' (RIME 4.6.8.2: 43).

⁶² Ср., например, в 81-й строке I таблицы канонической версии: *tultabši-ma rīma kadra ina Uruk supūri* 'Не ты ли создал буйного тура в Уруке-овчарне?' (George 2003, 542–543; перевод на русский язык по работе Kogan, Nurullin 2012b, 222). О некоторых других параллелях см. в Guichard 2014a, 26, ср. также *ibid.* 97–98.

⁶³ См. CAD T 481 и CAD A/2 111.

⁶⁴ О лексеме см. CAD L 51.

⁶⁵ Кроме параллели, рассматриваемой ниже, Мильо (Miglio 2017, 232, n. 21) предлагает сопоставить обсуждаемый пассаж из «Песни о Зимри-Лиме» с образами из аккадской «Песни о Бази» (George 2009, 1–15) и 8-й главы Книги пророка Даниила (Дан 8: 1–8). Если ветхозаветный образ и можно признать за косвенную и очень отдаленную параллель, то в «Песни о Бази» божество, ассоциирующееся со скотоводством, называется «бараном» (акк. *kazzum*; в переводе Джорджа «gam»).

⁶⁶ *arkānu aḥḥiya ... ikpuḍū lemuttu isseḥū-ma kakkē ina qereb Ninua balu ilānī ana epēš šarrūti itti aḥāmeš itakkipū lalā'is* (RINAP/4001 i: 41–44).

⁶⁷ Ср. Guichard 2014a, 44. Вообще говоря, не исключено, что и в надписи Асархаддона употребление лексемы *lalā'is* также намекает на «детскую неразумность» братьев царя.

⁶⁸ Об этом слове см. CAD S 318.

Примечательны и описания поля битвы. Представленный в стк. I, 25 (и затем повторенный в стк. II, 16) образ земли, «пьющей» кровь убитых воинов, находит несколько параллелей в аккадских литературных текстах⁶⁹. Ср., например, в формуле проклятия из Эпилога Законов Хаммурапи: «Иштар, госпожа сраженья и битвы ... пусть заставит пасть его героев, пусть она напоит землю их кровью!»⁷⁰ Сравнительно близкий топос задействован и в «Эпосе о Тукульти-Нинурте I»: «Вот день, когда кровь твоих людей польет пастбища и поля»⁷¹. Впрочем, представленная в этих пассажах образность формально может быть отделена от той, которая использована в «Песни о Зимри-Лиме», поскольку она включает в себя мотив «ирригации кровью»⁷², не проявленный, по крайней мере эксплицитно, в «Песни». Содержательным основанием для образа земли, пьющей кровь, здесь может быть скорее ассоциация земли и подземного мира⁷³. В этой связи ср. также близкий пассаж из канонической редакции «Эпоса об Этане»: «О земля, ты испила крови моих (жертвенных) агнцев!»⁷⁴

В строке II, 10 сообщается о «песчаных вихрях» (акк. *ašamšātum*), которые «обернулись навстречу» войску. Известно, что песчаные вихри поднимаются в Джазире летом⁷⁵, и, таким образом, этот пассаж содержит одновременно топографическое и хронологическое указания. Вообще «песчаные вихри» часто упоминаются в аккадских текстах⁷⁶, где они предстают как разрушительная сила, иногда ассоциирующаяся с гневом богов (в первую очередь, Адада). Из сохранившегося текста «Песни о Зимри-Лиме» формально непонятно, Впрочем, кто именно сталкивается с этими «песчаными вихрями» — войско Зимри-Лима или его противника, — однако параллели говорят в пользу второй из двух этих возможностей, ср., например, в надписи Тукульти-Нинурты I: «Я окружил их войска песчаными вихрями»⁷⁷.

Метафора «битва/убийство как жатва» задействована в стк. II, 14. В кратком виде эта поэтическая фигура спорадически появляется в месопотамских текстах в эпитафиях богов — например в старовавилонском гимне богу Папулегарре: «(Папулегарра) — пила сражений, кинжал битв, жнец сраженья, коса схватки»⁷⁸, — или в мифологической

⁶⁹ Ср. Guichard 2014a, 38.

⁷⁰ *Ištar belet tāhāzīm u qablim ... qarrādīšu lišamqit damišunu eršetam lišqi* (CH R xxvii 92–93, R xxviii 8–11).

⁷¹ *annū ūmu ša dam nišeka umakkaru namē qerbēti* (Machinist 1978, 108). Тот же топос (в частности, с использованием глагола *makārum*, ср. *ibid.*, 321) представлен и в оригинальной царской надписи Тукульти-Нинурты I: *damešunu ħurre u mušpalē lū umekker* ‘Я залил их кровью ямы и низины’ (RIMA 1.0.78.5: 43–44). Образ крови, стекающей в яму, появляется, по всей видимости, в разбитой стк. II, 17.

⁷² Основное значение глагола *makārum* — ‘орошать, поливать (поля)’, см. CAD M/1 125. Глагол *šaḡūm* ‘поить’ также используется как термин для ирригации, см. CAD Š/2 26. Яркую внешнюю параллель использования метафоры «битва как пашня» предоставляет текст «Слова о полку Игореве»: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломаы, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подь копыты костыми была посьяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли!»

⁷³ Слово *eršetum* ‘земля’ является нормальным обозначением для подземного мира, см. CAD E 310.

⁷⁴ *eršetum tašti dam asliya* (Novotny 2001, 136). Примеры других метафорических конструкций, связанных с описанием пролитой крови, см. в CAD D 77.

⁷⁵ Guichard 2014a, 44.

⁷⁶ См. CAD A/2411–413.

⁷⁷ *ummanā[tē]šunu sihir ašamšâte lū ušalme* (RIMA 1.0.78.1 ii: 18–19). Параллель указана Гишаром Guichard 2014a, 45. Ср., с другой стороны, использование схожего топоса в отстраненном описании битвы между Навуходоносором I и царем Элама Хултелудишем в тексте так называемого кудурру Шитти-Мардука: *innendū-ma šarrāni kilallān ippušū tāhazam ina birišunu innapiḫ išātu ina turbu’iṣunu na’duru pan šamši ašamšātu iššanuddā isār meḫū* ‘Встретились друг с другом цари, устроили битву. Вспыхнуло меж них пламя. От (поднятой) ими пыли затмился лик солнца. Кружатся вихри песчаные, бушует буря’ (Paulus 2014, 504, стк. 129–132).

⁷⁸ *šaššār tuqmātim patar qabli // ēšid tuquntim amandēn // tamḫārim* (BM 139964 v: 16’–18’, см. Streck, Wasserman 2008, 340). В интерпретации редкого аккадского слова *amandēnum* (см. CAD A/2 2) мы следуем переводу Штрека и Вассермана (Streck, Wasserman 2008, 344, ср. также *ibid.* 350).

поэме «Лугале»: «(Нинурта) — тот, кто скашивает шеи непослушных, как ячмень»⁷⁹. Предположение Гишара о том, что упоминание в «Песни о Зимри-Лиме» болотного тростника (акк. *appārum*)⁸⁰, который не используется в сельском хозяйстве, является скрытым указанием на локализацию описываемого сражения⁸¹, не представляется достаточно обоснованным. В действительности для аккадской литературы хорошо известен образ человека как тростника (акк. *qanîm*, *arum*), который может быть легко уничтожен⁸²; особенно яркие и многочисленные параллели обнаруживаются в «Эпосе об Эрре»⁸³. Вариант этого топоса в «Песни о Зимри-Лиме» передает одновременно идеи многочисленности армии противника и легкости, с которой Зимри-Лим расправляется с ней. Стк. II, 15, состоящая в отношениях параллелизма с предшествующей, содержит близкородственный образ, в рамках которого павшие войны противника сравниваются со срубленным тамариском (акк. *bînum*)⁸⁴.

Образ правителя в «Песни о Зимри-Лиме» представляется с использованием ряда популярных в месопотамской литературе топосов и мотивов. Так, риторический вопрос в стк. I, 33, по всей видимости, репрезентирует топос отсутствия у царя равного ему соперника, который представлен в текстах «царского круга» многочисленными вхождениями уже начиная с Раннединастического периода⁸⁵. В последующих строках (I, 34–37) введен мотив «открывания» правителем горных проходов, который также известен как по царским надписям, так и по эпическим произведениям. Так, Гишар указывает на бытование этого мотива в надписях Тиглат-Паласара I и «Легенде о Нарам-Сине и владыке Апишалья»⁸⁶. Сюда также относится место из I таблицы «Эпоса о Гильгамеше»: «В горах он открыл проходы»⁸⁷. В целом мотив принадлежит к широкой теме освоения правителем неизвестных и труднодоступных территорий, с помощью которых конструируется «героический» образ царя⁸⁸. Чрезвычайно интересен и нетипичен для месопотамской царской идеологии мотив равенства правителя со своими солдатами, который появляется в воодушевляющей речи Зимри-Лима в стк. II, 22–23. Равенство царя и воинов утверждается здесь на основании «физиологического» сходства обстоятельств их рождения; мотив находится в некотором противоречии с обычным месопотамским представлением о том, что боги определяют судьбу царя еще в материнской утробе⁸⁹.

Как уже отмечалось, одной из сквозных тем «Песни о Зимри-Лиме» является особая поддержка, которую оказывают Зимри-Лиму божества. Большую роль в тексте играют два бога, Адад и Даган, оба относятся к наиболее почитаемым членам пантеона Мари. На северо-западе Сиро-Месопотамии существовал целый ряд мест

⁷⁹ *kišād* (вар.: *kišādū*) *lā māgiri kīma êm iṣṣida* (вар.: *iṣṣidu*) (Seminaro 2002, 45). Гишар также указывает на пассаж из шумерского молитвенного гимна Син-иддинама к Уту, см. Brisch 2007, 158–159.

⁸⁰ CAD A/2 179.

⁸¹ «Bord de rivière ou zone marécageuse» (Guichard 2014a, 46).

⁸² Примеры см. в CAD A/2 200 и CAD Q 87. Ср. также трудные пассажи из «Старовавилонского диалога отца с сыном» (Foster, George 2020, 41, стк. 51–54) и канонической версии «Эпоса о Гильгамеше» (George 2003, 696, стк. 301). Анализ пассажа из «Эпоса о Гильгамеше» см. в работе Nurullin 2020, 552–559, там же рассматривается литературный образ человека как тростника.

⁸³ См. обсуждение в Streck 1999, 177.

⁸⁴ Основной распространенный на территории древней Месопотамии вид тамариска (*Tamarix aphylla*?) представлял собой не кустарник, а дерево высотой до 10 метров, см. Streck 2013.

⁸⁵ См., например, Kogan, Markina 2014, 238.

⁸⁶ Guichard 2014a, 40. Как видно из рассуждений Гишара, многозначность лексем *pušqum* ('трудность; теснина') и *petûm* ('открывать; разрешать') вызывает некоторую путаницу в интерпретации эпитетов и формульных конструкций, в которых они используются.

⁸⁷ *petû nērebēi ša ḥursāni* (George 2003, 540–541; перевод на русский язык по работе Kogan, Nurullin 2012a, 196).

⁸⁸ О развитии этой темы в царской идеологии новоассирийского периода см. Favaro 2007, 93–133.

⁸⁹ Об этой теме см., например, Stol 2000, 86–89.

поклонения богу-громовнику Ададу⁹⁰, однако его главным культовым центром был Халаб, столица государства Ямхад. В письме чиновника Нур-Сина к Зимри-Лиму, где цитируется прорицание Адада, особо подчеркивается роль этого божества как покровителя Зимри-Лима: «Я ли не Адад, владыка Калассу, что вырастил его (Зимри-Лима) на своем лоне»⁹¹, что вернул его на трон дома его отца?»⁹² В тексте первого столбца «Песни о Зимри-Лиме» с Ададом последовательно сравнивается сам Зимри-Лим: одни и те же описательные конструкции прилагаются и к божеству, и к правителю⁹³. В стк. I, 19 Адад изображен в роли судьи, приговор («суждение») которого предопределяет победу Зимри-Лима в битве. Этот образ связан с представлением о судилище богов, в котором Адад, наряду с Шамашем, имел главенствующее положение⁹⁴.

Повествование «Песни о Зимри-Лиме» заканчивается тем, что правитель посещает Терку⁹⁵, культовый центр бога Дагана — фактически главного божества из почитавшихся на Среднем Евфрате⁹⁶. Терка названа в тексте (IV, 9) «любимницей Дагана» (акк. *narāmat Dagan*) — как отмечает Гишар, этот эпитет встречается также в царской надписи Зимри-Лима (RIME 4.6.12.3: 13–14)⁹⁷. В стк. IV, 8 упоминается и главный храм Дагана в Терке — Экисикка (акк. *e-ki-si-iq-qa*)⁹⁸. Аккадское название восходит к шумерскому *Ē-ki-si-ga* ‘Храм—Молчаливое Место’⁹⁹. Самое раннее упоминание о нем

⁹⁰ Об этом божестве см. классическую монографию Schwemer 2001, о культе Адада в Мари см. *ibid.*, 282–304; Durand 2002. В Мари имя божества (< прасемитское **hadad* ‘гром’, см. Kogan 2011, 194 с указанием литературы) имело фонетический облик /(*H*)*addum*/, ср., например, написание в стк. III, 37 «Песни о Зимри-Лиме».

⁹¹ В этом пассаже представлен мотив воспитания правителя божеством; встречающаяся в литературе интерпретация, согласно которой речь идет о порождении правителя Ададом (ср. Green 2003, 58 с указанием литературы и дискуссию в Durand 2002, 136–137), крайне неубедительна — аккадское слово *paḥallum* не используется для обозначения тестисов (ср. CAD P 20), а для глагола *šurbūm* не характерно значение «производить, порождать» (ср. CAD R 48). Известно письмо, в котором Зимри-Лим просит царя Ямхада расположить свою статую в храме на лоне статуи Адада Халабского (FM 7 17).

⁹² *ul anāku Addu bel Kalassu ša ina birīt paḥallīya urabbūšu-ma ana kussi bīt abīšu uterrušu* (FM 7 39: 14–17). Ср. параллельный пассаж дальше в этом же письме: *Addu bēl Ḥalab ul anāku ša ina ṣuḥāīya urabbūka-ma ana kussi bīt abika uterruk[a]* ‘Не я ли Адад, владыка Халаба, что вырастил тебя у себя за пазухой, что вернул тебя на трон дома твоего отца?’ (FM 7 39: 50–51). О других указаниях на покровительство, оказываемое Ададом Зимри-Лиму, см. Schwemer 2001, 282–283.

⁹³ Ср., например: «царя громогласного» в стк. I, 16 || «Адад громогласный» в стк. I, 27; «(Адад) разломал копья вражь» в стк. I, 28 || «Зимри-Лим, ломающий копья вражь» в стк. I, 30; «На страны излил он яд свой» в стк. I, 29 || «На врагов его излил яд свой» в стк. I, 31.

⁹⁴ Руководящая роль Адада на судилище богов специфична для текстов гадательной традиции — ср., например, частотные титулы двух богов в старовавилонской молитве гадателя: *Samaš bēl dīnim Adad bēl ikribi u birī* ‘О Шамаш, владыка приговора! О Адад, владыка молитв и гаданий!’ (YOS 11 21: 11). О паре Шамаша и Адада см. Lambert 2007, 1–5.

⁹⁵ Об исторической интерпретации этого эпизода см. выше.

⁹⁶ Сам по себе мотив «благочестивого паломничества» правителя известен и по заключительным частям других произведений аккадского царского эпоса, например по «Эпосу об Адад-шума-уцуре», где, как и в «Песни о Зимри-Лиме», упоминается молитвенное обращение царя к божеству. Представлен он и в шумерской гимнографической традиции, см., в первую очередь, гимн «Шульги X» (Attinger 2022 с обзором предшествующих изданий).

⁹⁷ Лексема *narāmtum* ‘любимец’ (ж.р. *narāmtum*), часто используется в эпитетах городов, которые описывают отношения богов и их основных культовых центров, см. CAD N/1 343, 345.

⁹⁸ Подробнее о нем см. Feliu 2003, 95–114.

⁹⁹ Мы следуем переводу Э. Джорджа («House, Silent Place», см. George 1993, 110), с которым согласуется принятая интерпретация лексемы *si-ga* как прилагательного (Attinger 2021, 902). Л. Фелиу считает, что в этом названии содержится генитивное сочетание, и переводит его как «place of silence/calm» (Feliu 2003, 96), по всей видимости, исходя из аккадского перевода в надписи Шамши-Адада (см. следующее примечание). Нам кажется вполне вероятным, что перевод на аккадский был своего рода реинтерпретацией трудного шумерского сочетания: об этом косвенно свидетельствует посессивный суффикс *-šu* на слове *qūltum* ‘молчание’, референтом которого, вероятно, выступает Даган, и который не имеет эквивалента в шумерском названии.

обнаруживается в царской надписи Шамши-Адада I, где шумерское название сопровождается аккадским переводом: «Шамши-Адад, царь четырех сторон света, ставленник Энлиля, почитающий Дагана, строитель Экисикки, храма его молчания, храма Дагана в Терке»¹⁰⁰. Покровительство, оказываемое Даганом Зимри-Лиму, по всей видимости, описывается в стк. III, 31 и 33. В этом же месте (III, 34) упоминается бог Итур-Мер, который определен как «воитель» (акк. *uršānum*)¹⁰¹ и «опора» (акк. *tukultum*)¹⁰² Зимри-Лима. Центром почитания Итур-Мера был город Мари, в некоторых текстах он, по-видимому, исполняет роль божественного «представителя» региона в целом¹⁰³.

Особенный интерес представляет появление имени Нунамнир в стк. IV, 7. Вообще шумерское слово *nu-nam-nir* 'владычество' выступает в месопотамских текстах как одно из имен бога Энлиля¹⁰⁴, однако в «Песни о Зимри-Лиме» им, со всей очевидностью, обозначается Даган. Таким образом, в этом пассаже отражается религиозный синкретизм, в рамках которого отождествлялись верховное божество пантеона Среднего Евфрата и верховное божество культурно-престижного пантеона Вавилонии¹⁰⁵. Известен еще ряд пассажей из текстов из Мари эпохи Зимри-Лима, в которых стандартные эпитеты Энлиля прилагаются к Дагану; имена двух этих божеств часто соположены, в частности, в титулатуре правителя. В двуязычном тексте писцового прошения к Зимри-Лиму царь характеризуется как «царь справедливости, возлюбленный Нунамнира», однако в данном случае невозможно однозначно определить, какое из двух божеств скрывается под именем Нунамнира¹⁰⁶. В целом речь идет, по всей видимости, не о слиянии культа двух божеств, но, скорее, о своего рода последовательно проводимом теологическом сопоставлении. Как известно, синкретизм близкого типа хорошо засвидетельствован в эпоху правления Шамши-Адада I, когда с Энлилем отождествлялся верховный бог Ассирии, Ашшур¹⁰⁷.

Сам Энлиль также дважды упомянут в «Песни о Зимри-Лиме». Эпитет «первенец Энлиля» (акк. *bukur Illil*), появляющийся в стк. II, 12, относится либо к какому-то божеству, упомянутому в конце строки¹⁰⁸, либо к самому Зимри-Лиму. В рамках «стандартной» генеалогии божеств месопотамского пантеона «первенцем Энлиля» считался Нинурта¹⁰⁹. В целом, аккадская лексема *bukrum* 'первенец, отпрыск' часто появляется в описаниях генеалогических отношений божеств¹¹⁰, однако примечателен пассаж из «Эпоса о Тукульти-Нинурте I», где статус Тукульти-Нинурты сравнивается со статусом «первенца» Энлиля (то есть Нинурты?): «Энлиль вырастил его, как отец, родитель,

¹⁰⁰ *Samsī-Addu šar kiššātim šakin Enlil pāliḥ Dagan bāni É.KI.SI.GA bīt qūltišu bīt Dagan qereb Terqa* (RIMA 1.0.39.8: 1–9).

¹⁰¹ Об этом слове см. CAD U–W 250.

¹⁰² Об этом слове см. CAD T 461.

¹⁰³ См. Lambert 1985, 532–535, 538–539; Schwemer 2001, 203–204, 298–299; Durand 2008, 189–194.

¹⁰⁴ См. Cavigneaux, Krebernik 2001, 614.

¹⁰⁵ Подробнее о Дагане и Энлиле см. Feliu 2003, 162–164, 170–171; Schwemer 2006; Guichard 2014a, 127–128 с указанием литературы. Эксплицитное отождествление «аморейского» Дагана с «месопотамским» Энлилем обнаруживается в недавно опубликованном аморейско-аккадском списке богов, см. George, Krebernik 2022, 115.

¹⁰⁶ *lugal niġ-gi-na ki-āġ* ^dNun-nam-nir (текст A.1258⁺, см. Charpin 1992, 8). В аккадском тексте: *ana šar kinnāti narām* ^dNUN.NAM.NIR], с учетом результатов колляции в Guichard 1997, 79.

¹⁰⁷ Об этом см. Maul 2017, 342–346 с указанием литературы.

¹⁰⁸ Предположение Гишара о том, что «первенцем Энлиля» назван бог Лагамаль (Guichard 2014a, 16, 46), кажется недостаточно убедительным с точки зрения как палеографии, так и месопотамской теологии.

¹⁰⁹ См. Streck 1999, 513.

¹¹⁰ См. AHw 137. CAD B 310 придерживается гипотезы, согласно которой лексемы *bukrum* и *bukurtum*, в отличие от их семитских когнатов, имели общее значение «отпрыск» и не могли самостоятельно использоваться для обозначения «первенца». Критические возражения против этой гипотезы были высказаны П. Машинистом в комментарии к пассажиру из «Эпоса о Тукульти-Нинурте I», который мы здесь приводим, см. Machinist 1978, 202–207, ср. также Kogan 2014, 91.

вслед за¹¹¹ своим первенцем»¹¹². Мотив «богосыновства» царя, возможно, задействованный в «Песни о Зимри-Лиме», известен и по титулатуре некоторых других царей Старовавилонского периода¹¹³. В стк. I, 17 сообщается, что Зимри-Лим, после того как был возвышен Аном, сделал «врагов Энлиля» (акк. *nakrī Illil*) своими недругами. Этот мотив не встречает прямых параллелей в Месопотамии¹¹⁴. Как можно думать, Энлиль выступает здесь, в соответствии с вавилонскими представлениями, как глава пантеона божеств, метонимически его представляющий. «Врагами Энлиля», таким образом, называются совершающие преступления против всей совокупности богов — вероятно, с ними составил «Песни о Зимри-Лиме» отождествляет и противников Зимри-Лима.

Упоминание «веления Ана» в трудных для интерпретации стк. I, 13 и 15 (см. наш комментарий), связано с использованием в «Песни о Зимри-Лиме» хорошо известного в месопотамской литературной традиции мотива объяснения исторических событий вообще и деяний царя в частности «приказом» божества (в первую очередь, Ана или Энлиля). Он встречается уже в корпусе старошумерских царских надписей, ср., например, у Энметены, правителя Лагаша (XXIV в. до н.э.): «Энметена, правитель Лагаша, призванный по имени богом Нингирсу, по справедливому приказу Энлиля, по справедливому приказу Нингирсу, по справедливому приказу Нанше, построил эту пограничную насыпь от Тигра до (канала) Инун»¹¹⁵. Некоторые примеры использования этого мотива царями Старовавилонского периода собраны у Гишара¹¹⁶.

В стк. I, 26 по правую руку от Зимри-Лима «ступает» Аннунитум¹¹⁷, затем, в сходном описании в стк. III, 37–38, по левую и правую¹¹⁸ руку от царя появляются боги Адад и Эрра. Культовым центром богини Аннунитум на территории государства Мари был город Шехрум. Значимость этого божества для Зимри-Лима можно проиллюстрировать тем фактом, что уже в первые месяцы своего правления он посетил Шехрум для принесения жертвоприношений, кроме того, имя Аннунитум

¹¹¹ Ср. комментарий Машиниста о значении предлога *arki* в этом пассаже: «It means here “following after another” in the sense both of “following in the pattern of” and of “following in second rank”» (Machinist 1978, 206).

¹¹² *ušarbišu-ma Illil kīma abe ālide arki māre bukrēšu* (Machinist 1978, 68).

¹¹³ См., например, Seaux 1967, 159, 392.

¹¹⁴ В средне- и новоассирийских царских надписях враги Ассирии могут называться врагами (*nakrum, zā'irum*) бога Ашшур (см. примеры в CAD N/1 194, Z 14), однако в этих случаях речь идет скорее об иноказательном обозначении государства, чьим верховным богом был Ашшур. Согласно интерпретации Лэмберта, сочетание *mušallū ša šamši*, которое появляется в стк. 143 аккадского «Гимна Шамашу» вместе с упоминанием «разбойника» (акк. *muttaḥlilum*) и «вора» (акк. *šarrāqum*) в перечне людей, которые обращаются к богу Шамашу за заступничеством, нужно понимать как «враг бога Шамаша» (Lambert 1996, 134–135). Однако *mušallū* может также переводиться как «проситель» («petitioner» в CAD M/2 304, *sub muttaḥlilu*) < *s/sullūm* ‘молить, обращаться с просьбой’ (CAD S 366). В целом пассаж остается не до конца понятным. Представляется, тем не менее, что, даже если интерпретация Лэмберта верна, общий контекст пассажа сильно отличается от интересующего нас места в «Песни о Зимри-Лиме».

¹¹⁵ *en-me-te-na ensi₂ lagaš^{ki} mu pa₃-da⁴ Nin-ĝir₂-su-ka-ke₄ inim si-sa₂ En-lil₂-la₂-ta inim si-sa₂ Nin-ĝir₂-su-ka-ta inim si-sa₂ Našše-ta e-be₂ idigna-ta i₇-nun-še₃ e-AK* (RIME1.9.5.1: об. 1–11).

¹¹⁶ Guichard 2014a, 30–31.

¹¹⁷ Первые упоминания имени Аннунитум приходятся на тексты Староаккадского периода, где оно представляет собой эпитет Иштар, с помощью которого обозначается воинственная ипостась этой богини. В текстах Старовавилонского периода, в частности, в текстах из Мари, Аннунитум предстает как самостоятельное и чрезвычайно значимое божество, по-видимому, особенно почитавшееся амореями. Об этом божестве см. подробнее Gödecken 1973; Lambert 1989, 323–325; Selz 2000, 34–35. В Вавилонии в эту эпоху основным центром почитания Аннунитум был город Сиппар-Амнанум.

¹¹⁸ Вассерман отмечает стилистическую необычность перечисления «слева направо» (Wasserman 2015, 55).

фигурирует в датировочной формуле 1-го года правления Зимри-Лима¹¹⁹. Напротив, самостоятельный храмовый культ бога Эрры в Мари не засвидетельствован¹²⁰, определяющий его в «Песни о Зимри-Лиме» эпитет «грозный» (акк. *dāpinum*) в принципе может прилагаться к разным божествам¹²¹. В целом все три божества, сопровождающие Зимри-Лима в битве, имеют ярко выраженные военные коннотации.

Сам по себе образ божеств, участвующих в сражении, окружая царя с нескольких сторон (*vanguard motif*), многократно появляется в месопотамских эпических поэмах и царских надписях¹²². Принято считать, что на уровне реальных божеств, сопровождающих царя, могли соответствовать штандарты с божественными символами, которые во время битвы несли рядом с царем. Примечателен в этом отношении пассаж из поэмы «Нарам-Син и владыка Апишалья», где божества и штандарты упоминаются последовательно: «Бог страны (Нарам-Син) — идут с ним вместе // Спереди — Илаба, путеводитель¹²³, // Сзади — Забаба, рогами¹²⁴ острый, // Стяги Аннунитум¹²⁵ и Шилаббы, *два по два* // Справа и слева, рог к рогу»¹²⁶. В «Песни о Зимри-Лиме» со штандартом (и, косвенно, с божеством?) сравнивается и сам царь (III, 15, см. комментарий к строке).

ПЕРЕВОД

Столбец I

- ¹[Зимри-Л]има, тура сраженья, воспеть я желаю!
²[.....] хочу навеки прославить его имя!
³[Зимри-Лим]а, наследника Яхдун-Лима, первого среди ханеев,
⁴[Разрушающего] кре[пости] вражды,
⁵[.....]..... хочу превознести я — внемлите!
⁶[.....]..... *супостата*,
⁷Врагов своих [*победитель*],
⁸[.....] обнажающий копье,
⁹[Захватывающий] страну за страну,
¹⁰[Зимри]-Лим, обнажающий копье,
¹¹[Захватывающий] стр[ану] за страну.
¹²[...]... боги призвали его имя.
¹³Да очистится тур страны своей по велению Ана!
¹⁴Боги нарекли его Зимри-Лимом.
¹⁵Да очистится тур страны своей по велению Ана!
¹⁶Царя громогласного он возвысил,
¹⁷Врагов Энлиля *недругами* своими тот сделал.
¹⁸Между Хабуром и Евфратом,
¹⁹Там, где Адад свое суждение вынес,
²⁰Испустил он свой рев, гнездо его рассеял,

¹¹⁹ Charpin, Ziegler 2003, 178.

¹²⁰ См. Durand 2008, 232–233. Об Эрре в целом см., например, Roberts 1972, 21–29; Wiggerman 1999.

¹²¹ См. CAD D 104.

¹²² См. Hurowitz, Goodnick Westenholz 1990, 30–38 с указанием литературы. Образ известен и по ритуальным текстам, см., например, в тексте новоассирийского ритуала: *ana šumēliya šin ... ana imittiya šamaš* ‘По мою левую руку — Син, (...) по мою правую руку — Шамаш’ (BAM 4323: стк. 43).

¹²³ О редком глаголе *palālum* ‘идти впереди’ см. CAD P 50.

¹²⁴ Речь здесь (и далее) идет о «рогатой тиаре», божественном головном уборе.

¹²⁵ Упоминание Аннунитум в этом тексте связано с тем, что это божество в исторической памяти Месопотамии ассоциировалось с Нарам-Сином, который в царских надписях называет себя *mut* ‘INANNA-Annunītim ‘супруг Иштар-Аннунитум’ (RIME 2.1.4.1: ii 8’–9’). Об этом см. Gödecke 1973, 150–152.

¹²⁶ *il mātim illakū išīšu // immaḥra Ilaba pālil urḫim // iwṣarka Zababa e-da-<<ta>>-am qarnīn // šurin Annunīti u Šilabba killāl kilālāl // imittam u šuwēlam qarnam qarnam* (Goodnick Westenholz 1997, № 12: 3’–7’).

- ²¹ Дело его по четырем сторонам света развеял.
²² Страна разграбила его богатство —
²³ Чистое золото, в городе Бисане.
²⁴ Разрубил врага, словно узел на веревке,
²⁵ Земля испила крови героев.
²⁶ Одесную его ступает Аннунитум,
²⁷ Испустил свой рев Адад громогласный!
²⁸ Испустил он свой рев, разломал копыя вражи,
²⁹ На стра[ны] излил он яд свой.
³⁰ Зимри-Лим, ломающий копье вражье,
³¹ На врагов его излил яд свой.
³² Лоб горящий пыл битвы —
³³ Кто тот превыше тебя, [что] его потушит?
³⁴ Ты ведь отверз горную теснину,
³⁵ Зас[ов ее — ме]дь, створ ее — камень.
³⁶ Зимри-Лим, от]верзающий двери твердыни,
³⁷ З[асов их — мед]ь, створ их — камень.
³⁸ [.....] всей [.....]
³⁹ [.....] силу ее ты ослабил.
⁴⁰ [.....]
⁴¹ [.....] имя свое ты прославил.
⁴² [.....] ты — витязь!
⁴³ [.....] установил ты.

(Ок. 10 строк утрачено полностью.)

Столбец II

- ¹ Зимри-Ли[м]
² Подобно мулу [.....]
³ Пред отряда[ми]
⁴ Верхом на скакун[е]
⁵ Никто преградой ему [не станет!]
⁶ Враг растворился, как [.....]
⁷ Впредь беглец не [.....]
⁸ [.....]
⁹ Козленок убил [.....]!
¹⁰ Вихри песчаные на них обратились.
¹¹ Не испугался он идущего одесную.
¹² Первенец Энлиля [.....]
¹³ И подмога его [.....]
¹⁴ Словно тростник, он скосил его войско,
¹⁵ Словно тамариск, повалены герои.
¹⁶ Испила земля его крови,
¹⁷ [.....] в яму.
¹⁸ Зимри-Лим, леопард сражений,
¹⁹ Могучий, пленяющий *злodeев*, врагов [гу]бящий,
²⁰ Отверз он уста свои, молвит,
²¹ К молодцам своим слово держит:
²² «Вышли вы из утробы,
²³ И меня, как вас, мать породила!
²⁴ Завязалась битва [.....] пред нами,
²⁵ Четыре стороны света против вас ополчились!
²⁶ И страна [.....]
²⁷ Враг [.....]
²⁸ На битву [.....]».
²⁹ [.....] истинный [.....]
³⁰ Зимри-Лим, истинный [.....]

- ³¹Визиря своего наставил,
³²Старостам дал указания:
³³«Пусть мне приведут моих героев-ханеев,
³⁴Пусть предстанут пред моими очами сыны пастушьи —
³⁵С ополчением жителей Приевфратья
³⁶Поступлю я по вашему совету!»
³⁷Услышал речь его эту,
³⁸Обращается к нему Ашмад, предводитель:
³⁹«Отчего беспокоишься ты о субарее?
⁴⁰..... огонь твоей битвы!
⁴¹...[...] сень дерев леса,
⁴²Ствол[ы их ...]..... лезвие секиры.
⁴³Субарту рассе[яна], словно по пастбищам овцы,
⁴⁴[.....] дорожный паек воину назначен.
⁴⁵[О Зимри-Л]им, пусть увидят твою доблесть!
⁴⁶[.....] да прославит твое имя!»
⁴⁷[.....] предводителя, слуги его [слово],
⁴⁸[.....] жнецы на поле.

(3 строки содержат незначительные фрагменты текста, 2 строки утрачены полностью.)

Столбец III

- ¹Степь союзниками их заполн[ил],
²В панцирь одет, жалости не знает.
³Все, что преграждало ему путь, пало,
⁴Ослы перебиты, рассеяны,
⁵Порознь разбросаны герои,
⁶Поле замешано их кровью.
⁷Пока царь не достиг своей цели
⁸И не склонил к ногам своим Идамарац,
⁹Водой из мехов утоляет жажду.
¹⁰Назначен с воинами
¹¹..... его выступленье.
¹²Как в степи дикий осел сухостой поедает,
¹³Мужи его ели мясо.
¹⁴Храбрость они обрели, возросли их силы.
¹⁵Зимри-Лим, словно стяг, идет пред ними,
¹⁶Обернулся, немощного ободряет:
¹⁷«Крепитесь и в бой вступайте —
¹⁸Увидит враг вашу стойкость!»
¹⁹Огнем их плоть распалилась,
²⁰Нутро их жар познало.
²¹Облачены в кинжалы, клинки и копья,
²²[.....] бердыши ярятся.
²³[.....] степи,
²⁴[.....]... Иштар,
²⁵Когда [.....]...
²⁶Старшин [по берегам] реки назначил,
²⁷Не призванных с [.....]...
²⁸Быстро царю ответили [согласьем],
²⁹Распалилось битвами ...[.....]
³⁰В одиночку молодец в по[ход] не ходит.
³¹По веленью Дагана царь — владыка!
³²Превосходит рвением мужей своего рода.
³³По веленью Дагана Зимри-Лим — владыка!
³⁴Его опора — Итур-Мер, воитель,
³⁵Знак его от оракула увидел страны [своей] владыка,

- ³⁶Царь сердцу своему придал силы.
³⁷Ошуюю от него Адад ступает,
³⁸Эрра грозный от него одесную.
³⁹Снарядил он отряды на берегу Хабура,
⁴⁰В ночи переправился им навстречу.
⁴¹Призвал он гадателей, свершил очищение:
⁴²«Шамаш-герой мне ответил:
⁴³Сей же день врагов пленю я!
⁴⁴Молодцы мои, покажите рвенье [.....],
⁴⁵Думайте о врагах как [.....]!»
⁴⁶Герои его услышали *ре[ченье]*,
⁴⁷Словно сетью для птиц, [*врагов своих*] накрыли.
⁴⁸Что рассеялись [.....]
⁴⁹Кто пройти пытался[.....]
⁵⁰Зимри-Лим [.....]

(4 строки содержат незначительные фрагменты текста.)

Столбец IV

- ¹[.....] *разбил он*,
²[..... *про*]славил,
³[.....] страну наполнил.
⁴[Те, кто Зимри]-Лиму ответили враждою,
⁵[Н]е остались они в живых — погибли!
⁶[К]огда царь достиг своей цели,
⁷[П]редстал он пред Нунамниром,
⁸[В] Экисикке принес свою жертву!
⁹[П]осреди Терки, любимицы Дагана,
¹⁰Жизни, изобилия и силы
¹¹Испросил Зимри-Лим у Дагана!

КОММЕНТАРИЙ

Если не указано иное, наш перевод следует переводу издателя; обоснования для интерпретаций трудных мест, которые мы принимаем, см. в его комментарии. В то же время для издания Гишара характерно стремление предложить связный перевод даже в тех случаях, когда плохая сохранность строки делает сколько-либо надежную интерпретацию невозможной. В нашем переводе мы без специального комментария отклоняем восстановление Гишара, которые в той или иной степени противоречат нашим представлениям об аккадских грамматике, орфографии, лексике и/или не подкреплены параллелями. К таким случаям относятся I, 2, 5¹²⁷, 6¹²⁸, 38, 40, II, 6–9, 11–13, 17, 24, 26¹²⁹–30, 40, 44, 46–49, III 22–24, 27¹³⁰, 29, 44, 51. В наш перевод включены только те части этих строк, которые, на наш взгляд, читаются надежно.

Встречающиеся в тексте имена, названия и поэтические образы объясняются во введении выше. Отсылки к переводу и комментарию Гишара даются без указания страниц¹³¹.

I, 1. [*Зимри-Ли*]ма. — Начало первой строки «Песни о Зимри-Лиме» разбито (как и начало следующих одиннадцати строк), первый читаемый знак — IM. Предложенное

¹²⁷ Альтернативное восстановление, предлагаемое Мильо (Miglio 2017, 231), палеографически невозможно (см. уже комментарий Гишара).

¹²⁸ Ср. критическое замечание Вассермана (Wasserman 2015, 55).

¹²⁹ Ср. альтернативное толкование у Вассермана (Wasserman 2015, 55), которое построено, однако, на гипотетическом чтении знаков, которое предлагает Гишар.

¹³⁰ Альтернативный перевод Мильо (Miglio 2017, 233) основан на тех же малоубедительных восстановлениях.

¹³¹ Перевод: Guichard 2014a, 12–24; комментарий: *ibid.*, 25–68.

в издании восстановление в разбитом фрагменте имени главного героя текста, царя Зимри-Лима, представляется вполне надежным. Во-первых, как отмечает сам Гишар, разбитый отрезок по размерам точно соответствует пространству, занимаемому именем Зимри-Лима в других строках. Во-вторых, вопреки замечанию издателя, с имени правителя часто начинаются аккадские литературные произведения «царского круга»¹³².

I, 2. *Навеки.* — Акк. *a-na di-ri*. Гишар относит написание *di-ri* к более не засвидетельствованной лексеме *dūrum*, которую он считает «вариантом» слова *dūrum* ‘вечность’ (ср. также *dārum* с тем же значением)¹³³. Контекстуально эта интерпретация представляется вполне оправданной, однако причина, по которой автор произведения использовал редкое слово вместо обычных выражений *ana dār(i)*, *(ana) dāriš*, *ana dūr* и т.п. (CAD D 107, 113, 197) с таким значением, остается неясной.

I, 3. *Первого среди ханеев.* — Акк. *a-ša-re-ed ḥa-na*. Лексема *ašarēdum* ‘первый среди, выдающийся, исключительный’ часто появляется в эпитетах божеств и царей (см. CAD A/2416). В частности, может подчеркиваться исключительность царя среди правителей вообще или среди его братьев, сыновей предшествовавшего царя (потенциальных претендентов на престол). В «Песни о Зимри-Лиме» примечателен «национальный» аспект эпитета — подчеркивается первенство царя по сравнению с другими представителями его народа.

I, 8. *Обнажающий копье.* — Акк. *pé-ti-wu* ^{giš}ŠUKUR дословно означает ‘открывающий копье’. Традиционно глагол *petûm* ‘открывать’ (CAD P 340) применительно к оружию понимается как «обнажать, вынимать из ножен», однако Гишар в комментарии связывает это выражение с известным из текстов Мари ритуалом «открывания рта» (*pī pīn*) у ремесленных изделий, который выполнялся, в частности, при посвящении церемониального оружия. Позднее С. Нёгель привел убедительные аргументы в пользу традиционной интерпретации выражения¹³⁴.

I, 12. [...]... *боги призвали его имя.* — Акк. ^hŠU²-KU/LU-RI *ibbû ilū šumšu*. Конструкция *šitam nabûm* имеет в аккадских текстах два основных значения — ‘называть именем’ и ‘призывать имя’. Оба эти значения могут быть задействованы в схожих контекстах и, в случае с текстами «царского круга», обычно оказываются связаны с темой божественного избрания правителя, легитимацией его власти.

Гишар считает, что в этом предложении задействовано значение «называть именем, давать имя» («les dieux lui donnèrent son nom»). Это обусловлено прежде всего чтением, которое он предлагает для разбитого начального фрагмента: *[i]-‘ŠĀ’ šu-qu-ri* «dans le précieux ventre (maternel)». Таким образом, по мнению издателя, в обсуждаемой строке повествователь сообщает о том, что боги дали будущему правителю (Зимри-Лиму) его имя в материнской утробе, иллюстрируя, таким образом, изначальную избранность главного героя. В качестве параллелей для этого топоса Гишар приводит пассажи из молитвенного обращения к Зимри-Лиму и надписи царя Эшнунны Дадужи¹³⁵. Однако поскольку восстановление начала строки представляется

¹³² Ср., например, в «Староассирийской легенде о Саргоне»: *šarrum Šarru-kēn šar Akkede ribītim* ‘царь Саргон, царь Аккаде-столицы’ (Dercksen 2005, 108). С имени Саргона также начинаются два посвященных ему старовавилонских литературных текста (Goodnick Westenholz 1997, № 1: 1, № 2: 1). Несомненно, жанровая близость между «Песнью о Зимри-Лиме» и легендами о царях Староаккадского периода может допускаться лишь на уровне очень значительных обобщений. К сожалению, до нас не дошли первые строки более близких «Песни о Зимри-Лиме» в жанровом отношении сочинений, таких как «Эпос о Тукульти-Нинурте I» или «Эпос об Алад-Нерари I».

¹³³ Ср. редкое слово *nīrum* ‘свет’ (CAD N/2 265) при обычном *nūrum* (CAD N/2 347) с тем же значением, также для корня типа *Pw* (**nwr*).

¹³⁴ Noegel 2018.

¹³⁵ Ср. также пассаж из I таблицы канонической редакции «Эпоса о Гильгамеше»: *Gilgameš ultu ūm i²’aldu nabû šumšu* ‘С того дня как родился, Гильгамеш — его имя’ (George 2003, 540–541;

палеографически ненадежным и не подтверждается параллелями¹³⁶, мы отдаем предпочтение значению «призывать имя». Этот узус характерен для ситуаций, где описывается воцарение правителя, которое санкционируют и «провоцируют» божества, призывая его имя¹³⁷.

I, 13. *Да очистится тур страны своей по велению Ана.* — Акк. *zi-ik-ru^d a-nim li-te₉-li-il ri-im ma-ti-šu*. Фраза повторена ниже в стк. I, 15. Кроме того, как указывает Гишар, внутритекстовой параллелью следует считать два схожих предложения из стк. III, 31 и 33.

В издании сочетание *zikru Anim* понимается как генитивная конструкция («приказ Ана») в номинативе, являющаяся подлежащим¹³⁸. Однако при этом понимании остается неясной синтаксическая роль именной группы *rīm mātišu* «тур своей страны»¹³⁹. В этой связи нам кажется более оправданным понимать показатель *-u* как локативно-адвербиальный суффикс (а не как показатель номинатива) и переводить это сочетание «по приказу Ана»¹⁴⁰. При такой интерпретации подлежащим в предложении оказывается сочетание *rīm mātišu* «бык страны», референтом которого может быть только сам Зимри-Лим¹⁴¹. Весомым аргументом в пользу такого понимания нужно также считать грамматическое устройство параллельных предложений из третьей колонки «Песни о Зимри-Лиме» — употребление терминативного суффикса *-uṣ* на лексеме *zikrum* во фразах *šarrum zikruš Dagan etel-ma* «По велению Дагана царь — владыка!» (III, 31) и *Zimri-līm zikruš Dagan etel-ma* «По велению Дагана Зимри-Лим — владыка!» (III, 33) недвусмысленно указывает на то, что это слово имеет синтаксическую функцию обстоятельства. Приходится, однако, признать, что употребление двух разных форм в одном значении пока остается без объяснения.

Прекатив 3-го лица *li-te₉-li-il* формально может быть отнесен либо к породе Gt (*lītēlil*), либо к породе Dt (*lītēllil*) глагола *elēlum* «быть чистым» (CAD E 80)¹⁴². Первый вариант подразумевает рефлексивную интерпретацию («да очистится»), а второй — пассивную («да будет очищен»). Однако порода Gt у этого глагола более не засвидетельствована, тогда как порода Dt в аккадском свободно образуется от породы D, которая для этого глагола, напротив, прекрасно известна. Дополнительным аргументом в пользу породы Dt служит возможная связь с существительным *tēliltum* (см. ниже).

Как было показано, референтом сочетания *rīm mātišu* «тур страны» может быть только Зимри-Лим. О чем же тогда идет речь в этом предложении? На первом уровне интерпретации можно утверждать, что оно связано с представлением о ритуальной

перевод на русский язык по работе Kogan, Nurullin 2012a, 197). Впрочем, согласно комментарию Р. М. Нуруллина, в этой строке может специально подчеркиваться тот факт, что Гильгамешу с рождения были свойственны качества, связанные со значением его имени («Могучий предводитель» (?) — см. об этом. Nurullin 2012, Kogan, Nurullin 2012a, 225–227).

¹³⁶ В восстановлении сомневается и Вассерман (Wasserman 2015, 55). Кроме того, как отмечает уже Гишар, параллелизм со стк. I, 14, где начало строки занимает имя Зимри-Лима, заставляет предполагать, что за трудным фрагментом в начале строки может стоять какой-то титул или эпитет. Например, он указывает на сочетание *bēl šukurrim* «повелитель копья», однако сам же отвергает его, в первую очередь на палеографических основаниях.

¹³⁷ Ср также краткие наблюдения о специфических чертах этого мотива в Kogan, Nurullin 2012a, 225, прим. 134.

¹³⁸ Ср. перевод Гишара: «Qu'il soit sanctifié le dessein d'Anum, taureau de son pays!». Вассерман видит за написанием *li-te₉-li-il* форму *lītelelle* от глагола *utlēlūm* «превосходить» (Wasserman 2015, 55), однако это предполагает либо грамматическую ошибку, либо опisku писца, к тому же повторенную дважды, что не представляется нам вероятным.

¹³⁹ При понимании эпитета как относящегося к Зимри-Лиму; предложение Гишара относить эпитет к богу Ану не подтверждается параллелями.

¹⁴⁰ Это морфологическое разложение кратко обсуждается и отвергается Гишаром в комментарии.

¹⁴¹ Об этом же косвенно свидетельствует «парный» эпитет Зимри-Лима *etel mātišu* «витель своей страны» (III, 35) и сравнение Зимри-Лима с туром в стк. I, 1.

¹⁴² Гишар делает выбор в пользу породы Gt, однако допускает оба толкования.

чистоте как о необходимом для царя свойстве: повествователь как бы призывает к тому, чтобы царь очистился и, таким образом, соответствовал бы образу идеального правителя. На этом соображении построено и второе, более конкретное предположение: возможно, повествователь призывает царя к участию в очистительном ритуале. Хорошо известно, что жизнь правителя в разные эпохи месопотамской истории сопровождали разного рода ритуалы, призванные поддерживать и оберегать от «осквернения» подobaющую его сакральную фигуру чистоту. Среди такого рода ритуалов в текстах из Мари сохранились, в частности, упоминания о ритуале *tēliltum*. Лексема *tēliltum* (буквально ‘очищение’) образована по обычной модели от породы D глагола *elēlum*. Таким образом, гипотетически можно предполагать прямую связь между формами *lītelil* (пассив D-породы) и *tēliltum*, постулируя у первой формы коннотацию «участвовать в очистительном ритуале(-*tēliltum*)». О значении и функции ритуала *tēliltum* в старовавилонском Мари известно сравнительно мало¹⁴³. Как видно из текстов, для совершения этого ритуала были необходимы одежды, масло, благовония и жертвенные животные. Никаких ясных указаний на то, по какому поводу проводился этот ритуал, в текстах не содержится. В лексических списках лексема *tēliltum*, как можно думать, является генерическим обозначением очистительного ритуала (CAD T 328).

Наконец, как предполагает Гишар, параллелизм со стк. III, 31 и 33 (цитируются выше) может указывать на паронимасию или народную этимологию, связывающую форму *lītelil* и слово *etellum* ‘владыка’ (CAD E 381).

I, 14. *Боги нарекли его Зимри-Лимом.* — Акк. *zi-im-ri-li-im ib-bu-ú* DINGIR.MEŠ *šum-šu*, дословно ‘боги назвали его именем Зимри-Лим’. Несмотря на параллелизм со стк. I, 12 (см. комментарий выше), мы считаем, что выражение *šumam nabûm* употреблено здесь в другом значении, возможно, с намеренной игрой слов.

I, 16. *Царя громогласного.* — Акк. *LUGAL ša-bé-e-em*. Гишар понимает последовательность *ša-BI-e-em* как вариантную форму прилагательного *šūpûm* ‘блистательный’ (CAD Š/3 328). Однако такая интерпретация практически исключается по морфологическим основаниям: аккузатив от отглагольного прилагательного породы Š заканчивался бы на *-âm* (< *-*uam*), а не на *-êem*; гласная *a* в первом слоге также остается необъясненной — как и в случае с уникальной новоассирийской формой *šû-pu-tû* (вместо ожидаемой *šêpûtu*), на которую ссылается Гишар. По всей видимости, написание *ša-bé-e-em* относится к активному причастию породы G *šābûm* ‘громогласный’¹⁴⁴. Образ громогласного царя не встречается в других источниках, однако здесь он легко объясняется сравнением Зимри-Лима с богом-громовником Ададом (об этом см. комментарий в издании)¹⁴⁵.

Он возвысил. — Акк. *’û-ša-ar-bi-ma*. Гишар читает *’lu?’-ša-ar-bi-ma* «je veux exalter», однако отмечает, что сохранившаяся часть первого знака скорее соответствует *’û*. Мы выбираем второе чтение¹⁴⁶, так как оно предпочтительно в палеографическом отношении и дает не менее удовлетворительный смысл: в этом случае субъектом действия, как предлагает сам Гишар в порядке альтернативы, является упомянутый в предыдущей строке бог Ан.

I, 17. *Недругами своими тот сделал.* — Акк. *iš-ta-ka-an za-ri-šu*. Гишар переводит форму *za-ri-šu* как «ses (propres) ennemis» и нормализует ее как *zârîšu* (без комментария), что, видимо, должно отражать слово *zā’erum* ‘недруг’ (ср. стк. I, 6) или *zauyûrum* (то же значение)

¹⁴³ Новейший обзор об этом слове см. в Jacquet 2011, 64–65.

¹⁴⁴ О соответствующем глаголе см. Lambert 2013, 470. В словарях он ошибочно отождествлен с глаголом *šap/bûm* ‘быть густым(?), клубиться(?)’ (АНw. 1176, 1177; CAD Š/1 487).

¹⁴⁵ Схожую форму *ša-b/pu-ú* в стк. I, 27 (об Ададе) Гишар понимает именно как «tonnant» (‘громогласный’), однако исходит из того, что формы *ša-b/pé-e-em* и *ša-b/pu-ú* связаны лишь паронимастически.

¹⁴⁶ Так же у Мильо (Miglio 2017, 231).

со стяжением¹⁴⁷. Мы принимаем интерпретацию Гишара как хорошо соответствующую контексту; следует, однако, иметь в виду, что такое стяжение в обоих случаях было бы нерегулярным. В качестве альтернативы можно предложить эмендацию *za-<e>-ri-šu*.

Мы следуем переводу Гишара, в котором подлежащим этого предложения является Зимри-Лим, однако, как отмечает Гишар в комментарии, с той же степенью вероятности подлежащим может быть бог Ан. В таком случае следует переводить ‘недругами его он сделал’.

I, 19. *Там, где Адад свое суждение вынес.* — Акк. *i-na aš-ri ḫiškur i-di-nu di-na-aš-šu*. Как указывает Гишар, начало строки может быть прочитано со знаком ТАВ (*i-na tab-ri* ... вместо *i-na aš-ri*): на фотографии довольно ясно видны два горизонтальных клина. Однако, как отмечает сам издатель, ни одно из аккадских существительных, которое могло бы стоять за этим написанием, не дает удовлетворительного смысла в рассматриваемом контексте. По наблюдению Гишара, разделительная линия между стк. I, 18 и 19 заметно сдвинута (это отмечается и для еще некоторых строк первой колонки). Выбирая чтение *i-na aš-ri*, можно осторожно предположить, что писец, записывая текст на уже размеченную табличку, заметил, что разделительная линия сильно сдвинута вправо от начала строки, и попытался продлить ее к краю таблички с помощью вертикального клина над знаком AŠ.

Конструкция *dīnam diānum* имеет терминологическое значение ‘выносить судебное решение’, однако в тех случаях, когда субъектом глагольной формы является божество, она означает обычно ‘решать судьбу’ или ‘давать прорицание’ (примеры см. в CAD D 100–102)¹⁴⁸. В нашем случае следует предпочесть первое значение: речь идет о том, что победа Зимри-Лима, которая описывается в последующих строках, была предопределена решением («приговором») Адада.

I, 20. *Испустил он свой рев.* — Акк. *id-di ri-ig-ma-aš-šu*. Источником анафоры здесь может быть как Зимри-Лим, так и Адад. Гишар предполагает, что автор поэмы допустил двусмысленность намеренно.

Гнездо его. — Акк. *qī-in-na-šu*. Имеется в виду род враждебного правителя. Об этом переносном значении слова *qinnum* ‘гнездо’ см. CAD Q 258. Здесь и далее враг Зимри-Лима не называется ни по имени, ни иносказательно, но лишь обозначается местоименным суффиксом третьего лица. Лексема *qinnum* (в форме мн. ч. *qinnāni*) используется для обозначения врагов и в поэме о военной кампании Тиглатпаласара I¹⁴⁹.

I, 21. *Дело его.* — Акк. *ṭe4-et-šu*. Из множества значений аккадского слова *ṭēnum* (CAD T 85) мы выбрали одно из наиболее абстрактных. Гишар переводит слово как «volonté».

I, 24. Сравнение врага с разрубленным узлом необычно и вызывает в памяти легенду о Гордиевом узле (схожесть с которой, впрочем, этим образом исчерпывается). Гишар усматривает в этом выражении игру слов: акк. *kišrum* означает и ‘узел’, и ‘отряд’ (CAD K 436).

I, 29. *Яд свой.* — Акк. *i-ma-as-sū*. Слово *imtum* обозначает особую (обычно ядовитую) субстанцию, которую могут источать изо рта демоны, мифические существа, боги и ядовитые животные (см. CAD I–J 139). В пассаже из «Песни о Зимри-Лиме» речь очевидно идет о гневе, который проявляет Адад по отношению к противникам Зимри-Лима. Как предполагает Гишар, Адад в этой строке представляется в образе бури, причем изливаемый им «яд» падает с небес, как осадки. Мильо отмечает, что этимологически родственная аккадскому *imtum* древнееврейская лексема *ḥēmā* ‘жар; яд; ярость’ (HALOT 326) используется в Ветхом Завете в рамках сходной образности¹⁵⁰.

¹⁴⁷ CAD Z 14, 15.

¹⁴⁸ Все три значения конструкции *dīnam diānum* объединены в рамках религиозного представления о судилище богов, в рамках которого определяются судьбы людей и даются ответы на вопросы гадателей (см. введение).

¹⁴⁹ См. Hurowitz, Goodnick Westenholz 1990, 3, 7, 24.

¹⁵⁰ Miglio 2017, 232, n. 16.

Ассоциация дождя и слюны божества известна и по аккадским текстам, причем речь идет о дожде, который вызывает болезни¹⁵¹. Особый интерес представляют собой контексты, происходящие из новоассирийских царских надписей, в которых способностью выделять эту субстанцию наделяется царь, разгневанный на своих врагов¹⁵².

I, 32. *Лоб горящий* — Акк. *pu-tam ta-an-pí-ih-tam iZ-‘x’-[x]*. Гишар читает здесь *is-ri-[im]* «а incisé». Однако этот редкий глагол со значением ‘иссекать’ (CAD S 172) едва ли может употребляться по отношению к огню. По мнению Гишара, слово *tanpīḫum*, дословно ‘воспламенение’, ранее в аккадском не засвидетельствованное, образовано по продуктивной модели отглагольных существительных от глагола *napāḫum* в породе D со значением ‘разжигать, воспламенять’ (CAD N/1 268). Мы предлагаем, однако, понимать форму как ж.р. прилагательного *tanpīḫum* от того же корня, также ранее не засвидетельствованного, однако в синтаксическом отношении лучше подходящего к контексту, чем существительное. Эта редкая модель прилагательного представлена также словами *takdīru* ‘яростный’ (CAD T 70) и *takrišu* ‘хваткий?’ (CAD T 87).

I, 35. *Засов ее — медь, створ ее — камень*. — Акк. *ša sí-ik-k[u-ur-šu we-r]u-ú*^{gis}IG-sú NA₄. Гишар предполагает, что здесь и в стк. I, 37 (см. ниже) за логограммой ^{gis}IG (*daltum* ‘дверь’) следуют логограммы ZU и ZI.NA, и переводит эти сочетания соответственно «porte à panneaux» и «porte à treillage». Идея о присутствии подобных терминов в метафорическом описании неприступных гор представляется экстравагантной. Намного естественнее видеть в этих сочетаниях знаков написание местоименных суффиксов после дентального: ^{gis}IG-sú /dalassu/, ^{gis}IG-sí-na /dalassina/.

Восстановление *sí-ik-k[u-ur-šu we-r]u-ú* диктуется параллелизмом со второй частью строки: если створки сравниваются с камнем, то засовы — с медью. Гишар предлагает [*sí-ik-ku-ru ed-l]u-ú* «les verroux fermaient», однако во всех ясных случаях написание *plene* используется в произведении только для стяженных гласных.

I, 36. *Двери твердыни*. — Акк. ^{gis}IG.ḫi.A *dan-nim*. Мы принимаем точку зрения Гишара, согласно которой слово *dannum* представляет собой субстантивацию прилагательного *dannum* ‘твердый’ (CAD D 92). За пределами этого контекста существительное *dannum* не засвидетельствовано, однако ср. *dannatum* ‘твердыня’ (CAD D 87), образованное от того же прилагательного в женском роде.

I, 37. *Засов их — медь, створ их — камень*. — Акк. *ša [í-ik-ku-ur-ši-na we-ru]-‘ú’*^{gis}IG-sí-na NA₄. См. комментарий к параллельной стк. I, 35. Употребление слова *daltum* в соседних строках в двух разных значениях, «дверь» (как целое, стк. I, 36) и «створка (двери)», может показаться маловероятным¹⁵³, однако ср. похожий узус в произведении «Сошествие Иштар в Преисподнюю», стк. 17–18: «Разломаю я дверь, замок разобью, разломаю косяк, побросаю я створки»¹⁵⁴.

I, 39. *Ослабил*. — Акк. *tu-ra-am-mi*. Гишар переводит «tu as rétabli», однако сам же отмечает, что похожее значение глагола *ramûm* A (CAD R 128) встречается только в новоассирийском диалекте, а глагол *ramûm* B (CAD R 133), также со значениями ‘устанавливать’ и т.п., известен только в породах G, Š и N. Мы переводим глагольную форму в соответствии с базовым значением *ramûm* A¹⁵⁵.

I, 41. *Имя свое ты прославил*. — Акк. *tu-ša-aš-ki-in šum-ka*. Употребление каузативной породы Š в этом выражении вместо обычных G или Gt (CAD Š/1 143–144)

¹⁵¹ Stol 1993, 9, 12–14.

¹⁵² Ср., например, в надписи Саргона II: *sāpin Andia Zikirte ša gimir baḫūlātešunu asliš uṭabbiḫu-ma kullat nakirī isluḫu imat mūti* ‘(Саргон) — сокрушивший страны Андию (и) Зикирте, тот, кто забил все население их словно агнцев, (кто) всех врагов окропил смертным ядом’ (RINAP 2 43: 27).

¹⁵³ Об обоих значениях слова см. CAD D 52.

¹⁵⁴ *amaḫḫaš daltum sikkūru ašabbir amaḫḫaš sippu-ma ušabalkat dalātīm* (Lapinkivi 2010, 9). Русский перевод дается по Schileico 1981, 92.

¹⁵⁵ Так же у Вассермана (Wasserman 2015, 55).

труднообъяснимо и предстает специфической чертой произведения (ср. также стк. IV, 2 и наш комментарий к ней).

И, 42. Ты — владыка! — Акк. *ʿe-te-él-le-et*. Гишар переводит «*prééminente*», имея в виду статив 3 л. ед.ч.ж.р. (*etellet*), и предполагает, что речь идет об Иштар. Мы усматриваем здесь краткую форму 2 л. ед.ч.м.р. (*etellēt*), поскольку далее «владыкой» (*etellum*) называется Зимри-Лим (стк. III, 31, 33, 35).

II, 2. Подобно мулу. — Акк. *ki-ma pé-er-di-im*. Аккадское слово *perdum* обозначает какой-то вид непарнокопытного животного, возможно, разновидность мула (CAD P 394). Лексема представлена в первую очередь в староассирийских текстах и предположительно является заимствованием либо из одного из западносемитских языков, либо из какого-то несемитского языка, ставшего источником заимствования и для аккадского, и для западносемитских¹⁵⁶. Не исключено, что животное *perdum* попадало в Мари с ашшурскими купцами¹⁵⁷. Из староассирийских текстов видно, что этот эквид стоил дорого, считался престижным и, возможно, использовался в военных кампаниях¹⁵⁸. Признак, по которому сравниваются правитель и животное *perdum*, остается неясным из-за того, что вторая половина строки не сохранилась. В литературе неоднократно выдвигалось предположение о том, что Зимри-Лим испытывал особенный интерес к коневодству — это связывают с периодом его пребывания в государствах к западу от Мари до воцарения в Мари¹⁵⁹. Этот интерес можно считать косвенным объяснением появления в «Песни о Зимри-Лиме» уникального для аккадской традиции сравнения правителя с эквидом.

II, 4. Верхом на скакуне. — Акк. *ra-ki-ib ši-ḥa-mi-[im]*. Помимо «Песни о Зимри-Лиме», лексема *šihātum* известна сегодня только по письму из Мари, где речь идет о том, что царь Каркемиша отправляет животных этого вида в качестве дара Зимри-Лиму¹⁶⁰. Вероятнее всего, лексема *šihātum* обозначала какой-то вид непарнокопытного (возможно, половозрастную группу или разновидность лошади)¹⁶¹, не обитавшего на территории царства Мари и поэтому считавшегося здесь экзотическим и ценным.

Зимри-Лим в этой строке представлен в образе воинственного всадника, вероятно, скачущего перед построенным перед битвой войском (ср. комментарий Гишара). Вообще говоря, известно, что более подобающим средством передвижения для царя Мари в мирное время считался паланкин. Ср. знаменитый пассаж из письма Бахди-Лима, наместника провинции Мари, к Зимри-Лиму: «Ты, во-первых, царь ханеев, но во-вторых, царь аккадцев — пусть [мой господин] не ездит на лошадях, пусть он, чтобы почтить свою царственность, ездит в паланкине и на мулах»¹⁶².

¹⁵⁶ См. EDA I 604. Высказанные в этой работе сомнения относительно присутствия лексемы *perdum* в «Песни о Зимри-Лиме» представляются излишними. Сравнения правителя с животными в целом представляют собой характерный троп «Песни о Зимри-Лиме», а центральное место в образности начала II столбца занимают непарнокопытные животные (*perdum* в стк. II, 2, *šihātum* в стк. II, 4). Кроме того, пассаж из «Песни о Зимри-Лиме» представляет собой не единственное вхождение лексемы за пределами староассирийского корпуса: в двух текстах из Мари упоминается драгоценная посуда, предположительно, выполненная в форме «жеребенка» — *līd perdīm*, см. обсуждение в работе Guichard 2005, 282–283.

¹⁵⁷ Guichard 2005, 282–283.

¹⁵⁸ См. Veenhof 1989, 518–522. Ср. также наблюдения о том, что в Ветхом Завете и угаритских текстах мул, обозначаемый этимологически родственными аккадскому *perdum* лексемами, так же высоко оценивался и считался престижным животным: Veenhof 1989, 521, Guichard 2005, 283.

¹⁵⁹ См. литературу, указанную в Guichard 2014a, 42–43.

¹⁶⁰ Durand, Guichard 2012.

¹⁶¹ Этимология этой лексемы неясна. Дюран предлагает сравнение с арабским *ʿašḥamu* «белый, седой» (BK 1203), см. дискуссию в Durand, Guichard 2012, 11, n. 2.

¹⁶² *[išūššu] šar Ḥāna atta [u]š[ani]š šar Akkadim ata [bēl]i ina sīsī lā irakkab ina nūbalim u kūdanī-ma [b]ē[l]i lirkam-ma qaqqad šarrutīšu likabbīt* (ARM 6 76: 20–25). Наша интерпретация пассажа следует работе Arkhipov 2010.

II, 6. *Растворился*. — Акк. *it-ta-am-ḥa-aḥ*. Гишар читает *li-ta-am-ḥa-aḥ* «que l'ennemi se dissout», однако форма породы Ntn в контексте не ожидается; чтение первого, немного поврежденного, знака как ID также предпочтительнее с нашей точки зрения.

II, 7. *Впередь*. — Акк. *wa-ar-ku-um*. Гишар переводит «à l'arrière» (без комментария), однако для наречия *warkûm* известно только значение 'в будущем' (CAD A/2 290).

II, 9. *Козленок убил ...* — Акк. *la-li-wu-um i-du-uk ZA-ḫ'-[...]*. Гишар предполагает, что форма *la-li-wu-um* содержит локативно-адвербиальный показатель *-um* со сравнительным значением¹⁶³, однако это мало влияет на понимание строки и представляет-ся излишним усложнением. Идея Вассермана, согласно которой за написанием стоит слово *lulîmum* 'олень'¹⁶⁴, неприемлема с точки зрения аккадской фонологии. В конце строки Гишар читает *za-r[i-šu]* «[ses] ennemis» по аналогии со стк. I, 17, но ср. наш комментарий к ней.

II, 11. Имеется в виду бог чумы Эппа (ср. стк. III, 38).

II, 13. Здесь и далее местоименные суффиксы 3 л. ед.ч. снова относятся к не названному по имени врагу.

II, 22. *Вышли вы из утробы*. — Акк. *ša-as-sú-ru-um ib-ni-ku-nu-ti*, дословно 'утроба создала вас'.

II, 24. *Завязалась битва*. — Акк. *ša-ti ta-ḥa-zi*, дословно 'соткана битва'. Об этом выражении см. комментарий Гишара.

Пред нами. — Акк. *ra-ni-iš-ni*. Аналогичная форма *ra-ni-iš-ša* 'пред ней' засвидетельствована в одном из старовавилонских гимнов Иштар¹⁶⁵. Гишар предлагает *ra-ni iš-ni* «mon plan est changé», что не подтверждается контекстом.

II, 41. В начале строки Гишар читает *ḥu-ur-[ba-š]u* «une fraîcheur glaciale», однако восстановление редкого слова в трудном контексте следует признать в лучшем случае гипотетическим. Для идущей далее последовательности ZI-IL-LU мы сохраняем интерпретацию Гишара (*šil-il-lu* «l'ombre»), однако не исключено, что она представляет собой окончание слова, начало которого утрачено в лакуне.

II, 42. Гишар: *gu-šu-r[u-šu]-nu az-zi-im-ma la he-ru li-ša-an pa-ši-im* «Pour autant que leurs troncs n'ont pas été entamés par la lame de la hache». Такую интерпретацию последовательности AZ ZI IM MA LA HI RU (палеографически вполне надежной) трудно считать сколь-либо приемлемой как в лексическом, так и в грамматическом отношении, однако мы не можем предложить для нее никакого убедительного толкования.

III, 2. *Жалости не знает*. — Акк. *ik-ki-ib-šu e-né-nu*, дословно 'жалость — запрет для него'. Как отмечает Гишар, инфинитив породы G от глагольного корня *ʾnn* 'жалеть, милловать' ранее был известен только по лексическим спискам; в остальном корень представлен в аккадском только формами, производными от породы D (CAD E 162).

III, 3. Третья глагольная форма, *ub/p-b/pu-ú*, не поддается надежному объяснению и оставлена нами без перевода. Гишар интерпретирует ее как *urpû* «apparaissaient» от глагола *warûm* '(по)являться' (АНw. 1459), однако форма очевидно употреблена как однородный член с двумя другими сказуемыми, и последовательность «перебиты, рассеяны, явлены» представляется искусственной. В комментарии, со ссылкой на устное предложение Ж.-М. Дюрана, Гишар допускает также отнесение формы к глаголу *ebûm* 'быть толстым' (CAD E 16), но образ «лежат густым слоем» (у Гишара «ils forment une masse») противоречит употребленному перед этим «разбросаны» (*suppuḥū*). Вероятно, мы имеем дело с ранее неизвестным глаголом, этимологическая идентификация которого затруднена наличием двух слабых согласных и двусмысленностью знака BU (/bu/, /pu/).

¹⁶³ Guichard 2014a, 86.

¹⁶⁴ Wasserman 2015, 55.

¹⁶⁵ Groneberg 1997, 81 (стк. VII, 22).

III, 10. Последовательность KA LUM² MA IŠ ŠU UŠ в конце строки остается, на наш взгляд, непонятой. Гишар читает ее как *ka-lum-ma iš-šu-uš* «Il endurait vraiment tout», однако глагол *ašāšum* в действительности означает ‘волноваться’ (CAD A/2422), а слово *kalu-* ‘все’ в старовавилонском никогда так не пишется (и стояло бы в неверном падеже). Наконец, для /uš/ в поэме во всех ясных случаях используется только знак ÚŠ (II, 36, III 31, 33).

III, 11. Относительно надежной интерпретации в строке поддается только слово *wa-šú-šu* в конце, дословно означающее ‘его выход’. Предшествующие знаки Гишар читает как *ra-ab-bu ba'-ia-ru* и переводит строку «Grandioses étaient (aussi) les chasseurs en campagne avec lui». Однако знак перед IA, как отмечает сам Гишар, представляет собой MA, а не BA. Кроме того, слово *rabbû* ‘великий’ (в предикативной форме), скорее всего, писалось бы *plene*, как пишутся в произведении все без исключения формы со стяженными гласными в открытом последнем слоге (I, 5, 12, 14, III, 4, 5, 9, 10, 12, 14). Согласно устному замечанию Л.Е. Когана, более вероятно появление в этом контексте слова *rappum* ‘ярмо’ (CAD R 159), нередко употребляющегося в переносных значениях, связанных с властью, в текстах «царского круга», однако получающийся смысл также едва ли можно назвать удовлетворительным. То же можно сказать о возможном прочтении второго слова как *mauūārū* ‘плуги’ (CAD M/1120), хотя оно и позволяет обойтись без эмендации.

III, 15. *Словно стяг.* — Акк. *ki-ma šu-ri-nim*. Аккадское слово *šurinnum* (CAD Š/3344) обозначало переносной символ божества; такие символы, в частности, несли впереди войска (см. примеры в комментарии Гишара).

III, 20. *Жар.* — Акк. *ši-wi-tam*. Мы принимаем интерпретацию Гишара (см. его комментарий), который связывает слово с глагольным корнем *šw*² ‘жечь’ (CAD Š/1350). Ранее слово было известно только из заклинания YOS 11 5: 13, где оставалось непонятым (ср. CAD Š/3147).

III, 22. *Ярятся.* — Акк. *i-šu-ur-ru*. Гишар верно, на наш взгляд, связывает ранее неизвестный глагол *šârum* (*û*) с прилагательным *šêrum* ‘яростный, свирепый’ (CAD Š/2331). Мильо сравнивает слово с угаритским глаголом *šr* ‘to threaten, to trap, to besiege’¹⁶⁶. В качестве альтернативной этимологической параллели можно предположить арабское *īwr* ‘to become roused, excited, provoked (about anger)’ (Lane 364), ‘assaillir avec colère et impétuosité’ (BK 241).

III, 35. Подробному толкованию этой строки посвящена отдельная статья Гишара¹⁶⁷. Прорицатели регулярно участвовали в планировании военных кампаний в Мари¹⁶⁸.

III, 40. *Им навстречу.* — Акк. *a-na ra-ni-šu-ni*. Т.е. навстречу врагу (ср. наш комментарий к стк. I, 20 и II, 13). Гишар переводит «à leur tête», однако в таком случае ожидался бы предлог *ina*, а не *ana*.

III, 41. *Свершил очищение.* — Акк. *û-za-ak-ki*. Мильо переводит «mobilized (the troops)»¹⁶⁹. Глагол *zukkûm* действительно имеет значения такого рода¹⁷⁰, однако против этой интерпретации здесь говорит отсутствие прямого дополнения; кроме того, глагол хорошо засвидетельствован в контексте дивинации (см. комментарий Гишара).

III, 49. Последовательность ŠE DI IR в конце сохранившейся части строки не поддается толкованию. Гишар читает *še-di-ir* «fut dévié», связывая форму с глаголом

¹⁶⁶ Miglio 2017, 233. См. DUL 828 с этимологической дискуссией, указывающей на корень *šwr со значением типа «нападать».

¹⁶⁷ Guichard 2014b.

¹⁶⁸ Guichard 1999, 35–36.

¹⁶⁹ Miglio 2017, 234.

¹⁷⁰ См. CAD Z 31, а также дополнительный пример, который приводит Мильо (Miglio 2017, 234 n. 38).

šadārum ‘etwa schief werden, liegen’ (АНw. 1073), само существование которого, как признает издатель, находится под вопросом (не говоря уже о возникающих при этой интерпретации грамматических и семантических трудностях).

IV, 2. Прославил. — Акк. *’ú-ša-aš-ki-in*. Гишар предлагает нейтральный перевод «*II fit instaurer [...]*». В связи с тем, что глагол *šuškunum* используется в первой части текста (I, 41) в рамках конструкции *šumam šuškunum* ‘прославлять имя’, можно предполагать, что та же конструкция была задействована и здесь. Поскольку стк. IV, 1–3, вероятно, представляют собой краткое описание основных достижений Зимри-Лима, составляющее характерный элемент эпилога, вполне ожидаемо обнаружить здесь параллели с начальной, прославляющей, секцией произведения (ср. также III, 7 || IV, 6). Такого рода переключки между прологом (в I таблице канонической редакции) и эпилогом (в XI таблице канонической редакции) хорошо известна по «Эпосу о Гильгамеше»¹⁷¹.

IV, 4. Ответили враждою. — Акк. *i-pu-lu ze-er-tam*. Пассаж представляет собой первый известный пример употребления лексемы *zērtum* ‘ненависть, вражда’ в единственном числе, ранее она представлялась как *plurale tantum* — ср. CAD Z 88, там же см. примеры употребления конструкции *zērātīm/zērētīm apālum*.

IV, 6. Строка, очевидно, состоит в параллелизме со стк. III, 7 и наряду с предшествующими строками четвертой колонки призвана кратко суммировать описываемые в «Песни о Зимри-Лиме» события.

Литература / References

- Arkhipov, I. 2010: Les véhicules terrestres dans les textes de Mari. I. Le nūbalum. In: L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko (eds.), *Language in the Ancient Near East. Proceedings of the 53e Rencontre Assyriologique Internationale*. Vol. 1. Winona Lake, 405–420.
- Arkhipov, I. 2022: The Middle East after the Fall of Ur: from Assur to the Levant. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. II: *From the End of the Third Millennium BC to the Fall of Babylon*. Oxford, 310–407.
- Arkhipov, I.S., Loesov, S.V. 2009: [The Ritual of Ištar from Mari]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 3, 240–245.
- Архипов, И.С., Лёзов, С.В. Ритуал Иштар из Мари. *ВДИ* 3, 240–245.
- Attinger, P. 2021: *Glossaire sumérien—français principalement des textes littéraires paléobabyloniens*. Wiesbaden.
- Attinger, P. 2022: Sulgi X. *Altorientalische Forschungen* 49, 197–237.
- Brisch, N.M. 2007: *Tradition and the Poetics of Innovation: Sumerian Court Literature of the Larsa Dynasty (c. 2003–1763 BCE)*. Münster.
- Cavigneaux, A., Krebernik, M. 2001: Nunamnir. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* 9/7–8, 614.
- Charpin, D. 1992: Les malheurs d’un scribe, ou de l’inutilité du sumérien loin de Nippur. In: M. de J. Ellis (ed.), *Nippur at the Centennial. Papers Read at the 35e Rencontre Assyriologique Internationale*. Philadelphia, 7–27.
- Charpin, D. 1994: Une décollation mystérieuse. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 3, 51–52.
- Charpin, D. 2005–2006: Rev.: M. Streck. Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit. *Archiv für Orientforschung* 51, 282–292.
- Charpin, D., Ziegler, N. 2003: *Mari et le Proche-Orient à l’époque amorrite: essai d’histoire politique*. Paris.
- Dercksen, J.G. 2005: Adad is King! The Sargon Text from Kültepe (with an Appendix on MARV 4, 138 and 140). *Jaarbericht Ex Oriente Lux* 39, 107–129.
- Durand, J.-M. 2002: *Le Culte d’Addu d’Alep et l’affaire d’Alahtum*. Paris.
- Durand, J.-M. 2008: La religion amorrite en Syrie à l’époque des archives de Mari. In: G. del Olmo Lete (ed.), *Mythologie et Religion des Sémites Occidentaux*. Vol. I: *Ébla, Mari*. Leuven–Paris–Dudley, 161–703.

¹⁷¹ См., например, Kogan, Nurullin 2012a, 215.

- Durand, J.-M. 2009: *La nomenclature des habits et des textiles dans les textes de Mari*. (Archives royales de Mari, 30). Paris.
- Durand, J.-M., Guichard, M. 2012: Noms d'équidés dans les textes de Mari. *Semitica* 54, 9–18.
- Favaro, S. 2007: *Voyages et voyageurs à l'époque néo-assyrienne*. Helsinki.
- Feliu, L. 2003: *The God Dagan in Bronze Age Syria*. Leiden–Boston.
- Fleming, D.E. 2009: Kingship of City and Tribe Conjoined. In: J. Szuchman (ed.), *Nomads, Tribes and the State in the Ancient Near East: Cross-Disciplinary Perspectives*. Chicago, 227–240.
- Foster, B., George, A. 2020: An Old Babylonian Dialogue between a Father and his Son. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 110, 37–61.
- George, A. 1993: *House Most High. The Temples of Ancient Mesopotamia*. Winona Lake.
- George, A. 2003: *The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Vol. I. Oxford.
- George, A. 2009: *Babylonian Literary Texts in the Schøyen Collection*. Bethesda.
- George, A., Krebernik, M. 2022: Two Remarkable Vocabularies: Amorite-Akkadian Bilinguals! *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 116, 113–166.
- Gödeken, K.B. 1973: Bemerkungen zur Göttin Annunitum. *Ugarit-Forschungen* 5, 141–164.
- Goodnick Westenholz, J. 1997: *Legends of the Kings of Akkade: The Texts*. Winona Lake.
- Grayson, A.K. 1975: *Babylonian Historical-Literary Texts*. Toronto–Buffalo.
- Green, A.R.W. 2003: *The Storm-God in the Ancient Near East*. Winona Lake.
- Groneberg, B. 1997: *Lob der Ištar. Gebet und Ritual an die altbabylonische Venusgöttin*. Groningen.
- Guichard, M. 1997: Copie de la supplique bilingue suméro-akadienne «Les malheurs d'un scribe» (texte no. 6). In: D. Charpin, J.-M. Durand (eds.), *Florilegium Marianum III. Recueil d'études à la mémoire de Marie-Thérèse Barrelet*. Paris, 79–84.
- Guichard, M. 1999: Les aspects religieux de la guerre à Mari. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 93, 27–48.
- Guichard, M. 2005: *La Vaisselle de luxe des rois de Mari*. (Archives royales de Mari, 31). Paris.
- Guichard, M. 2014a: *L'épopée de Zimri-Lîm*. Paris.
- Guichard, M. 2014b: L'apparition d'un prophète anonyme dans un poème épique paléo-babylonien. In: J.-M. Durand, Th. Römer, M. Bürki (éd.), *Comment devient-on prophète? Actes du colloque organisé par le Collège de France, Paris, les 4–5 avril 2011*. Fribourg–Göttingen, 35–49.
- Hecker, K. 1974: *Untersuchungen zur akkadischen Epik*. Neukirchen–Vluyn.
- Heimpel, W. 2003: *Letters to the Kings of Mari*. Winona Lake.
- Hess, Ch.W. 2015: Songs of Clay: Materiality and Poetics in Early Akkadian Epic. In: P. Delnero, J. Lauinger (eds.), *Texts and Contexts: The Circulation and Transmission of Cuneiform Texts in Social Space*. Baltimore, 251–284.
- Hurowitz, V., Goodnick Westenholz, J. 1990: LKA 63: A Heroic Poem in Celebration of Tiglath-Pileser I's Musru-Qumanu Campaign. *Journal of Cuneiform Studies* 42, 1–49.
- Jacquet, A. 2011: *Florilegium Marianum XII. Documents relatifs aux dépenses pour le culte*. Paris.
- Jiménez, E. 2017: *The Babylonian Disputation Poems. With Editions of the Series of the Poplar, Palm and Vine, the Series of the Spider, and the Story of the Poor, Forlorn Wren*. Leiden–Boston.
- Klein, J. 1981: *Three Šulgi Hymns: Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur*. Ramat-Gan.
- Kogan, L. 2011: Proto-Semitic Lexicon. In: S. Weninger, G. Khan, M. Streck, J. Watson (eds.), *The Semitic Languages: An International Handbook*. Berlin–Boston, 179–258.
- Kogan, L. 2014: Les termes sémitiques de parenté dans les sources cunéiformes: l'apport de l'étymologie. In: L. Marti (ed.), *La famille dans le Proche-Orient ancien: réalités, symbolismes et images: Proceedings of the 55e Rencontre Assyriologique Internationale*. Winona Lake, 87–112.
- Kogan, L., Markina, E. 2014: [Akkadian Sources of the Sargonic (Old Akkadian) Dynasty. I. Inscriptions of Sargon of Akkad]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]* 3, 230–250.
- Коган, Л.Е., Маркина, Е.В. Аккадские источники Саргоновской (Староаккадской) династии. I. Надписи Саргона Аккадского. *ВДИ* 3, 230–250.
- Kogan, L., Nurullin, R. 2012a: [I.M. Dyakonov's Gilgamesh: An Attempt at Restoration]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]* 3, 191–232.
- Коган, Л.Е., Нуруллин, Р.М. Гильгамеш И.М. Дьяконова: попытка реставрации. *ВДИ* 3, 191–232.
- Kogan, L., Nurullin, R. 2012b: [I.M. Dyakonov's Gilgamesh: An Attempt at Restoration (Continued)]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]* 4, 220–263.

- Коган, Л.Е., Нуруллин, Р.М. Гильгамеш И.М. Дьяконова: попытка реставрации (продолжение). *ВДИ* 4, 220–263.
- Lambert, W. 1985: The Pantheon of Mari. *Mari: Annales de recherches interdisciplinaires* 4, 525–540.
- Lambert, W. 1989: A Babylonian Prayer to Anūna. H. Behrens, D. Loding, M. Roth (eds.), *DUMU-E₂-DUB-BA-A: Studies in Honor of Åke W. Sjöberg*, Philadelphia, 321–336.
- Lambert, W. 1996: *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake.
- Lambert, W. 2007: *Babylonian Oracle Questions*. Winona Lake.
- Lambert, W. 2013: *Babylonian Creation Myths*. Winona Lake.
- Lämmerhirt, K. 2012: *Die sumerische Königshymne Šulgi F.* Wiesbaden.
- Lapinkivi, P. 2010: *The Neo-Assyrian Myth of Istar's Descent and Resurrection*. Winona Lake.
- Livingstone, A. 1989: *Court Poetry and Literary Miscellanea*. (State Archives of Assyria, 3). Helsinki.
- Machinist, P. 1976: Literature as Politics: The Tukulti-Ninurta Epic and the Bible. *Catholic Biblical Quarterly* 38, 455–482.
- Machinist, P. 1978: *Epic of Tukulti-Ninurta I: A Study in Middle Assyrian Literature*. PhD thesis. New Haven (CT).
- Maul, S.M. 2017: Assyrian Religion. In: E. Frahm (ed.), *A Companion to Assyria*. Hoboken, 336–358.
- Miglio, A. 2017: Epic of Zimri-Lim. In: K. Lawson Younger (ed.), *The Context of Scripture*. Vol. IV. Leiden, 231–234.
- Nashef, Kh. 1982: *Die Orts- und Gewässernamen der mittelbabylonischen und mittelasyrischen Zeit*. Wiesbaden.
- Nielsen, J.P. 2018: *The Reign of Nebuchadnezzar I in History and Historical Memory*. London–New York.
- Noegel, S. 2018: ‘To Open a Lance’ in the Epic of Zimri-Lim. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 3, 117–118.
- Novotny, J.R. 2001: *The Standard Babylonian Etana Epos*. Helsinki.
- Nurullin, R.M. 2012: The Name of Gilgameš in the Light of Line 47 of the First Tablet of the Standard Babylonian Gilgameš Epic. *Babel und Bibel* 6, 209–224.
- Nurullin, R.M. 2020: On Birth, Death and Gods in the Epic of Gilgamesh. In: I. Arkhipov, L. Kogan, N. Koslova (eds.), *The Third Millenium. Studies in Early Mesopotamia and Syria in Honor of Walter Sommerfeld and Manfred Krebernik*. Leiden–Boston, 546–568.
- Paulus, S. 2014: *Die babylonischen Kudurru-Inschriften von der kassitischen bis zur frühneubabylonischen Zeit: untersucht unter besonderer Berücksichtigung gesellschafts- und rechtshistorischer Fragestellungen*. Münster.
- Roberts, J.J. 1972: *The Earliest Semitic Pantheon: A Study of the Semitic Deities Attested in Mesopotamia before Ur III*. Baltimore–London.
- Rutz, M., Michalowski, P. 2016: The Flooding of Ešnunna, the Fall of Mari: Hammurabi's Deeds in Babylonian Literature and History. *Journal of Cuneiform Studies* 68, 15–43.
- Sasson, J.M. 2015: *From the Mari Archives: An Anthology of Old Babylonian Letters*. Winona Lake.
- Schileiko, V.K., 1981: [“To the Land of No Return”. Ištar's Descent to the Netherworld]. In: I.M. Diakonoff, V.K. Afanasieva (eds.), *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo...: Literatura drevney Mesopotamii* [“I Shall Reveal to You a Word That is Hidden...”: Literature of Ancient Mesopotamia]. Moscow, 92–97.
- Шилейко, В.К. «К стране безысходной...» Сошествие Иштар в Преисподнюю. В сб.: И.М. Дьяконов, В.К. Афанасьева (сост.), *Я открою тебе сокровенное слово...: Литература древней Месопотамии*. М., 92–97.
- Schwemer, D. 2001: *Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen*. Wiesbaden.
- Schwemer, D. 2006: Rev.: L. Feliu. The God Dagan in Bronze Age Syria. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 96, 270–273.
- Seaux, M.J., 1967: *Épithètes royales akkadiennes et sumériennes*. Paris.
- Selz, G. J. 2000: Five Divine Ladies: Fragments to Inana(k), Ištar, In(n)ina, Annunitum, and ‘Anat, and the Origin of the Title “Queen of Heaven”. *NIN, Journal for Gender Studies in Antiquity* 1, 29–62.
- Seminaro, S. 2002: *La versione accadica del Lugal-e: la tecnica babilonese della traduzione dal sumerico e le sue regole*. Rome.
- Stol, M. 1993: *Epilepsy in Babylonia*. Groningen.

- Stol, M. 2000: *Birth in Babylonia and the Bible: Its Mediterranean Setting*. Groningen.
- Streck, M.P. 1999: *Die Bildersprache der akkadischen Epik*. Münster.
- Streck, M.P. 2000: *Das amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit*. Bd. 1. Münster.
- Streck, M.P. 2013: Tamariske. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* 13/5–6, 428–431.
- Streck, M.P., Wasserman, N. 2008: The Old Babylonian Hymns to Papulegara. *Orientalia* 77, 335–358.
- Thureau-Dangin, F. 1925: Un hymne à Ištar. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 22, 169–177.
- Válek, F. 2022: *The Epic of Zimrī-Līm*. MA thesis. Prague.
- Veenhof, K.R. 1989: Status and Offices of an Anatolian Gentleman. Two Unpublished Letters of Huharimataku from kārum Kanish. In: K. Emre, M.J. Mellink, B. Hrouda (eds.), *Anatolia and the Ancient Near East. Studies in Honour of Tahsin Özgüç*. Ankara, 510–525.
- Wasserman, N. 2003: *Style and Form in Old-Babylonian Literary Texts*. Leiden–Boston.
- Wasserman, N. 2015: On the Author of the Epic of Zimrī-Līm and its Literary Context. *Archiv für Orientforschung* 53, 52–56.
- Wasserman, N. 2018: A Forgotten Hymn in Praise of Gungunum, King of Larsa: TIM 9, 41 and its Historical Context. In: M. Cogan (ed.), *In the Lands of Sumer and Akkad. New Studies. A Conference in Honor of Jacob Klein on the Occasion of His Eightieth Birthday*. Jerusalem 2018, xix–xliv.
- West, M.L. 1997: Akkadian Poetry: Metre and Performance. *Iraq* 59, 175–187.
- Wiggerman, F. 1999: Nergal. A. Philologisch. B. Archäologisch. *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* 9/3–4, 215–226.
- Wilcke, C. 1977: Die Anfänge der akkadischen Epen. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 67, 153–216.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les toponymes paléo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie*. Paris.
- Zomer, E. 2019: *Middle Babylonian Literary Texts from the Frau Professor Hilprecht Collection*, Jena. Wiesbaden.
- Zueva, T. V., Fraenova, E.M. 2008: [Historical Songs]. In: *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Vol. 12. Moscow, 123.
- Зуева Т.В., Фраёнова Е.М. 2008: Исторические песни. В кн.: *Большая российская энциклопедия*. Т. 12. М., 123.

Ilya S. Arkhipov,

Higher School of Economics University,
Moscow, Russia;
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia
E-mail: arkhipoff@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2743-8876

И.С. Архипов,

к. и. н., доцент
Национального исследовательского
университета Высшая школа экономики,
Москва, Россия;
сотрудник научной группы по проекту
«Мотивы и сюжеты древневосточных
письменных памятников в сравнительно-
исторической перспективе» Музея
антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Arseniy F. Uspensky,

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia
E-mail: usp91@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-0461-0716
Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 21-18-00232

А.Ф. Успенский,

сотрудник научной группы по проекту
«Мотивы и сюжеты древневосточных
письменных памятников в сравнительно-
исторической перспективе» Музея
антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	—	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
КБН	—	Струве, В.В. и др. (ред.), <i>Корпус боспорских надписей</i> . Москва—Ленинград, 1965
АНw.	—	Soden, W. von. <i>Akkadisches Handwörterbuch</i> . Wiesbaden, 1965–1981
ARM	—	<i>Archives Royales de Mari</i> . Paris, 1950—
BAM	—	Köcher, F. (Hrsg.), <i>Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen</i> . Berlin, 1963—
BK	—	de Biberstein Kazimirski, A. <i>Dictionnaire arabe—français</i> . Paris, 1860
BMC 13	—	Wroth, W., Poole, R.S. (eds.), <i>Catalogue of the Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus</i> . (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, XIII). London, 1889
BMC
Cappadocia	—	Wroth, W. (ed.), <i>Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadocia, and Syria</i> . (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum). London, 1899
CAD	—	<i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago</i> . Vol. 1–20. Chicago, 1956–2010
CH VIII	—	Wartenberg, U., Jessop Price, M., McGregor, K.A. (eds.), <i>Coin Hoards</i> . Vol. VIII. <i>Greek Hoards</i> . London, 1994
CIL	—	<i>Corpus inscriptionum latinarum</i> . Berolini
DUL	—	Del Olmo Lete, G., Sanmartín, J., <i>A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition</i> . 3 rd revised ed. Leiden—Boston, 2015
EDA	—	Kogan, L., Krebernik, M. (eds.), <i>Etymological Dictionary of Akkadian</i> . Berlin—Boston, 2020—
FM	—	<i>Florilegium Marianum</i> . Paris, 1992—
HALOT	—	Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J.J. <i>The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament</i> . Leiden, 1994–2000
I.Délos	—	Durrbach, F. (éd.), <i>Inscriptions de Délos</i> . Paris, 1926–1937
IGBulg	—	<i>Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae</i> . Sofia, 1956–1997
IGCH	—	Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, C.M. (eds.), <i>An Inventory of Greek Coin Hoards</i> . New York, 1973
ILS	—	Dessau, H., <i>Inscriptiones Latinae Selectae</i> . T. I–V. Berolini, 1892–1916
IOSPE I ²	—	Latyshev, B., <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini Graecae et Latinae</i> . Vol. I. Ed. 2. Petropoli, 1916
ISE	—	Moretti, L. (ed.), <i>Iscrizioni storiche ellenistiche</i> . Vol. I–II. Florence, 1967–1976
Lane	—	Lane, W., <i>An Arabic-English Lexicon</i> . London—Edinburgh, 1863–1893
LSyr.	—	Brockelmann, C. <i>Lexicon syriacum</i> . Halle, 1928
OGIS	—	Dittenberger, W., <i>Orientis Graeci inscriptiones selectae</i> . Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905
OLD	—	Glare, P.G.W. <i>Oxford Latin Dictionary</i> . Oxford, 1968–1982
RE	—	Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), <i>Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft</i> . Stuttgart, 1894–1980
RG	—	Waddington, W.H., Babelon, E., Reinach, T. (eds.), <i>Recueil général des monnaies grecques d'Asie mineure</i> , T. 1. Fasc. 2. Paris, 1908
RIMA	—	Grayson, A.K. <i>The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Assyrian Periods</i> . Vol. I–III. Toronto, 1987–1996

-
RIME	—	<i>The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods</i> . Vol. I–IV. Toronto–Buffalo–London, 1990–2008
RINAP	—	<i>The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period</i> . Winona Lake, 2011–
RRC	—	Crawford, M.H. <i>Roman Republican Coinage</i> . Cambridge, 1974
SC	—	Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O.D. (eds.), <i>Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue</i> . Pt. I–II. Lancaster–London, 2002–2008
SEG	—	<i>Supplementum epigraphicum Graecum</i> . Leiden–Boston
SNG Cop.	—	Schultz, S., Zahle, J. (eds.), <i>Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Supplement. Acquisitions 1942–1946</i> . Copenhagen, 2002
SNG vAulock	—	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor</i> . Vol. I–IV. New Jersey, 1987
TLL	—	<i>Thesaurus linguae latinae</i> . Lipsiae
YOS	—	<i>Yale Oriental Series. Babylonian Texts</i> . New Haven–London–Oxford, 1915–

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богданов И. В.</i> (Санкт-Петербург) — Аспекты теологической категории бессмертия в позднеегипетской религии	515
<i>Дедюлькин А. В.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Смирнов С. В.</i> (Москва) — Шлем Диодота Трифона: опыт нумизматического и археологического исследования	539
<i>Любимова О. В.</i> (Москва) — Политическая позиция Гая Атея Капитона, плебейского трибуна 55 г. до н.э.	556
<i>Криволапов Г. Л.</i> (Москва) — Цезарь, Каппадокия и Малая Армения.....	576
<i>Дурново М. В.</i> (Москва) — Самопродажа <i>ad actum gerendum</i> в классическом римском праве.....	593

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М. Г.</i> (Москва/Магнитогорск) — Клад тетрадрахм митридатовского времени из Херсонеса	606
<i>Иванчик А. И.</i> (Москва/Бордо, Франция) — Новая надпись с поселения Каменная батарея на Азиатском Боспоре.....	620

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Крол А. А., Малых С. Е., Костюкевич Ю. И.</i> (Москва) — Керамика из археологического комплекса Хор-Дауд (Египет) в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина: новые данные.....	632
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ладынин И. А.</i> (Москва) — Проблемы периодизации и принципы выделения этапов истории древности в отечественной науке XX–XXI вв. Часть 2.....	657
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Хрусталёв В. К.</i> (Санкт-Петербург / Псков) — А. М. Сморгчов. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний. Перевод с латинского, комментарии, вступительная статья и приложения. Москва, 2020.....	683
<i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — С. Baron (ed.). The Herodotus Encyclopedia. Vol. I–III. Hoboken (NJ), 2021	690
<i>Метель О. В.</i> (Омск) — Современный взгляд на «Советскую Древность», или размышления о монографии С. Г. Карпенко «Советская Древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы». Москва, 2021	700

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гвоздева Т. Б.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Эллинская агонистика — от античности до наших дней» (Москва, 4 июня 2022 г.)	707
<i>Антонец Е. В.</i> (Москва) — XXII colloquium Международного комитета по латинской палеографии (Прага, 14–16 сентября 2022 г.)	710
<i>Солопов А. И.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XV. Научные чтения, посвященные 100-летию юбилею профессора Азы Алибековны Тахо-Годи» (Москва, 9–10 декабря 2022 г.).....	715

PERSONALIA

К юбилею Владимира Дмитриевича Кузнецова	720
К 90-летию Григория Максимовича Бонгард-Левина	722

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песнь о Зимри-Лиме. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий <i>И. С. Архипова</i> и <i>А. Ф. Успенского</i> (Москва)	725
---	-----

CONTENTS

<i>I.V. Bogdanov</i> (Saint Petersburg) – Aspects of the Theological Category of Immortality in Egyptian Religion of the Ptolemaic and Roman Periods	515
<i>A.V. Dedyulkin</i> (Rostov-on-Don), <i>S.V. Smirnov</i> (Moscow) – The Helmet of Diodotus Tryphon: A Numismatic and Archaeological Study	539
<i>O.V. Liubimova</i> (Moscow) – Political Allegiance of Gaius Ateius Capito, Plebeian Tribune of 55 BC... ..	556
<i>G.L. Krivolapov</i> (Moscow) – Caesar, Cappadocia and Lesser Armenia.....	576
<i>M.V. Durnovo</i> (Moscow) – Self-sale <i>ad actum gerendum</i> in Classical Roman Law	593

PUBLICATIONS

<i>M.G. Abramzon</i> (Moscow/Magnitogorsk) – A Mithradatic Hoard of Tetradrachms from Tauric Chersonesus.....	606
<i>A.I. Ivantchik</i> (Moscow/Bordeaux, France) – A New Inscription from the Settlement of Kamennaya Batareika (Asiatic Bosphorus).....	620

IN WORLD MUSEUMS

<i>A.A. Krol</i> , <i>S.E. Malykh</i> , <i>Yu.I. Kostyukevich</i> (Moscow) – Ceramics from the Khor Daoud Archaeological Complex (Egypt) in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts: New Data.....	632
--	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>I.A. Ladynin</i> (Moscow) – Stages of Ancient History and the Criteria of Their Definition in Russian and Soviet Scholarship of the 20 th and 21 st Centuries. Part II.....	657
--	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V.K. Khrustalev</i> (Saint Petersburg / Pskov) – A. M. Smorchkov. Valerius Maximus. Nine Books of Memorable Deeds and Sayings. Translation, Introduction and Commentary. Moscow, 2020	683
<i>A.A. Sinitsyn</i> (Saint Petersburg), <i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – C. Baron (ed.). The Herodotus Encyclopedia. Vol. I–III. Hoboken (NJ), 2021	690
<i>O.V. Metel</i> (Omsk) – A Modern View on the “Soviet Antiquity”, or the Thoughts about the Book of S.G. Karpyuk “ <i>Soviet Antiquity</i> ”: <i>The History of Science and Society in 1930–1960s</i> . Moscow, 2021	700

NEWS AND EVENTS

<i>T.B. Gvozdeva</i> (Moscow) – All-Russian Academic Conference “Hellenic Agonistics – from the Antiquity to the Modern Days” (Moscow, June 4, 2022).....	707
<i>E.V. Antonets</i> (Moscow) – 22 nd Colloquium of the International Committee for Latin Paleography (Prague, September 14–16, 2022)	710
<i>A.I. Solopov</i> (Moscow) – All-Russian Academic Conference “Classics in the Context of World Culture – 15 th Academic Readings Dedicated to the 100 th Anniversary of Prof. Aza A. Takhodi” (Moscow, December 9–10, 2022).....	715

PERSONALIA

Anniversary of Vladimir D. Kuznetsov	720
On the Ninetieth Anniversary of Grigory M. Bongard-Levin	722

SUPPLEMENT

Epic of Zimri-Lim. Introduction, Translation from Akkadian and Commentary by <i>I.S. Arkhipov</i> and <i>A.F. Uspenskiy</i> (Moscow).....	725
---	-----